

Исключительное право перевода
сохраняется за авторомъ.

Е. Га
6

104 ЮЛІЙ ГЕССЕНЪ.

801-91
9954-9

1 карта

Не копировать

801-18
1418

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВЪ ВЪ РОССИИ.

(СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ И КАРТАМИ).

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIII-34347
ИРМЯНЦОВСКИЙ МУЗЕЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1914.

2014284318

Я хотѣлъ бы услышать—это правдивая книга. Если исторія не призвана быть учителемъ, она должна быть достовѣрнымъ рассказчикомъ, И у меня была единая цѣль—повѣдать правду о прошломъ. Я старался рассказать все то, чего требовалъ долгъ безпристрастія, рассказать такъ, какъ запечатлѣвались въ моемъ представленіи минувшіе дни.

Народная скорбь—это моя печаль; искреннее же братское чувство не можетъ требовать порабощенія сознанія, искаженія дѣйствительности.

Тяжело было писать эти страшныя сотни страницъ: преслѣдованія извнѣ, насилія извнутри, безконечныя страданія, непрерывная неравная борьба. Было такъ много пережито, что казалось: нѣтъ конца душевнымъ мукамъ, нѣтъ надежды на просвѣтъ... Но вѣра въ будущій счастливый день преодолевала отчаянье, бодрила упавшій духъ, освѣжала усталую мысль.

Отдавая читателю мой трудъ, я не могу умолчать о тѣхъ, кого считаю моими духовными учителями.

Рано умершій, много потрудившійся извѣстный ученый юристъ Илья Григорьевичъ Оршанскій, обладающій скуднымъ историческимъ матеріаломъ, сумѣлъ силою таланта и обаяніемъ своей благородной личности пробудить въ еврейской интеллигенціи интересъ къ нашему прошлому.

Съ глубокой признательностью слѣдуетъ воздать должное памяти профессора Сергѣя Александровича Бершадскаго, выросшаго въ священнической семьѣ,

проникнутой неприязнью къ евреямъ, и ставшаго другомъ еврейскаго народа, когда близко ознакомился съ его исторіей; неустанной энергіи Бершадскаго наша историографія обязана цѣнными приобрѣтеніями.

Важную роль сыграли въ развитіи самосознанія русскаго еврейства труды Семена Марковича Дубнова. Съ теплымъ чувствомъ вспоминаю о дружественной поддержкѣ, которую онъ оказалъ мнѣ при первыхъ моихъ работахъ.

Выражаю также товарищескую признательность изслѣдователямъ, трудами которыхъ я воспользовался въ моей книгѣ. Среди нихъ — Сергѣю Лазаревичу Цинбергу, всегда охотно оказывавшему мнѣ литературныя услуги.

Предвижу, что въ моей книгѣ найдутся ошибки, но все же выпускаю ее въ свѣтъ въ надеждѣ, что и при недочетахъ она принесетъ нѣкоторую пользу.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отношеніе московскаго государства къ иноземцамъ. — Раннія свѣдѣнія о евреяхъ. — Ересь жидовствующихъ. — Письменные сношенія вел. князя Іоанна III съ двумя крымскими евреями. — Евреи пользуются гостеприимствомъ въ Москвѣ. — Жестокое обращеніе царя Іоанна Грознаго съ плѣнными евреями. — Смутное время. — Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ. — Появленіе въ Москвѣ осѣдлаго еврейскаго населенія. — Въ концѣ 17-го вѣка отношеніе правительства къ евреямъ ухудшается. — Жертвы стрѣльческаго бунта. — Евреи въ Малороссіи и Смоленской губерніи. — Сожженіе Возницына, отпавшаго отъ христіанства, и Бороха, совратившаго его. — Попытки удалить евреевъ изъ Россіи. — Несоотвѣтствіе этой мѣры интересамъ мѣстнаго населенія. — Осуществленіе указа имп. Елизаветы объ изгнаніи евреевъ. — Стремленіе имп. Екатерины II водворить ихъ въ Россіи. — Сочувственное отношеніе населенія къ возвращенію евреевъ.

Московское государство жило замкнуто; охраняя православную вѣру, патріархальный бытъ народа отъ вліянія извнѣ, оно рѣдко отпускало русскихъ людей за рубежъ и неохотно принимало у себя иноземцевъ. Католики и лютеране почитались еретиками. Однако, при всей неприязни къ иноземцамъ, московскому правительству все же приходилось допускать ихъ къ себѣ, такъ какъ этого требовали торгово-промышленныя интересы страны. Тогда возникало новое препятствіе. Московскіе торговые люди въ заботѣ о своемъ заработкѣ выражали недовольство по поводу появленія этихъ конкурентовъ, и правительство принимало мѣры, чтобы по возможности оградить страну отъ пришельцевъ. Нерѣдко случалось, что ихъ просто изгоняли.

Иноземцы не могли рассчитывать на прочную осѣдность. Ихъ терпѣли только какъ гостей. Бывало, что отдѣльныя лица подолгу проживали въ странѣ, но такіе случаи составляли исключеніе изъ общаго правила. Иностранцы въ Мо-

сквѣ обязаны были жить въ особыхъ частяхъ города; они даже насильственно выдворялись за черту города. Русскимъ запрещалось посѣщать ихъ дома, ѣсть за ихъ столомъ.

Среди иноземцевъ прибывали въ Московское государство и евреи. Первое время евреи раздѣляли общую участь; только позже къ нимъ стали относиться болѣе недружелюбно, чѣмъ къ другимъ.

Быть-можетъ, русскіе уже въ первой половинѣ 15-го вѣка имѣли сношенія съ евреями; такое предположеніе можно вывести изъ лѣтописнаго сообщенія, что когда въ 1445 г. новгородцевъ поразили голодъ, иные отдали себя евреямъ.

Въ то время Новгородъ пользовался политической независимостью. Но вскорѣ великій князь московскій Іоаннъ III (княжилъ съ 1462 по 1505 г.) сталъ покушаться на его свободу. По просьбѣ нѣкоторыхъ новгородцевъ польскій король прислалъ къ нимъ князя Михаила Александровича или Олельковича, брата польскаго намѣстника въ Кіевѣ. Началась междоусобица. Противъ литовской партіи, представленной Олельковичемъ, выступили приверженцы московскаго князя, и они-то побѣдили. Впрочемъ, еще до того, что участь города была рѣшена, Олельковичъ покинулъ его, недолго пробывъ тамъ (1471 г.).

Въ свитѣ Олельковича находился „кіевскій еврей Схарія“, знавшій, какъ о немъ говорили, астрологію, чернокнижіе и всякія чародѣйства. Тогда же въ Новгородѣ появилось и нѣсколько другихъ евреевъ, съ торговыми цѣлями; Схарія же, быть-можетъ, выполнилъ какія-либо официальные порученія. Всѣ они оставались здѣсь короткое время, но память о нихъ сохранилась надолго. И это потому, что лѣтописецъ связалъ съ ними фактъ распространенія ереси жидовствующихъ, видными дѣятелями которой явились два новгородскихъ священника.

Извѣстныя группы русскихъ людей уже ранѣе находились подъ влияніемъ религіознаго броженія, но весьма возможно, что евреи, прибывшіе съ Схаріей въ Новгородъ, ознайомили нѣкоторыхъ изъ нихъ съ еврейскимъ вѣроученіемъ. Въ Новгородѣ завѣдываніе мѣрами и вѣсами находилось въ рукахъ духовенства, и евреи, по роду своей дѣятельности, должны были войти въ соприкосновеніе съ ду-

ховными особами. Бесѣда съ евреями могла произвести извѣстное впечатлѣніе на представителей ереси. Но вполне установлено, что евреи не приняли никакого участія въ развитіи этого религіознаго движенія, вслѣдъ затѣмъ перекочевавшаго въ Москву и проникшаго даже въ великокняжескую семью. Ревнителямъ православія удалось вскорѣ склонить великаго князя къ принятію суровыхъ мѣръ противъ сектантовъ. Но характерно, что „жидовская“ окраска ереси не помѣшала ей успѣшному распространенію, и можно поэтому думать, что русскіе люди того времени были чужды предрасудкамъ въ отношеніи евреевъ. Это подтверждается и сношеніями московскаго великаго князя Іоанна III съ двумя крымскими евреями, изъ коихъ одинъ былъ тотъ самый Схарія, которому приписывалось насажденіе ереси (Схарія встрѣчается въ историческихъ документахъ подъ различными именами: Скарья, Захарья и др.).

Чтобы парализовать дѣйствіе союза Литвы съ Золотою Ордою, угрожавшаго Москвѣ, Іоаннъ III добивался сближенія съ ханомъ крымской орды Менгли-Гиреемъ. Посредниками между Москвою и Менгли-Гиреемъ выступали татары. Но роль въ этомъ отношеніи сыгралъ также кафскій (Феодосійскій) еврей, богатый и вліятельный Хоза Кокось. Боярину Никитѣ Беклемишеву, прибывшему въ 1474 г. посломъ къ Менгли-Гирею, было предписано передать Кокосу поклонъ великаго князя и вѣрительную грамоту, въ которой указывалось, что хотя Менгли-Гирей и прислалъ великому князю увѣреніе въ дружбѣ, но „ярлыкъ докончательный“ лишь обѣщаль; поэтому великій князь проситъ Кокоса по-прежнему помогать сближенію съ Менгли-Гиреемъ, обѣщая, въ случаѣ успѣха, „свое жалованіе“; при этомъ Беклемишевъ долженъ былъ сказать Кокосу, что если ему придется писать великому князю о дѣлахъ, то „онъ бы жидовскимъ письмомъ грамоты бы не писалъ, а писалъ бы грамоты русскимъ письмомъ или бесерменскимъ“. Сношенія великаго князя съ Кокосомъ продолжались много лѣтъ. Еще въ 1486 г. великій князь поручаетъ своему послу: „да молвити Кокосю жидовину отъ великаго князя... какъ еси напередъ того намъ служилъ и добра нашего смотрѣлъ, и ты бы и нынѣ служилъ намъ, а мы ажъ дасть Богъ хотимъ тебя жаловати“.

Еще болѣе близкія отношенія связывали великаго князя съ Схаріей, бывшимъ владѣтельнымъ княземъ.

Въ 1419 г. генуэзскій еврей Симеонъ-де-Гвизольфи, женившись на княжнѣ Быхаханимъ, сталъ, подъ покровительствомъ генуэзской республики, княземъ Таманскаго полуострова, составляющаго крайнюю западную оконечность Кавказа, усѣянную озерами, лиманами и заливами. Его потомокъ Захарія-де Гвизольфи, подъ натискомъ турокъ, долженъ былъ бѣжать со своими подданными черкесами на островъ Матрицу. Однако, онъ еще надѣялся одолѣть турокъ при матеріальномъ содѣйствіи директоровъ генуэзскаго банка.

Къ этому времени относится переписка великаго князя со Схаріей, желаніе котораго прибыть въ Москву было встрѣчено сочувственно. Князь Ноздроватый, посланный въ 1484 г. къ Менгли-Гирею, имѣлъ грамоту „къ Захарьѣ къ Скарьѣ, къ жидовину“. Эта грамота „съ золотой печатью“ гласила: „Божіею милостью, великій осподарь Русскіе земли, велики князь Иванъ Васильевичъ, царь всеа Руси... Захарьѣ Евреянину. Писалъ къ намъ еси съ нашимъ гостемъ Гавриломъ съ Петровымъ о томъ, чтобы ти у насъ были. И ты бы къ намъ поѣхалъ. А будешь у насъ, наше жалованіе къ собѣ увидишь. А похочешь намъ служити, и мы тебя жаловати хотимъ, а не похочешь у насъ были, а восхочешь отъ насъ опять въ свою землю поѣхати, и мы тебя отпустимъ добровольно, не издержавъ“. Схарія тогда не отправился въ Москву. Но въ 1487 г. онъ вновь предложилъ великому князю свои услуги, и Іоаннъ III выразилъ на это согласіе въ грамотѣ, привезенной бояриномъ Дмитріемъ Васильевичемъ Шеинымъ, прибывшимъ посломъ къ Менгли-Гирею; великій князь просилъ Менгли-Гирея послать къ Захарьѣ въ Черкасы двухъ человекъ, которые проводили бы его до Москвы. Поѣздка и на этотъ разъ не состоялась. А въ 1489 г. великій князь вновь пригласилъ Захарію къ себѣ, но тотъ никакъ не могъ пуститься въ путь. Сообщая объ этомъ великому князю, русскій посолъ при Менгли-Гиреѣ, князь Ромадановскій, писалъ, что ханъ, изъ дружбы къ Іоанну III, долженъ былъ бы взять къ себѣ Захарью, и возможно, что великій князь оказалъ въ этомъ отношеніи воздѣйствіе—извѣстно, что въ 1500 г. Захарья со-

стоялъ на службѣ у Менгли-Гирея; въ этомъ году великій князь вновь пригласилъ къ себѣ Захарью.

Трудно сказать, что именно побуждало московскаго великаго князя звать его къ себѣ на службу. Но каковы бы ни были обстоятельства, связывавшія великаго князя съ нимъ, эти многолѣтнія сношенія представляютъ тѣмъ большій интересъ, что Захарья, котораго современники считали родоначальникомъ ереси жидовствующей, долженъ былъ быть особенно неприятенъ правовѣрнымъ москвичамъ. Тождественность Скаріи, прибывшаго съ Олельковичемъ въ Новгородъ, и крымскаго Захарьи подтверждается „посланиемъ“ инока Саввы „на жидовъ и на еретики“, адресованнымъ тому боярину Дмитрію Васильевичу Шеину, которому великій князь поручилъ передать грамоту Захарьѣ. Воздавъ боярину должное за его добрыя дѣла, инокъ Савва, однако, замѣчаетъ о богопротивныхъ жидовствующихъ: „аще человекъ будетъ добръ всѣми добродѣтелями и примѣситъ къ нимъ мало нѣчто жидовскаго сѣмени, ино то все его житъе не потребно передъ Богомъ и человекъ, и Богъ не стерпитъ ему и обличитъ его, яко же и новгородскихъ поповъ, ученіе жидовское примѣшихъ“. И опасаясь, что общеніе съ Захаріей толкнетъ боярина къ ереси, инокъ добавляетъ: „И ты господине Дмитрій, коли былъ еси посломъ и говорилъ еси съ тѣмъ жидовиномъ съ Захаріею Скарюю. И я, господине Дмитрій, молюся тебѣ: что если отъ него слышалъ словеса добры или худы, то пожалуй, господине, отложи ихъ отъ сердца твоего и отъ устъ твоихъ“.

Если въ глазахъ Саввы, посвятившаго себя монастырскому подвижничеству, общеніе съ евреями угрожало религіознымъ убѣжденіямъ русскаго народа, то люди живой дѣятельности не предвидѣли ничего дурнаго отъ сношенія съ евреями. Уже многократное приглашеніе на государеву службу въ Москву еврея, которому приписывалось насажденіе ереси, свидѣтельствуетъ, что московское общество не знало религіозной неприязни къ евреямъ. Объ этомъ говоритъ и то, что прибывшему въ 1490 г. изъ Венеціи, среди разныхъ мастеровъ, врачу-еврею Леону, встрѣчающемуся въ источникахъ подъ именемъ „мистро Леонъ жидовинъ“, было поручено лѣченіе сына великаго князя (Леонъ ручался за жизнь больного, и когда послѣдній умеръ, Леона казнили).

И при слѣдующемъ великомъ князѣ, Василии III (1505—1533 гг.), евреи встрѣчали гостепрѣимство въ Москвѣ, прибывая сюда среди прочихъ купцовъ польско-литовскаго государства; право на прѣздъ предоставляли евреямъ общіе договоры между Москвой и Польшей. Извѣстный дипломатъ Герберштейнъ, посѣтившій въ то время (1517 и 1526 гг.) Москву съ цѣлью установить добрыя отношенія между великимъ княземъ и польскимъ королемъ, сообщаетъ, что не всякому купцу, кромѣ литовцевъ и поляковъ, а также торговыхъ людей, находящихся подъ ихъ властью, открытъ доступъ въ Москву—среди этихъ послѣднихъ и прѣзжали евреи. Насколько московское общество было въ то время далеко отъ недовольства евреями, видно изъ того, что русскій посоль, прибывшій (1525 г.) въ резиденцію папы и долженствовавшій, въ силу особыхъ политическихъ условій, представить русскихъ людей въ глазахъ католиковъ хорошими христіанами, заявилъ, будто евреевъ не впускаютъ въ предѣлы московскаго государства, „какъ весьма скверныхъ людей и злодѣевъ, потому что тѣ еще недавно научили турокъ лить мѣдныя пушки“. Чтобы понять смыслъ этихъ словъ, надо имѣть въ виду то обстоятельство, что римская курія добивалась объединенія христіанскихъ государствъ, подъ главенствомъ папы, для изгнанія турокъ изъ Европы; однако, московское правительство не выражало готовности примкнуть къ подобному союзу; это, конечно, могло вызвать представленіе, будто Москва поддерживаетъ турокъ, что интересы христіанскаго міра ей недорого; таковыя подозрѣнія и должна была разсѣять реплика посла. Евреи, изгнанные изъ Испаніи и радушно принятыя Турціей, дѣйствительно, научили турокъ изготовлять порохъ и лить пушки. Но это не имѣло никакого отношенія къ евреямъ, прѣзжавшимъ въ Москву. Посоль сказалъ неправду, заявивъ, будто евреевъ не пускаютъ въ Москву. О томъ, что евреи имѣли въ то время доступъ въ московское государство, говорятъ и нѣкоторые позднѣйшіе официальные документы. Но характерно, что русскій посоль ничего другого не могъ поставить въ упрекъ евреямъ, какъ то, что они усилили турокъ въ боевомъ отношеніи; сношенія русскихъ съ евреями, очевидно, не давали никакого повода для недовольства и жалобъ.

Пользуясь правомъ прѣзда въ Москву, предоставленнымъ литовцамъ и полякамъ, евреи дѣлили съ ними также и невзгоды. Московское правительство по-прежнему допускало къ себѣ иностранцевъ съ большей неохотой, подвергало ихъ всяческимъ притѣсненіямъ, нарушало договоры, заключенные съ государствами или торговыми компаніями; случалось, что иностраннымъ купцамъ позволяли останавливаться только въ порубежныхъ городахъ, но не дальше; особенно охранялась въ этомъ отношеніи Москва. Быть-можетъ, чаще, чѣмъ съ другимъ государствомъ, московское правительство вступало въ пререканія съ Польшей; враждебныя отношенія между ними почти не прерывались, и это отражалось на положеніи польскихъ купцовъ въ Москвѣ. Среди послѣднихъ страдали и евреи. Однако польское правительство заступалось за своихъ подданныхъ - евреевъ, и тогда начиналась официальная переписка между польскимъ королемъ и великимъ княземъ. Извѣстны подобные инциденты, относящіеся ко времени царствованія Іоанна Грознаго (1533—1584 гг.). Случилось, что двое бѣльскихъ евреевъ прибыли въ Москву, ища удовлетворенія своихъ денежныхъ претензій къ наслѣдникамъ русскаго купца въ Смоленскѣ; польскій король Сигизмундъ снабдилъ евреевъ листомъ на имя своего посла, находившагося въ Москвѣ, чтобы онъ оказалъ имъ поддержку. Но московскія власти отобрали королевскій листъ и не допустили жалобщиковъ къ послу; одинъ изъ нихъ былъ позже арестованъ въ Смоленскѣ. Сигизмундъ взялъ евреевъ подъ свою защиту. Въ грамотѣ, посланной (1539 г.) Іоанну Грозному, король просилъ удовлетворить, по справедливости, евреевъ; онъ указывалъ, что согласно перемирнымъ грамотамъ „волно купцамъ на обѣ стороны ходити безъ жадное зачепки“. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда у прибывшихъ въ Москву литовскихъ евреевъ былъ отобранъ товаръ—подобныя насильственныя дѣйствія были въ ту пору почти обычнымъ явленіемъ,—Сигизмундъ вновь выступилъ на защиту своихъ подданныхъ; онъ отмѣтилъ, между прочимъ, что „передъ тѣмъ зъ вѣку за предковъ твоихъ великихъ князей волно было всѣмъ купцамъ нашимъ, христьянамъ и жидамъ, до панства твоего на Москву и по всей земли твоей съ товары ходити и купчити“. Но Іоаннъ Грозный рѣшительно

отказалъ польскому королю въ просьбѣ о допущеніи евреевъ въ московское государство, мотивируя это тѣмъ, что евреи въ свою вѣру совращали русскихъ—то былъ отголосокъ неясныхъ представлений о ереси жидовствующихъ; кромѣ того, евреи осуждались за „лихія дѣла“, но подобнаго упрека не избѣгли и другіе чужестранцы; вообще, иноземцевъ, навлекшихъ на себя недовольство въ Москвѣ или просто ограбленныхъ здѣсь царскими чиновниками, обвиняли обычно въ томъ, будто они совершили „лихія дѣла“ и за это подверглись карѣ.

Подобно русскимъ людямъ, евреи своей жизнью заплатили дань кровавому времени Іоанна Грознаго. Жертвой его жестокости пали не тѣ евреи, которые прибывали въ Москву, а тѣ, которые были захвачены русскими войсками за рубежомъ. Лѣтописецъ сообщаетъ, что когда рускіе взяли въ 1563 г. Полоцкъ, Іоаннъ Грозный велѣлъ всѣхъ находившихся здѣсь евреевъ „въ воду рѣчную вметати“, — только принявшіе православіе были избавлены отъ потопленія; есть извѣстіе, что печальная участь, наравнѣ съ евреями, постигла также мѣстныхъ ксендзовъ-бернардиновъ — и они были брошены въ рѣку. О полоцкомъ событіи сохранилось сообщеніе и въ одномъ еврейскомъ источникѣ; полякъ, очевидецъ происшествія, передаетъ, что наиболѣе вліятельнаго полоцкаго еврея опустили въ воду на веревкѣ, а потомъ трупъ оставили на льду, и „каждый изъ жалости проливалъ слезы“.

По словамъ одного иностранца, побывавшаго въ ту пору въ Москвѣ, Іоаннъ Грозный не пощадилъ евреевъ и въ другихъ завоеванныхъ городахъ. Эта расправа такъ сильно поразила современниковъ, что распространилось извѣстіе, врядъ ли достовѣрное, будто Іоаннъ Грозный велѣлъ собрать на мосту всѣхъ евреевъ, оказавшихся въ государствѣ; ихъ стали склонять къ отреченію отъ еврейства; когда же они выразили готовность принять крещеніе, ихъ, по приказу царя, бросили въ воду.

Однако, судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно предполагать, что не всѣ военно-плѣнные евреи были преданы смерти и что польско-литовскіе евреи по-прежнему наѣзжали въ московское государство съ торговыми цѣлями; пріѣзжали въ рѣдкихъ случаяхъ, но вѣдь въ ту пору польско-литовскіе купцы были вообще маложеланными гостями въ Москвѣ.

Положеніе измѣнилось въ Смутное время, когда на московскомъ престолѣ появился Лжедмитрій I (1605—1606 гг.), которому польское правительство помогло стать царемъ. Различныя сообщенія, въ извѣстной мѣрѣ, повидимому, преувеличенныя, рассказываютъ, что въ многочисленной польской свитѣ Лжедмитрія было не мало евреевъ; говорятъ, что евреи оказались и среди умерщвленныхъ во время рѣзни, учиненной москвичами, когда погибъ и самозванецъ. Конечно, евреи, подобно полякамъ, пали въ этомъ случаѣ жертвой политическаго переворота, а не особаго враждебнаго чувства русскихъ къ евреямъ вообще.

Иное направленіе получилъ вопросъ о евреяхъ тогда, когда въ селѣ Тушино (вблизи Москвы), въ резиденціи Лжедмитрія II, извѣстнаго подъ названіемъ „Тушинскаго вора“, образовался таборъ изъ различныхъ группъ московскаго общества, который рѣшилъ смѣстить московскаго царя Василія Шуйскаго и возвести на престолъ королевича Владислава, сына польскаго короля. Тушинскіе депутаты, вступившіе въ переговоры съ польскимъ правительствомъ, не могли не сознавать, что приглашеніе католика должно было больно поразить народныя чувства; пусть королевичъ даже приметъ православіе — не устранена опасность, что притокъ польскаго элемента расшатаетъ общественную жизнь, для которой православная церковь служила устоемъ. И вотъ, разрабатывая договоръ, который долженъ былъ охранить русское населеніе отъ религіознаго вліянія извнѣ, настаивая, между прочимъ, чтобы никто не смѣлъ отводить русскихъ отъ греческой вѣры, „потому что вѣра есть даръ Божій и силою отводить отъ нея и притѣснять за нее не годится“, тушинцы внесли въ договоръ запрещеніе евреямъ пріѣзжать въ московское государство.

Это требованіе было сохранено и въ той договорной записи (1610 г.), которую, уже послѣ сверженія царя Василія Шуйскаго, составили тушинскіе бояре со своими московскими единомышленниками,—королевичу вмѣнялось въ обязанность запретить въѣздъ „жидамъ въ російское вовсе государство съ торгомъ и иными дѣлы“. Однако, вопросъ о евреяхъ не представлялся московскимъ дѣтелямъ чѣмъ-то очень серьезнымъ, и когда гетманъ Жолкевскій, принимавшій видное уча-

стіе въ событіяхъ, связанныхъ съ приглашеніемъ королевича, высказался противъ ограниченія правъ евреевъ, русскіе послы отказались отъ этого требованія.

Впрочемъ, все это не имѣло какого-либо практическаго значенія. Польскій королевичъ не пріѣхалъ въ Россію. На престолъ былъ избранъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ (1613—1645 гг.).

Въ одной изъ грамотъ объ избраніи Михаила Ѳеодоровича на царство было возвращено, что Лжедмитрій II— „родомъ жидовинъ“. Это не былъ антиеврейскій лозунгъ. Имѣлось только въ виду внушить народу преданность новому царю, вызвать отвращеніе къ самозванцамъ, которые могли бы довести страну до того, что престолъ достался бы не только католику, врагу православія, а даже „жидовину“, врагу христіанской вѣры. Въ дальнѣйшемъ не было повода возвращаться къ смутному прошлому, и о „жидовинѣ“-самозванцѣ больше не вспоминали.

Одинъ иностранецъ, посѣтившій Москву двадцать лѣтъ спустя, передаетъ, что русскіе крайне неохотно видятъ и слышатъ „папистовъ и іудеевъ“. Въ это время поляки, а вмѣстѣ съ ними и евреи, стали, дѣйствительно, подвергаться стѣсненіямъ въ московскомъ государствѣ; по Поляновскому миру (1634 г.) имъ было разрѣшено торговать только въ пограничныхъ городахъ; въ Москву и замосковскіе города имъ запретили ѣздить. Однако, подобныя торговыя стѣсненія обрушивались не только на католиковъ и евреевъ, но и на купцовъ другихъ исповѣданій.

Есть указаніе, что уже въ началѣ 17-го вѣка иностранцевъ вообще стали ограничивать въ торговыхъ правахъ, причемъ это явилось реакціей послѣ Смутаго времени, когда торговля была для всѣхъ объявлена свободной и были отмѣнены ограниченія, существовавшія въ отношеніи вѣзда въ страну и выѣзда изъ нея. Неприязнь русскаго общества къ иноземцамъ выразилась и въ посягательствахъ на ихъ религіозную свободу; даже лютеране, пользовавшіеся въ то время особыми привилегіями, стали подвергаться преслѣдованіямъ (въ 1643 г.)—были разрушены лютеранскія кирки.

Такимъ образомъ, недружелюбіе русскіхъ къ полякамъ и евреямъ не должно быть рассматриваемо какъ исключительное явленіе. И если, не питая особой склонности къ иноземцамъ

вообще, московское правительство все же терпѣло ихъ подъ давленіемъ реальныхъ требованій жизни, то оно терпимо относилось и къ евреямъ.

Фактъ тотъ, что правительство отнюдь не имѣло ничего противъ того, чтобы евреи жили въ государствѣ. Это видно изъ отношенія правительства къ евреямъ, которые были захвачены во время войны, завершеной упомянутымъ выше Поляновскимъ миромъ. Подобно прочимъ плѣннымъ, евреи были разосланы по отдаленнымъ мѣстностямъ; раздѣляя общую судьбу, одни евреи были сосланы въ города „въ службу“ и на „пашню“, другіе, повидимому, были закабалены частными лицами. По заключеніи мира плѣнникамъ было предложено на выборъ — вернуться на родину или остаться въ Россіи; это право было предоставлено и евреямъ; въ соотвѣтствующихъ актахъ указывались „полоненики литовскіе и нѣмецкіе люди и жиды“; было велѣно: „изъ городовъ литовской полонъ: Литву и нѣмцевъ и жидовъ, кто гдѣ ни имамъ или покупанъ, сыскивая и роспрашивая, присылати ко государю въ Москву“. Слѣдуетъ отмѣтить, что правительство не воспользовалось исключительнымъ положеніемъ, въ какомъ евреи находились въ плѣну, на чужбинѣ, чтобы принудить ихъ къ крещенію; было специально оговорено, что не крестившимся, т.-е. евреямъ и христіанамъ, не принявшимъ православія, должно быть дано столько же хлѣба и денегъ, сколько крестившимся.

Въ ближайшіе годы московское правительство стало дѣлать попытки преградить зарубежнымъ евреямъ — но не полякамъ — доступъ въ государство, хотя въ Польшѣ это не встрѣчало сочувствія. Однако, когда благодаря войнѣ съ Польшей, пріостановленной Андрусовскимъ договоромъ 1667 г., въ московскомъ государствѣ появились новые плѣнные евреи, къ нимъ отнеслись столь же терпимо, какъ къ ихъ предшественникамъ за тридцать лѣтъ назадъ. По царскому указу всѣ, не исключая оказавшихся въ крѣпостномъ состояніи у частныхъ лицъ, получили свободу и могли, по желанію, остаться или уѣхать за рубежъ.

Пребываніе евреевъ въ государствѣ было въ то время столь обычнымъ явленіемъ, что „Новоуказныя статьи“ 1669 г., устанавливая кару за соращеніе христіанъ въ другую ре-

лигію, упоминають особо о евреяхъ: „аще жидовинъ или агарянинъ дерзнетъ развратить отъ христіанской вѣры христіанина, повиненъ есть казни главнѣй; а аще жидовинъ христіанина раба имый и обрѣжетъ его, да отсѣкнуть ему главу“. Изъ этихъ строкъ можно сдѣлать заключеніе, что еврейское населеніе было представлено не плѣнными, обращенными въ крѣпостное состояніе, а свободными обывателями, которые могли пользоваться трудомъ христіанъ.

Дѣйствительно, въ это время въ Москвѣ (а можетъ-быть и въ другихъ городахъ) имѣлось осѣдлое еврейское населеніе, образовавшееся изъ числа тѣхъ плѣнныхъ, которые воспользовались предоставленнымъ имъ, по Андрусовскому договору, правомъ остаться на жительство въ московскомъ государствѣ. Впрочемъ, еще ранѣе въ Москвѣ водворились нѣкоторые евреи, отпущенные на свободу по волѣ ихъ владѣльцевъ. Документъ 1659 г. упоминаетъ нѣсколькихъ евреевъ въ Москвѣ; такъ, Марка, съ женою, торговалъ ветошью; Оспа, съ женою и сыномъ, занимался „черной работой“; Якубка Израилевъ кормился тѣмъ, что „печетъ на торгъ хлѣбы“; Моска Марко торговалъ мясомъ. Въ сущности, пребываніе этихъ евреевъ въ Москвѣ было противозаконно, такъ какъ вообще иноземцы, взятые въ плѣнъ, ссылались въ болѣе отдаленные края. Что же касается тѣхъ плѣнныхъ, которые были отпущены на свободу по указу 1667 г., то они съ вѣдома высшей власти водворились въ Москвѣ и занялись торгомъ; выходцы изъ западнаго края, они осѣли въ Мѣщанской слободѣ, которая, собственно говоря, была ими же образована. Сохранились списки лицъ, жившихъ здѣсь своими домами или снимавшихъ въ наемъ „клѣти“. Трудно сказать, сколько было евреевъ среди нихъ; съ одной стороны, евреи носили такія имена, которыя были распространены въ окружающемъ населеніи; съ другой стороны, не у всѣхъ лицъ указано ихъ происхожденіе. Относительно же нѣкоторыхъ есть отмѣтка: „еврей“, „еврейскіе породы“, „родины еврейскіе“. Нѣкоторые евреи были зажиточные торговцы, пользовавшіеся извѣстнымъ положеніемъ въ промышленномъ мірѣ; они несли сперва мѣщанскую службу и платили тягло, а потомъ переходили въ болѣе высочій купеческій классъ и тогда освобождались отъ личной

повинности. Иные изъ этихъ плѣнныхъ евреевъ стали родоначальниками извѣстныхъ русскихъ фамилій.

Наряду съ этимъ осѣдлымъ населеніемъ, въ Москвѣ образовалась въ то время также колонія изъ зарубежныхъ евреевъ. Имъ покровительствовалъ служившій при дворѣ врачъ Стефанъ Гаденъ, онъ же Данило Оунгадановъ; Гаденъ былъ крещенъ, но его родные остались въ еврействѣ; они пріѣзжали къ нему гостить; при отъѣздѣ имъ давались казенныя подводы и подарки отъ казны—собоями и деньгами.

Наконецъ, въ Москву пріѣзжали отдѣльные евреи на короткое время для торговыхъ цѣлей. Согласно Новоторговому уставу, изданному въ 1667 г., права иноземныхъ купцовъ были урѣзаны въ пользу русскихъ торговыхъ людей; между прочимъ, иноземцамъ было запрещено разѣзжать по городамъ Россіи, равно какъ пріѣзжать въ Москву для торговли; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надо было предварительно получить отъ русскаго правительства жалованную грамоту за красною печатью. Болѣе свободной была торговля лишь въ порубежныхъ городахъ. Несмотря на такую строгость, въ числѣ тѣхъ, кому разрѣшалось торговать въ Москвѣ, были и евреи: „жиды—сообщаетъ историкъ Соловьевъ—въ царствованіе Алексѣя Михайловича (1645—1676 гг.) умѣли добывать себѣ такія грамоты съ красной печатью; они пріѣзжали въ Москву съ сукнами, жемчугомъ и другими товарами и получали комиссію отъ двора“. Дѣйствительно, извѣстны даже имена нѣкоторыхъ евреевъ, пріѣзжавшихъ въ Москву по дѣламъ съ казною.

Случалось, что евреи появлялись и безъ спеціальнаго разрѣшенія, и этимъ объясняется указъ 1676 г., потребовавшій, чтобы товаръ евреевъ, которые будутъ пріѣзжать „утайкою“, не записывался въ таможнѣ, а сами евреи отсылались въ поольскій приказъ, вѣдавшій дѣла иноземцевъ, такъ какъ евреевъ „изъ Смоленска пропускать не велѣно“.

Въ 1678 г. въ Москвѣ былъ заключенъ договоръ съ польскими послами, согласно которому купцамъ обоихъ государствъ, „кромѣ жидовъ“, было разрѣшено торговать въ столичныхъ городахъ Краковѣ, Варшавѣ, и Вильнѣ, съ одной стороны, и въ Москвѣ—съ другой. Этотъ договоръ былъ повторенъ въ 1686 г.

Указанное соглашеніе истолковываютъ въ томъ смыслѣ, что русскіе и польскіе купцы могли прїѣзжать только въ упомянутые города, а отнюдь не въ какіе-либо другіе. Въ этомъ случаѣ для евреевъ доступъ въ московское государство оказался бы совершенно прегражденнымъ. Но фактически евреи прибывали въ это время не только въ порубежные города, но и въ Москву, являясь по пути къ воеводамъ, которые и пропускали ихъ. Правительство боролось съ этимъ, но корысть чиновниковъ открывала предъ евреями дорогу на Москву, а тамъ они также покупали себѣ покровителей. Въ этомъ отношеніи евреи поступали по примѣру другихъ купцовъ. Еще въ 1635 г. былъ изданъ государевъ указъ, въ которомъ говорилось, что воеводы „для своей корысти“ пропускаютъ во-внутрь Россіи иностранныхъ купцовъ, не имѣющихъ государевыхъ жалованныхъ проѣзжихъ грамотъ.

Однако, отношеніе къ евреямъ въ Москвѣ стало все болѣе ухудшаться, и они оказались въ необходимости прикидываться ушедшими отъ еврейства, какъ это можно заключить изъ документовъ, относящихся ко времени Стрѣлецкаго бунта (1682 г.). Во время рѣзни, учиненной стрѣльцами, погибъ придворный врачъ Данило Гаденъ, а вмѣстѣ съ нимъ и его сынъ Михайлъ Даниловъ Гаденъ, указанный въ спискѣ царедворцевъ, умерщвленныхъ бунтовщиками. Послѣ Михаила Гадена, до крещенія носившаго имя Цеви-Гирша, осталась въ Польшѣ вдова, еврейка. Для того, чтобы рѣшить вопросъ о правѣ вдовы на вступленіе въ новый бракъ, надо было точно установить смерть Цеви-Гирша, и изъ свидѣтельскихъ показаній, данныхъ по этому поводу, видно, что въ то время въ Москвѣ было нѣсколько евреевъ, которые именуются въ еврейскомъ документѣ „онсимъ“, т.-е. не могущими признаваться евреями въ отношеніи свидѣтельскихъ показаній; изъ документа видно, что наименованіе это присваивалось евреямъ лишь въ то время, когда они находились въ Москвѣ; покинувъ ее, они уходили „съ дурного пути“ и дѣлались полноправными членами еврейскаго общества; нѣкоторые „онсимъ“, по повелѣнію царя, предали землѣ останки Данила и его сына.

Все сказанное касается евреевъ, появлявшихся съ Литовской стороны. Однако, евреевъ приводилъ и другой торговый путь, черезъ Кіевъ. Неизвѣстно, доходили ли евреи этой

дорогой до Москвы; вѣроятно, крайнимъ пунктомъ служилъ для нихъ Путивль, далѣе котораго не шли также и греки. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что Кіевъ привлекалъ къ себѣ зарубежныхъ евреевъ—изъ Польши и Турціи.

Кромѣ того, немногочисленное еврейское населеніе пользовалось постоянной осѣдлостью на югѣ Россіи. Вскорѣ послѣ того, какъ лѣвобережная Украина (лежащая на лѣвомъ берегу Днѣпра), на которой казаки незадолго до того вырѣзали евреевъ, перешла подъ власть московскихъ царей, евреи стали тамъ водворяться и торговать на ярмаркахъ.

Въ 1704 г. на Украинѣ, въ предѣлахъ Черниговскаго полка, разлилась погромная волна; многіе евреи были ограблены и изгнаны, другіе пали жертвой самосуда черни, разгоряченной слухомъ, будто евреи убили христіанина съ ритуальной цѣлью. Однако, это движеніе не было глубокимъ, и вскорѣ все затихло. Евреи развили въ краѣ столь широкую торговую дѣятельность, что въ 1708 г., съ цѣлью ослабить ее, евреямъ было запрещено ѣздить далѣе Кіева, въ Малороссію; при этомъ евреямъ разрѣшили торговать только оптомъ, а не въ розницу. Таковая мѣра не была продиктована непріязненнымъ чувствомъ къ евреямъ, она была вызвана общими мѣстными условіями; въ ту пору и великороссійскіе купцы не могли торговать въ Малороссіи—это право было дано имъ лишь въ слѣдующемъ году, да и то къ большому неудовольствію городского населенія; а розничная продажа вообще представляла собою монополію въ рукахъ мѣстныхъ торговыхъ людей. Впрочемъ, указанныя ограниченія имѣли значеніе преимущественно для зарубежныхъ евреевъ, совершавшихъ частыя поѣздки изъ Польши въ Малороссію и обратно; евреи же, водворившіеся въ городахъ и въ имѣніяхъ, врядъ ли принимали широкое участіе въ торговлѣ; у нихъ были другія занятія—они арендовали шинки.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, что въ началѣ 18-го вѣка Москва уступаетъ свою государственную роль новосозданному Петербургу. Петръ Великій дѣлаетъ Петербургъ своей резиденціей, развиваетъ въ немъ торговую жизнь. Въ связи съ этимъ Петербургъ сталъ привлекать къ себѣ и евреевъ.

Евреи появились также въ нѣкоторыхъ великороссійскихъ городахъ. Въ болѣе значительномъ числѣ они стали водво-

ряться въ Смоленской губерні; казна сдавала имъ на откупъ кабацкіе и таможенные доходы. Откупщикъ Борохъ Лейбовъ, цѣною своей трагической смерти попавшій на страницу исторіи, устроилъ даже молельню въ селѣ Звѣровичахъ. По доносу двоихъ смоленскихъ мѣщанъ, будто евреи развращающе дѣйствуютъ на христіанъ въ религіозномъ отношеніи, синодъ распорядился уничтожить молельню и удалить евреевъ изъ края. Вскорѣ, правда, послѣдовало (1725 г.) предписаніе вновь отдать Бороху откупъ, но затѣмъ (1727 г.) было приказано отнять откупъ у него и его товарищей, и выслать ихъ за рубежъ; впредь откупа отдавать „другимъ, кромѣ жидовъ“.

Быть-можетъ, въ связи со смоленскимъ событіемъ, было рѣшено удалить евреевъ и изъ другихъ мѣстностей. Въ 1727 г., вскорѣ по вступленіи на престолъ имп. Екатерины I, послѣдовалъ указъ объ изгнаніи евреевъ, живущихъ на Украинѣ (т.-е. во всей Малороссіи) и въ другихъ городахъ. Было сдѣлано исключеніе лишь для троихъ евреевъ изъ свиты герцога Гольштинскаго и австрійскаго посла, а также для Гирша, поставлявшаго серебро на монетный дворъ, и Леви Липмана, финансоваго агента при русскомъ дворѣ.

Въ Малороссіи уже ранѣе дѣлались попытки удалить евреевъ, но безуспѣшно. Несмотря на соотвѣтствующіе гетманскіе универсалы, число евреевъ въ краѣ не только не уменьшалось, но даже постепенно увеличивалось. Въ 1721 г. гетманъ исходатайствовалъ у Петра I особый указъ, но и онъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Одинъ изъ универсаловъ называетъ евреевъ „богоненавистниками“, „Креста Господня врагомъ“; однако, подъ этимъ религіознымъ налетомъ скрывались, какъ кажется, соображенія экономическаго характера—имѣлось въ виду устранить евреевъ отъ винныхъ промысловъ и торговли. Изгоняя евреевъ, хотѣли уменьшить винокуреніе; право на него принадлежало не евреямъ, а христіанскому населенію, между прочимъ, именитымъ лицамъ, монастырямъ, которыхъ правительство не хотѣло открыто ограничивать въ привилегіяхъ; удаленію евреевъ сочувствовали тѣ христіане, которые на-ряду съ ними стояли въ шинкахъ; владѣльцы же имѣній не подчинялись требованію о выселеніи евреевъ съ ихъ земель. Освобожденію края отъ евреевъ радовались и христіане-торговцы, старавшіеся избавиться отъ всякихъ кон-

курентовъ, независимо отъ вѣроисповѣданія послѣднихъ; такъ, въ это время глуховскіе мѣщане и купцы жаловались, что изъ Великороссіи понаѣхали посадскіе люди, которые и занялись торговлей, а „глуховскимъ гражданамъ отъ того не малая обида и убытки чинятся“. Въ виду указа 1727 г. евреевъ стали выдворять изъ Малороссіи, но это дѣлалось безъ энергіи, и врядъ ли покинули край тѣ изъ нихъ, которые имѣли покровителей въ лицѣ владѣльцевъ имѣній. А уже въ слѣдующемъ году гетманъ Апостоль обратился съ ходатайствомъ на Высочайшее имя о разрѣшеніи евреямъ, наравнѣ съ прочими иностранцами, торговать на ярмаркахъ, и эта просьба была удовлетворена съ тѣмъ, чтобы евреи, подобно другимъ иноземцамъ, торговали только оптомъ. Вслѣдъ затѣмъ, когда въ слободскихъ полкахъ обнаружился недостатокъ въ торговыхъ людяхъ, евреямъ разрѣшили торговать и въ розницу. Временное пребываніе евреевъ легко превращалось, при содѣйствіи мѣстной администраціи, въ постоянное, и такимъ образомъ все осталось по-прежнему.

Указъ 1727 г. объ изгнаніи евреевъ долженъ былъ распространиться и на Ригу, присоединенную къ Россіи при Петрѣ I. Здѣсь евреи могли проживать лишь временно, причемъ вынуждены были останавливаться въ назначенномъ для нихъ подворьѣ. Только трое евреевъ, имѣвшихъ вліятельныхъ покровителей, пользовались свободнымъ проживаніемъ. Съ изданіемъ указа 1727 г. рижскія власти стали стѣснять этихъ „покровительствуемыхъ“ евреевъ, но за нихъ заступился вице-канцлеръ Остерманъ, указавшій на то, что распоряженіе объ удаленіи евреевъ изъ Имперіи не можетъ имѣть силы для Риги, которой были дарованы особыя привилегіи. Но городской совѣтъ, въ сознаніи торговаго могущества Риги, заявилъ, что городъ можетъ обойтись безъ евреевъ. Совѣту, впрочемъ, вскорѣ пришлось отказаться отъ этой спеси.

Тогда же, когда въ Малороссіи, пріѣздъ на извѣстный срокъ для торговыхъ цѣлей былъ разрѣшенъ евреямъ и въ Смоленской губерніи. Евреи по-прежнему появлялись и въ великороссійскихъ городахъ.

Борохъ Лейбовъ, напримѣръ, лишившись откупа, затѣялъ какія-то дѣла въ Москвѣ, гдѣ въ то время находились и другіе евреи. Посѣщеніе Москвы оказалось для него роковымъ.

Здѣсь онъ встрѣтился съ человѣкомъ, который сыгралъ въ его жизни печальную роль. Отставной морского флота капитанъ-поручикъ Александръ Возницынъ, повидимому, неудовлетворенный въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ, сблизившись съ Борохомъ, отправился съ нимъ въ Смоленскъ, а оттуда въ Польшу, гдѣ подвергъ себя обряду обрѣзанію.

Возницынъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности за отпаденіе отъ христіанской вѣры, а Борохъ за совращеніе его въ іудейство. По резолюціи государыни Анны Іоанновны: Возницынъ и Борохъ сами сознались, а потому, „чтобы сіе богопротивное дѣло не продолжалось“, немедленно обоихъ „казнить смертию, сжечь, чтобы другіе, смотря на то, невѣжды и богопротивные отъ христіанскаго закона отступать не могли“, Возницынъ и Борохъ были сожжены 15 іюня 1738 г. въ Петербургѣ. Это исключительное событіе не послужило, впрочемъ, поводомъ для усиленія репрессивной политики по отношенію къ евреямъ; оно прошло незамѣченнымъ, какъ случайное явленіе.

Указъ о выселеніи евреевъ изъ Малороссіи неоднократно подтверждался (въ 1741 г. насчитывалось евреевъ: 292 мужч. и 281 женщ.), однако, его не приводили въ исполненіе.

Но вскорѣ на престолъ вступила Елизавета Петровна (1741—1762 гг.), проникнутая глубокой враждою къ неправославнымъ, и тогда было осуществлено распоряженіе объ удаленіи всѣхъ евреевъ изъ Россіи. Запретивъ проживать въ Малороссіи татарамъ и другимъ „невѣрнымъ“, государыня издала (1742 г.) указъ объ изгнаніи евреевъ изъ Имперіи; широко распространенный по странѣ, онъ долженъ былъ внушить русскимъ людямъ взглядъ на евреевъ, какъ на „Имени Христа Спасителя ненавистниковъ“; евреямъ, принявшимъ православіе, было разрѣшено остаться въ Россіи. Однако, религіозный лозунгъ указа не былъ воспринятъ тѣми, кто сознавалъ пользу, приносимую торговой дѣятельностью евреевъ. Такъ какъ указъ ничего не говорилъ о временномъ пребываніи евреевъ, то Малороссійская войсковая канцелярія представила сенату, что запрещеніе евреямъ привозить товары приведетъ къ уменьшенію государственныхъ доходовъ, такъ какъ евреи, пріѣзжающіе въ Малороссію, завязываютъ торговля сношенія не только съ мѣстными, но и съ великороссійскими купцами.

Съ большей энергіей выступилъ противъ указа рижскій городской совѣтъ. Възвѣсивъ значеніе, которое имѣла для Риги торговая дѣятельность евреевъ, являвшихся изъ Польши, и предусмотрѣвъ, что они поневолѣ направятся въ сосѣдніе портовые города и дадутъ имъ восторжествовать надъ Ригой, совѣтъ сталъ хлопотать о пропускѣ въ городъ, по крайней мѣрѣ, тѣхъ евреевъ, которые прибываютъ на баркахъ по Двинѣ; онъ пустилъ въ ходъ все свое вліяніе въ Петербургѣ, но ничто не помогло.

Когда сенатъ представилъ государынѣ докладъ, въ которомъ говорилось, что отъ запрещенія евреямъ пріѣзжать въ страну не только купечество понесетъ убытки, „но и Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества интересамъ не малый ущербъ приключиться можетъ“, а потому не согласится ли государыня „для приращенія... Высочайшихъ интересовъ и распространенія коммерціи“ разрѣшить евреямъ пріѣзжать въ Малороссію, Слободскіе полки, Ригу и другіе пограничные пункты,—послѣдовала Высочайшая резолюція: „Отъ враговъ христовыхъ не желаю интересной прибыли“ (1743 г.).

Послѣ этого сенату пришлось издать указъ о томъ, чтобы никто не смѣлъ возобновлять ходатайства о допущеніи евреевъ въ Россію.

Однако, этотъ указъ былъ нарушенъ самимъ же сенатомъ. Когда въ одинъ изъ ближайшихъ дней по своемъ восшествіи на престолъ (1762 г.) Екатерина II посѣтила сенатъ, здѣсь разсматривался вопросъ о разрѣшеніи евреямъ пріѣзжать въ Россію. Всѣ сенаторы признали полезнымъ открыть евреямъ доступъ въ страну, но государыня, принявъ во вниманіе тѣ исключительныя обстоятельства, благодаря которымъ она заняла престолъ послѣ недолгаго царствованія ея мужа, Петра III, и опасаясь, что взволнованное общественное мнѣніе ложно истолкуетъ эту мѣру, рѣшила отложить разрѣшеніе вопроса, хотя и была согласна съ мнѣніемъ сенаторовъ. Сообщая объ этомъ въ автобіографической запискѣ, государыня замѣчаетъ: „И вотъ, какъ часто недостаточно быть просвѣщеннымъ, имѣть наилучшія намѣренія и власть привести ихъ въ исполненіе. И, однако, часто выражаютъ смѣлыя сужденія о разумномъ поведеніи“.

Въ манифестѣ 1762 г., разрѣшившемъ иностранцамъ водворяться въ Россіи, было сдѣлано исключеніе для евреевъ. Между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ стали возбуждаться ходатайства объ отмѣнѣ указа Елизаветы; объ этомъ хлопотали и евреи.

Шляхта, старшины и гетманъ во всеподданнѣйшемъ прошеніи о восстановленіи старинныхъ правъ Малороссіи указывали (1764 г.), что евреи, принимавшіе наибольшее участіе въ торговлѣ, дешевле, чѣмъ другіе купцы, продавали свои товары, а когда что-либо покупали, то давали лучшія цѣны; не рѣшаясь просить, чтобы евреямъ было разрѣшено жить постоянно въ краѣ, ходатаи хотѣли бы, чтобы евреямъ было разрѣшено временное пребываніе.

О допущеніи евреевъ хлопоталъ и рижскій городской совѣтъ. Депутатъ г. Риги внесъ въ сенатъ особую записку, въ которой говорилось объ ущербѣ, нанесенномъ городу запрещеніемъ евреямъ срочнаго пребыванія въ городѣ; торговля за протекшія двадцать лѣтъ сильно упала въ Ригѣ, а въ это время возросло торговое значеніе Кенигсберга, Мемеля и другихъ сосѣднихъ портовъ. Если евреямъ будутъ предоставлены прежнія права въ Ригѣ, это оживитъ торговлю; пріѣздъ же евреевъ не причинитъ стѣсненія ни обывателямъ, ни купеческому сословію.

Екатерина II желала видѣть евреевъ въ Россіи, преимущественно въ Новороссійскомъ краѣ, нуждавшемся въ дѣятельномъ торгово-промышленномъ элементѣ. Но все же соображенія политическаго, вѣрнѣе личнаго характера, мѣшали ей открыто дѣйствовать. И вотъ она рѣшила ступить на путь конспираціи.

Въ 1764 г. рижскій генераль-губернаторъ Броунъ получилъ слѣдующій документъ за подписью императрицы: „Если будутъ рекомендованы отъ канцеляріи опекунства иностранныхъ нѣскольکو купеческихъ людей новороссійской губерніи, то имъ позволить жительство имѣть въ Ригѣ и торгъ производить на такомъ основаніи, какъ прочихъ россійскихъ губерній купечеству въ Ригѣ дозволяется въ силу законовъ. Сверхъ того, когда отъ оныхъ будутъ отправляемы ихъ прикащики, повѣренные и работные люди въ Новую Россію, также и для поселенія туда же, то для препровожденія и безопасности

оныхъ, несмотря на законы и вѣру, давать пристойное провозжаніе и паспорта отъ васъ; да сверхъ того, если изъ Митавы будутъ три или четыре человѣка, которые пожелаютъ ѣхать въ Петербургъ для нѣкоторыхъ требованій, имѣющихся на коронѣ, дать имъ паспорта, не упоминая ихъ націй и о законѣ оныхъ испытанія не чинить, а писать только въ паспортахъ имена ихъ, а чтобы знать ихъ, то должно, чтобы они имѣли письмо отъ находящагося здѣсь купца Левія Вульфа, которое они вамъ показать должны“...

Къ этому императрица своеручно приписала на нѣмецкомъ языкѣ: „Если Вы не поймете меня, то не я буду виновата въ этомъ; письмо это написалъ самъ предсѣдатель канцеляріи опекунства; держите все это въ секретѣ“.

Броунъ понялъ желаніе государыни: она хотѣла предоставить нѣкоторымъ евреямъ, подъ видомъ новороссійскихъ купцовъ, вести торговую дѣятельность въ Ригѣ, одновременно поручивъ имъ колонизировать Новороссію. При содѣйствіи Броуна, изъ Митавы были отправлены въ Петербургъ семь евреевъ: три купца, раввинъ, его помощникъ, рѣзникъ и слуга. Вскорѣ канцелярія опекунства раскрыла тайну, увѣдомивъ Броуна, что Новороссійскій край долженъ быть населенъ иноземцами, что дѣло доставки ихъ туда поручено тремъ „новороссійскимъ купцамъ“; таковыми оказались евреи, и имъ были предоставлены торговые права, присвоенныя русскимъ подданнымъ.

Изъ письма Екатерины II къ извѣстному энциклопедисту Дидро видно, что прибывшіе въ Петербургъ евреи квартировали у духовника государыни и что они продолжали жить въ Петербургѣ, гдѣ ихъ терпѣли, вопреки закону—„дѣлаютъ видъ, что не знаютъ объ ихъ пребываніи“.

Екатерина II пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы направить евреевъ въ Новороссію, но при этомъ она избѣгала официальныхъ актовъ. Въ 1764 г. она поручила князю Дашкову, находившемуся съ войскомъ въ Литвѣ, а потомъ въ Польшѣ, оказывать покровительство польскимъ и другимъ евреямъ, которые пожелаютъ поселиться въ Новороссіи, и выдавать имъ паспорта до Риги и Смоленска. Благодаря этому въ Ригѣ скопилось много евреевъ, которые, вопреки мѣстнымъ правиламъ, стали водворяться не въ предмѣстья, а въ

самомъ городѣ. Городской совѣтъ выступилъ съ протестомъ противъ этого, и генераль-губернаторъ сталъ подвергать евреевъ ограниченіямъ въ правѣ жительства. Тогда они обратились съ жалобой къ государынѣ, прося, чтобы было опубликовано о предоставленныхъ имъ правахъ. Но Екатерина II не согласилась на изданіе подобнаго акта, однакожь, вмѣстѣ съ тѣмъ, она предписала генераль-губернатору не причинять еврейамъ никакихъ стѣсненій.

Когда началась война между Россіей и Турціей (1769 г.), государыня велѣла плѣнныхъ евреевъ отсылать въ Новороссію.

На югѣ Россіи подъ охраною русскихъ войскъ пріютились въ 1768 г. евреи, спасшіеся отъ гайдамаковъ, свирѣпствовавшихъ въ польской Украинѣ и предававшихъ смерти евреевъ и поляковъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Манифестъ о присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи.—Бѣлорусскіе евреи становятся русскими подданными.—Правительство санкционируетъ ихъ кагалъную организацію и пользуется таковой въ качествѣ административнаго учрежденія.—Кагалъная организація въ Бѣлоруссіи.—Евреи включаются въ составъ русскаго торгово-промышленнаго класса и становятся равноправными гражданами.—Часть христіанскаго населенія противодѣйствуетъ избранію евреевъ на общественныя должности.—Гражданское равенство влечетъ за собою для евреевъ стѣсненія въ жительствахъ и занятіяхъ и умаляетъ значеніе кагала.—Недовольство еврейскаго общества кагаломъ.—Господствующій классъ склоняетъ правительство къ отмѣнѣ указанныхъ стѣсненій и къ сохраненію за кагаломъ прежней власти.—Высочайшее повелѣніе о фактическомъ признаніи евреевъ равноправными гражданами.—Евреи вынуждены продолжать борьбу за свои избирательныя права.—Возникновеніе черты еврейской осѣдлости.—Водвореніе еврейскаго населенія въ сосѣднихъ губерніяхъ.—Присоединеніе ихъ къ территоріи черты еврейской осѣдлости.

То, что государыня дѣлала съ опаской, тайно и въ маломъ размѣрѣ, историческая судьба совершила рѣшительно, открыто, съ широкимъ размахомъ. Въ 1772 г. состоялся частичный раздѣлъ Польши между Россіей, Австріей и Пруссіей, и Россія присоединила къ себѣ Бѣлорусскій край, въ которомъ вѣками проживало многочисленное еврейское населеніе.

Впервые евреи стали подданными Россіи. Вопросъ о пребываніи ихъ въ странѣ былъ, такимъ образомъ, разрѣшенъ событіемъ большой исторической важности, предъ которымъ должны были умолкнуть всякія разсужденія.

Манифестъ о присоединеніи новаго края гласилъ, что всѣ мѣстные жители, „какого бы рода и званія ни были“, принимаются въ русское подданство, что императрица „изволить не только всѣхъ ихъ подтверждать при совершенной свободѣ въ публичномъ отправленіи ихъ вѣры“ и сохранить за ними право собственности, но и „совершенно ихъ подѣ державою Своею усыновляя“, предоставляетъ имъ всѣ тѣ права, вольности и преимущества, какими пользуются прочіе подданные.

Манифестъ говорилъ обо всѣхъ мѣстныхъ жителяхъ, но все же о евреяхъ было особо упомянуто: „Черезъ торжественное выше сего обнадеженіе всѣмъ и каждому свободнаго отправленія вѣры и неприкосновенной въ имуществахъ цѣлости собою разумѣется, что и еврейскія общества, жительствующія въ присоединенныхъ къ Имперіи Россійской городахъ и земляхъ, будутъ оставлены и сохранены при всѣхъ тѣхъ свободахъ, коими они нынѣ въ разсужденіи закона и имуществъ своихъ пользуются, ибо челоуѣколюбіе Ея Императорскаго Величества не позволяетъ ихъ однихъ исключить изъ общейъ всѣмъ милости и будущаго благосостоянія, подѣ благословенною Ея Державою, доколѣ они, съ своей стороны, съ подлежащимъ повиновеніемъ, яко вѣрноподданные, жить и въ настоящихъ торгахъ и промыслахъ, по званіямъ своимъ, обращаться будутъ“.

Тревога и недоговоренность сквозятъ въ этихъ строкахъ. Опасеніе, что принятіе многотысячнаго еврейскаго населенія подѣ русскій скипетръ на тѣхъ же основаніяхъ, что и прочіихъ новыхъ подданныхъ, вызоветъ чье-то недовольство, заставило государыню прибѣгнуть къ такому самооправданію, что „челоуѣколюбіе“ не позволяетъ поступить иначе. Быть-можетъ, выдѣленіе въ манифестѣ евреевъ въ особую группу изъ общей массы мѣстнаго населенія было вызвано желаніемъ государыни пойти навстрѣчу національной гордости польскаго общества, не считавшаго евреевъ гражданами страны. Во всякомъ случаѣ, манифестъ не явился выразителемъ дѣйствительнаго отношенія государыни къ бѣлорусскимъ евреямъ.

Подобно тому, какъ незадолго до этого, въ вопросѣ о привлеченіи зарубежныхъ евреевъ въ Россію, государыня, избѣгая открытыхъ выступленій, старалась выполнить свое намѣреніе безъ лишняго шума, такъ и теперь она умолчала въ манифестѣ о гражданскихъ правахъ евреевъ, хотя по этому вопросу имѣла твердое убѣжденіе.

Охраняя установившіяся вѣками религіозно-бытовой порядокъ, какъ основу своей національной жизни, и защищаясь отъ опасности, исходившей отъ окружающаго населенія, евреи издавна пользовались прочной внутренней организаціей; они подчинялись выборному управленію, во главѣ котораго стояли духовные пастыри и вліятельные члены общины. Въ концѣ 16-го вѣка такая организація приняла въ Польшѣ и Литвѣ твердо выработанную форму. Кагалъ служилъ посредникомъ между еврейскимъ населеніемъ и внѣшнимъ міромъ — городскимъ управленіемъ, владѣльцемъ имѣнія, въ которомъ жили евреи данной общины, правительственными учреждениями и др.; онъ уплачивалъ подати, причитавшіяся съ членовъ общины. Съ другой стороны, онъ являлся органомъ внутренняго самоуправленія, распространяя свой надзоръ и свою власть на всѣ проявленія жизни общины, а также и на частныхъ лицъ. Кагалъ устанавливалъ налоги для покрытія общинныхъ нуждъ, завѣдывалъ общественными учреждениями, издавалъ правила касательно торговли, ремеслъ и проч. Кагалъ исполнялъ и судебныя функціи: онъ разбиралъ дѣла, возникавшія среди еврейскаго населенія — религіозныя, гражданскія и даже уголовныя; кагалу принадлежала и исполнительная власть: онъ подвергалъ виновныхъ различнаго рода карамъ — денежнымъ штрафамъ, удаленію изъ общины, тѣлесному наказанію, отлученію отъ синагоги, такъ называемому херему, и проч.

Только благодаря кагалу евреи могли жить среди окружающаго населенія, разбитаго на обособленныя группы, сильныя своей внутренней организаціей.

Однако, эта автономная религіозно-національная жизнь еврейскаго общества покупалась цѣною духовной и физической свободы его отдѣльныхъ членовъ. Внѣдривъ въ общинную жизнь суровую регламентацію, подчинивъ общество режиму строгаго правовѣрія, опутавшему жизнь безконечными

запрещеніями, и тщательно оградивъ народъ отъ умственныхъ вѣяній извнѣ, кагалъ совершенно обезличилъ еврея, сковалъ его по рукамъ и ногамъ. Къ тому же, съ теченіемъ времени, кагално-раввинское управленіе приняло олигархическій характеръ; власть деморализовала народныхъ представителей, и тогда къ насиліямъ надъ народомъ, совершавшимся во имя неприкосновенности религіозно-бытового порядка, присоединились притѣсненія, вызывавшіяся честолюбивыми замыслами и корыстью кагалныхъ заправиль.

Но вотъ, начиная со второй половины 17-го вѣка кагалъ встрѣчается съ недовольствомъ народной массы; „рядовые“ евреи выступаютъ противъ кагала, добиваясь правъ свободной личности, защищая свои матеріальные интересы. Это междоусобіе тянется изъ поколѣнія въ поколѣніе. А между тѣмъ во второй половинѣ 18-го вѣка возникла среди еврейства религіозная борьба, вызванная появленіемъ новаго ученія, хасидизма, который долженъ былъ нанести ударъ застывшему въ неподвижности религіозно-общественному строю, ревностно поддерживавшемуся кагаломъ. Новое ученіе обѣщало народу — такъ хотѣлъ онъ думать — лучшія условія религіозно-общественной жизни. Сплоченные знаменемъ религіи и жизненными интересами, сектанты стали бороться противъ кагалной олигархіи. Если-бы борьбѣ былъ предоставленъ естественный ходъ, еврейское самоуправленіе, послѣ извѣстныхъ эволюцій, могло бы принять форму, соотвѣтственную народнымъ желаніямъ и новымъ условіямъ еврейской жизни. Но борьбѣ не было дано естественнаго теченія: съ одной стороны и кагалъ, и его противники начали обращаться за помощью сперва къ польской, а потомъ къ русской власти, съ другой же стороны русское правительство стало въ своихъ интересахъ реформировать кагалную организацію.

Принявъ Бѣлоруссію, правительство рѣшило сохранить въ силѣ кагалную организацію, чтобы при ея содѣйствіи взимать съ евреевъ подати и держать ихъ подъ административнымъ надзоромъ.

Въ этомъ рѣшеніи сыграло, вѣроятно, роль не только то, что кагалъ долженъ былъ облегчить новой администраціи заботы по управленію краемъ, но и то, что кагалъ въ своей основѣ соотвѣтствовалъ учреждениямъ, вѣдавшимъ

дѣла русскаго торгово-промышленнаго класса, магистратамъ и ратушамъ. Эти учрежденія, исполнявшія административныя и судебныя функціи, составлялись изъ бургомистровъ и ратмановъ, избиравшихся на посадскихъ сходахъ. Такого рода организація, внѣшне носившая характеръ самоуправленія, служила фактически интересамъ не общества, а правительства, — бургомистры и ратманы выполняли волю правительственной власти; „все значеніе мірскихъ выборовъ сводилось лишь къ тому, что населеніе должно было поставить для правительства изъ среды своей исполнительныхъ агентовъ съ ручательствомъ за ихъ исполнительность“.

Съ этой точки зрѣнія правительство взглянуло и на кагалную организацію.

Кагалы существовали въ общинахъ, отличавшихся многочисленнымъ населеніемъ, пользовавшихся матеріальнымъ достаткомъ или же укрѣпившихъ за собою нравственный авторитетъ. Менѣе значительныя общины подчинялись имъ подъ именемъ „прикагалковъ“. Кагалы объединялись извѣстными группами въ высшихъ учрежденіяхъ, которыя, въ свою очередь, сливались въ центральной организаціи.

Эта система выработалась въ Польшѣ вѣками, явившись результатомъ общественной борьбы изъ-за господства. Во взаимныхъ отношеніяхъ между общинами происходили нерѣдко перемѣны; общины, сознавшія свою матеріальную или духовную силу, отказывались отъ подчиненнаго положенія и добивались независимаго существованія.

Принявъ кагалную организацію, правительство рѣшило приноровить ее къ своимъ цѣлямъ.

Три группы населенія — крестьяне, евреи и купцы (христиане) — платили поголовный или подушный сборъ, каждая въ особомъ размѣрѣ. И вотъ, при установленіи размѣра сборовъ (крестьяне платили семь гривенъ, евреи — рубль, купцы — рубль двадцать копѣекъ) было повелѣно приписать евреевъ къ кагаламъ, „которые и учредить по разсмотрѣнію губернаторовъ и по надобности“. Кагалы должны были содѣйствовать тому, чтобы сборъ съ евреевъ „въ казну вѣрнѣе вступать могъ“, а также и тому, чтобы „въ прочемъ во всемъ сдѣлать съ ними надлежащій порядокъ“. Эта задача была тѣмъ затруднительнѣе, что значительная часть евреевъ про-

живала небольшими группами по деревнямъ и въ корчмахъ на дорогахъ. Всѣ эти евреи были росписаны по кагаламъ, которымъ они и были подчинены.

Такимъ образомъ, правительство отдало евреевъ во власть кагаловъ, чтобы облегчить себѣ трудъ по управленію краемъ. Считая же кагалы административными органами, правительство поставило ихъ подъ свой надзоръ. Поэтому-то и было рѣшено учредить кагалы „по надобности“. Край былъ разбитъ на двѣ губерніи, Могилевскую и Полоцкую (Витебскую), дѣлившіяся на провинціи; кагалы же были подчинены провинціальнымъ учрежденіямъ (позже уѣзднымъ управленіямъ), вслѣдствіе чего могло произойти перемѣщеніе прежнихъ кагалныхъ центровъ.

Кагалная организація въ разныя времена въ отдѣльных мѣстностяхъ видоизмѣнялась въ деталяхъ. Дѣятельность кагаловъ находилась порою въ зависимости отъ внѣшней власти — государственной или помѣщичьей.

Но все же можно набросать общую картину кагалной организаціи въ Бѣлоруссіи въ ту пору.

„Во всѣхъ мѣстечкахъ, какъ во владѣльческихъ, такъ и коронныхъ (казенныхъ) — говоритъ современникъ, русскій администраторъ, — имѣютъ евреи своихъ собственныхъ старшинъ, ими самими между собою избранныхъ: выбираютъ къ тому достаточныхъ (состоятельныхъ), а не менѣе того въ талмудѣ искусныхъ и во всемъ проворныхъ. Кагалъ составляютъ шесть жидовъ; они же имѣютъ своихъ намѣстниковъ (кандидатовъ)... И тѣ шесть жидовъ называются кагалными; въ малыхъ же мѣстечкахъ кагалъ составляется изъ пяти, а менѣе четырехъ нигдѣ не бываетъ“.

Для веденія текущихъ дѣлъ старшины чередовались каждыя двѣ недѣли; старшина, находившійся при исполненіи обязанностей, назывался „парнесомъ“. Въ составъ кагала входили еще слѣдующія должностныя лица: контролеръ, которымъ обычно являлся кандидатъ въ старшины; попечитель благотворительныхъ учрежденій и кандидатъ къ нему. Право занимать должности старшинъ и контролера могли лица, удовлетворявшія извѣстному высокому денежному цензу, а также домовладѣльцы и прежніе старшины. Кромѣ того, въ число членовъ общиннаго самоуправленія входили „главари“.

Назначеніе должностныхъ лицъ (не связанныхъ родствомъ) принадлежало избирателямъ (не связаннымъ родствомъ), которые намѣчались по жребію. Для попечителей и главарей устанавливался денежный цензъ въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ для старшинъ; все же должность попечителей и главарей не могли занимать лица, записавшіяся „низкими ремеслами“; съ другой стороны, дѣлалось исключеніе для лицъ, хотя и не удовлетворявшихъ денежному цензу, но отличавшихся нравственными качествами; право предлагать послѣднихъ къ избранію принадлежало старшинамъ, но рѣшеніе вопроса зависѣло отъ избирателей.

Функции кагала можно разбить на двѣ категоріи — однѣ изъ нихъ были возложены на кагалъ русскимъ правительствомъ (онѣ, впрочемъ, и раньше существовали) и носили, такъ сказать, государственный характеръ; другія же были лишь санкціонированы или даже только молчаливо приняты во вниманіе правительствомъ и относились къ области внутренней, религіозно-бытовой жизни евреевъ.

Кагалъ носилъ, какъ было выше указано, отвѣтственность за поступленіе казенныхъ сборовъ (а также помѣщичьихъ — на частновладѣльческихъ земляхъ) съ евреевъ, въ связи съ чѣмъ ему была предоставлена раскладка податей, а это, въ свою очередь, давало ему право контроля за передвиженіемъ лицъ, входящихъ въ составъ данной общины. Дабы никто не могъ уклониться отъ уплаты подати, было установлено, что каждый, мѣняя мѣстожителство и даже отлучаясь на короткое время, долженъ былъ получить отъ своего кагала надлежащій паспортъ. А такъ какъ выдача паспортовъ регистрировалась провинціальными учрежденіями, то дѣйствіа кагала въ этомъ отношеніи контролировались администраціей.

Въ качествѣ судебного учрежденія кагалъ разбиралъ какъ гражданскіе споры (за исключеніемъ вексельныхъ), такъ и дѣла о нарушеніи религіозныхъ предписаній, обрядовой традиціи. Кагалный судъ функционировалъ въ большихъ общинахъ черезъ каждые два мѣсяца, а въ меньшихъ черезъ три. Такъ какъ многіе евреи жили разбросанно по уѣздамъ, то раввины, разъѣзжая, судили на мѣстахъ; въ этихъ случаяхъ кагалъ служилъ апелляціонной инстанціей. Если кто-либо не шелъ по зову въ судъ, кагалный служитель былъ „обязанъ,

подъ страхомъ херема (проклятія), учинить ему принужденіе“, предваряя его объ этомъ въ теченіе трехъ сутокъ. Обращеніе, вопреки желанію противной стороны, къ государственному суду съ жалобой на рѣшеніе кагала возбранялось подѣ угрозой херема. Недовольный рѣшеніемъ кагала могъ апеллировать въ соотвѣтствующіе высшіе органы кагалной организаціи. Въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ были учреждены для разбора дѣлъ уѣздные кагалы, а высшей инстанціей служили губернскіе кагалы.

Дѣла религіознаго характера разбирались особымъ судомъ при кагалѣ; судьями являлись раввинъ и даянъ, назначавшіяся кагаломъ, а можетъ-быть и старшины; этотъ же судъ принималъ участіе въ рассмотрѣніи гражданскихъ споровъ, разрѣшавшихся на основаніи талмудическаго права. Вообще, раввину принадлежала видная роль въ кагалѣ; безъ согласія раввина кагалъ не долженъ былъ налагать штрафъ, предавать херему и проч.

Выполняя свои обязанности, кагалъ нерѣдко вынуждаемъ былъ къ принятію принудительныхъ мѣръ; въ частныхъ имѣніяхъ кагалу на помощь приходилъ помѣщикъ, который угрозою изгнать съ насиженнаго мѣста или грубою расправой могъ заставить ослушника подчиниться кагалу; при этомъ помѣщикъ за свое вмѣшательство взыскивалъ съ ослушника извѣстное вознагражденіе. Трудно сказать, оказывала ли такое же содѣйствіе кагалу и администрація; впрочемъ, въ рукахъ кагала были и безъ того различныя средства воздѣйствія — отказъ выдать паспортъ, а въ болѣе серьезныхъ случаяхъ — тѣлесное наказаніе, херемъ и др.

Самое право взимать сборы также служило порою въ рукахъ кагала орудіемъ воздѣйствія, потому что на неугодныхъ членовъ общины можно было наложить высокую раскладочную сумму. Въ сущности за поступленіе подати отвѣчалъ не кагалъ, а общество круговой порукой — кагалъ могъ легко злоупотреблять своей властью.

Впрочемъ, нерѣдко вмѣсто раскладки или непосредственнаго взиманія подати вводился косвенный налогъ — чаще всего съ мяса, такъ называемый коробочный; состоятельныя лица, потребляя больше мяса, чѣмъ бѣдные, оплачивали такимъ путемъ большую часть податной суммы. Къ коробочному

сбору прибѣгали и при взиманіи суммъ, нужныхъ для покрытия общинныхъ расходовъ.

Такова та дѣятельность кагала, которая въ основныхъ чертахъ была предоставлена ему правительствомъ, въ деталяхъ же установлена представителями еврейскаго общества. Но кагалъ, какъ было сказано выше, выполнялъ и другія функціи внѣ правительственнаго контроля. Онъ собиралъ деньги на нужды общины (послѣднее являлось привилегіей кагала въ сравненіи съ магистратами, не пользовавшимися правомъ устанавливать сборы), и даже всего края. Провинціальныя (уѣздныя) кагалы также несли обязанности, которыя не затрагивали правительственныхъ интересовъ, относясь лишь къ внутренней жизни; провинціальный кагалъ, повидимому, распредѣлялъ между кагалами своей юрисдикціи сборы на нужды края, огуломъ устанавливаемый для провинціи. Затруднительно сказать, являлся ли губернской кагалъ высшей инстанціей въ краѣ, или существовало учрежденіе, объединявшее оба губернскихъ кагала (Могилевской и Полоцкой губ.).

При всей своей обширной автономіи евреи во многомъ находились въ зависимости отъ магистратовъ, дѣйствовавшихъ по образцу не русскихъ, а польскихъ городскихъ учреждений; здѣсь разбирались дѣла по обвиненію евреевъ въ преступленіяхъ, рассматривались ихъ гражданскіе споры съ христіанами, разрѣшались также дѣла между евреями по векселямъ и „облигамъ“. Евреи не избирались на магистратскія должности. Лишь по уголовнымъ дѣламъ обвиняемые евреи могли приглашать въ судъ одного изъ кагалныхъ членовъ „для наставленія и помощи“. Но при этомъ, согласно польскому законодательству, свидѣтельскія показанія евреевъ не принимались судомъ; кромѣ того, христіанамъ давалось преимущество въ отношеніи присяги; эти ограниченія были введены мѣстной администраціей, безъ вѣдома центральной власти, нѣсколько лѣтъ спустя по переходѣ края къ Россіи.

Особенно чувствительна была зависимость евреевъ отъ магистрата въ томъ отношеніи, что выдѣлка и продажа вина, водки, пива и меду были отданы правительствомъ на откупъ магистратамъ, которые по своему усмотрѣнію уступали это право обывателямъ. Питейные же промыслы являлись наиболѣе распространеннымъ занятіемъ среди евреевъ.

Неблагопріятныя условія, въ которыхъ евреи находились въ Польшѣ въ виду оторванности отъ остальнаго населенія, стали особенно тягостными въ Бѣлоруссіи, когда было введено (1778 г.) обще-русское городское управленіе, существовавшее, между прочимъ, выдвинуть общественную роль торгово-промышленнаго класса. Торгово-промышленный классъ былъ разбитъ на двѣ группы—купцовъ трехъ гильдій и мѣщанъ, въ зависимости отъ капиталовъ, что давало возможность большому числу лицъ примкнуть къ торгово-промышленному элементу. Купцы пользовались тѣмъ преимуществомъ, что они платили не подушную подать, а извѣстный процентъ съ капитала. Купцы и мѣщане въ органахъ сословнаго самоуправленія творили судъ, взыскивали сборы, исполняли обязанности торговой полиціи и проч. Многие члены торгово-промышленнаго класса проживали въ деревняхъ, но все же они считались принадлежащими къ городскому обществу.

Евреи, какъ жившіе въ городахъ, такъ и осѣвшіе по деревнямъ, занимались торговлей и промыслами; всѣ они были приписаны къ кагаламъ, учрежденнымъ въ городскихъ поселеніяхъ. Такимъ образомъ они въ сущности не отличались отъ христіанъ торгово-промышленнаго класса. Однако, евреи не находились въ общественной связи съ ними, образуя какъ бы особую административную группу „евреевъ“.

Вполнѣ естественно, что болѣе состоятельные евреи хотѣли вступить въ купечество. Помимо общихъ причинъ, ихъ могло побуждать къ этому то обстоятельство, что, становясь купцами, они освобождались отъ уплаты подушной подати, а слѣдовательно, и отъ зависимости въ этомъ отношеніи отъ кагала.

И вотъ, нѣкоторые евреи возбудили просьбу о разрѣшеніи приписаться къ купечеству; императрица не могла не пойти навстрѣчу желанію евреевъ, такъ какъ очень заботилась о развитіи купческаго класса.

Многіе воспользовались этимъ правомъ (1780 г.), и такимъ образомъ оказались въ исключительномъ положеніи въ сравненіи съ остальными евреями, по прежнему не имѣвшими никакого сословнаго званія, которое пріобщило бы ихъ въ общественной жизни къ христіанскому населенію. Между тѣмъ уходъ евреевъ-купцовъ изъ группы „еврей“ лишилъ

последнюю прежняго значенія, такъ какъ при новыхъ условіяхъ кагалъ уже отвѣчалъ не за всѣхъ евреевъ—записавшіеся въ купечество вносили причитавшійся съ нихъ процентный сборъ въ кассу общихъ учреждений, а не кагала. Поэтому всѣхъ евреевъ, не вошедшихъ въ составъ купечества, приобщили къ мѣщанскому сословію.

Этотъ актъ знаменателенъ въ исторіи русскихъ евреевъ. Бывшіе польскіе евреи впервые вошли въ составъ сословія и заняли мѣсто среди гражданъ; они перестали составлять группу обывателей, совершенно устраненныхъ въ общественно-государственной жизни отъ окружающаго населенія.

Однако, мѣстное христіанское общество, привыкшее видѣть евреевъ въ роли безправныхъ гостей, не хотѣло примириться съ новыми условіями.

Въ 1783 г. происходили выборы нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ сословнаго самоуправленія, и евреи приняли, какъ видно, участіе въ избирательной кампаніи. Но когда оказалось, что нѣкоторые изъ нихъ были выбраны на должности, группа христіанъ (быть-можетъ и отдѣльные представители администраціи) выступила противъ этого съ протестомъ.

Дѣло дошло до государыни, и тогда Екатерина II провозгласила тотъ лозунгъ—„равноправіе евреевъ“, который не былъ высказанъ въ манифестѣ о присоединеніи Бѣлорусскаго края къ Россіи. Избѣгая лишнихъ словъ, столь обычныхъ въ торжественныхъ актахъ, считая ненужнымъ выдвинуть возбужденный вопросъ изъ ряда текущихъ государственныхъ дѣлъ, государыня дала свой отвѣтъ въ такой формѣ, которая ясно говорила, что разрѣшеніе этого вопроса не встрѣчаетъ никакихъ сомнѣній или затрудненій. Бѣлорусскому генераль-губернатору Пассеку было объявлено слѣдующее Высочайшее повелѣніе: „если евреи, въ купечество записавшіеся, по добровольному согласію общества, выбраны къ каковымъ-либо должностямъ, то и не могутъ они удержаны быть отъ вступленія въ дѣйствительное возложенныхъ на нихъ должностей отправление“.

Это привело къ тому, что евреи, въ качествѣ равноправныхъ членовъ торгово-промышленнаго класса, стали фактически нести гражданскія обязанности и пользоваться гражданскими правами.

Тогда нѣкоторые круги христіанскаго общества рѣшили отмстить евреямъ за то, что пользуясь покровительствомъ верховной власти, они заняли въ общественно-государственной жизни такое положеніе, какое не принадлежало имъ въ Польшѣ.

Писатель Соломонъ Беннетъ, пережившій эту бурю, рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что окружающее общество стало „подкапываться подъ потомство Якова, старая вражда католиковъ къ евреямъ не была еще забыта“.

Это началось тогда, когда перваго бѣлорусскаго генераль-губернатора гр. Чернышева смѣнилъ Пассекъ (1782 г.). „Между польскимъ дворянствомъ и шляхетствомъ и русскимъ генераль-губернаторомъ, губернаторами и оберъ-интендантами составились заговоры съ цѣлью лишить евреевъ ихъ правъ, подъ предлогомъ значительныхъ выгодъ, которыя отъ этого проистекуть для дворянства, шляхетства и даже для казны. При первомъ нападеніи у нихъ отняли пивоваренные и винокуренные заводы, таможни, постоянные дворы и т. д., что составляло большую часть ихъ промысловъ; тысячи семействъ повергнуты были въ нищету... Но нападеніе, которое предприняли противъ ихъ генеалогіи нравовъ и доброй совѣсти, было имъ страшнѣе всѣхъ прежнихъ несправедливостей. Также рѣшено было съ этихъ поръ не допускать евреевъ быть свидѣтелями и не допускать ихъ къ присягѣ ни въ какомъ судебномъ мѣстѣ...“

Дѣйствительно, евреевъ стали подвергать въ то время различнымъ стѣсненіямъ, и въ этомъ, какъ видно, приняли участіе не только мѣстные администраторы, но также и представители общества. Однако, не одно лишь злобное чувство послужило основаніемъ для кампаніи. Тутъ сыграли роль иныя сложныя, серьезныя обстоятельства. Дѣло въ томъ, что русскій общественно-государственный строй не соответствовалъ тѣмъ формамъ жизни, которыя установились въ Польшѣ. Въ частности, въ противорѣчій съ новыми условіями оказались и отдѣльныя стороны еврейскаго быта, результатомъ чего и явилось ограниченіе евреевъ въ нѣкоторыхъ правахъ. А такъ какъ администрація и общество стали въ то время относиться недружелюбно къ евреямъ, то этимъ мѣрамъ былъ приданъ репрессивный характеръ.

Въ эти-то дни происходило избраніе должностныхъ лицъ (1784 г.). Хотя администрація приняла мѣры къ тому, чтобы евреи въ городахъ, гдѣ они численно превосходили христіанское населеніе, не заняли на выборахъ господствующаго положенія, съ каковой цѣлью примѣнялись различныя избирательныя системы, все же въ Могилевской губерніи изъ среды евреевъ были избраны: семь бургомистровъ, девять ратмановъ, восемь членовъ словесныхъ судовъ и одинъ староста.

Въ Полоцкой губерніи результаты оказались менѣе благоприятными; къ тому же, здѣсь въ двухъ городахъ евреи вовсе не были допущены къ участию въ выборахъ.

Евреи знали, что имѣютъ защиту въ лицѣ государыни, и они обратились къ ней съ жалобой по поводу различныхъ притѣсненій, которымъ они подвергались, а также и по поводу неправильныхъ выборовъ.

„Слѣдствіемъ этого—сообщаетъ Беннетъ—было то, что состоялось общее собраніе этихъ двухъ губерній, которое открыло подписку и положило взыскать съ каждаго извѣстную сумму для снаряженія депутаціи въ Петербургъ. Собраніе выбрало изъ своей среды четырехъ депутатовъ и двухъ секретарей и отправило ихъ въ Петербургъ для защиты общаго дѣла предъ высшимъ судилищемъ (сенатомъ) и петербургскимъ кабинетомъ. Депутаты эти сдѣлали правительству соотвѣтствующія представленія“.

Депутаты дѣйствовали отъ имени еврейскаго народа; они имѣли на это извѣстное право, но фактически они явились представителями однихъ лишь кагаловъ. Это видно изъ того, что депутаты, спасая народъ отъ обрушившихся на него бѣдствій, одновременно хлопотали объ укрѣпленіи власти кагала, что не могло соотвѣтствовать желаніямъ широкихъ круговъ еврейскаго общества. При этомъ, депутаты просили о сохраненіи за кагаломъ такихъ функций, которыя не могли ему принадлежать, разъ евреи приобщились въ гражданской жизни къ окружающему населенію.

Въ виду вступленія евреевъ въ купеческое и мѣщанское сословія, пользовавшіяся самоуправленіемъ, вѣдавшія свои судебныя, финансовыя и административныя дѣла, купеческіе сборы и мѣщанскія поголовныя стали вноситься евреями въ общія учрежденія; евреи начали также обращаться

въ общія судебныя инстанціи, порою даже по дѣламъ религіознаго характера. Все это дѣлалось добровольно, безъ принужденія извнѣ. При такихъ условіяхъ кагалъ долженъ былъ утратить свой авторитетъ, свою силу. И вотъ, чтобы возродить свою мощь, кагалы, въ лицѣ депутаціи, отправленной въ Петербургъ, стали хлопотать о томъ, чтобы дѣла между евреями разбирались исключительно въ еврейскихъ судахъ, чтобы „преступники ихъ законовъ и обрядовъ“, т.е. послѣдователи хасидской секты и вообще лица, выступавшія противъ кагала, были судимы въ еврейскихъ судахъ. Кагалы просили также о томъ, чтобы была возобновлена „раскладка“ подати и чтобы никто не вмѣшивался въ дѣла по взысканію кагалами сборовъ съ еврейскаго населенія.

Передъ тѣмъ, чѣмъ рассказать, какъ отнеслось правительство къ домогательствамъ кагаловъ, надо ознакомиться съ остальнымъ содержаніемъ ихъ жалобы, потому что всѣ притѣсненія, выпавшія на долю бѣлорусскихъ евреевъ, въ частности умаленіе ихъ роли въ сословномъ самоуправленіи, а съ другой стороны, просьба кагала объ укрѣпленіи его власти—все это находилось въ непосредственной связи съ фактомъ вступленія евреевъ въ составъ русскаго торгово-промышленнаго класса, и правительство разсмотрѣло возбужденные вопросы исходя изъ этого соображенія.

Тяжкимъ ограниченіемъ для евреевъ явилось: запрещеніе имѣть осѣдность въ деревняхъ, гдѣ еврейское населеніе вѣками проживало, а также запрещеніе заниматься винными промыслами, въ теченіе столѣтій служившими источникомъ пропитанія.

Это не были мѣры, направленныя специально противъ евреевъ; нѣтъ, онѣ имѣли въ виду и христіанъ торгово-промышленнаго класса.

Какъ извѣстно, посадское общество, т. е. та христіанская группа населенія, къ которой евреи примкнули въ общественной жизни, не пользовалось свободой передвиженія. Съ одной стороны посадскихъ прикрѣпляла къ мѣсту община, не желавшая терять платежеспособныхъ членовъ, съ другой стороны, правительство нерѣдко переселяло ихъ принудительно въ мѣстности, нуждавшіяся въ торговомъ и промышленномъ элементѣ. Заботясь объ экономическомъ развитіи

страны, Екатерина II освободила торговый людъ отъ многихъ стѣсненій, но вмѣстѣ съ тѣмъ она, въ тѣхъ же интересахъ, не отказывалась сковывать его свободу. Между прочимъ государыня повелѣла (1782 г.), чтобы мѣщане и купцы не жили „въ селеніяхъ крестьянскихъ, пользуясь прибытками сихъ послѣднихъ съ крайнимъ ихъ утѣсненіемъ“, и всюду по Россіи началось выселеніе купцовъ и мѣщанъ изъ деревень въ города.

Эта мѣра должна была распространиться, въ частности, и на евреевъ. Вообще, при установленіи ея менѣе всего имѣлись въ виду евреи—она была вызвана непосредственно „непорядками“, обнаруженными въ Олонецкой губерніи, гдѣ евреевъ совершенно не было. Между тѣмъ оказалось, что мѣра, въ одинаковой степени направленная на христіанъ и евреевъ торгово-промышленнаго сословія, пріобрѣла въ отношеніи евреевъ исключительно важное значеніе. Законъ о выселеніи купцовъ и мѣщанъ изъ уѣздовъ, имѣя силу лишь для части христіанскаго населенія, долженъ былъ поразить все еврейское населеніе, такъ какъ среди евреевъ никого, кромѣ мѣщанъ и купцовъ, не было, и потому онъ получалъ характеръ закона о евреяхъ вообще. А это обстоятельство не было лишено извѣстнаго психологическаго значенія,—создавалось представленіе, будто шла рѣчь о евреяхъ не какъ о части русскаго торгово-промышленнаго класса, а какъ объ отдѣльной вѣроисповѣдной группѣ.

Русскіе купцы и мѣщане не торопились покинуть селенія,—приходилось напоминать, принуждать. Бѣлорусскіе же евреи, какъ потомъ убѣдилось въ этомъ правительствѣ, не могли оставить свои мѣста, потому что, помимо другихъ обстоятельствъ, имъ некуда было переселиться. Сохранившіяся статистическія данныя свидѣтельствуютъ, что бѣдные бѣлорусскіе города, куда евреевъ хотѣли направить, не были въ состояніи принять эту многотысячную массу, лишленную средствъ къ существованію (на пять тысячъ евреевъ, жившихъ въ городахъ Полоцкой губерніи, пришлось бы десять тысячъ изгнанниковъ изъ деревень).

Тѣмъ не менѣе, началось выдвореніе евреевъ изъ уѣдныхъ поселеній въ города. А въ это время на евреевъ обрушилось новое бѣдствіе.

Евреи въ Польшѣ нерѣдко подвергались со стороны городского управленія стѣсненіямъ въ торговой дѣятельности, и потому, выражаясь словами одного стараго документа, „не будучи наравнѣ съ христіанами и не пользуясь тѣми выгодами, какія христіанамъ присвоены, принуждены были искать своей пользы, занимаясь арендарами и шинкарями въ селеніяхъ“. Такимъ образомъ, въ теченіе вѣковъ главнымъ источникомъ пропитанія евреевъ въ имѣніяхъ служили аренда различныхъ отраслей помѣщичьяго хозяйства и винные промыслы; въ послѣднемъ случаѣ евреи выступали только въ качествѣ агентовъ, такъ какъ право на выдѣлку и продажу водки принадлежало помѣщикамъ.

Вообще въ Бѣлоруссіи доходы отъ винныхъ промысловъ составляли значительную часть бюджета казны, помѣщиковъ, монастырей и городскихъ обывателей. Болѣе сильные общественные элементы старались получить монополію, и въ 1783 г. было установлено, что право на винные промыслы принадлежитъ въ казенныхъ деревняхъ—казнѣ, въ частныхъ—помѣщикамъ, въ городахъ—магистратамъ. Воспользовавшись этимъ распоряженіемъ, устранявшимъ торгово-промышленный классъ отъ винокурения, бѣлорусская администрація объявила, что если помѣщикъ уступитъ куреніе водки „купцу, мѣщанину или жиду, тотъ сочтенъ будетъ яко преступникъ узаконній, не брегущій собственной своей пользы дарованнаго отъ Ея Императорскаго Величества права винокурения“. Такимъ образомъ, евреи, жившіе въ деревняхъ, должны были лишиться средствъ къ жизни.

Введеніе монополіи разорило и многихъ городскихъ евреевъ, которые, въ виду прежде существовавшихъ правилъ, предоставлявшихъ право винокурения всѣмъ обывателямъ, имѣли собственныя винокурни. Въ городахъ евреи, въ сущности, могли бы и впредь заниматься этими промыслами въ качествѣ откупщиковъ, но магистраты, не довольные общественнымъ возвышеніемъ евреевъ, не дали имъ откупа. Разорившіеся горожане стали направляться въ поискахъ за заработкомъ въ уѣзды, а въ это время оттуда шли изгнанные изъ деревень.

Лишеніе права винокурения относилось ко всему торгово-промышленному классу, но опять-таки, какъ въ вопросѣ о проживаніи въ деревняхъ, запретъ, распространявшійся лишь

на часть христіанскаго общества, охватывалъ в се еврейское населеніе.

Указанныя стѣсненія должны были, по завѣренію администраціи, принести пользу краю. Но еврейскіе депутаты доказывали противное. Тогда, какъ объ этомъ сообщаетъ Беннетъ, въ Петербургъ были вызваны генераль-губернаторъ и другіе административныя лица; ихъ разьясненія не были признаны удовлетворительными, и государыня написала генераль-губернатору Пассеку: „Пассекъ! я послала васъ въ эти провинціи для того, чтобы вы защищали моихъ подданныхъ, чтобы радѣли объ общемъ благѣ и содѣйствовали благосостоянію гражданъ, а ни въ какомъ случаѣ не для того, чтобы вы угнетали ихъ и повергали ихъ въ нужду. Я не хочу воздать вамъ такъ, какъ вы того заслуживаете, потому что уважаю вашу старость и тѣ многія заслуги, которыя вы прежде оказывали. Но возвратитесь и постарайтесь уладить это дѣло, дабы жалобы и слезы моихъ подданныхъ не достигали моего престола“.

Быть-можетъ, авторъ сообщенія и не совсѣмъ точно передаетъ содержаніе официальнаго документа, въ которомъ государыня выразила свое недовольство по поводу стѣсненія евреевъ въ правахъ. Но фактъ тотъ, что Екатерина II дѣйствительно въ категорической формѣ потребовала, чтобы евреи почитались равноправными гражданами. Сенату, которому было передано на разсмотрѣніе всеподданнѣйшее прошеніе евреевъ, было объявлено: „Ея Величество примѣтитъ указала, что когда означенные еврейскаго закона люди вошли уже, на основаніи указовъ Ея Величества, въ состояніе, равное съ другимъ, то и надлежитъ при всякомъ случаѣ наблюдать правило, Ея Величествомъ установленное, что всякъ по званію и состоянію своему долженствуетъ пользоваться выгодами и правами безъ различія закона и народа“.

Вслѣдствіе этого всѣ очередные вопросы еврейской жизни должны были быть разрѣшены въ согласіи съ правами и обязанностями евреевъ, какъ равноправныхъ гражданъ, какъ членовъ торгово-промышленнаго класса.

Оправдывая принудительное выселеніе евреевъ изъ деревень, администрація ссылалась на то, что этого требуетъ общій законъ, запрещающій купцамъ и мѣщанамъ проживать внѣ

городовъ, и что пребываніе евреевъ въ деревняхъ влечетъ за собою тяжелыя послѣдствія для крестьянъ, которыхъ евреи, арендующіе владѣльческіе шинки и винокурни, опаиваютъ.

Это обвиненіе не разъ возбуждалось впослѣдствіи противъ евреевъ и причиняло имъ много страданій, и на немъ придется еще въ дальнѣйшемъ изложеніи остановиться. Здѣсь же достаточно отмѣтить, что оно не было принято во вниманіе правительствомъ, такъ какъ право на винные промыслы принадлежало владѣльцамъ имѣній, и если крестьяне пьянствовали и впадали въ убожество, то отвѣтственность за это ложилась на помѣщиковъ, искавшихъ чрезмѣрныхъ доходовъ отъ продажи водки.

Что касается закона, запрещающаго купцамъ и мѣщанамъ вообще проживать въ уѣздахъ, то онъ поставилъ правительство предъ дилеммой. Хотя евреи имѣли много враговъ, все же изъ официальныхъ донесеній съ мѣстъ ясно было, что массовое изгнаніе лишитъ евреевъ средствъ къ жизни, что они не найдутъ въ городахъ ни жилища, ни пропитанія. Такимъ образомъ были два пути: осуществить законъ и разорить евреевъ, подорвать благосостояніе края; или же сдѣлать для Бѣлоруссіи изъятіе изъ общаго закона, несоотвѣтствующаго мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ. Но правительство уклонилось отъ прямого отвѣта на остро поставленный вопросъ, и было рѣшено создать фикцію, объявить, будто многотысячное еврейское населеніе, изъ поколѣнія въ поколѣніе жившее на своихъ мѣстахъ, является лишь временно пребывающимъ въ деревняхъ; что это все то-же городское населеніе, которое, съ разрѣшенія кагала, „отлучилось“ сюда на извѣстный срокъ изъ городовъ, подобно тому, какъ отлучались и прочіе торговые люди.

Въ виду этого было запрещено „безвременно“ принуждать евреевъ къ переселенію въ города. Подобное распоряженіе не дало, конечно, спокойствія евреямъ, ибо не устранило противорѣчія между закономъ и фактическимъ положеніемъ евреевъ въ краѣ, долженствовавшаго и въ дальнѣйшемъ угрожать имъ репрессіями.

Еврейское населеніе представляло собою въ глазахъ правительства городской торгово-промышленный классъ, — съ тѣмъ большимъ вниманіемъ поэтому правительство

разсмотрѣло жалобы евреевъ по поводу нарушенія ихъ избирательныхъ правъ.

Этотъ вопросъ получилъ въ то время для евреевъ особое значеніе; такъ какъ вновь изданное городское положеніе (1785 г.) предоставило торгово-промышленному классу важную роль въ городской общественной жизни, въ городскомъ самоуправленіи. Съ одной стороны, какъ городскіе обыватели вообще, съ другой стороны, въ частности, какъ члены торгово-промышленнаго класса, евреи получили возможность избираться впредь не только въ члены губернскихъ и городскихъ магистратовъ, ратушь, словесныхъ, совѣстныхъ судовъ, но равнымъ образомъ и въ общегородской органъ самоуправления—въ думу. Таковое право и было подтверждено за евреями правительствомъ, опредѣлившимъ, что евреи, какъ и прочіе горожане-христіане, должны составлять магистраты и думы, занимать судейскія и прочія должности.

Въ связи съ этимъ и было отвергнуто домогательство депутатовъ, чтобы дѣла между евреями разбирались въ еврейскихъ, а не въ общихъ судахъ (при этомъ послѣдовало разъясненіе, что въ отношеніи свидѣтельскихъ показаній и присяги евреи должны находиться въ равныхъ условіяхъ съ христіанами). Уѣздные и губернскіе еврейскіе суды могли разбирать одни лишь дѣла религіознаго характера.

Право судить за религіозныя преступленія служило опорой для власти кагала. Но, помимо сего, бѣлорусскимъ ходатаямъ удалось добиться того, что еврейскому обществу было предоставлено производить по своему усмотрѣнію раскладку подати и сборовъ, а каждый еврей въ отдѣльности могъ пользоваться правомъ передвиженія лишь съ согласія его общества. При установленіи этихъ правилъ не говорилось спеціально о томъ, что и раскладка подати, и контроль за передвиженіемъ населенія поручаются кагаламъ, но фактически эти функціи оказались въ ихъ рукахъ. Правительство согласилось сохранить за обществомъ эти права, потому что такимъ путемъ обезпечивалось поступленіе подати.

Такимъ образомъ, внутренній бытъ еврейскаго населенія не подвергся кореннымъ преобразованіямъ, хотя этого добились извѣстные круги еврейскаго общества, недовольные господствомъ кагаловъ, и хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, это вызывалось

новыми условіями внѣшней жизни, при которыхъ евреи уже не составляли обособленной группы.

Съ другой стороны, евреямъ пришлось еще вести борьбу съ окружающимъ населеніемъ, чтобы полностью осуществить свои гражданскія права. Въ 1786 г. при выборѣ словесныхъ судей витебскій магистратъ всячески противился избранію еврея; вмѣшательство мѣстной администраціи не помогло, примѣръ же витебскаго магистрата оказался заразительнымъ. Тогда евреи вновь обратились съ жалобой къ государынѣ и вскорѣ генераль-губернаторъ Пассекъ получилъ рескриптъ, въ которомъ государыня рѣшительно потребовала исполненія закона о равноправіи евреевъ.

Несоотвѣтствіе между социаль-экономическимъ бытомъ евреевъ, установившимся въ Польшѣ, и условіями русскаго строя, не разъ приводившее къ конфликтамъ между закономъ и повседневною дѣйствительностью, способствовало также возникновенію того гетто, которое впослѣдствіи получило названіе „черты постоянной еврейской осѣдлости“. Естественное право передвиженія было ограничено предѣлами опредѣленной территоріи; этимъ была скована экономическая дѣятельность еврейскаго населенія, что, въ свою очередь, должно было пагубно отразиться на его матеріальной и духовной жизни.

Когда бѣлорусскіе евреи возбудили просьбу (1784 г.) о дозволеніи имъ записаться въ торговый классъ Рижскаго форштадта, имъ отказали, такъ какъ для предоставленія подобнаго права нужно было особое Высочайшее повелѣніе; въдѣ торгово-промышленное сословіе вообще не пользовалось свободой передвиженія; когда бѣлорусскимъ купцамъ разрѣшили переходить изъ города въ городъ, это было сдѣлано лишь въ видѣ отступленія отъ общаго правила. Обстоятельства измѣнились къ лучшему съ изданіемъ городского положенія 1785 г., которое уже болѣе не говорило о прикрѣпленности купцовъ, и вскорѣ послѣ этого евреи записались въ купечество внѣ Бѣлоруссіи. Въ Москвѣ нѣкоторые евреи, бѣлорусскіе и заграничныя, завели большую торговлю, особливо Нота Хаимовичъ Ноткинъ, пріобрѣвшій впослѣдствіи имя энергичнаго общественнаго дѣятеля.

Удача рождаетъ зависть. Русскіе купцы, недовольные кон-

курренціей евреевъ, стали добиваться ихъ удаленія; они жаловались, что евреи занимаются запрещенной въ то время разносной торговлей по домамъ и, назначая дешевыя цѣны, наносятъ вредъ мѣстной торговлѣ; москвичи указывали, что евреи только потому могутъ уступать товаръ по низкой цѣнѣ, что торгуютъ контрабандой; но это обвиненіе было, вѣроятно, столь же безосновательно, какъ и то, будто евреи „потаенно“ записались въ московское купечество, не открывъ своей національности; русскіе администраторы не разъ свидѣтельствовали, что евреи потому продаютъ товары дешевле, что они болѣе скромны въ личныхъ потребностяхъ, чѣмъ прочіе купцы; скрыть же свою принадлежность къ еврейству врядъ-ли представлялось возможнымъ. Если москвичи рѣшились выступить спеціально противъ евреевъ, то сомнительно, чтобы они не надѣялись на то, что ихъ конкуренты, какъ евреи, не встрѣтятъ нигдѣ защиты. Однако, характерно, что москвичи сочли нужнымъ снять съ себя подозрѣніе въ религіозной нетерпимости; они объяснили, что жалуются на евреевъ только въ интересахъ московской торговли, а „отнюдь не изъ какого-либо къ нимъ, въ разсужденіи религіи, отвращенія или ненависти“.

Совѣтъ государыни призналъ, что евреямъ не предоставлено записываться въ купечество російскихъ городовъ; отъ этого и не было бы никакой пользы для государства; однако, право гражданства, которымъ евреи пользуются въ Бѣлоруссіи, было бы полезно распространить на Екатеринославское намѣстничество и Таврическую область¹⁾.

Это рѣшеніе, утвержденное государыней, и легло въ основу закона 23 декабря 1791 г., установившаго, что только въ указанныхъ выше мѣстностяхъ евреи пользуются „правомъ гражданства“, т.-е. записки въ купечество и мѣщанство. Отсюда и выросло столь широко разившееся позже правовое ограниченіе, въ силу котораго евреямъ запрещено жить въ тѣхъ мѣстностяхъ, о которыхъ не сказано, что онѣ открыты для ихъ водворенія. Но ни Совѣтъ, ни государыня не могли предвидѣть, что указъ 1791 г. приведетъ къ подобнымъ результатамъ.

¹⁾ Нынѣ Екатеринославская, Таврическая и Херсонская губернии.

Въ ту пору, когда еще господствовалъ принципъ прикрѣпленности обывателя къ опредѣленному мѣсту, никто не долженъ былъ смотрѣть на этотъ указъ какъ на исключительное ограниченіе, имѣвшее цѣлью охранить внутреннюю Россію отъ евреевъ. Хотя городское положеніе 1785 г. не прикрѣпляло русскихъ купцовъ, вопросъ о свободѣ ихъ передвиженія все еще не считался окончательно разрѣшеннымъ. А христіане-мѣщане въ то время вовсе не пользовались правомъ переходить изъ одной губерніи въ другую. Разрѣшеніе евреямъ переселяться въ Екатеринославское намѣстничество и Таврическую область должно было быть разсматриваемо какъ особое исключеніе; еще въ 1796 г. новгородсѣверскому губернатору пришлось оправдываться по поводу того, что онъ принялъ къ себѣ мѣщанъ-евреевъ изъ Могилевской губерніи, а вѣдь Новгородсѣверская губернія входила въ составъ черты еврейской осѣдлости. Издавая указъ 1791 г., Совѣтъ и государыня руководствовались лишь соображеніемъ о непосредственной выгодѣ: торговая дѣятельность евреевъ во внутреннихъ городахъ, гдѣ есть свое купечество, не приноситъ, по мнѣнію Совѣта, пользы,—поэтому прежняя льгота, данная бѣлорусскимъ евреямъ, уничтожается; переселеніе евреевъ въ малонаселенный край сулитъ государству выгоду—ограничительныя правила о передвиженіи отвергаются для даннаго случая и евреямъ разрѣшаютъ переходить въ Новороссію.

Ограничительные законы о жительствѣ плохо исполнялись какъ евреями, такъ и христіанами. И это потому, что администрація охотно принимала свѣжіе общественные элементы. Въ сущности, указъ 1791 г. не открылъ предъ евреями дороги въ новый край, а, вѣрнѣе, санкціонировалъ лишь тотъ фактъ, что евреи уже тамъ жили. Въ Таврической губерніи издавна имѣлось еврейское населеніе, а въ Новороссійскій край въ теченіе ряда лѣтъ прибывали зарубежные евреи, особливо изъ польскихъ владѣній, порою значительными партіями; напр., въ 1776 г. сюда переселился „балтскій выходъ всѣмъ кагаломъ“ въ числѣ ста семействъ.

Евреи водворились и въ другихъ мѣстностяхъ—главнымъ образомъ въ Кіевской, Черниговской и Новгородсѣверской губерніяхъ, гдѣ ихъ насчитывалось около тысячи душъ; половину составляли заграничные евреи, преимущественно изъ

Польши. Евреи приписались здѣсь къ различнымъ общественнымъ группамъ—къ гостямъ, купечеству, мѣщанству и цеховымъ; всѣ они, какъ и не приписавшіеся, пользовались въ городахъ правами гражданства; среди нихъ были ремесленники, поставщики, шинкари и др. Когда появился указъ 1791 г. о чертѣ осѣдлости, мѣстное начальство хотѣло-было выселить всѣхъ евреевъ, но въ Петербургѣ отнесли иначе къ этому вопросу, и упомянутыя три малороссійскія губерніи были (1794 г.) присоединены къ территоріи черты осѣдлости.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Переходъ новыхъ массъ польскихъ евреевъ подъ русское господство.— Установленіе для евреевъ особой подати.— Значеніе этой мѣры для ихъ общественнаго положенія.— Христіане добиваются умаленія гражданскихъ правъ евреевъ.— Устраненіе еврейскаго населенія на Литвѣ отъ участія въ общественномъ самоуправленіи.— Попытки городовъ удалить отъ себя евреевъ.— Евреи въ Курляндіи: въ угоду христіанскому торговому классу мѣстная администрація настаиваетъ, чтобы они были признаны незаконно водворившимися; правительство выступаетъ на ихъ защиту; дарованіе имъ гражданскихъ правъ.— Евреи на помѣщичьихъ земляхъ.

Трагическая судьба Польши, подвергшейся въ 1793 г. второму раздѣлу, а въ 1795 г., послѣ третьяго раздѣла, совершенно снесенной съ политической карты, привела подъ русское господство новое многочисленное еврейское населеніе.

Россія присоединила къ себѣ, по второму раздѣлу, территорію, изъ которой были образованы Минская, Подольская и Волынская губерніи. На евреевъ, жившихъ здѣсь въ такихъ же социальнo-экономическихъ условіяхъ, какъ въ Бѣлоруссіи, были распространены законы, установленные для ихъ бѣлорусскихъ единовѣрцевъ, и вотъ почему во вновь приобрѣтенномъ краѣ уже вскорѣ обострились два вопроса, въ свое время волновавшіе Бѣлоруссію,—о проживаніи евреевъ въ деревняхъ, что не соответствовало русскимъ порядкамъ, и объ участіи евреевъ въ общественномъ самоуправленіи, что шло въ разрѣзъ съ положеніемъ, которое они занимали въ Польшѣ.

Подобно тому какъ въ Бѣлоруссіи, многіе евреи и въ этомъ новомъ краѣ проживали по деревнямъ, занимаясь торговлей,

промыслами, арендой владѣльческихъ угодій. Выше уже говорилось о стремленіи правительства переселить торгово-промышленный классъ изъ селеній въ города. Но и здѣсь города, небольшіе и небогатые, не могли бы вмѣстить тысячи деревенскихъ жителей. Между тѣмъ былъ обширный Новороссійскій край, еще мало заселенный. Однако, льготы, которыя предоставлялись тамъ поселенцамъ, были недостаточны для того, чтобы побудить бѣдную еврейскую массу покинуть насиженные мѣста и искать счастья въ полудикомъ краѣ. И вотъ, повидимому, именно съ той цѣлью, чтобы вызвать среди евреевъ переселенческое движеніе, все еврейское населеніе было обложено податью въ двойномъ размѣрѣ въ сравненіи съ христіанами.

При этомъ, чтобы загнать евреевъ въ тѣснины, которыя направили бы ихъ въ Новороссію, правительство, съ одной стороны, лишило евреевъ возможности покинуть страну, потребовавъ отъ эмигрантовъ уплаты двойной подати за три года впередъ, а съ другой стороны—послѣдовало распоряженіе „стараться переселять“ евреевъ во вновь приобрѣтенныхъ губерніяхъ изъ деревень въ города. Послѣдняя мѣра признавалась правительствомъ невыполнимой, но она звучала угрозой для еврейскаго населенія, сидѣвшаго по деревнямъ, и могла содѣйствовать тому, чтобы выселяемые вспомнили о Новороссіи, гдѣ ихъ ждали льготы, освобожденіе отъ уплаты подати.

Эти репрессіи имѣли въ глазахъ государыни лишь экономическій характеръ. Екатерина II считала недопустимымъ общественное униженіе евреевъ; она, напр., не забыла напомнить, что и во вновь приобрѣтенномъ краѣ евреи могутъ наравнѣ съ прочимъ населеніемъ занимать „гражданскія должности“. Но все же христіанское населеніе взглянуло на принудительныя мѣры какъ на доказательство беззащитности евреевъ предъ общимъ закономъ, и это привело къ тому, что, опираясь на порядки польскаго времени, отдѣльные круги христіанскаго общества стали добиваться лишенія евреевъ гражданскаго равенства, а нѣкоторые города сдѣлали попытку удалить ихъ отъ себя.

Умаленіе правъ еврейскаго населенія началось съ того,

что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ евреямъ была предоставлена лишь одна треть общественныхъ должностей, между тѣмъ какъ и по количественному преобладанію, и по торгово-промышленному значенію они могли рассчитывать, что займутъ большее число мѣстъ. При этихъ условіяхъ евреи утратили вліятельную роль въ сословно-городскомъ самоуправленіи; еврейское населеніе стали облагать непопулярными налогами, которые и взыскивались съ него съ большей строгостью, чѣмъ съ прочихъ обывателей; къ тому же, въ виду малаго числа русскихъ купцовъ, въ нѣкоторыхъ городахъ общественныя должности были заняты малосвѣдущими лицами, не представлявшими собою торгово-промышленнаго класса, а между тѣмъ городскія учрежденія вѣдали и торговыя дѣла, въ которыхъ преимущественно были заинтересованы евреи.

Наряду съ ограниченіемъ евреевъ въ правѣ голоса, было потребовано, чтобы выборы должностныхъ лицъ производились христіанами и евреями не совмѣстно, а отдѣльно. Раздѣленіе городского общества на группы христіанъ и евреевъ не могло не усилить отчужденность между ними. Этотъ новый порядокъ принесъ евреямъ двойкій вредъ. Не участвуя въ выборѣ должностныхъ лицъ изъ среды христіанъ, евреи лишились возможности препятствовать избранію людей, особенно враждебно относившихся къ еврейскому народу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, устраненіе христіанъ отъ выбора должностныхъ лицъ изъ числа евреевъ не соответствовало интересамъ широкихъ еврейскихъ массъ, такъ какъ участіе христіанъ могло парализовать власть господствовавшаго еврейскаго класса, проводившаго своихъ ставленниковъ.

На евреевъ возводились различныя обвиненія съ цѣлью доказать, что они не пригодны для общественной службы. Эти обвиненія, конечно, очень легко могли бы быть предъявлены и къ другимъ общественнымъ группамъ; но особенно характерно, что въ одной губерніи евреямъ было поставлено въ упрекъ то, что они не знаютъ ни русской, ни польской грамоты; въ другой же губерніи поводомъ для умаленія правъ евреевъ послужило именно то, что они грамотны, а христіане неграмотны, вслѣдствіе чего дѣла рѣшаются одними евреями.

Евреи пытались защитить свои права; они апеллировали къ высшей власти.

Повѣренный каменецъ-подольскихъ евреевъ-мѣщанъ смѣло указалъ въ прошеніи на имя государя, какъ несправедливо относятся вообще къ евреямъ.

„Вѣрители мои недоумѣваютъ, какая бы могла быть причина такому исключенію ихъ народа изъ общихъ законовъ, ибо нельзя приписать сіе какому-либо замѣченному правительствомъ злоупотребленію, въ каковомъ они почитаютъ себя совершенно невинными, поелику никогда не требовано было отъ общества евреевъ какое-либо по такому случаю объясненіе; вѣдая же, что правительство російское столь человѣколюбиво, что и важнѣйшаго преступника не позволяетъ наказывать, не выслушавъ прежде его изъясненія противъ преступленія, въ которомъ его обвиняютъ, твердо увѣрены, что менѣе попуститъ сіе самое правительство осуждать цѣлый народъ за что-либо, не истребовавъ прежде отъ него объясненій. Да и какіе могутъ быть проступки, которые бы обвиняли цѣлый народъ, когда пороки частныхъ людей не доказываютъ еще относительно ихъ къ цѣлому народу? Пороки же цѣлаго народа—если таковыя суть—должны быть исправлены, а не наказываемы, поелику не можетъ быть, чтобы въ немъ не находились люди невинные, которыхъ не слѣдуетъ истязать за поступки другихъ. Сверхъ того, надлежало бы прежде изслѣдовать погрѣшности, въ коихъ обвиняютъ одинъ народъ; не суть ли онѣ всѣмъ общія, но замѣчаемы больше у того, противъ котораго употребляютъ особенное примѣчаніе и о которомъ всѣ уже расположены вѣрить, что онъ подверженъ онымъ. Напротивъ того, я осмѣливаюсь всеподданнѣйше ссылаться на опытъ, доказывающій, что... случалось множество такихъ дѣлъ, при рѣшеніи коихъ въ магистратахъ происходило разногласіе между членами христіанскими и еврейскими и по пересмотрѣніи оныхъ въ высшей инстанціи утверждены были мнѣнія послѣднихъ...“

Дабы „не подать вида отъ правительства къ различенію народовъ по дѣламъ гражданскимъ“, повѣренный каменецъ-подольскихъ евреевъ просилъ не дѣлать избирателей на группы христіанъ и евреевъ, а производить выборы совмѣстно; кромѣ того, онъ ходатайствовалъ, чтобы

о своемъ умственномъ и нравственномъ превосходствѣ надъ долготѣтными сосѣдями.

Виленскіе христіане указывали во всеподданнѣйшемъ прошеніи, что городъ „черезъ допущеніе евреевъ къ должностямъ терялъ бы свои права, свободу и прерогативы, и граждане его христіане принуждены были бы современемъ подпасть подъ разные, свойственные евреямъ, происки такъ, что сіи могли бы взять надъ ними и верхъ“. Евреи не имѣютъ „никакой идеи о морали, и образъ ихъ внутренняго воспитанія не приуготовляетъ ихъ къ званію судьи... Напротивъ того, христіане отъ времени основанія города Вильны, будучи всегда вѣрными подданными, и нося по правамъ и привилегіямъ по выбору обязанности урядниковъ, старались долгъ свой выполнить, какъ вѣрноподданническая присяга требуетъ, и для своего и для потомковъ добраго имени. Нынѣ же, съ прискорбіемъ видя, что евреи смѣшаны съ ними, стѣсненъ ихъ духъ уныніемъ и отнята вовсе изъ нихъ у каждаго охота къ принятію публичнаго служенія тогда, когда евреямъ дана воля возрастать надъ христіанами; а особенно если ихъ начальствованіе... столько содѣлается слѣдствіемъ, что пришельцы изъ заграницы, желающіе водвориться въ Вильнѣ, видя евреевъ въ урядахъ, въ магистратѣ, чего ни въ одномъ заграничномъ городѣ нѣтъ, теряютъ, конечно, охоту селиться въ Вильнѣ, и черезъ то городъ, лишась гражданъ, наполненъ будетъ одними евреями. Болѣе же всего довѣріе публичное и довѣріе къ людямъ, правосудіе наблюдающимъ, падутъ; послушаніе черни обратится въ поруганіе, когда приходящій въ мѣсто, такъ сказать, освященное, обрѣтетъ еврея и въ немъ своего начальника и судью, которому подчинену быть несвойственно ни по состоянію, ни по религіи“.

Ковенскіе христіане присоединили еще одно обстоятельство, препятствующее, по ихъ мнѣнію, избранію евреевъ на общественныя должности: „для приведенія на вѣрность Господу Богу и Государю къ присягѣ, на судейскомъ столѣ поставленъ крестъ съ изображеніемъ распятія Іисуса Христа—дастъ всякому видѣть и почитать сіе за святость..., а евреи себя при сей святой фигурѣ распятія (отъ чего ихъ самая религія отвлекаетъ) уповательно, что будучи невѣрные, не будутъ на оную смотрѣть, но противно, по своему обряду, противъ

оной думать, а потому вмѣсто судейской справедливости насмѣваться только будутъ съ христіанскаго закона“.

Выступивъ съ официальными протестами, представители литовскихъ городовъ прибѣгли и къ личнымъ вліяніямъ въ правительственныхъ кругахъ. Ихъ старанія увѣнчались успѣхомъ. Государю было предложено издать даже особый актъ о томъ, что евреи на Литвѣ не пользуются гражданскими правами, но былъ предпочтенъ другой путь: по требованію сената выборы должностныхъ лицъ изъ среды еврейскаго населенія были прерваны. И такимъ образомъ въ Литовскомъ краѣ евреи, въ видѣ исключенія, не получили правъ гражданства, такъ какъ Литва продолжала жить при своихъ привилегіяхъ, охранявшихъ устарѣлые взгляды и обычаи.

Возможность подобной побѣды старинныхъ актовъ надъ жизненными потребностями угрожала еврейскому населенію и другими печальными послѣдствіями, потому что общественное сознаніе, вѣрное сѣдой старинѣ, могло не пожелать примириться и съ другими фактами, вызванными условіями новаго времени. А борьба съ обветшалыми привилегіями была особенно тяжела,—онѣ обосновывались не реальными требованіями, а преданіями, какъ бы освященными вѣками.

Дѣйствительно, евреямъ пришлось выдержать особую борьбу изъ-за права проживанія въ городахъ, нѣкогда пользовавшихся привилегіей не допускать къ себѣ евреевъ. Кромѣ того, они должны были защищаться отъ произвола помѣщиковъ, мнившихъ себя тѣми же полновластными господами надъ еврейскимъ населеніемъ, какими они были въ польскія времена.

Право евреевъ проживать въ томъ или другомъ городѣ зависѣло въ Польшѣ отъ выгоды, которую представляло собою присутствіе евреевъ; правильнѣе сказать, вопросъ разрѣшался тѣмъ, въ чью пользу склонялся споръ по этому поводу между заинтересованными сторонами. Часто выгоды королей, напр., и городского населенія не совпадали; короли за покровительство, оказываемое евреямъ, получали отъ нихъ въ той или другой формѣ вознагражденіе, а города порою смотрѣли на торговлю евреевъ, какъ на подрывъ благосостоянію городского христіанскаго населенія, и, такимъ образомъ, судьба евреевъ зависѣла отъ взаимоотношеній

между королемъ и городами. И если въ однихъ случаяхъ, помощью королевской власти, евреи добивались права проживанія и торговли въ томъ или иномъ пунктѣ, то въ другихъ случаяхъ евреямъ не только ставились препятствія къ расширенію въ городѣ площади своей осѣдлости, хотя бы таковое вызывалось приростомъ населенія, но они изгонялись съ насиженныхъ мѣстъ.

Ходатайства объ удаленіи евреевъ возбуждались и при русскомъ правительствѣ. Помимо сего были города (Вильна), гдѣ существовала особая „черта осѣдлости“ — евреи могли жить лишь въ опредѣленныхъ кварталахъ.

Въ Каменцѣ-Подольскѣ евреи не могли свободно селиться, и многіе изъ нихъ, имѣвшие торговыя связи съ городомъ, проживали въ сосѣднемъ мѣстечкѣ Карвасары. Въ 1797 г. евреи сдѣлали попытку водвориться въ городѣ, но повидимому, встрѣтили противодѣйствіе со стороны населенія; тогда администрація обратилась за разъясненіемъ къ Павлу I, и государь повелѣлъ не высылать евреевъ изъ Каменца-Подольска, а оставить ихъ тамъ на такомъ же основаніи, какъ они живутъ и въ другихъ городахъ.

Эта высочайшая резолюція получила значеніе не для одного только Каменца-Подольска.

Въ то время христіане г. Ковны, ссылаясь на привилегію короля Станислава Августа, добивались полного изгнанія евреевъ изъ города и конфискаціи ихъ товаровъ въ пользу христіанъ. Надворный судъ счелъ законнымъ проживаніе евреевъ на Замковой и Повилейской улицахъ, составлявшихъ старостинскія земли и потому не подлежащихъ вѣдѣнію города (но вмѣстѣ съ тѣмъ запретилъ евреямъ расширять здѣсь старые дома или строить новые!); онъ призналъ также за евреями право покупать для себя на рынкѣ съѣстные припасы и торговать во время ярмарокъ. Однако, судъ постановилъ удалить евреевъ, живущихъ на городской землѣ въ домахъ христіанъ, несмотря на то, что христіане сами ихъ добровольно пустили, „ибо таковымъ исканіемъ своей корысти преступаютъ они привилегіи свои...“

Что касается домовъ въ запретныхъ улицахъ, которые евреи получили отъ христіанъ, не уплатившихъ имъ долги, то судъ не присудилъ евреевъ къ безвозмездной отдачѣ

домовъ христіанамъ, какъ послѣдніе этого добивались; онъ потребовалъ, чтобы христіане, задолжавшіе евреямъ, расплатились съ ними и приняли обратно свои дома; въ противномъ же случаѣ христіанское общество, какъ юридическое лицо, обязано выкупить дома у евреевъ. Это рѣшеніе было обжаловано ковенскими горожанами, надѣявшимися извлечь большую выгоду при изгнаніи евреевъ; съ другой стороны, составленное соотвѣтственно привилегіи города, оно оказалось въ противорѣчій съ повелѣніемъ—не выселять евреевъ изъ Каменца-Подольска. Въ виду этого литовскому ген-губернатору кн. Рѣпнину было предложено „опредѣлить цѣну“ рѣшенія суда. Рѣпнинъ аттестовалъ ковенскихъ мѣщанъ въ мало лестныхъ для нихъ выраженіяхъ. Онъ объяснилъ, что обыватели Ковны, за исключеніемъ немногихъ иностранныхъ и польскихъ купцовъ, находятся въ такомъ жалкомъ состояніи, что удаленіе евреевъ опустошило бы городъ,—утруждавшіе государя сами не знали, чего просили, и „слѣдовали только застарѣлой ихъ, легкомысленной и, такъ сказать, несмысленной къ евреямъ зависти“.

Ходатайство ковенскихъ мѣщанъ было отклонено; евреи остались на мѣстахъ. При Александрѣ I ковенскіе горожане возобновили свое домогательство, но опять безуспѣшно (1803 г.). Безрезультатными оказались также просьбы кievскихъ мѣщанъ объ удаленіи евреевъ—ссылка на старинную привилегію не помогла (1801 г. и 1810 г.).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ побѣда оказалась на сторонѣ евреевъ благодаря администраціи (какъ обнаружилось впоследствии, привилегіи потеряли свою силу лишь на нѣкоторое время), цѣнившей важное экономическое значеніе евреевъ для городской жизни.

Однако, какъ ни была неблагоприятна общественная атмосфера, окружавшая евреевъ на Литвѣ, нашелся уголокъ въ Россіи, гдѣ они пережили еще болѣе критическій моментъ, и, можетъ-быть, только счастливое стеченіе обстоятельствъ спасло ихъ отъ исключительнаго бѣдствія. То была Курляндія.

Курляндское герцогство перешло къ Россіи вмѣстѣ съ Пильтенскимъ округомъ. Пильтенскій округъ, съ главнымъ городомъ Газенпотомъ, былъ издавна подчиненъ польскому коро-

лю, и въ связи съ этимъ евреи жили здѣсь сравнительно въ хорошихъ условіяхъ. Курляндское же герцогство, находясь въ полной зависимости отъ польскаго короля, пользовалось самостоятельностью во внутреннихъ дѣлахъ, а потому мѣстные евреи, терпя преслѣдованія, не находили защитника въ лицѣ короля. Начиная съ конца 16-го вѣка, вплоть до восьмидесятихъ годовъ 18-го вѣка, евреямъ непрерывно угрожало изгнаніе. Города, пользуясь своими привилегіями, не допускали къ себѣ евреевъ на постоянное жительство. Но въ послѣдніе два десятилѣтія 18-го вѣка евреи находились уже въ лучшихъ условіяхъ. Возникло даже общественное движеніе въ пользу ихъ эмансипаціи, оставившее по себѣ цѣлую литературу. На ряду съ христіанами, на защиту еврейскаго населенія выступили и нѣкоторые евреи.

Въ 1793 г. видные члены Митавской еврейской общины составили для ландтага записку, въ которой ходатайствовали о „терпимости“. Они, однако, имѣли въ виду не все еврейское населеніе Курляндіи, а лишь часть его; записка носила даже соотвѣтствующее названіе: о гражданскомъ устройствѣ опредѣленнаго числа евреевъ. Вообще, въ каждомъ городѣ, мызѣ или селѣ, по проекту митавскихъ ходатаевъ, евреи могли оставаться лишь въ числѣ, которое соотвѣтствовало бы величинѣ поселенія, его торговому значенію и проч. Остальнымъ евреямъ предстояло, повидимому, удаленіе изъ края. Въ Митавѣ же, еврейское населеніе которой, по словамъ ходатаевъ, было чрезмѣрно сравнительно съ христіанскимъ, слѣдовало изъ числа двухсотъ семействъ оставить на жительство всего шестьдесятъ; ходатаи даже представили списокъ этихъ счастливцевъ. И только для этой горсти „покровительствуемыхъ“ евреевъ испрашивалось гражданское равноправіе.

Дѣйствуя столь эгоистически, митавскіе евреи слѣдовали по стопамъ многихъ другихъ еврейскихъ общинъ, которыя для спасенія евреевъ, издавна осѣвшихъ въ данной мѣстности, препятствовали водворенію новыхъ поселенцевъ, такъ какъ скопленіе пришельцевъ лишало мѣстныхъ евреевъ заработка, а кромѣ того, неоднократно служило поводомъ для изгнанія всѣхъ водворившихся евреевъ. Подобная замкнутость, вызывавшаяся боязнью конкуренціи, существовала

въ то время, и даже позже, также въ торговыхъ и ремесленныхъ группахъ христіанъ.

Впрочемъ, ходатайство представителей митавской общины не привело къ какимъ-либо практическимъ результатамъ, потому что переходъ Курляндіи къ Россіи прервалъ обсужденіе еврейскаго вопроса въ ландтагѣ.

Въ ближайшіе годы все осталось такъ, какъ было раньше. Не утратилось, между прочимъ, и различіе въ положеніи евреевъ въ бывшемъ Курляндскомъ герцогствѣ и Пильтенскомъ округѣ. Въ герцогствѣ ихъ не допускали въ среду купечества; между тѣмъ въ Газенпотѣ даже иногородніе евреи могли записываться въ гильдіи.

Этимъ правомъ воспользовались, однако, лишь немногіе, такъ какъ еврейское населеніе Курляндіи находилось въ плачевномъ состояніи. Евреи занимались въ городахъ—запрещенными имъ мелочной торговлей, покупкой и продажей старыхъ вещей, а также недозволеннымъ маклерствомъ; въ деревняхъ—винокурениемъ, содержаніемъ корчемъ, ремесленнымъ трудомъ, разносной торговлей, а кое-гдѣ и земледѣліемъ. При этомъ большая ихъ часть не имѣла осѣдлости, ведя, въ поискахъ за заработкомъ, кочевой образъ жизни, то уходя за границу, то вновь возвращаясь.

Правительство рѣшило, наконецъ (1797 г.), дать курляндскимъ евреямъ прочное устройство, подобное тому, какое существовало въ губерніяхъ черты осѣдлости. Чтобы осуществить это намѣреніе, правительству пришлось преодолѣть упорную оппозицію со стороны мѣстной администраціи, дѣйствовавшей въ угоду городскому христіанскому обществу. Администрація пыталась внушить сенату ту мысль, что евреи „никогда законнымъ образомъ терпимы не были“ и не могли ни жить въ странѣ, ни заниматься какимъ-либо дѣломъ, что они „всегда за вкравшихся жителей почитались“ и такими ихъ и впредь надо считать, потому что прежніе ограничительные законы о нихъ не отмѣнены; вообще евреи, исключая немногихъ въ Митавѣ, живутъ столь бѣдно, что большая часть ихъ едва имѣетъ на дневное пропитаніе; они не образуютъ общества; большинство лишено даже постоянного мѣстопребыванія; поэтому „по извѣстнымъ свойствамъ сего народа, не предвидится никакого средства, чтобы большую

часть сихъ бродягъ можно было принудить къ постоянной жизни или къ какому порядочному ремеслу“.

Однако, изъ официальныхъ документовъ сенатъ усмотрѣлъ, что кочевой образъ жизни евреевъ вызывался часто слѣдовавшими постановленіями о выселеніи ихъ изъ страны и запрещеніемъ жить въ городахъ; что евреи бѣдствуютъ, такъ какъ устраняются законодательными актами отъ ремесла и торговли. И убѣдившись, что евреи въ теченіе двухсотъ лѣтъ проживаютъ въ краѣ, сенатъ рѣшительно отказался признать ихъ за „вкравшихся“, лишить ихъ „столь древняго ихъ жилища“.

Подобное направленіе было придано еврейскому вопросу благодаря, повидимому, воздѣйствію барона Карла-Генриха Гейкинга на нѣкоторыхъ высшихъ государственныхъ дѣятелей. Уроженецъ Митавы, назначенный сенаторомъ вслѣдъ за вступленіемъ на престолъ Павла I, Гейкингъ пользовался нѣкоторое время особой благосклонностью государя, принадлежа къ кружку самыхъ близкихъ къ нему лицъ. Въ эту именно пору и былъ поднятъ общій вопросъ о евреяхъ въ Курляндіи, и Гейкингъ получилъ отъ государя порученіе составить соотвѣтственную записку. Содержаніе этой записки неизвѣстно, но изъ другихъ документовъ ясно видно, что Гейкингъ выступилъ противъ ограниченія евреевъ въ правахъ.

Несмотря на то, что сенатъ вполне отчетливо высказался противъ признанія евреевъ пришельцами, мѣстная администрація все еще старалась убѣдить правительство въ томъ, что они, въ виду своей бѣдности, бесполезны для края и потому излишни. И въ слѣпомъ упорствѣ администрація даже не постаралась скрыть, во имя чьихъ интересовъ хлопотала. По ея словамъ, евреи нищенствовали, тѣмъ не менѣе, даже ихъ жалкій заработокъ администрація хотѣла передать христіанскому населенію — „какъ въ городахъ, такъ и по мызамъ живущіе евреи — печалилось губернское правленіе — бывають на ярмаркахъ, а чрезъ то какъ купцамъ, такъ и мѣщанамъ, платящимъ въ казну подати, наносятъ великій подрывъ“.

Забота о заработкахъ городского христіанскаго общества легла также въ основу проекта объ устройствѣ евреевъ въ Курляндіи, выработаннаго мѣстной администраціей.

Въ составъ еврейскаго общества должны были войти лишь тѣ евреи, которые имѣли недвижимую собственность или надежный промыселъ; старшинамъ, избраннымъ изъ ихъ среды, предоставлялось рѣшить, кто изъ евреевъ Курляндіи достоинъ быть принятымъ въ общество; прочіе подлежали высылкѣ изъ края. При этомъ всѣ оставшіеся евреи должны были быть приписаны къ одному лишь Газенпоту, — „въ другихъ же городахъ въ пользу христіанскаго гражданства запретить имъ всякое гражданское ремесло“.

Однако, предложеніе администраціи не было принято во вниманіе правительствомъ.

Былъ изданъ законъ (14 марта 1799 г.), въ силу котораго всѣ курляндскіе евреи были уравниены въ правахъ съ прочимъ еврейскимъ населеніемъ, т.-е. приобрѣли право гражданства по всей Курляндіи.

Среди отголосковъ польскаго времени, непривычно звучащихъ въ условіяхъ русскаго быта, особенно тяжелымъ для евреевъ являлось отношеніе къ нимъ помѣщиковъ, на земляхъ которыхъ они водворились. Отъ помѣщика зависѣло право евреевъ на пребываніе въ данной мѣстности и, считая ихъ своими подданными, помѣщикъ не зналъ границъ для произвола надъ ними. Помѣщикъ являлся полнымъ господиномъ надъ евреями: онъ налагалъ и взыскивалъ подати, творилъ судъ и расправу, вмѣшивался въ религіозныя дѣла.

Евреи были свободны; ихъ нельзя было закрѣпощать. Правда, матеріальная зависимость отъ помѣщика, въ извѣстной мѣрѣ вызывавшаяся затрудненіями, которыя встрѣчали евреи при переходѣ на новое мѣсто, нерѣдко превращала ихъ въ крѣпостныхъ, если и не формально, то по фактическому положенію вещей. Но при всемъ томъ, если въ свободѣ еврея заключалась и незначительная сила, которую онъ могъ противопоставить власти помѣщика, все же помѣщикъ долженъ былъ съ ней считаться, такъ какъ не въ его интересахъ было потерять еврея, служившаго ему статьей дохода. Вообще, землевладѣлецъ, стараясь извлечь изъ еврея все, что только было возможно, остерегался привести его къ гибели.

Въ Россіи подобныя отношенія должны были прекратиться, такъ какъ, являясь свободными людьми, евреи подлежали вѣдѣнію общихъ установленій. Однако, фактически

евреи остались въ прежнихъ условіяхъ, несмотря на то, что власти боролись съ этимъ ненормальнымъ явленіемъ.

Когда бѣлорусскіе евреи принесли жалобу, что помѣщики чинятъ имъ всяческія притѣсненія, мѣстной администраціи было предписано принять мѣры къ тому, чтобы просьбы пострадавшихъ были рассмотрѣны въ судебныхъ учрежденіяхъ „съ тѣмъ же безпристрастіемъ, съ каковымъ дѣла прочихъ бѣлорусскихъ жителей въ судахъ наблюдаются“. При введеніи въ бывшихъ польскихъ областяхъ (1798 г.) прежнихъ польскихъ учрежденій было указано, что при новомъ благоустроенномъ правленіи недопустимо подвергать евреевъ „земскому суду владѣльцевъ“.

Павелъ I выражалъ сочувственное отношеніе къ невыносимому положенію евреевъ на помѣщичьихъ земляхъ.

По жалобѣ евреевъ „староства Хвейданскаго“, что владѣлецъ сталъ угнетать евреевъ въ Хвейданахъ, дабы побудить ихъ переселиться во вновь купленное имѣніе, сенатъ предписалъ взять съ помѣщика подписку о нечиненіи евреямъ притѣсненій и постановилъ выдержать хвейданскаго властелина шесть недѣль на „вѣжѣ“.

Примѣру польскихъ помѣщиковъ послѣдовалъ и бывший фаворитъ Екатерины II генералъ Зоричъ, владѣлецъ Шклова. Жалоба шкловскихъ евреевъ на противозаконныя дѣйствія Зорича побудила Павла I послать туда сенатора и поэта Державина для разслѣдованія. Тогда же государь повелѣлъ собрать свѣдѣнія о всѣхъ евреяхъ, живущихъ на помѣщичьихъ земляхъ, и выработать общее для нихъ узаконеніе.

Дѣло Зорича являлось, въ сущности, отраженіемъ того, что творилось и въ другихъ владѣніяхъ. Въ оправданіе поборовъ (по словамъ евреевъ, „Зоричъ оставилъ безъ платежа одинъ только воздухъ“), а также насильственныхъ дѣйствій, Зоричъ привелъ то объясненіе, что онъ шкловскихъ евреевъ „не иначе считалъ, какъ подвластными ему, покуда на землѣ его проживаютъ“.

Правительство потребовало, чтобы владѣльцы имѣній и ихъ управляющіе не смѣли творить судъ и расправу надъ еврейскимъ населеніемъ, а обращались, въ случаѣ надобности, въ судебныя учрежденія. Но еврейское населеніе оставалось незащищеннымъ со стороны помѣщичьихъ пѣборовъ;

въ этомъ отношеніи законъ не могъ оказать евреямъ покровительства, потому что помѣщику принадлежало право свободно распоряжаться своимъ имуществомъ.

При разборѣ жалобы евреевъ г. Бердичева на своеволие владѣльца кн. Радзивилла сенатъ принялъ именно во вниманіе: „съ одной стороны, право законной собственности и неотъемлемую свободу помѣщика въ распоряженіи своимъ имѣніемъ, съ другой—независимость свободныхъ людей, живущихъ по условію въ помѣщичьихъ мѣстечкахъ“. Поэтому, приказавъ взять съ Радзивилла подписку, что онъ не будетъ самовольно наказывать евреевъ, сенатъ велѣлъ объявить евреямъ, что если они недовольны распоряженіями владѣльца, они могутъ безпрепятственно покинуть Бердичевъ; при этомъ, въ видѣ милости, неизвѣстной, повидимому, въ прежнее время, имъ былъ данъ двухлѣтній срокъ для ликвидаціи своихъ дѣлъ.

Врядъ ли помѣщикъ утратилъ фактическую власть надъ своими евреями; внѣшне его господство было умалено, но принадлежавшее ему право уменьшать и увеличивать сборы сохранило въ дѣйствительности за нимъ прежнюю позицію. А между тѣмъ, когда господство помѣщика надъ евреями было поколеблено, многіе землевладѣльцы начали отказываться отъ услугъ евреевъ, вышедшихъ изъ прежняго подневольнаго состоянія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ евреи оказались имъ не нужными и потому, что съ уничтоженіемъ польской независимости дворяне болѣе усердно занялись сельскимъ хозяйствомъ. Кіевскій губернаторъ сообщаетъ, что евреи у помѣщиковъ, „яко бесполезные и не принадлежащіе имъ, нетерпимы“. А Нота Хаимовичъ Поткинъ передаетъ, что хотя администрація дѣлала отсрочки для выселенія евреевъ изъ уѣздовъ, „многіе помѣщики изъ своихъ деревень ихъ повысылали, а сіи таскаяся изъ мѣста на мѣсто, въ крайнюю пришли бѣдность“. Бѣлорусскія власти свидѣтельствовали, что помѣщики безнаказанно нарушали при этомъ контракты съ евреями.

ГЛАВА ЧЕТВѢРТАЯ.

Духовное состояніе евреевъ въ Польшѣ.—Гнѣтъ раввинизма.—Возникновеніе хасидской секты.—Просвѣтительное движеніе.—Проектъ Якова Гирша о преобразованіи еврейской школы съ цѣлью умственного развитія подрастающаго поколѣнія.—Глава бѣлорусскихъ хасидовъ Шнеуръ-Залманъ и вождь литовскаго раввинизма гаонъ Илія.—Преслѣдованіе хасидовъ со стороны раввината и кагала.—Обостреніе религиозной борьбы и вмѣшательство правительства.—Хасиды овладѣваютъ общественной властью.—Донось на хасидовъ и арестъ ихъ главаря.—Высочайшее повелѣніе о „терпимости“ секты хасидовъ.—Вторичный арестъ Шнеура-Залмана.—Внѣшнее умироговореніе.

Чтобы предотвратить возможность растворенія еврейскаго народа въ нѣдрахъ господствующаго населенія, духовные руководители ввели установленія, которыя должны были изолировать еврейскій народъ отъ близкаго общенія съ сосѣдями. Талмудъ, этотъ вѣковой сводъ авторитетныхъ рѣшеній законоучителей, опуталъ общественную и частную жизнь еврея сложной сѣтью предписаній религиозно-обрядового характера, препятствовавшихъ житейскому сближенію съ иновѣрцами и придававшихъ умственному развитію народа одностороннее направленіе.

Гоненія извнѣ служили опорой для ограды, отдѣлявшей евреевъ отъ окружающаго міра. Столѣтія не разрушали, а укрѣпляли ее, потому что въ теченіе вѣковъ не прекращалась дѣятельность раввиновъ, направленная къ удержанію народа въ подчиненіи религиозному формализму. Забывъ цѣль, къ которой нѣкогда стремился, раввинизмъ выродился: требованія реальной жизни онъ принесъ въ жертву той формѣ народнаго быта, которая уже давно утратила непосредственную связь съ идеей о національномъ существованіи народа. И съ теченіемъ времени слѣпое исполненіе обрядности превратилось какъ бы въ цѣль существованія еврейства.

Глава бѣлорусскихъ хасидовъ
р. Шнеуръ-Залманъ бенъ Барухъ.

Жизнь, протекавшая въ тѣснинахъ внѣшнихъ преслѣдованій и внутренняго гнета, давала мало радости, и народъ черпалъ утѣшеніе въ надеждѣ, что скоро наступятъ мессіанскіе дни и тогда все измѣнится къ лучшему. Вѣра, что впереди ждетъ спокойная, достойная жизнь, свободная отъ тяжелыхъ житейскихъ путей, давала народу силу и терпѣніе страдать изо дня въ день. Въ противовѣсъ реальному міру, приносившему однѣ лишь физическія и душевныя муки, народъ создалъ въ своей душѣ мистическій міръ, полный радостныхъ видѣній.

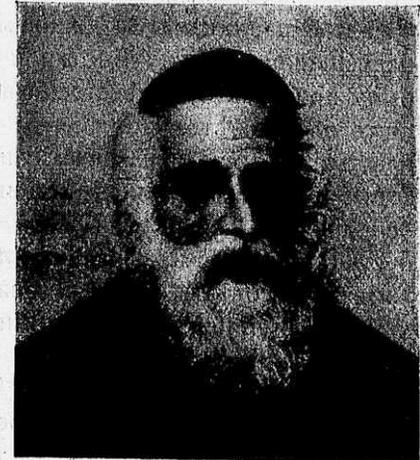
Народъ ждалъ, когда же осуществляются эти грезы? А между тѣмъ раввинизмъ, застывшій въ безжизненной формѣ, продолжалъ ковать цѣпь, крѣпко державшую въ неподвижности и мысль, и дѣятельную волю народа.

Даже изученіе и толкованіе Закона остановилось въ тупикѣ: все было низведено къ умственной эквилибристикѣ. Творчество уступило мѣсто механическому умствованію. Методъ, получившій названіе „пилпула“, придавалъ значеніе не усвоенію дѣйствительнаго содержанія вѣроученія, а хитроумному истолкованію текста даже по внѣшнимъ признакамъ—расположенію словъ и буквъ, входящихъ въ текстъ. „Ясное логическое мышленіе было замѣнено головоломными софизмами, изумительными парадоксами; сухая бесплодная схоластика превратилась въ самодовлѣющій культъ... даже знаніе родного языка и его грамматики считалось преступленіемъ: святотатствомъ было утверждать, будто слова видоизмѣняются по какимъ-то правиламъ грамматики, когда въ каждой буквѣ кроется тайна, которую только избранные могутъ разгадать“.

Еврейская жизнь въ Польшѣ была всецѣло подчинена могущественной, крѣпко организованной раввинской наукѣ, и этимъ господствомъ раввинская наука была обязана кагално-раввинскому союзу. Вліятельные члены общины и раввинатъ, представлявшіе собою непобѣдимую общественную силу, создали, не жалѣя общественныхъ денегъ, многочисленные разсадники раввинской науки, изученіе которой было обязательнымъ. Дѣти съ раннихъ лѣтъ должны были напрягать свои умственныя способности въ сторону „пилпула“.

Кровавые 1648—52 годы, когда подъ ударами казаковъ

погибло множество еврейскихъ общинъ, повлекли за собою не только экономическое, но и духовное паденіе польскаго еврейства. Многія талмудическія школы закрылись изъ-за отсутствія средствъ и учениковъ; подрастающее поколѣніе должно было работать для поддержанія своего существованія; не было времени для умственныхъ занятій. Позже, когда экономическое положеніе польскаго еврейства возстановилось, талмудическая наука вновь заняла почетное положеніе, но все же она уже не была, какъ прежде, общимъ достояніемъ, ею занимался лишь ограниченный кругъ избранниковъ. Относясь презрительно къ трудовой массѣ, для которой сухая раввинская наука была недоступна, эти ученые образовали какъ бы особую касту. Они пользовались большимъ общественнымъ значеніемъ, но, находясь вдали отъ народа, не имѣли на него нравственнаго вліянія. А между тѣмъ, масса нуждалась въ руководствѣ; она искала участливаго взора, бодрящаго слова, но ничего не находила.

Вождь литовскаго раввинизма гаонъ Илія Виленскій.

Протестомъ противъ раввинизма, не прислушивавшагося къ голосу повседневной жизни, явился хасидизмъ.

Хасидизмъ возникъ на Украинѣ въ серединѣ 18-го вѣка. Въ то время польско-литовское еврейство представляло собою, какъ мы видѣли, картину духовнаго вырожденія. На Литвѣ масса влачила жалкое существованіе подъ тяжестью талмудической схоластики; въ юго-западномъ краѣ населеніе, полное религіознаго пыла, искало утѣшенія въ мистическихъ вѣрованіяхъ. Проповѣдь новаго ученія должна была встрѣтить здѣсь глубокое сочувствіе.

Основатель хасидизма, Израиль Бештъ, вышедшій изъ на-

родной массы, провозгласилъ, что человекъ спасаетъ не талмудическая ученость, а искреннее благочестіе, душевная чистота, горячая молитва, и эта проповѣдь, дававшая послѣднему бѣдняку утѣшеніе, что при всемъ своемъ духовномъ убожествѣ онъ можетъ быть угоденъ Богу, собрала дѣйствительно вокругъ Бешта толпу, жаждавшую простого слова; къ Бешту примкнули также многіе изъ украинскихъ раввиновъ и даже ученые талмудисты, которые не особенно цѣнились въ этомъ невѣжественномъ краѣ. Исключительная роль, которую хасидизмъ предоставилъ экзальтированной личности, способствовала развитію цадикизма. За цадикомъ, религиозно-вдохновеннымъ посредникомъ между Богомъ и обыкновеннымъ человекомъ, была признана чудодѣйственная сила, и паства стала предъ нимъ благоговѣть. Постепенно цадики настолько овладѣли властью, что стали назначать и смѣщать раввиновъ. Нѣкоторые цадики являлись истинными пастырями народа, но большинство, основывая свой авторитетъ на невѣжествѣ и суевѣрїи массы, ограничивались ролью чудодѣя. Давая житейскіе совѣты, исцѣляя даже якобы отъ недуговъ, цадики стали близкими, нужными народу, и благодаря преимущественно имъ хасидское ученіе чрезвычайно быстро распространилось.

Отрицательное отношеніе Бешта къ схоластикѣ выродилось у его послѣдователей въ ненависть къ наукѣ; приверженцы хасидизма стали апологетами невѣжества.

Съ теченіемъ времени хасидизмъ принялъ различныя направленія. Рѣзкая грань легла между южнымъ хасидизмомъ и сѣвернымъ, литовско-бѣлорусскимъ. Лучшимъ представителемъ хасидизма на сѣверѣ явился рабби Шнеуръ-Залманъ бенъ Барухъ, или какъ его называли русскіе официальные документы, Залманъ Боруховичъ (1747—1812 гг.). Отвергая чудодѣйственный элементъ, онъ признавалъ только истинныхъ вѣроучителей; самое слово „цадикъ“ было долгое время неизвѣстно въ Литвѣ и Бѣлоруссіи; даже враги рабби Залмана называли его „раввиномъ“. Шнеуръ-Залманъ придалъ хасидизму болѣе трезвый рационалистическій характеръ и спаялъ хасидское ученіе со многими элементами раввинизма. Въ ученіи р. Залмана хасидизмъ освободился отъ многихъ суевѣрныхъ представленій. Отличаясь энергіей и организатор-

скими способностями, р. Залманъ занялъ первенствующее положеніе въ хасидскомъ движеніи.

Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій 18-го вѣка хасидизмъ привлекъ къ себѣ значительную часть населенія Подоли, Волыни и Украйны. Въ Бѣлоруссіи же и на Литвѣ его восприняли лишь немногочисленныя группы, нерѣдко, къ тому же, скрывавшія свою принадлежность къ сектѣ; только къ самому концу 18-го вѣка хасидизмъ получилъ и здѣсь широкое распространеніе, выдержавъ упорную борьбу съ раввинизмомъ.

Въ ту пору во главѣ литовскаго раввината стоялъ знаменитый ученый талмудистъ Илія Виленскій (1720—1797 гг.), извѣстный въ народѣ подъ именемъ „гаона“. Онъ пользовался исключительнымъ авторитетомъ въ краѣ.

Противникъ „пилпула“, гаонъ Илія указывалъ, что для правильнаго пониманія талмудическихъ постановленій надо основательно изучить Библию, въ которой таковыя находятъ свои корни; изученіе же Библии, въ свою очередь, требуетъ полнаго знакомства съ грамматикой еврейскаго языка. И вотъ почему гаонъ Илія считалъ необходимымъ отказаться отъ установившейся системы школьнаго образованія и ввести въ кругъ преподаванія Библию, талмудическую письменность и еврейскій языкъ. Необходимо изучать и такія науки, какъ медицина, астрономія, математика. Однако, этимъ наукамъ гаонъ придавалъ лишь служебный характеръ—онѣ нужны, потому, что безъ нихъ нѣкоторые вопросы, о которыхъ говорится въ Библии и Талмудѣ, не могутъ быть разрѣшены. Вспомогательныя свѣтскія науки должны были, по мнѣнію гаона, укрѣпить въ народномъ сознаніи преданность стариннымъ установленіямъ, которыя отнюдь не подлежатъ измѣненіямъ, не подчиняются условіямъ современной жизни. Законъ незыблемъ; изученіе и строжайшее исполненіе его составляетъ цѣль жизни—таковъ былъ лозунгъ гаона.

Гаонъ оказалъ благотворное вліяніе на раввинизмъ тѣмъ, что вернулъ изученіе Закона на забытый правильный путь. Однако, фанатически преданный обрядовому раввинизму, гаонъ не былъ другомъ широкаго просвѣщенія и прїобщенія еврейскаго народа къ культурѣ окружающаго населенія.

И вотъ почему то направленіе, представителемъ котораго

являлся гаонъ, должно было не только столкнуться съ хасидизмомъ, отступникомъ отъ традиціи, но также повести борьбу съ такъ называемымъ „мендельсоновскимъ движеніемъ“, направленнымъ къ насажденію общаго образованія среди евреевъ, движеніемъ, врагомъ котораго являлся, конечно, также и хасидизмъ.

Извѣстный философъ Моисей Мендельсонъ (1729—1786 г.г.) говорилъ, какъ и гаонъ, что изученіе Библии и еврейскаго языка необходимо для пониманія Талмуда; но онъ видѣлъ въ этомъ лишь первый этапъ, который въ дальнѣйшемъ долженъ былъ привести къ европейскому просвѣщенію; подобно гаону, Мендельсонъ считалъ необходимымъ сохраненіе обрядности въ неприкосновенности; однако, онъ проповѣдывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ культурное общеніе съ окружающимъ населеніемъ. Самъ Мендельсонъ явился какъ бы олицетвореніемъ союза еврейской традиціи и европейскаго просвѣщенія. Живя въ блестящемъ Берлинѣ, близкій ко многимъ выдающимся нѣмецкимъ писателямъ, Мендельсонъ оставался преданнымъ религіозной обрядности.

Мендельсоновское движеніе проникло и въ среду польско-литовскаго еврейства. Впрочемъ, здѣсь просвѣтительное движеніе зародилось, быть-можетъ, независимо отъ непосредственнаго вліянія Мендельсона. Богатые еврейскіе купцы изъ польско-литовскаго края, имѣя торговыя сношенія съ промышленными центрами Зап. Европы, приходили въ соприкосновеніе съ различными кругами христіанскаго общества, отъ котораго и усвоили зачатки европейскаго просвѣщенія. Начиная съ шестидесятыхъ годовъ 18-го вѣка, появляются произведенія свѣтскаго содержанія. Такъ, раввинъ Іегуда Лебъ Марголіотъ выпустилъ въ 1770 г. книгу по естествознанію, гдѣ называлъ дикарями противниковъ просвѣщенія и указывалъ, что науки нужны „и для знанія Торы, и для жизни“.

Мысль о необходимости приобщиться къ общему образованію должна была принять болѣе реальныя формы тогда, когда по переходѣ въ русское подданство евреи были вовлечены въ обще-гражданскую жизнь. И дѣйствительно. Едва изъ Петербурга было отправлено въ Бѣлоруссію увѣдомленіе о Высочайшемъ повелѣніи открыть евреямъ доступъ къ

общественнымъ должностямъ, какъ находившійся въ Петербургѣ Яковъ Гиршъ изъ Могилева, проникнутый желаніемъ помочь „невѣжеству и, слѣдственно, бѣдственному и презрительному состоянію несчастныхъ соотчичей“, представилъ правительству на нѣмецкомъ языкѣ записку о поднятіи умственнаго уровня подрастающаго поколѣнія путемъ преобразованія школьной системы. Будучи въ Могилевѣ, Яковъ Гиршъ бесѣдовалъ о своемъ проектѣ со „значительными изъ единовѣрцевъ“, и они обѣщали ему содѣйствіе. А въ Петербургѣ, какъ кажется, онъ встрѣтилъ сочувствіе со стороны нѣкоторыхъ видныхъ русскихъ людей. Но, конечно, надо было ожидать, что при осуществленіи намѣренія поднимется сильная оппозиція со стороны консервативныхъ элементовъ, а потому Яковъ Гиршъ обратился въ комиссію о народныхъ училищахъ, находившуюся подъ покровительствомъ государыни, съ просьбой „дать на сіе свое соизволеніе и покровительство, дабы мое благонамѣренное предпріятіе не только не было препятствуемо, но еще и споспѣшествуемо“. Планъ Якова Гирша заключался въ томъ, чтобы въ хедерахъ было лишь упорядочено обученіе и самимъ этимъ низшимъ школамъ былъ приданъ лучшей видъ; въ большихъ же общинахъ слѣдуетъ учредить среднія школы, а въ Могилевѣ главную, образцовую, въ которыхъ, помимо вѣроученія, преподавались бы общеобразовательные предметы, а также ремесла. Учителями на первыхъ порахъ должны были быть только евреи,—подходящіе люди найдутся въ Бѣлоруссіи, а нѣкоторыхъ можно вызвать изъ-за-границы чрезъ посредство „ученаго Моисея Мендельсона“.

Такимъ образомъ, въ послѣднія десятилѣтія 18-го вѣка въ нѣдрахъ русскаго и польско-литовскаго еврейства столкнулись три теченія: раввинизмъ, хасидизмъ и просвѣтительное движеніе. Они боролись между собою, каждое за себя. А позже наступило время, когда раввинизмъ и хасидизмъ сообща ополчились противъ общаго врага—просвѣщенія.

Гаонъ Ілія, поглощенный изученіемъ Закона, стоялъ въ сторонѣ отъ общественной жизни. Но онъ далъ увлечь себя въ борьбу съ хасидскимъ движеніемъ еще тогда, когда на Литвѣ только начали возникать сектантскіе кружки. Въ 1772 г. нѣкоторые виленскіе хасидскіе дѣятели, тайно распростра-

нявшіе ученіе, были схвачены кагаломъ и подвергнуты тяжкимъ наказаніямъ, а затѣмъ виленскій раввинатъ, съ одобренія гаона, предалъ херему сектантовъ и выпустилъ воззваніе о преслѣдованіи ихъ; многія общины провозгласили херемъ на хасидовъ и стали подвергать ихъ гоненіямъ. Однако, подобныя репрессивныя мѣры лишь усилили рвеніе сектантовъ, и, жестоко преслѣдуемые, они встрѣтили сочувствіе со стороны молодежи. Юноши оставляли родителей и вступали въ ряды гонимыхъ. Хасидизмъ сталъ замѣтно усиливаться на Литвѣ, и въ 1781 г. главари раввинизма увидѣли себя вынужденными вновь ополчиться на враговъ.

Какъ и нѣсколько лѣтъ назадъ, инициатива и теперь принадлежала виленскому раввину, дѣйствовавшему отъ имени гаона. Былъ объявленъ херемъ на хасидовъ. Кромѣ того, виленскій кагалъ командировалъ въ Бѣлоруссію эмиссаровъ для борьбы съ хасидскимъ движеніемъ. Члены гродненскаго окружнаго раввината, собравшись на ярмаркѣ въ м. Зельвѣ, обратились съ посланіемъ къ общинамъ, призывая ихъ принять рѣшительныя мѣры противъ сектантовъ. Такія же воззванія были выпущены раввинами отдѣльныхъ общинъ.

Раввинъ изъ Брестъ-Литовска, пользовавшійся большимъ авторитетомъ, обнародовалъ посланіе, которымъ призывалъ всѣхъ „соединиться и ополчиться на хасидовъ, ... искоренить ихъ, преслѣдовать ихъ лично, наносить имъ матеріальный вредъ, гнущаться ихъ, какъ нечистыхъ тварей“. Состоялись антихасидскіе сѣзды раввиновъ въ Бѣлоруссіи—въ Шкловѣ и Могилевѣ (1783—1784 гг.). Шнеуръ-Залманъ былъ заочно осужденъ, прозванъ ересіархомъ. Хасидовъ объявили стоящими внѣ закона, ихъ имущество „выморочнымъ“. Въ нѣкоторыхъ городахъ чернь учинила разгромъ хасидскихъ домовъ.

Но гоненіемъ цѣль не была достигнута. Секта не только не была уничтожена, но, напротивъ, еще больше распространилась. Однако, несмотря на это, противники хасидовъ, „миснагимъ“, вдругъ прекратили преслѣдованіе сектантовъ.

Наступившее затишье объясняютъ тѣмъ, что политическія смуты и внутреннія войны, охватившія Польшу и Литву, а также неурядицы въ большинствѣ кагаловъ, особенно въ виленскомъ, нарушившія согласіе въ средѣ миснагимъ

отвлекли вниманіе „ревнителѣй вѣры“ отъ религіозной распри; къ тому же миснагимъ убѣдились въ недѣйствительности отлученій и другихъ репрессивныхъ мѣръ, а потому рѣшили воздержаться отъ противодѣйствія ереси: одни—изъ опасенія нарушить общественное спокойствіе, другіе — изъ личныхъ интересовъ; къ числу послѣднихъ принадлежали, между прочимъ, духовные пастыри, нерѣдко зависѣвшіе матеріально отъ хасидовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ послѣдніе утвердились. Когда же край, съ послѣднимъ раздѣломъ Польши, былъ умиротворенъ, миснагимъ увидѣли, что за это время хасидская партія численно возросла, и что ихъ бездѣйствіе, особенно же молчаніе виленскаго гаона, привело къ тому, что иные раввины стали благосклонно относиться къ хасидамъ. Все это и побудило миснагимъ возобновить борьбу.

Но на ряду съ указанными обстоятельствами, было еще одно, которое могло въ значительной мѣрѣ способствовать возобновленію враждебныхъ дѣйствій.

Хасиды поняли, что миснагимъ только потому въ силахъ вести организованную кампанію, что находятся подъ защитой кагаловъ. И вотъ, оцѣнивъ значеніе общественной власти, сосредоточенной въ кагалахъ, хасиды, воспользовавшись своей многочисленностью, заняли господствующее положеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Минской губерніи и, между прочимъ, въ Пинскѣ, гдѣ даже смѣстили раввина Авигодора Хаимовича (около 1796 г.) и духовный судъ, состоявшій изъ миснагимъ.

Этотъ переворотъ долженъ былъ придать новое направленіе религіозной борьбѣ. Не говоря о томъ, что при новомъ составѣ суда хасидизмъ могъ въ районѣ свободно развиваться, событіе это должно было внушить всей партіи мысль о необходимости добиваться общинной власти. И надо думать, что подобная борьба и происходила въ ближайшіе годы въ Минской губерніи съ благопріятнымъ для хасидовъ результатомъ: въ 1800 году губернаторъ доносилъ, что каролинская секта — такъ часто назывались хасиды по предмѣстью Пинска, Карлину, гдѣ они были сосредоточены — „отправляетъ молитвы свои и прочее безъ всякаго препятствія отъ древней“ (т. е. миснагимъ). Пинскій переворотъ долженъ былъ обнаружить передъ „ревнителѣями вѣры“,

какую общественную силу они встрѣтили въ лицѣ противника, и вызвать въ нихъ опасеніе за будущее: если хасидамъ удалось потрясти хотя бы въ незначительной, сравнительно, части духовную власть раввинской партіи, то не удастся ли имъ захватить въ свои руки и свѣтскую административную власть?

Возможно, что именно это событіе заставило миснагдимъ возобновить свою дѣятельность. Во всякомъ случаѣ, въ дальнѣйшемъ религіозная борьба велась вокругъ общинной власти.

Весною 1796 г. въ Вильнѣ состоялось, подъ предсѣдательствомъ гаона, засѣданіе раввиновъ и представителей кагаловъ, постановившее призвать къ борьбѣ противъ хасидовъ всѣ вліятельныя общины Литвы и Бѣлоруссіи. А вслѣдъ затѣмъ было разослано посланіе гаона, призывавшее вліятельныя общины Литвы и Бѣлоруссіи выступить на борьбу съ хасидами.

Когда циркуляръ былъ доставленъ въ Минскъ, здѣсь былъ пущенъ слухъ, что документъ подложенъ; пришлось отправить депутацію въ Вильну, чтобы провѣрить его подлинность, и тогда гаонъ выпустилъ еще болѣе гнѣвное посланіе, въ которомъ уже призывалъ къ борьбѣ съ хасидами даже путемъ полицейскихъ и административныхъ мѣръ.

„Вѣрные сыны Израиля, благоговѣнно покорные слову Божію, идущіе на проломъ, дабы отстоять домъ Израилевъ, очиститъ сердца отъ камней, охранитъ паству Божію, какъ пастырь — стадо свое; вы, предводители губернскаго кагала г. Минска,—да охранитъ васъ Богъ за то, что вы первые вышли на священную борьбу! Пламя вашего рвенія прорвалось и охватило сухіе сучья, которые слѣдуетъ искоренить изъ вертограда Господня—изъ народа, избраннаго Богомъ, какъ наслѣдіе Его. Если они (хасиды) издѣваются (надъ Закономъ), то сокрушите имъ голову! Пусть безумцы, строющіе козни, поймутъ, что ждетъ ихъ, и не вернуться къ своему безумію.

„Первыми должны выступить въ походъ вы, герои избранники означеннаго города, а съ вами должны раздѣлить трудъ ваши пастыри, избранные въ губернскомъ кагалѣ. Вы же, горы Израиля, духовные пастыри каждой губерніи, свѣт-

скіе вожди каждой губерніи, вы, предводители губернскихъ кагаловъ Могилева, Полоцка, Житомира, Винницы, Каменца-Подольска, — въ вашихъ рукахъ есть молотъ, которымъ вы можете разбить злоумышленниковъ, противниковъ свѣта, враговъ народа, и обратить ихъ въ бѣгство! Вы, воины слова Божія, имѣете силу искоренить тѣхъ, которые окажутъ сопротивление справедливому приговору, который вы произнесете надъ виновными.

„...Горе этому роду (хасидовъ), проклинающему своего отца (Бога) и не благословляющему своей матери (Торы)! Тяжко провинились они передъ вами, отвернувшись отъ васъ... Они нарушили законы, отвергли постановленія своего Создателя и дѣлаютъ въ божественномъ ученіи открытія, несогласныя съ истиною... Горе ихъ дурнымъ пастырямъ, измыслившимъ отъ себя новый законъ и новое ученіе... Между ними (хасидами) есть люди, запятнавшіе себя кровью невинныхъ бѣдняковъ. Всякому дурному дѣлу они содѣйствуютъ, всякаго злодѣя и грѣшника они поддерживаютъ... Нужно всенародно наказывать скорпіонами этихъ безумцевъ, для ихъ же исправленія. Пусть никто не сжалится надъ ними и не пріютитъ ихъ. Пусть общество лицемѣровъ останется всѣми покинутымъ. Тотъ, кто послѣдуетъ за ними, пусть будетъ выставленъ къ позорному столбу...“

Послѣ этого минскій кагалъ разослалъ по губерніи отъ своего имени циркуляръ: „Приготовьтесь же къ борьбѣ сейчасъ,—призывалъ губернскій кагалъ,—и вы будете благословенны. Пусть не шадитъ никто своего брата, ни своего сына, пусть скажетъ отцу и матери (сектантамъ)—я васъ не знаю. Не жалѣйте никого... Каждый уѣздный кагалъ долженъ отдавать приказанія въ этомъ смыслѣ окрестнымъ общинамъ... Ослушниковъ мы въ состояніи давить и преслѣдовать, такъ какъ мы, слава Богу, имѣемъ поддержку со стороны нашего генераль-губернатора, который далъ намъ полномочія и велѣлъ писать евреямъ въ духѣ божескихъ и человѣческихъ законовъ, ибо и (государственный) законъ запрещаетъ подобное (сектантство) во Израилѣ...“

При этомъ минскій губернскій кагалъ предписалъ не дозволять хасидамъ молиться въ особыхъ миньянахъ (молитвенныхъ собраніяхъ).

Произвелъ ли призывъ гаона должное впечатлѣніе на широкіе общественные круги? Сомнительно. Не видно, чтобы противъ хасидовъ выступали рядовые обыватели. Борьбою съ хасидами занялись, какъ кажется, одни лишь члены кагала и ихъ приспѣшники, ибо прежде всего ихъ интересы, а не людей изъ массы, могли пострадать отъ побѣды сектантовъ, которые въ своей внѣшней дѣятельности стремились главнымъ образомъ къ тому, чтобы занять общественныя должности.

Именно въ Вильнѣ гнетъ кагальной олигархіи еще въ польскія времена дошелъ до крайнихъ предѣловъ. Здѣсь въ теченіе многихъ лѣтъ тянулась борьба между кагаломъ и раввиномъ Самуиломъ; несмотря на то, что раввинъ уличался во взяточничествѣ, пьянствѣ, нарушеніи присяги и т. д., простонародье было все же болѣе враждебно настроено противъ кагала, чѣмъ противъ недостойнаго раввина, такъ какъ злоупотребленія кагала были для народа невыносимѣе. Представитель простонародья Вильны Шимонъ Вольфовичъ, выступивъ противъ кагала, запасся „желѣзнымъ листомъ“ отъ короля Станислава, долженствовавшимъ обезпечить неприкосновенность личности и имущества какъ самого Шимона Вольфовича, такъ и стоявшей за нимъ народной массы. Но кагалъ предалъ ходатаю херему, а затѣмъ добился заключенія его въ тюрьму (1788 г.). Неудивительно, что Шимонъ Вольфовичъ, уже находясь въ заключеніи, рѣшился написать посланіе къ четырехлѣтнему сейму объ упраздненіи кагальной власти. Борьба между кагаломъ, раввиномъ и простонародной массой потрясла кагальную организацію на Литвѣ, уронила достоинство кагала въ глазахъ еврейскаго общества. И насколько обыватели стояли въ сторонѣ отъ междоусобія между кагаломъ и хасидами видно изъ того, что въ Вильнѣ, штабъ-квартирѣ „ревнителѣй вѣры“, хасиды поколебали власть кагала и дезорганизовали ряды миснагдимъ.

Это случилось вскорѣ послѣ смерти гаона (1797 г.). Введеніе борьбы съ сектантами виленскій кагалъ поручилъ пяти лицамъ, при чемъ въ кагальной книгѣ была сдѣлана слѣдующая запись: „Если на кого-нибудь будетъ показано, что онъ принадлежитъ къ означенной сектѣ, а подавно, если станетъ извѣстно, что онъ идетъ по путямъ ихъ (сектантовъ)

и слѣдуетъ ихъ обрядамъ,—то такой человѣкъ не только отлучается и отвергается отъ всѣхъ и считается чуждымъ всего святаго въ еврействѣ, но вовсе не признается сыномъ Израиля и приравнивается къ самаритянину и саддукею. Его вино и хлѣбъ запрещено вкушать, онъ совершенно изгоняется изъ нашего города, лишается здѣсь всякаго права владѣнія и подавно не имѣетъ права занимать какую бы то ни было должность въ кагалѣ, участвовать въ собраніяхъ или въ какомъ-нибудь братствѣ. Все это дѣлается чрезъ тайнаго преслѣдователя... Всякій изъ нашей общины, который пожелаетъ взять на себя роль преслѣдователя въ означенномъ дѣлѣ, имѣетъ на то полное право, какъ если бы былъ уполномоченъ всѣмъ духовнымъ собраніемъ“.

На Литвѣ и въ другихъ мѣстностяхъ, присоединенныхъ къ Россіи при послѣднихъ двухъ раздѣлахъ Польши, дѣйствовала кагальная организація, не отличавшаяся въ основѣ отъ той, которая была санкціонирована правительствомъ въ Бѣлоруссіи. Хотя правительство официально объявило, что кагалъ не долженъ касаться „ни до какихъ иныхъ дѣлъ, кромѣ обрядовъ закона и богослуженія“, оно знало, что кагалъ выполняетъ болѣе широкія функціи, и само пользовалось разносторонней дѣятельностью этого органа самоуправления евреевъ.

Кагалъ былъ снабженъ судебными функціями по дѣламъ гражданскаго характера, возникавшимъ между евреями; вѣдалъ финансами общины, раскладкой податей, распоряжался различными статьями доходовъ; въ сферу его власти входило все, что такъ или иначе было связано съ религіозною жизнью общины: благотворительныя учрежденія, молельни, школы, рѣшеніе вопросовъ о разводѣ и проч. При такихъ условіяхъ виленскому кагалу легко было нарушать права хасидовъ, всячески вредить ихъ матеріальнымъ интересамъ. И вполне понятно, что хасиды должны были направить свои усилія къ тому, чтобы умалить власть кагала. Для этого представлялся легкій путь: обратиться за содѣйствіемъ къ администраціи. Хасиды такъ и поступили.

Возможно, что они и раньше прибѣгали за помощью къ правительству. Такъ, въ 1782 г. администрація обратила вни-

мані сената на то, что въ виду отсутствія указанія, куда могутъ быть обжалованы рѣшенія губернскихъ кагаловъ въ Бѣлоруссіи, „принуждены обвиняемые иногда невинно страдать“, — и кагалы, какъ указано выше ¹⁾, утратили судебныя функціи. Это, конечно, было противно интересамъ правящаго класса. Кто же были эти страдавшіе отъ власти губернскаго кагала и желавшіе замѣнить еврейскій судъ общегосударственнымъ? Вспомнивъ, что именно въ то время среди бѣлорусскихъ хасидовъ началось усиленное движеніе, вызвавшее новый походъ миснагдимъ, можно предположить, что мы имѣемъ предъ собою одинъ изъ эпизодовъ религіозной борьбы—выступленіе хасидовъ противъ кагала. Во всякомъ случаѣ, вскорѣ хасиды заняли вліятельное положеніе въ общественной жизни въ Бѣлоруссіи и въ кагальной организаціи.

Имѣются данныя, что хасидамъ и на Литвѣ удалось сплотиться въ организованную общественную силу и въ цѣляхъ борьбы съ кагаломъ склонить на свою сторону мѣстную администрацію. Сперва кагаламъ въ Виленской губерніи было запрещено предавать кого бы то ни было херему; а затѣмъ виленскій кагалъ и духовный судъ были лишены права „принимать и судить между евреями дѣла“.

Тогда миснагдимъ рѣшили прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ. Въ 1798 г. правительство получило доносъ, исходившій изъ среды виленскихъ миснагдимъ. Учтя настроеніе государя и общее политическое положеніе, противники хасидовъ выставили р. Залмана и его приверженцевъ не еврейскими сектантами, а политическими преступниками, опасными для государства. Р. Залмана и семерыхъ хасидовъ, признанныхъ „главными сообщниками начальника ихъ“, отправили (ноябрь, 1798 г.) въ Петербургъ, а многихъ другихъ заключили въ мѣстныя тюрьмы.

Глава хасидовъ предсталъ предъ тайной экспедиціей, гдѣ и долженъ былъ оправдаться.

Вполнѣ понятно, что правительство успокоилось, увидѣвъ предъ собою не политическое сообщество, а еврейскую религіозную секту, и Павелъ I, не усмотрѣвъ „въ поведеніи евреевъ, коихъ считаютъ въ сектѣ той, ничего вреднаго для

¹⁾ См. стр. 34—35 и 40.

государства, ни-же развратнаго въ нравахъ и нарушающаго общее спокойствіе“, повелѣлъ освободить всѣхъ заключенныхъ, если „не откроется чего подозрительнаго въ дѣяніяхъ ихъ или злонамѣреній противу пользы государства“. Подозрительнаго ничего не было обнаружено. Однако, изъ предосторожности за ними и вообще за хасидами былъ установленъ надзоръ, „нѣтъ-ли и не будетъ-ли отъ нихъ какихъ потаенныхъ сношеній или переписокъ съ развратно толкующими о правительствѣ и образѣ правленія“.

Такимъ образомъ, правительство интересовалось лишь однимъ, не заключала ли въ себѣ хасидская секта чего-либо опаснаго для государственнаго спокойствія, и разъ явилось убѣжденіе въ безвредности секты—правительству не оставалось ничего другого, какъ разрѣшить дальнѣйшее существованіе секты. И вотъ бѣлорусскій губернаторъ (декабрь 1798 г.) далъ слѣдующій ордеръ витебскому земскому комиссару: „По Высочайшему его императорскаго величества повелѣнію... взятый предъ симъ изъ мѣстечка Ліозны проживающій тамъ раввинъ Залманъ Боруховичъ, по разсмотрѣніи обстоятельствъ, учиненъ свободнымъ и секта евреевъ, каролины именуемая, остается при прежнемъ ея существованіи“...

Эта побѣда не только дала хасидамъ возможность открыто распространять свое ученіе, но и должна была склонить на ихъ сторону администрацію, облегчить имъ борьбу съ противниками изъ-за общинной власти. Хасиды сумѣли использовать эти благопріятныя условія: они выступили противъ оплота миснагдимъ—виленскаго кагала; имъ удалось добиться того, что въ присутствіи представителей администраціи (февраль 1799 г.) были произведены выборы нѣкоторыхъ кагальныхъ членовъ и избранными оказались хасиды.

Виновникомъ торжества хасидовъ явился самъ виленскій кагалъ; онъ совершилъ растрату денегъ, собранныхъ съ населенія для оплаты податей, и этимъ далъ администраціи поводъ вмѣшаться въ распрю; кромѣ того, хасиды завоевали себѣ симпатіи въ виленскомъ населеніи обѣщаніемъ хлопотать, чтобы растроченныя деньги были взысканы не съ обывателей, а съ виновныхъ старшинъ (имъ, дѣйствительно, удалось добиться этого).

Отрѣшенные отъ должности кагалные старшины обратились за содѣйствіемъ къ высшей власти; они просили возстановить кагалъ, а также духовный судъ въ прежнемъ составѣ, вновь предоставить кагалу судебныя функціи по гражданскимъ дѣламъ, и, наконецъ, „запретить каролинамъ выдумывать новую секту и обряды“. Но эти ходатайства были отвергнуты правительствомъ.

Однако виленскіе миснагимъ, вѣрнѣе, бывшіе кагалные члены, не сложили оружія. Они открыли новую кампанію противъ хасидовъ, душою которой явился раввинъ Авигдоръ Хаимовичъ, въ свое время смѣщенный хасидами съ должности въ Пинскѣ. Какъ бы защищая только свои интересы, нарушенные хасидами, преслѣдуя будто только своихъ личныхъ недоброжелателей, онъ фактически дѣйствовалъ въ пользу виленскихъ миснагимъ, которые, повидимому, оказывали ему свою поддержку. Человѣкъ, привыкшій вращаться въ бюрократическихъ сферахъ, онъ сумѣлъ дать ходъ дѣлу, хотя существованіе секты было санкціонировано правительствомъ. Въ запискѣ, представленной Павлу I, Авигдоръ выставилъ противъ сектантовъ различныя обвиненія—они учатъ „не имѣть ни предъ какимъ начальникомъ страха“, нарушаютъ заповѣди „не укради, не божися ложно“, подавая въ этомъ отношеніи примѣръ окружающему населенію, отсылаютъ въ Палестину значительныя суммы денегъ и т. д. Однако, мѣстные администраторы высказались лестно о хасидахъ, и дѣло должно было заглохнуть. Тогда Авигдоръ добился, какъ видно, аудіенціи у государя, которому уже ранѣе представилъ свои сочиненія. Вскорѣ послѣ этого Залманъ былъ вторично арестованъ и доставленъ въ Петербургъ.

Этимъ успѣхомъ Авигдоръ былъ обязанъ случайному стеченію обстоятельствъ. Въ то время генераль-прокуроръ получилъ отъ извѣстнаго поэта и сенатора Державина, командированнаго въ Бѣлоруссію, чтобы узнать причины бѣдственнаго положенія крестьянъ, записку о реформѣ быта евреевъ. Державинъ познакомился въ Бѣлоруссіи, между прочимъ, съ евреемъ, врачомъ Франкомъ, послѣдователемъ мендельсоновскаго движенія, который не могъ не быть противникомъ сектантовъ; другіе мѣстные миснагимъ также представили ему хасидовъ въ дурномъ свѣтѣ, и Державинъ въ

своей запискѣ рѣзко охарактеризовалъ р. Залмана — онъ лицемеръ, а его послѣдователи сманиваютъ дѣтей богатыхъ купцовъ и обираютъ ихъ.

Этотъ отзывъ придавъ въ глазахъ правительства достовѣрность наговору Авигдора, и тогда послѣдовалъ приказъ объ арестѣ „начальника каролинской секты или хасидовъ еврея Боруховича“.

Глава хасидовъ былъ, вѣроятно, не мало изумленъ, когда, доставленный въ тайную экспедицію, онъ увидѣлъ предъ собою Авигдора, грозно требовавшаго объясненія на свои вопросы. Впрочемъ, подобный диспутъ оказался безцѣльнымъ, такъ какъ никто изъ членовъ тайной экспедиціи не зналъ еврейскаго языка, и Авигдору по Высочайшему повелѣнію было приказано изложить на бумагѣ обвиненія противъ секты. Р. Залманъ отвѣтилъ на нихъ также письменно и эти документы были переведены на русскій языкъ и представлены государю.

Изъ сохранившихся отвѣтовъ р. Залмана видно, что его глубоко поразили обвиненія, выставленныя Авигдоромъ. „Не могу сносить его—писалъ р. Залманъ—ругани и лжи. Онъ наводитъ на насъ такія обвиненія, какихъ никогда и не слышали, развѣ во время Польши и ея ксендзовъ, которые возводили лживыя обвиненія въ употребленіи человѣческой крови на пасху и еще другія подобныя обвиненія, изъ-за которыхъ было пролито много еврейской крови... Вѣдь онъ самъ сознается, что только слышалъ, и самъ не знаетъ, дѣйствительно ли это такъ... Помощь можетъ прійти только отъ государя, и я полагаюсь на его великую милость, что онъ съ высоты престола посмотритъ на униженнаго; онъ пойметъ, что я не виновенъ, и освободитъ меня изъ темницы“.

Надежда Залмана на благоволеніе государя не была напрасной. Отвѣты Залмана, по словамъ самого Авигдора, понравились Павлу I. Къ тому же въ это время бѣлорусскій губернаторъ представилъ свой отзывъ о хасидахъ, какъ о людяхъ, вполне благонамѣренныхъ; „да и самый начальникъ каролинской секты Боруховичъ, по засвидѣтельствованію Бѣлорусскаго губернскаго еврейскаго кагала, .. ни въ чемъ другомъ упражнялся, какъ въ единственномъ чтеніи духовныхъ книгъ и богомоленіи“, и въ раз-

смотрѣніи, въ качествѣ третейскаго судьи, различныхъ споровъ, причемъ стороны всегда оставались довольны его рѣшеніемъ и никогда не возбуждали жалобъ.

Тайная экспедиція поняла, что дѣятельность Залмана не таила въ себѣ ничего преступнаго, ничего опаснаго для государства.

Что же представляла собою еврейская междоусобная борьба?

Этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ правительствомъ—борьба Авигдора съ Залманомъ была борьбою кагала съ хасидизмомъ: 27 ноября 1800 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе „дѣло между евреями Авигдоромъ Хаимовичемъ и Залманомъ Боруховичемъ, касающееся до ихъ религіи и прочаго, въ Сенатѣ рассмотреть и учинить положеніе, на какомъ впродъ основаніи быть сектѣ хасидовъ и кагаламъ“.

Кагалъ былъ силенъ своей организаціей, хасидизмъ—религіознымъ возбужденіемъ; первый олицетворялъ физическую мощь, второй—духовную.

Нужно было примирить эти двѣ враждебныя силы.

Распря между хасидами и ихъ противниками, ворвавшаяся въ стѣны кагала, была рассмотрѣна правительствомъ въ связи съ другими вопросами внутренней жизни евреевъ, въ частности, съ вопросомъ о функціяхъ кагала. Сузивъ власть кагала, законъ 1804 г. тѣмъ самымъ улучшилъ положеніе хасидовъ ¹⁾, но помимо того, чтобы лишить кагалъ возможности преслѣдовать сектантовъ, законъ 1804 г. постановилъ, что если въ какой-либо мѣстности „возникнетъ раздѣленіе сектъ и расколъ прострется до того, что одинъ толкъ съ другимъ не захочетъ быть въ одной Синагогѣ,—въ такомъ случаѣ позволяется одному изъ нихъ построить свою Синагогу и выбрать своихъ раввиновъ; но во всякомъ городѣ кагалъ долженъ быть одинъ“.

Въ этихъ условіяхъ религіозная борьба, предоставленная естественному теченію, должна была утратить ту остроту, которая толкала оба лагеря на путь неосторожныхъ, недостойныхъ, а порою и преступныхъ дѣйствій. Подъ защитою закона хасиды могли впродъ открыто слѣдовать своему уче-

¹⁾ См. главу шестую.

нію. Кагальная власть, будучи даже всецѣло въ рукахъ миснагимъ, не могла болѣе угрожать сектантамъ. Кагално-раввинскій союзъ пересталъ быть страшилищемъ для хасидовъ, и возможно, что это ослабило въ хасидскихъ кругахъ стремленіе къ общинной власти; да и миснагимъ не имѣли теперь основанія противиться избранію хасидовъ на кагальныя должности. Наступило внѣшнее умиротвореніе; по крайней мѣрѣ нѣтъ извѣстій, чтобы въ ближайшіе годы происходили открытыя столкновенія между хасидами и ихъ противниками.

Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ указано и другое обстоятельство, заставившее сектантовъ и миснагимъ смягчить взаимную вражду.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Экономическая дѣятельность евреевъ. — Попытки конкурентовъ стѣснить ихъ торговыя права. — Подати. — Коробочный сборъ. — Злоупотребленія кагаловъ въ расходованіи общественныхъ суммъ. — Безотрадное положеніе еврейской массы. — Еврей-шинкари объявляются главными виновниками бѣдствія крестьянъ. — Историческія причины развитія шинкарства. — Необходимость преобразованія еврейской жизни. — Проектъ Фризеля подъ лозунгомъ: равноправіе и просвѣщеніе. — Призывъ Ноты Хаимовича Ноткина о привлеченіи евреевъ къ производительному труду. — Выступленіе Державина въ роли реформатора; воздѣйствіе на него Ноткина и врача Франка, приверженца мендельсоновскаго движенія; религіозная вражда Державина къ евреямъ. — Кровавый навѣтъ.

Евреи занимались ремесленнымъ трудомъ, торговлей, крупной и мелкой, питейными промыслами и арендой различныхъ отраслей помѣщичьяго хозяйства. „Все купечество и всѣ ремесла—свидѣтельствовалъ одинъ современникъ— въ польскихъ губерніяхъ болѣею частью наполнены евреями“.

Наиболѣе распространенными среди еврейскаго населенія были тѣ ремесла, которыя не требовали грубаго физическаго труда—портняжное, шапочное, золотыхъ дѣлъ мастерство; много встрѣчалось цырюльниковъ, шмуклеровъ и др. Въ отдѣльных мѣстностяхъ существовали цехи, у которыхъ кагалъ испрашивалъ согласія на водвореніе вновь прибывшаго ремесленника.

Что касается торговли, внутренней и внѣшней, то въ бывшемъ польскомъ краѣ она была сосредоточена преимущественно въ рукахъ евреевъ. Несмотря на существованіе „черты осѣдлости“, правительство не препятствовало евреямъ торговать за ея предѣлами. Вообще еврейскій торгово-промышленный классъ не испытывалъ въ то время сколько-нибудь значительныхъ стѣсненій извнѣ. Объ этомъ, до извѣстной степени, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, любопытный документъ 1802 г.—отвѣтное письмо шкловскихъ евреевъ бухарскимъ единовѣрцамъ: „Вы писали, что хотѣли бы пріѣхать въ Россію по торговымъ дѣламъ, но не рѣшаетесь, ибо слышали, что въ Россіи притѣсняютъ и преслѣдуютъ евреевъ. Знайте же, что мы, благодареніе Господу, живемъ здѣсь въ совершенномъ благополучіи“; государь „осчастливилъ насъ своею милостью, совершенно уравнивъ въ правахъ съ остальными жителями, и теперь евреи по всѣмъ своимъ дѣламъ могутъ судиться всюду, гдѣ имѣются общіе суды... Всѣмъ купцамъ разрѣшено теперь торговать и развѣзжать по всей странѣ, и вы можете также пріѣзжать сюда по своему желанію...“

Однако, конкуренты стали ходатайствовать объ установленіи стѣсненій. Инициативу въ этомъ отношеніи взяло на себя петербургское купечество; оно, въ сущности, ничего не имѣло противъ того, чтобы евреи вели оптовую торговлю въ столицѣ, но при непремѣнномъ условіи, чтобы они обращались къ посредничеству русскихъ купцовъ, „дабы чрезъ то воспользовался жалованьемъ или нѣкоторой частью барыша россиянинъ, а не еврей“. Вслѣдъ за петербургскимъ выступило также московское купечество, и сенатъ согласился признать, что евреи отнюдь не могутъ выходить за предѣлы черты осѣдлости и не должны пользоваться выгодами, предоставленными прочему населенію; имъ разрѣшено временное пребываніе во внутреннихъ губерніяхъ и въ столицахъ лишь для взысканія долговъ, веденія тяжбныхъ дѣлъ и для ходатайствъ по общественнымъ дѣламъ.

Стремленіе охранить интересы христіанскаго купечества путемъ своего рода протекціонной системы встрѣтило рѣзкую критику со стороны ряда членовъ государственнаго совѣта; они заявили, что не позволяя евреямъ постоянного

жительства внѣ черты, законъ не лишилъ ихъ права производить повсемѣстно оптовую торговлю; если правительство поощряетъ оптовую торговлю иностранцевъ, то какъ же можно воспретить ее людямъ, состоящимъ въ русскомъ подданствѣ, и къ тому же платящимъ двойную подать. Особенно подробно высказался по этому вопросу извѣстный государственный дѣятель графъ Мордвиновъ, указавшій на значеніе торговой дѣятельности евреевъ для страны; онъ отмѣтилъ, между прочимъ, что ограниченіе евреевъ въ торговлѣ лишитъ ихъ въ извѣстной мѣрѣ средства къ пропитанію, „и праздность ихъ будетъ только бременемъ, отягощающимъ государство“.

Такимъ образомъ попытка конкурентовъ ограничить торговые права евреевъ не удалась на этотъ разъ. Но все же этотъ вопросъ сталъ отнынѣ угрожать евреямъ, ибо являлась возможность, что вновь возбужденный, онъ будетъ разрѣшенъ не въ пользу евреевъ.

Первое время евреи были обложены податью въ такомъ же размѣрѣ, какъ и прочее населеніе: купцы уплачивали одинъ процентъ съ объявляемаго ими „по совѣсти“ капитала и почтовый сборъ, а мѣщане—подушную подать, прибавляя къ ней нѣкоторую сумму съ каждаго рубля подати, а также почтовый сборъ. Но въ 1794 г., какъ было выше указано¹⁾, всѣ эти платежи были вдвое увеличены для евреевъ; даже наследственные пошлины евреямъ пришлось уплачивать въ двойномъ размѣрѣ. Только рекрутскій сборъ съ евреевъ остался въ такомъ же размѣрѣ, какъ и для христіанъ-купцовъ—по пятисотъ рублей за рекрута, который причитался бы съ евреевъ, если бы они несли натуральную рекрутскую повинность.

Помимо указанныхъ и различныхъ мѣстныхъ сборовъ, евреи, жившіе на частновладѣльческихъ земляхъ, несли рядъ повинностей въ пользу помѣщика. Сверхъ того, еврейское населеніе оплачивало свои общественные расходы.

Значительная часть еврейскаго населенія бѣдствовала, и не уплачивала ни податей, ни сборовъ, установленныхъ кагалами. Поэтому болѣе состоятельныхъ принуждали платить за неимущихъ. Въ Витебскѣ „богатые“ вносили недоимки за пять душъ, „средніе“—за три; кто платилъ меньше,

¹⁾ Стр. 45.

относился къ группѣ „бѣдныхъ“. Общество, такимъ образомъ, несло на себѣ тяжесть круговой поруки; „раскладку“ же сборовъ производилъ кагалъ; впрочемъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ поручалъ ее самому обществу, коллегіи изъ представителей отъ высшаго, средняго и низшаго сословія, или „сотникамъ“, избиравшимся каждой сотней обывателей.

Однако, взысканіе денегъ путемъ раскладки было чрезвычайно затруднительно, сопровождалось личными столкновениями и проч. Поэтому кагалы, избѣгая прямыхъ налоговъ, взымавшихся непосредственно съ даннаго лица, охотно прибѣгали къ косвенному налогу—такъ называемому коробочному сбору, уплата котораго происходила исподволь, небольшими суммами. Коробочный сборъ взымался преимущественно съ мяса, и потому состоятельные лица, потребляя больше мяса, чѣмъ неимущіе, участвовали въ оплатѣ податей и другихъ налоговъ въ большей долѣ, чѣмъ бѣдные.

Кажется, не было случая, чтобы коробочный сборъ не взымался съ мяса; но весьма часто онъ распространялся и на другіе предметы первой необходимости, какъ, напр., соль, хлѣбъ, муку и др. Коробочному сбору подлежали также принадлежности религіознаго культа — „шабашныя свѣчи“, райскія яблоки, и религіозно-гражданскіе акты—обрядъ вѣнчанія, расторженіе браковъ. Порою коробочный сборъ взыскивался при покупкѣ и продажѣ товаровъ, благодаря чему въ мѣстахъ значительнаго скопленія евреевъ коробочный сборъ иногда уплачивался косвеннымъ образомъ и христіанами, такъ какъ еврей-торговецъ прибавлялъ сумму коробочнаго сбора къ стоимости товара.

Иногда коробочный сборъ устанавливался для одной опредѣленной цѣли; въ этомъ случаѣ для прочихъ расходовъ приходилось пользоваться „складкой“; но чаще всего этимъ сборомъ оплачивались самые разнообразныя общинныя расходы: подати, частновладѣльческіе налоги, содержаніе школъ, молитвенныхъ домовъ и духовенства, подарки администраціи, пособіе бѣднымъ, выполненіе общественныхъ повинностей—исправленіе дорогъ, наемъ помѣщенія для войскъ и мн. др.

Чаще всего коробочный сборъ отдавался на откупъ; но въ небольшихъ поселеніяхъ, въ виду отсутствія откупщиковъ изъ-за незначительности суммы сбора, послѣдній взи-

мался непосредственно кагалами или специально для этой цѣли избиравшимися старшинами. Сборъ отдавался на откупъ не только евреямъ, но и христіанамъ. Въ малолюдныхъ общинахъ откупъ сбора сводился иногда къ тому, что обыватели обязывались покупать у откупщика извѣстные припасы по нѣсколько повышенной, а порою даже обычной цѣнѣ; за эту монополію откупщикъ уплачивалъ кагалу обусловленную сумму.

Такъ какъ сборъ предназначался для покрытія различныхъ общинныхъ нуждъ, то откупщикъ иногда бралъ на себя обязанность расплачиваться съ кредиторами кагала или вносилъ деньги въ казначейства въ счетъ недоимокъ, числившихся на данномъ обществѣ, и проч.

Тяжесть налоговъ, хотя и падавшихъ въ бѣльшей долѣ на состоятельные классы, но вмѣстѣ съ тѣмъ ложившихся, чрезъ посредство коробочнаго сбора, непосильнымъ бременемъ на неимущихъ, усугублялась злоупотребленіями кагалныхъ заправиль. Современники—евреи и христіане—единодушно говорятъ о томъ, что старшины богатѣли за счетъ бѣдствовавшей народной массы.

Мрачную картину изъ дѣятельности кагала, въ эпоху польскаго господства, рисуетъ жалоба „рядовыхъ“ евреевъ минской общины, представленная въ 1782 г. въ главный Литовскій скарбовый трибуналъ: старшины, скрывая предъ властями дѣйствительную сумму нѣкоторыхъ сборовъ съ населенія, обращали въ свою пользу ежегодный остатокъ кагалныхъ доходовъ; они добились отмены контроля надъ этими сборами и, проведя въ кагалъ своихъ близкихъ, распоряжались общественными деньгами по своему произволу; поэтому, несмотря на то, что кагалными доходами уже давно можно было бы погасить общинныя долги, кагалъ продолжалъ дѣлать займы, прибѣгая къ различнымъ злоупотребленіямъ; однажды старшины при помощи военной силы принудили рядовыхъ евреевъ дать свое согласіе на сдѣлку, которая могла быть выгодна однимъ лишь старшинамъ. Для угнетенія ремесленниковъ кагалъ закупилъ въ Минскѣ всѣ „хазакі“, благодаря чему выдача тому или другому лицу разрѣшенія на занятіе ремесломъ стала зависѣть отъ кагала; когда рядовые евреи возбудили жалобы предъ властями на

незаконныя дѣйствія кагала, старшины примѣнили къ непокорнымъ членамъ общины репрессивныя мѣры.

Нищенія въ кагалахъ достигли, какъ кажется, особенно крупныхъ размѣровъ въ годы религіозной борьбы, когда кагалы употребляли народныя деньги на преслѣдованіе сектантовъ.

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что кагалныя старшины нерѣдко несли личную отвѣтственность за правильное поступленіе податей и потому имъ приходилось прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ при взысканіи подати.

Матеріальный гнетъ кагала—съ одной стороны, а съ другой—двойная подать, попытки выселенія изъ деревень, поборы помѣщиковъ, все это привело къ тому, что еврейское населеніе въ своей значительной части вело нищенскую жизнь. Изъ различныхъ мѣстностей администраторы сообщали правительству о бѣдственномъ положеніи еврейскаго народа.

Литовскій губернаторъ Фризель доносилъ (1800 г.), что въ корчмахъ сидятъ женщины, мужчины же „выходятъ на другіе промыслы, поелику доходъ съ шинка часто бываетъ недостаточнымъ на ихъ содержаніе“. Державинъ констатировалъ (1800 г.), что бѣлорусскіе евреи находятся „въ крайнемъ изнуреніи и нищетѣ, каковыхъ суть большая часть“. А кievскій губернаторъ Панкратьевъ указывалъ (1802 г.) во всеподданнѣйшемъ докладѣ, что изъ двадцати тысячъ мѣщанъ-евреевъ не менѣе, если не болѣе, чѣмъ двѣ трети влечать столь жалкое существованіе, что не только не могутъ уплачивать подати, но „съ величайшимъ усиліемъ находятъ они теперь дневное пропитаніе“. Отмѣтивъ основныя причины этого явленія, Панкратьевъ писалъ: „справедливымъ кажется помыслить объ участи и сего презрѣннаго (презираемаго) и угнетеннаго народа, который, не получивъ отъ государства никакой въ его собственность принадлежности, платить обязанъ и казнѣ за позволеніе здѣсь жить двойную подать, а помѣщикамъ за земли и позволеніе промысловъ въ ихъ владѣніяхъ столько же или и болѣе“, и губернаторъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ двойной подати съ евреевъ.

Нота Хаимовичъ Ноткинъ также завѣрялъ правительство, что благодаря установленію двойной подати на еврейскомъ обществѣ накапливаются недоимки, вслѣдствіе чего случалось,

что администрація арестовывала членовъ кагала и секвестровала ихъ имущество, дабы принудить ихъ къ взысканію подати съ населенія; съ теченіемъ времени „число бѣдныхъ размножается, кои къ поправленію своему способовъ не имѣютъ, а зажиточные неминуемо въ худое приходятъ состояніе и разоряются“.

Однако, стремясь къ удаленію евреевъ изъ деревень, правительство какъ бы оставляло безъ вниманія то обстоятельство, что евреи, которыхъ считали виновниками бѣдственнаго положенія крестьянъ, сами были нищими.

Выше было указано, что и при выселеніи изъ деревень, равнымъ образомъ и при устраненіи отъ занятія винными промыслами, евреи подвергались стѣсненію не какъ члены особой національной группы, а какъ члены русскаго торгово-промышленнаго класса. ¹⁾

Въ этой же роли евреи должны были выступить и тогда, когда въ виду сильнаго голода въ Минской губ. (1797 г.) правительство занялось выясненіемъ причины этого бѣдствія, и оказалось, что, наряду со многими другими серьезными обстоятельствами, обѣдненію крестьянства способствуютъ евреи въ качествѣ шинкарей и арендаторовъ; не одни евреи занимались шинкарствомъ и арендой; сами дворяне, хлопоча, чтобы винокуреніе было дозволено однимъ только помѣщикамъ, просили: „а евреямъ и прочимъ шинкарямъ и арендаторамъ вовсе по предписанію начальства запретить“; но вмѣстѣ съ тѣмъ дворяне въ своихъ представленіяхъ по поводу голода особо подчеркнули, что при всѣхъ другихъ невзгодахъ виновниками голода среди крестьянъ являются евреи, „на арендахъ и шинкахъ владѣльцами удерживаемые“. Такимъ образомъ фигура еврея какъ бы заслонила всѣ прочія причины обнищанія крѣпостнаго крестьянства, и вскорѣ на почвѣ аренды и винныхъ промысловъ началась борьба правительства съ евреямъ, какъ съ эксплуататоромъ крестьянства.

Многіе современники указывали, что евреи проживали по деревнямъ въ такомъ количествѣ, которое не соответствовало экономической силѣ края, и что принимая широкое

¹⁾ См. стр. 35—39.

участіе въ куреніи и продажѣ водки, они подрывали благосостояніе крестьянъ.

Это положеніе явилось результатомъ историческаго прошлаго евреевъ въ Польшѣ.

Польская знать, удѣляя свое вниманіе преимущественно политическимъ и военнымъ дѣламъ, передавала управление имѣніями управляющимъ, посесорамъ или экономамъ, въ роли каковыхъ весьма часто выступали и евреи. Нѣтъ почти села—говоритъ одинъ статистикъ—гдѣ бы не было еврея арендатора; занятіе ихъ арендаторствомъ было до того распространено, что переписи смѣшиваютъ понятіе объ арендаторѣ съ понятіемъ о еврей и до того связываютъ профессію съ національностью и вѣроисповѣданіемъ, что вмѣсто выраженія: въ селѣ нѣтъ еврея, говорятъ: въ селѣ нѣтъ арендатора.

По словамъ одного польскаго изслѣдователя все это было создано общими причинами: „Всеобщій экономическій кризисъ отразился и на еврейскомъ населеніи. Оно росло, а мѣста для него не хватало. Евреи старались расширить свои занятія, но этому противодѣйствовали города, недоброжелательно смотрѣвшіе на такое соперничество и даже находившіе въ немъ причину паденія ремесленнаго промысла. Поэтому увеличивается число дорого оплачиваемыхъ евреями договоровъ съ городами, опредѣляющихъ ихъ права; но въ городѣ евреямъ становится тѣсно, ихъ тамъ уже чересчуръ много. И вотъ въ 17-мъ вѣкѣ они въ большемъ числѣ уходятъ въ деревни, осѣдаютъ по корчмамъ. Появляется типъ „жида-корчмаря“. Но это все не помогаетъ. Положеніе евреевъ въ 18-мъ вѣкѣ весьма печально“.

Ставъ замѣстителемъ землевладѣльца въ качествѣ арендатора и шинкаря, еврей направилъ на себя обвиненія въ эксплуатаціи крестьянъ. Помѣщики назначали высокую арендную плату; кромѣ того, они обязывали своихъ крестьянъ продавать хлѣбъ и другіе продукты еврею, купившему у помѣщика эту монополию, и требовали, чтобы крестьяне всѣ нужные припасы пріобрѣтали только у помѣщика; нерѣдко землевладѣлецъ разрѣшалъ арендаторамъ принуждать крестьянъ покупать для крестинъ, свадебныхъ торжествъ и пр. опредѣленную мѣру водки; съ другой стороны, помѣщики, случалось, обязывали евреевъ продать крестьянамъ извѣстное

количество водки; такъ, упомянутый выше владѣлецъ Шклова, Зоричъ заставлялъ евреевъ—уже во время русскаго господства—покупать у него значительное число бочекъ водки; когда же евреи отказывались отъ этого, въ ихъ шинки насильственнымъ образомъ вкатывались бочки, а потомъ деньги зыскивались съ нихъ „черезъ экзекуцію“, независимо отъ того, продана ли была водка или нѣтъ.

Польское общество непрерывно протестовало противъ шинкарства евреевъ и противъ передачи имъ арендъ, но все это оставалось бесплоднымъ, потому что шляхта заступалась за еврея, своего ставленника.

Еврейская масса бѣдствовала, торгуя въ шинкахъ, а между тѣмъ общественное мнѣніе все болѣе и болѣе вооружалось противъ нея.

Это положеніе приняло позже, какъ кажется, еще болѣе острые формы, потому что благодаря событіямъ, сопровождавшимъ раздѣлы Польши, торговля и земледѣліе въ краѣ, отошедшемъ къ Россіи, пришли въ упадокъ.

Оставшись по переходѣ въ русское подданство на прежнемъ мѣстѣ и при прежнихъ условіяхъ своей экономической жизни, бывший польскій еврей по необходимости продолжалъ быть союзникомъ господствовавшего класса въ спаиваніи крестьянъ, выступая посредникомъ между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ, въ качествѣ арендатора и корчмаря въ частныхъ и казенныхъ имѣніяхъ.

Непомѣрное потребленіе водки наряду съ тяжелыми социальными-экономическими условіями края пагубно отражалось на закрѣпощенномъ, невѣжественномъ крестьянинѣ, и русскіе люди, не знавшіе истиннаго положенія вещей или не смѣвшіе осуждать установившійся порядокъ, сосредоточивали свое вниманіе на еврей.

Однако, кто ближе всматривался въ сложную социально-экономическую жизнь въ польскомъ краѣ, тотъ не поддавался такому оптическому обману. Когда, въ связи съ голодомъ въ Минской губерніи, правительство запросило администрацію другихъ губерній о роли евреевъ въ мѣстной экономической жизни, то оказалось, что администрація вовсе не считала нужнымъ поголовное выселеніе евреевъ изъ деревень; было лишь указано на необходимость разрѣдить

еврейское населеніе по уѣздамъ, слишкомъ многочисленное, чтобы тамъ прокормиться, и потому ложившееся бременемъ на крестьянство. При этомъ были отмѣчены и иныя обстоятельства, подрывавшія благосостояніе крестьянъ.

Съ другой стороны, правительству пришлось сознаться, что требованіе о проживаніи торгово-промышленнаго класса исключительно въ городахъ, съ трудомъ осуществлявшееся въ великороссійскихъ губерніяхъ, непримѣнимо къ польскимъ губерніямъ.

Въ виду того, что христіане-мѣщане, вопреки закону, по прежнему оставались въ деревняхъ, въ 1801 г. по всѣмъ губерніямъ былъ разосланъ указъ, чтобы „мѣщанъ, живущихъ по селеніямъ, непременно высылать для жительства и промысловъ въ города..., не допуская ихъ пользоваться по деревнямъ крестьянскими прибытками съ крайнимъ ихъ утѣсненіемъ“. Это распоряженіе должно было быть приведено въ исполненіе, между прочимъ, и въ Бѣлоруссіи. Но по жалобѣ повѣренныхъ мѣстнаго еврейскаго общества сенатъ предписалъ администраціи не чинить евреямъ никакихъ стѣсненій ни въ жительствахъ, ни въ промыслахъ; начатое переселеніе было приостановлено.

Итакъ, было ясно, что пребываніе евреевъ въ деревняхъ не представляло собою вопроса, который могъ бы быть разрѣшенъ самостоятельно, внѣ связи съ другими сторонами жизни какъ крестьянъ, такъ и евреевъ; что отъ удаленія евреевъ изъ деревень положеніе крестьянъ мало чѣмъ измѣнилось бы къ лучшему; а между тѣмъ такая репрессія еще ухудшила бы и безъ того незавидное состояніе еврейской массы.

Но, кромѣ этого, еврейская жизнь выдвинула рядъ вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ зависѣло, какъ матеріальное благополучіе, такъ и духовное существованіе евреевъ. Чувствовалась необходимость подать руку помощи еврейскому народу, открыть новое поле для его экономической дѣятельности, направить его гражданскую жизнь по новому руслу, сочетать ея старыя формы съ требованіями русской государственности, и, въ связи съ этимъ, внести также измѣненія во внутренній еврейскій бытъ.

Въ это время явился человекъ, который, понявъ, что

государственное благо покоится на благополучіи всѣхъ группъ населенія, предложилъ мѣры, направленные, какъ къ улучшенію жизни крестьянъ, такъ и къ экономическому и духовному возрожденію еврейскаго народа. Это былъ литовскій губернаторъ Фризель, представившій сенату (1800 г.) записку о состояніи края, въ которой было отведено надлежащее мѣсто и вопросу о евреяхъ. Онъ не ограничился разсмотрѣніемъ отдѣльныхъ вопросовъ еврейской жизни, онъ разработалъ проектъ общей еврейской реформы.

Извѣстный изслѣдователь исторіи евреевъ въ Польшѣ С. Бершадскій высоко ставитъ записку Фризеля, какъ превосходящую всѣ циркулировавшіе въ то время польскіе проекты реформы быта евреевъ, не исключая и проекта Скарбовой комиссіи, составленнаго при участіи Тадеуша Чацкаго, этого рыцаря гуманности и терпимости.

Записка Фризеля была вызвана соображеніями о государственной пользѣ, хотя авторъ и былъ проникнутъ добрыми чувствами и къ крестьянамъ, и къ евреямъ.

Однако, нужно отмѣтить, что еще до него выступилъ съ проектомъ еврейской реформы — правда, частичной, — Нота Хаимовичъ Ноткинъ, который, не упуская изъ виду государственнаго блага, былъ все же воодушевленъ главнымъ образомъ желаніемъ вернуть къ достойной жизни еврейскій народъ, деморализованный шинками.

Сперва неся званіе могилевскаго купца, а затѣмъ—польскаго надворнаго совѣтника, Нота Хаимовичъ, или какъ его звали по родному городу, Натанъ Ноте Шкловеръ, былъ извѣстенъ благодаря своимъ крупнымъ дѣловымъ оборотамъ и значительнымъ поставкамъ для арміи Потемкина, который оказывалъ ему свое расположеніе.

Прибывъ въ 1797 г. въ Петербургъ съ рекомендательнымъ письмомъ шкловскаго владѣльца Зорича на имя генерал-прокурора Куракина, Ноткинъ воспользовался свиданіемъ съ Куракинымъ, чтобы представить ему свой „Проектъ о переселеніи евреевъ колоніями на плодородныя степи, для размноженія тамъ овецъ, земледѣлія и прочаго; тамъ же заведенія, по близости черноморскихъ портовъ, фабрикъ суконной, прядильной, канатной и парусной, на коихъ мастеровые люди были бы обучены изъ сего народа“.

Эта записка (не сохранившаяся полностью) свидетельствует, что Ноткинъ стоялъ выше уровня его современниковъ: возвысивъ голосъ въ защиту земледѣльческаго труда, онъ выступилъ противъ прочно укоренившагося въ еврейскомъ обществѣ предрасудка, будто этотъ родъ занятій не пристоеенъ для евреевъ; по свидетельству Державина, всѣ кагалы въ Бѣлоруссіи, уѣздные и губернскіе, были того мнѣнія, что евреи „способности и привычки къ хлѣбопашеству не имѣютъ и въ законѣ своемъ находятъ къ тому препятствіе“.

показаніи на Воронби
Совѣтчикъ Нотки Хаимовича
НАТКИНЪ

Подпись Ноты Хаимовича Ноткина на официальной бумагѣ.

Проекту Ноты Хаимовича не было, однако, дано движеніе. Свидѣтель религиозной борьбы среди литовскаго еврейства, Фризель видѣлъ, до какого нравственнаго паденія дошло еврейское населеніе въ пылу междоусобія, и потому-то онъ описываетъ состояніе еврейскаго народа въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ. Но и при близкомъ знакомствѣ съ внутренней еврейской жизнью Фризель предложилъ реформу, проникнутую довѣріемъ къ евреямъ. При составленіи своей записки онъ, несомнѣнно, воспользовался совѣтами мѣстныхъ болѣе образованныхъ евреевъ. Потребовавъ, чтобы была уничтожена автономія еврейскаго общества, чтобы господствующій классъ былъ лишенъ власти, которою онъ такъ злоупотреблялъ, Фризель въ своемъ проектѣ совершенно уравнивалъ евреевъ съ христіанами въ правахъ. Права и просвѣщеніе—вотъ что должно было, по его мысли, возродить евреевъ, сдѣлать ихъ полезными гражданами. И этотъ лозунгъ долженъ былъ обратить на себя тѣмъ большее вниманіе, что на Литвѣ евреи вовсе не пользовались гражданскими правами. Сознывая, что при создавшихся условіяхъ евреи подрываютъ благосостояніе крестьянъ, Фризель не считалъ, однако, евреевъ главнымъ виновникомъ крестьянскихъ бѣдъ, и онъ предложилъ рядъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію крестьянскаго быта путемъ ограниченія власти

помѣщика—а между тѣмъ, въ ту пору на Литвѣ возстанавливались всѣ отношенія стараго времени, да и въ Россіи вообще лишь начинались слабыя попытки ограничить помѣщичій произволъ; и неудивительно, что Фризель проявилъ особую осторожность, предлагая облегчить участь крестьянъ: „какъ приведеніе въ дѣйствіе сего намѣренія можетъ иногда сей непросвѣщенной части народа внушить болѣе покушеній искать себѣ свободы, нежели дозволить ему можно пользоваться оною, въ такомъ случаѣ нужно поступить со всей осторожностью, чтобы въ годы крестьянамъ, и все, что служить можетъ къ облегченію ихъ жребія, не одновременно, но частями доставляемо было“.

Въ это же время появился и другой проектъ еврейской реформы,—„Мнѣніе объ отвращеніи въ Бѣлоруссіи голода и устройствъ быта евреевъ“ поэта Державина,—представляющей собою крайнюю противоположность проекту Фризеля.

Державинъ по собственной инициативѣ принялъ на себя роль реформатора. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его принудило къ этому особое обстоятельство. Въ 1799 г. Державинъ, въ качествѣ сенатора, былъ командированъ въ Бѣлоруссію, чтобы разслѣдовать жалобы на незаконныя дѣйствія Зорича, владѣльца Шклова, „противъ евреевъ и прочихъ людей“. Здѣсь, на мѣстѣ, Державину представили жалобы и крестьяне Зорича; сенаторъ не зналъ, можно ли принять претензіи отъ „подданныхъ“ помѣщика; онъ обратился въ Петербургъ за разъясненіемъ, и оказалось, что ему разрѣшили разсмотрѣть жалобы однихъ только евреевъ; жалобы же крестьянъ не должны были приниматься, „тѣмъ болѣе, что... примѣръ ихъ можетъ произвести волнованіе“.

И вотъ почему, когда въ 1800 году Державинъ былъ посланъ въ Бѣлоруссію, чтобы разслѣдовать случаи, когда нѣкоторые помѣщики „изъ безмѣрнаго корыстолюбія оставляютъ своихъ крестьянъ безъ помощи къ прокормленію“, онъ по необходимости долженъ былъ сосредоточить свое вниманіе преимущественно на евреяхъ—говорить о положеніи крестьянъ подъ гнетомъ помѣщиковъ онъ не рѣшилъ. Изъ трехъ звеньевъ социальнo-экономической цѣпи, тяжело давившей край и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ—помѣщика, еврея и крестьянина, можно было кос-

нуться лишь одного еврея. И действительно. Направивъ противъ помѣщиковъ слабыя въ практическомъ отношеніи мѣры, Державинъ, въ отличіе отъ Фризеля, не осмѣлился умалить ихъ власть надъ крестьянами; зная, что именно помѣщики привели крестьянъ въ убожество, приучили ихъ къ пьянству, лишили ихъ охоты къ труду, никогда не вознаграждаемому, онъ находитъ, что „поправленіе крестьянскаго характера должно отнести къ попеченію владѣльцевъ“, и рисуетъ идиллическую картину: помѣщикъ искореняетъ злое, поддерживаетъ доброе и т. п.

Освободивъ себя отъ заботы объ измѣненіи губительныхъ социальнo-экономическихъ условій, въ которыхъ жили крестьяне, Державинъ сталъ смѣло разрушать лишь одну сторону крестьянской жизни—соприкосновеніе съ евреями, ибо отъ этихъ ударовъ должны были непосредственно пострадать одни только евреи.

Въ сложномъ узлѣ многообразныхъ обстоятельствъ, душившемъ крестьянъ въ нищетѣ и невѣжествѣ, Державинъ усмотрѣлъ лишь одно зло: евреи, проживая по деревнямъ въ значительномъ числѣ, „своими руками не напахиваютъ для себя хлѣба, а достаютъ оный отъ крестьянъ“. По существу это замѣчаніе было правильно; но указанное обстоятельство не служило причиной бѣдствія въ краѣ, а являлось однимъ изъ результатовъ общаго положенія вещей.

Державинъ зналъ, что корни зла таились исключительно въ самой основѣ общественнаго строя прежней Польши. Если даже самые пристрастные дворяне, указывая на различныя причины народнаго бѣдствія, предлагали, между прочимъ, и такія мѣры, правда не очень существенныя, которыя вовсе не касались евреевъ, то болѣе вдумчивые категорически заявляли, что для поднятія благосостоянія крестьянъ „не довольно одного того, чтобы охранить ихъ отъ всѣхъ обмановъ евреевъ“. Между тѣмъ Державинъ рѣшилъ произвести самыя глубокія реформы въ быту евреевъ, лишь бѣгло намѣтивъ тѣ мѣропріятія, которыя должны были непосредственно коснуться прочаго населенія.

Опасеніе сказать правду о дѣйствительномъ положеніи вещей было до того сильно, что заставляло прибѣгать къ сознательной официальной лжи. Предложивъ въ своей запискѣ

суровыя мѣры противъ евреевъ, настаивая на ихъ выселеніи изъ уѣздовъ, Державинъ одновременно высказалъ въ частномъ письмѣ иной, трезвый взглядъ на затронутый вопросъ: „Трудно безъ погрѣшенія и по справедливости кого-либо строго обвинять. Крестьяне пропиваютъ хлѣбъ жидамъ и оттого терпятъ недостатокъ въ ономъ. Владѣльцы не могутъ воспретить пьянства для того, что они отъ продажи вина весь доходъ имѣютъ. А и жидовъ въ полной мѣрѣ обвинять также не можно, что они для пропитанія своего извлекаютъ послѣдній отъ крестьянъ кормъ. Словомъ, надобно бы всѣмъ сохранить умѣренность и чрезъ то воспользоваться общимъ благоденствіемъ. Но гдѣ же, и кто таковъ, кто бы въ полной мѣрѣ соблюлъ оную? Всякъ себѣ желаетъ больше выгоды“.

Державинъ вступилъ въ Бѣлоруссіи въ непосредственныя сношенія съ евреями, и между прочимъ съ Ноткинымъ, съ которымъ, повидимому, даже сблизился, и съ врачомъ Франкомъ изъ м. Креславки. Ноткинъ представилъ ему свой старый проектъ, оставленный безъ движенія, и Державинъ воспользовался его идеей о привлеченіи евреевъ къ производительному труду. Но еще большее вліяніе на характеръ проекта Державина, какъ онъ самъ признается, оказалъ Франкъ, внушившій ему мысль о необходимости просвѣтить еврейскую массу, давъ ей общее образованіе.

Совѣтчикъ Державина былъ духовнымъ ученикомъ Мендельсона.

Державинъ сказалъ въ бесѣдѣ Франку: „Разъ Промыслъ сохранилъ до сихъ поръ этотъ маленькій разсѣянный народъ, то и мы должны позаботиться объ его сохраненіи“, и эти слова, обманувъ Франка относительно истинныхъ чувствъ, которыя Державинъ питалъ къ евреямъ, побудили его представить Державину записку на нѣмецкомъ языкѣ „Можетъ-ли еврей стать хорошимъ и полезнымъ гражданиномъ?“, въ которой коснулся внутреннихъ сторонъ еврейской жизни, столь малопонятныхъ Державину. Франкъ, отрицательно относившійся къ традиціонному иудаизму, заявилъ, что древній характеръ евреевъ измѣнился къ худшему, но выражалъ все же надежду, что евреи могутъ исправиться. Позднѣйшіе еврейскіе народные учителя — писалъ Франкъ—въ теченіе вѣковъ исказили

истинный духъ еврейскаго вѣроученія; вмѣсто культивированія общежительной добродѣтели, они установили нелѣпыя формулы молитвъ и пустой обрядъ богомоленія; чтобы держать народъ въ сторонѣ отъ просвѣтительныхъ стремленій, учителя ввели законы, обособившіе евреевъ отъ остальныхъ народовъ; лучшимъ средствомъ исправленія должно явиться изученіе еврейскаго языка — еврей, самъ прочтя Св. Писаніе, узнаетъ, какія глупости содержатся въ Талмудѣ, который почитается святымъ только потому, что народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ; еврейская реформа въ Россіи должна начаться съ открытія общественныхъ школъ, въ которыхъ преподавались бы русскій, нѣмецкій и еврейскій языки. Эта критика, лишенная историческаго освѣщенія, была односторонне воспринята Державинымъ. Заимствовавъ у Франка идею о распространеніи общаго образованія среди евреевъ, Державинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, перенесъ въ свой проектъ реформы тѣ слова Франка, которыя говорили объ обособленности евреевъ отъ окружающихъ народовъ, и въ этомъ отношеніи записка Франка, помимо его воли, оказала на Державина вліяніе, неблагоприятное для евреевъ. Франкъ не зналъ, что очаровавшій его ласковый сановникъ былъ проникнутъ глубокой религіозной враждой къ еврейскому народу.

Державинъ старался внушить эту вражду даже правительству: „Такимъ образомъ—заключилъ онъ свое „Мнѣніе“—евреевъ родъ строптивый и изувѣрный, враги христіанъ, хотя по опредѣленію вѣчныхъ судебъ и останутся въ непремѣнномъ своемъ разсѣяніи, дондеже угодно Всевышнему; но и въ семъ своемъ печальномъ состояніи получаютъ образъ благоустройства. А Павлу Первому предоставится въ родъ и родъ незабвенная слава, что онъ первый изъ Монарховъ Россійскихъ исполнилъ сію великую заповѣдь: „Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ“.

Къ тому же Державинъ придавалъ нѣкоторую вѣру легендѣ о ритуальныхъ преступленіяхъ евреевъ. Когда онъ въ 1799 г. находился въ Бѣлороссіи по дѣлу Зорича, въ мѣстномъ судѣ разсматривалось дѣло по обвиненію евреевъ въ убійствѣ христіанки въ Сѣнненскомъ уѣздѣ, и Державинъ рѣшилъ воспользоваться этимъ процессомъ, чтобы нанести нравственный ударъ евреямъ; онъ написалъ государю, что

пока евреи не оправдаются въ „общемъ противу христіанъ злодѣйствѣ“, онъ не можетъ, противъ совѣсти, принимать свидѣтельскія показанія отъ евреевъ. Но Павелъ I приказалъ ему оставить въ сторонѣ сѣнненскій процессъ, „не извлекая изъ него никакого послѣдствія“. Это повелѣніе, а также то обстоятельство, что сѣнненское дѣло окончилось благополучно для евреевъ, заставили Державина быть особенно осторожнымъ въ этомъ вопросѣ, но все же онъ отмѣтилъ въ своей запискѣ, что въ кагалахъ исполняются или, по крайней мѣрѣ, „теперь только защищаемы бывають тѣ христіанскія кровопролитія, въ коихъ іудеи по разнымъ временамъ и царствамъ подозрѣвались“. Хотя Державинъ, по его словамъ, полагалъ, что если подобныя преступленія и бывали гдѣ-либо въ древности, то ихъ совершали лишь изувѣры, все же онъ приложилъ къ своей запискѣ такіе документы, которые безъ надлежащаго объясненія должны были вызвать въ правительственныхъ кругахъ представленіе, будто религія заставляеть евреевъ употреблять человѣческую кровь.

Въ связи съ этимъ отношеніемъ къ евреямъ, какъ къ врагамъ христіанъ, и получилось основное различіе между проектами Державина и Фризеля. Сознвая нравственные недостатки еврейскаго народа, Фризель искренно желалъ ихъ уничтожить путемъ гуманныхъ, просвѣтительныхъ мѣръ, уравненія евреевъ въ правахъ съ прочимъ населеніемъ. Державинъ же, упорно повторяя, что евреи—враги христіанъ, стремился сдѣлать евреевъ безвредными для окружающаго общества, ограничивъ ихъ права.

При такомъ отношеніи къ евреямъ Державинъ не могъ искренно сочувствовать тѣмъ мѣрамъ, въ основѣ благодѣтельнымъ, которыя, какъ минимумъ необходимой реформы, онъ былъ вынужденъ предложить въ своемъ проектѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Реформа еврейскаго быта поручается комитету изъ высшихъ государственныхъ дѣятелей. — Прекрасныя намѣренія. — Приглашеніе евреевъ къ участию въ совѣщаніяхъ комитета. — Совмѣстная дѣятельность Ноты Ноткина, Перетца и Неваховича. — Произведеніе Неваховича „Вопль дщери іудейской“. — Обманутыя ожиданія. — Нужды евреевъ приносятся въ жертву интересамъ другихъ общественныхъ группъ: требованіе о принудительномъ выселеніи евреевъ изъ деревень; нарушенныя гражданскія права не возстанавливаются; помѣщикамъ предоставляется власть надъ евреями. — Преобразование внутренняго быта и просвѣтительная реформа. — Кагалъ сохраняетъ за собою господство надъ народомъ и этимъ парализуется стремленіе правительства поднять культурный уровень евреевъ.

Въ концѣ 1802 года для разработки еврейской реформы былъ образованъ особый комитетъ изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей. Въ составъ его вошли: графъ Зубовъ; просвѣщенный графъ Северинъ Потоцкій; Державинъ, ставшій министромъ юстиціи, но, впрочемъ, вскорѣ вышедшій въ отставку; министръ внутреннихъ дѣлъ графъ В. Кочубей, находившійся въ близкихъ отношеніяхъ къ государю; и, наконецъ, князь Адамъ Чарторыйскій, интимный другъ Александра I.

Завѣдываніе же дѣлами комитета было поручено прославившемуся впослѣдствіи Сперанскому, управлявшему канцеляріей Кочубея, въ тѣ годы уже быстро выдвигавшемуся.

Все говорило о томъ, что комитетъ желаетъ разрѣшить вопросъ о евреяхъ съ трезвой государственной мудростью, слѣдуя чувству гуманности.

Послѣ ряда засѣданій комитетъ занесъ въ свой журналъ такія строки, которыя свидѣтельствуютъ съ полной несомнѣнностью, что если не всѣ члены комитета, то тѣ изъ нихъ, которые заняли въ немъ болѣе вліятельное положеніе, были воодушевлены стремленіемъ провести реформу въ духѣ либеральныхъ идей, завладѣвшихъ въ ту пору умами лучшихъ русскихъ людей.

„...Преобразования, производимыя властью правительства, вообще не прочны и особенно въ тѣхъ случаяхъ мало надежны, когда власть сія должна бороться съ столѣтними навыками, съ закоренѣлыми заблужденіями, съ суевѣріемъ неумолимымъ... Лучше и надежнѣе вести евреевъ къ совер-

шенству, отворяя только путь къ собственной ихъ пользѣ, надзирая изъ далека за движеніемъ ихъ и удаляя все, что съ дороги сей совратитъ ихъ можетъ, не употребляя, впрочемъ, никакой власти... Сколь можно менѣе запрещеній, сколь можно болѣе свободы. Вотъ простыя стихіи всякаго устройства въ обществѣ!.. Въ исчисленіи вѣроятностей, опредѣляющихъ дѣйствіе челоуѣка, первымъ основаніемъ должно всегда полагать частный прибытокъ, сіе внутреннее начало, нигдѣ и никогда не перестающее, и отъ всѣхъ законовъ ускользящее, когда сіи законы для него стѣснительны... Можно бы было представить множество примѣровъ бесплодныхъ въ семь родѣ попытокъ, въ торговлѣ, въ ународованіи, въ просвѣщеніи: вездѣ, гдѣ правительства мнили приказывать, вездѣ являлись одни только призракъ успѣховъ, кои, подержась нѣсколько времени на воздухѣ, исчезали вмѣстѣ съ началами, ихъ родившими. Напротивъ, во всѣхъ учрежденіяхъ, кои заводились нечувствительно, образовались частнымъ прибыткомъ, поддерживались свободою и были только покровительствуемы правительствомъ, была видима внутренняя сила, ихъ утверждающая, существовало непоколебимое основаніе, временемъ и личною пользою положенное... Всѣ сіи уваженія заставляютъ и въ образованіи евреевъ предпочестъ средства тихаго одобренія возбужденія ихъ собственной дѣятельности и пресѣченія только тѣхъ препятствій, кои зависятъ непосредственно отъ правительства и сами собой пресѣчься не могутъ“.

Это не были одни лишь благородныя слова, которыми комитетъ могъ бы похвастать предъ государемъ, мечтавшимъ въ тѣ дни о преобразованіи русскаго государства въ духѣ приведенной деклараціи комитета. Эти строки были написаны несомнѣнно Сперанскимъ, челоуѣкомъ не только мысли, но и дѣла, и, вдохновитель комитета, онъ вѣрилъ, что красивыя слова, сказанныя въ залѣ засѣданія, освѣжатъ, возродятъ мутную еврейскую жизнь. Комитетъ къ этому и стремился.

Когда, въ виду созыва комитета, въ еврейскомъ населеніи стали распространяться тревожные слухи, Кочубей предписалъ губернаторамъ завѣрить населеніе, что правительствомъ

не имѣется въ виду „сѣннить ихъ состояніе или умалить существенныя ихъ выгоды; но напротивъ... предполагается доставить имъ лучшее устройство и спокойствіе“.

И могли ли евреи не повѣрить этимъ заманчивымъ обѣщаніямъ, не отдаться радужнымъ надеждамъ, когда одновременно еврейскому населенію было предложено выбрать изъ своей среды депутатовъ для участія въ засѣданіяхъ комитета.

Не ограничившись столь исключительной мѣрой, какъ созывъ депутатовъ съ мѣстъ, члены комитета испросили у государя разрѣшенія, чтобы каждый изъ нихъ, по своему усмотрѣнію, привлекъ къ участію въ совѣщаніяхъ по одному еврею.

Державинъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ пригласить Ноту Хаимовича Ноткина, прося его, въ случаѣ, если онъ уже получилъ предложеніе отъ какого-либо другого члена комитета, указать, на комъ остановить свой выборъ.

Не сохранились имена лицъ, рекомендованныхъ прочими членами комитета; но есть извѣстіе, что то были люди „свѣдущіе“, получившіе образованіе въ Германіи, и это сообщеніе позволяетъ предположить, что въ совѣщаніяхъ комитета приняли участіе представители образовавшейся къ тому времени небольшой еврейской колоніи въ Петербургѣ, извѣстные приверженностью къ просвѣщенію: откупщикъ Абрамъ Перетцъ, находившійся въ дружественныхъ отношеніяхъ со Сперанскимъ; пріятель Перетца, Лейба Неваховичъ, горячій поклонникъ Мендельсона, вскорѣ выдвинувшійся, какъ защитникъ своего народа; Леонъ Элканъ; воспитанникъ кенигсбергскаго университета, при содѣйствіи Потоцкаго занявшій впослѣдствіи, оставаясь евреемъ, постъ директора правительственной гимназіи въ Одессѣ; Мендель Левинъ, наставникъ въ домѣ Перетца, одинъ изъ раннихъ ратоборцевъ просвѣщенія среди евреевъ въ Россіи, пользовавшійся расположеніемъ Адама Чарторыжскаго.

То, что лица, приглашенныя членами комитета, принадлежали къ немногочисленному кружку „друзей просвѣщенія“, не было случайнымъ обстоятельствомъ. Нѣтъ, члены комитета потому именно испросили у государя разрѣшеніе привлечь частныхъ лицъ къ участію въ совѣщаніяхъ, что

что желали имѣть при себѣ „просвѣщеннѣйшихъ и извѣстныхъ въ честности евреевъ“.

Возможно, что сами петербургскіе „друзья просвѣщенія“ позаботились о привлеченіи ихъ къ участію въ совѣщаніи, дабы здѣсь, предъ лицомъ правительства, выступить противъ стараго уклада жизни, который долженъ былъ быть, конечно, представленъ депутатами, ставленниками кагала и раввината.

Несомнѣнно, что Ноткинъ, Перетцъ и Неваховичъ проявили въ это время кипучую общественную дѣятельность, стремясь къ тому, чтобы правительство фактически облегчило условія еврейской жизни.

Зная, что въ распоряженіи комитета имѣлся разнообразный матеріалъ по еврейскому вопросу, намѣчавшій репрессивныя мѣры, и главнымъ образомъ записка Державина, Ноткинъ представилъ (1803 г.) въ комитетъ свой проектъ преобразованія быта евреевъ „нечувствительнымъ“ образомъ.

Неваховичъ, чтобы воздѣйствовать на русское общественное мнѣніе, выпустилъ книгу „Вопль дочери іудейской“, посвятивъ это первое по времени русско-еврейское произведеніе министру внутреннихъ дѣлъ Кочубею.

А Перетцъ, вѣроятно, принялъ на себя заботу объ общемъ направленіи дѣла и, быть-можетъ, при его содѣйствіи Сперанскій составилъ тогда проектъ еврейской реформы, который и былъ внесенъ въ комитетъ. Мы видимъ, что свою передѣлку „Вопля дочери іудейской“ на еврейскомъ языкѣ Неваховичъ посвятилъ Перетцу и Ноткину, какъ бы свидѣтельствуя о духовной связи, объединившей этихъ трехъ дѣятелей.

„По что сѣтуешь нынѣ, дочь Іаковля?—такъ начинается книжка Неваховича.—Чего тебѣ не достаетъ?—возвѣсти!—Не созерцаешь ли ты того же солнца, какъ и иноплеменные? Стопы твои не попираютъ ли ту же злчную землю, какъ другіе? Не пользуешься ли ты тѣмъ же воздухомъ, той же жизнью, тѣмъ же общежитіемъ, какъ и иные обитатели полшара земнаго?—возвѣсти!—Ахъ, нѣтъ, не сіе смущаетъ меня,—вопіетъ дочь Іаковля,—увы! я упадаю духомъ, я унижена предъ лицомъ земли, я исключена изъ той связи, каковою пользуются другіе подсолнечныя обитатели; я теперь себя не узнаю!“.

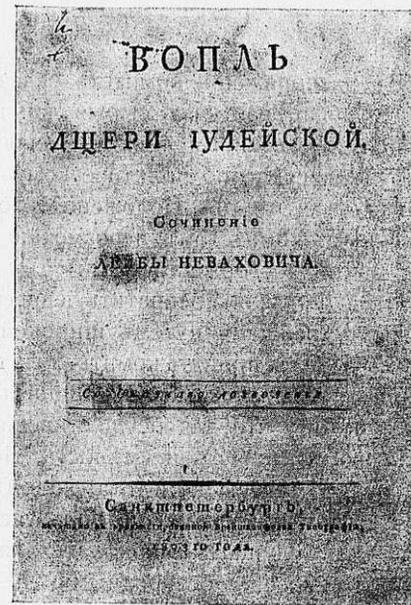
Неваховичъ хотѣлъ вызвать въ русскомъ обществѣ гуман-
ныя чувства къ евреямъ, напомнить о томъ, что евреи ли-
шены гражданскихъ правъ, внушить русскимъ людямъ, что
евреи ихъ „соотчичи“,—послѣднее является основной те-
мой его сочиненія. Вглядываясь въ жизнь русскихъ ев-
реевъ, Неваховичъ словно не замѣчаетъ картинъ дѣйстви-
тельности, нищеты и безправія, но его душа „унижается
прискорбіемъ единомышленниковъ, отвергаемыхъ отъ сер-
децъ соотчичей“, и именно въ этомъ отношеніи онъ пы-
тается вызвать сочувствіе въ читателѣ, привлечь его вни-
маніе къ нравственно страдающему еврею: „Быть презрѣн-
нымъ—сего не довольно! О, мученіе, превосходящее всякую
горестъ на свѣтѣ! О, мученіе, мѣры котораго ни одинъ смерт-
ный изъяснить не можетъ! Если бы громы, вѣтры, бури и
шумное тревоженіе океана, смѣшиваясь съ воплемъ человѣка
презрѣннаго, составили единый гласъ, то развѣ бы тогда уже
такой ужасный вопль могъ выразить великость страданія
оного!“.

Конечно, надо принять во вниманіе, что въ то время дру-
гіе дѣятели знакомили правительство съ тяжелымъ положе-
ніемъ еврейскаго народа, и потому, быть-можетъ, Невахо-
вичъ обошелъ молчаніемъ эту сторону еврейской жизни, но
Неваховичъ, какъ кажется, испытывалъ все же преимущественно
тѣ страданія, которыя ему причинялъ общественный остра-
кизмъ. „Я чувствую всю тяжесть этого мученія,—говоритъ
онъ,—и прошу облегченія“. Скорбя о томъ, что русскій народъ,
живя бокъ-о-бокъ съ евреями, не знаетъ ихъ сердца, Нева-
ховичъ не останавливается на тѣхъ причинахъ, которыя вы-
звали это явленіе. Поставивъ разрѣшеніе еврейскаго вопроса
главнымъ образомъ въ зависимость отъ побѣды гуманныхъ
чувствъ надъ нетерпимостью, разсудка надъ предубѣжде-
ніями, Неваховичъ не требуетъ въ категорической формѣ
гражданскаго равноправія для евреевъ, а лишь апеллируетъ
къ сердцу христіанскаго населенія: „О, христіане, славящіеся
кротостью и милосердіемъ, имѣйте къ намъ жалость, обра-
тите къ намъ нѣжныя сердца ваши!“.

Все зло, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что предрасудки и нетерпимость, вну-
шаемые людямъ путемъ воспитанія въ раннемъ возрастѣ, съ
трудомъ искореняются, и потому Неваховичъ реабилитируетъ

еврейскій народъ въ глазахъ христіанъ, разбиваетъ ложныя
сужденія о немъ: „Вѣки—народы обвиняютъ Іудеевъ... Вѣки
еще не успѣли открыть тщеты умысловъ противъ нихъ, какъ
уже наступали новыя. Подобно звеньямъ неразрывной цѣпи,
соединены оныя къ утѣсненію только сего народа, подобнаго
жребіемъ своимъ несчаст-
ному сыну, страждущему
среди семейства, ненави-
дящаго его“.

Удѣливъ много горя-
чихъ словъ апологіи еврей-
скаго народа, который
такъ несправедливо обви-
няютъ во всевозможныхъ
порокахъ, высказавъ на-
дежду на полученіе гра-
жданскаго равенства, Нева-
ховичъ посвящаетъ осталь-
ныя строки выраженію
такихъ чувствъ, которыя,
думается, могли раздѣ-
лять лишь немногіе евреи;
на ряду съ тяжелыми
страданіями евреевъ пе-
ромъ Неваховича водило
также пламенное желаніе,
чтобы русское общество
приняло въ свою среду
евреевъ, если и не какъ
полноправныхъ гражданъ,
то хотя бы какъ соотчичей,
свободныхъ отъ презрѣнія;
если еврейству и суждено
влачить жалкое существованіе,
пусть общество все же признаетъ
хотя бы за отдѣльными представителями
еврейства въ Россіи завидное
право считать и именовать себя
русскими; общественное
сближеніе и равенство въ
образованныхъ слояхъ—вотъ
что, какъ кажется, манило
Неваховича, какъ это плѣняло
извѣстныя еврейскія группы
въ другихъ странахъ, когда
возникли надежды на
эмансипацію: „Имѣя сердце
сокрушенное и находясь въ
крайнемъ отчаяніи, я
взываю ко всѣмъ чув-

Заглавный листъ книги Л. Неваховича
(съ экземпляра, хранящагося въ Импера-
торской Публичной Библиотекѣ).

ствительнымъ, и сострадательнымъ: что бы такое ни было, за что осуждается цѣлый мой народъ на презрѣніе, но буде находится хотя одинъ неповинный, то участь его не столь же достойна пощады челоуѣколюбивыхъ, какъ и цѣлаго народа? Такъ я вѣщаю въ пламенномъ изступленіи своемъ, но знаю, что многія тысячи находятся такихъ неповинныхъ“.

Въ распоряженіи комитета оказался обильный матеріалъ.

Но обозрѣвая какъ сырыя данныя, такъ и продуманныя мнѣнія, высказанныя лицами, различными по своему отношенію къ евреямъ, по политическому развитію и проч., и сопоставляя все это съ „Положеніемъ о евреяхъ“ 1804 г., выработаннымъ комитетомъ, невозможно рѣшить, каковой взглядъ, чья мысль восторжествовали.

Идея Фризеля превратить евреевъ въ довольныхъ и полезныхъ гражданъ путемъ широкой соціально-культурной реформы не была принята комитетомъ, такъ же какъ, повидимому, и проектъ Сперанскаго, покоившійся на прогрессивныхъ началахъ, потому что для осуществленія этихъ плановъ требовалась особая энергія и смѣлость. Подчиняясь общественному настроенію, члены комитета, ходомъ вещей, ближе подошли къ Державину, отнюдь не подызуя его трудомъ, какъ опорой для будущаго законодательнаго акта. Было задумано сдѣлать евреевъ безвредными, не уничтожая тѣхъ условій, пагубно отражавшихся—морально и экономически—на еврейскомъ населеніи, наличностью которыхъ обезпечивалось преимуществонное положеніе христіанъ; принять рѣшительныя мѣры противъ вредности евреевъ, не открывая предъ ними естественнаго пути къ экономическому и нравственному возрѣдненію; сблизить евреевъ съ христіанами, не устранивъ препятствій, мѣшавшихъ общественному единенію¹⁾.

Прекрасныя многообъщавшія слова, занесенныя въ свое время въ журналъ комитета, и созывъ еврейскихъ депута-

¹⁾ Ноткинъ умеръ незадолго до появленія Положенія (похороненъ на старомъ еврейскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ); Неваховичъ и Перетцъ приняли христіанство; Неваховичъ написалъ нѣсколько книгъ на русскомъ языкѣ; его пьеса „Сулоты или Спартанцы 18-го вѣка“ была поставлена на сценѣ Александринскаго театра (1809 г.)

товъ должны были казаться теперь бутафорскими украшеніями—они не могли быть использованы для реальныхъ жизненныхъ цѣлей. Торжественно возвѣщенное и несомнѣнно искреннее намѣреніе поднять умственно-нравственный уровень еврейскаго населенія, возвысить еврейское общество въ глазахъ христіанъ и ввести евреевъ въ кругъ государственно-общественной жизни, снабдивъ ихъ гражданскими правами, не нашло отзыва въ Положеніи.

Это противорѣчіе можно объяснить лишь тѣмъ, что при теоретическомъ обсужденіи реформы мысли и предположенія, высказывавшіяся членами комитета, красивыя слова и выраженія возвышенныхъ побужденій занимали свое мѣсто на бумагѣ безъ особой борьбы съ противными мнѣніями. Когда же рѣчь зашла о практическихъ мѣропріятіяхъ—тогда свѣтлыя мысли и добрыя пожеланія, расточавшіяся комитетомъ въ отношеніи евреевъ, стали встрѣчать противодѣйствіе со стороны частныхъ интересовъ и вождедѣній, сковывавшихъ волю комитета. Отсутствие рѣшимости, опасеніе прійти въ столкновеніе съ тѣмъ или другимъ христіанскимъ кругомъ, заставили комитетъ довести свой лозунгъ—„сколь можно менѣе запрещеній, сколь можно болѣе свободъ“—до полной атрофии правительственной власти въ тѣхъ случаяхъ, когда благо евреевъ требовало, чтобы были затронуты интересы остальнаго общества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, провозгласивъ, что еврейская реформа должна быть осуществлена мягкими средствами, постепеннымъ измѣненіемъ условій еврейской жизни, комитетъ прибѣгъ къ репрессивной мѣрѣ по отношенію къ евреямъ, чтобы принести дань благородной заботѣ объ улучшеніи быта крестьянства, хотя причины бѣдственнаго положенія крестьянъ коренились въ другихъ общественныхъ факторахъ, въ крѣпостничествѣ, чего комитетъ не могъ не сознавать.

Изъ всѣхъ моментовъ еврейской жизни, рассмотрѣнныхъ комитетомъ, наиболѣе важное значеніе какъ въ глазахъ правительства, такъ и для самихъ евреевъ, имѣлъ вопросъ о проживаніи въ деревняхъ. Правительство хотѣло видѣть въ занятіи винными промыслами и арендами упорное нежеланіе евреевъ обратиться къ производительному труду, къ земледѣлію; евреи же смотрѣли на эти занятія, какъ на един-

ственный источникъ пропитанія многотысячной массы бѣдняковъ.

Факты жизни, собранные въ документахъ, достовѣрно и краснорѣчиво говорили о томъ, что если обвиненіе евреевъ въ причиненіи вреда крестьянамъ и не было ложнымъ, то во всякомъ случаѣ евреи это дѣлали не по злой волѣ, а въ силу необходимости, понуждаемые къ этому голодомъ, что они нуждались въ сочувствіи и помощи. Было очевидно, что обстоятельства, сопровождавшія проживаніе значительной части еврейскаго населенія въ уѣздахъ, требовали своего изученія не только съ точки зрѣнія крестьянскихъ, но и еврейскихъ интересовъ, ибо влекли за собою для евреевъ такія же печальныя послѣдствія, какъ и для крестьянъ.

Но комитетъ не только не проявилъ участія къ судьбѣ еврейской массы, онъ выставилъ еврея даже какъ бы злнамѣреннымъ виновникомъ бѣдствій крестьянъ, и все это потому, что, не смѣя коснуться основной причины крестьянскихъ невзгодъ—крѣпостничества, комитетъ долженъ былъ поневолѣ направить общественное вниманіе на еврея.

Необходимость реформы еврейскаго быта была во всеуслышанье объяснена не тяжелыми условіями, въ которыхъ жили сами евреи, а вредомъ, который они—вольно или невольно—причиняли крестьянамъ и другимъ обывателямъ. И такое игнорированіе насущной потребности еврейскаго населенія является основной чертой Положенія 1804 г., этого перваго систематически разработаннаго законодательства о евреяхъ, послужившаго примѣромъ для послѣдующихъ.

Новый законъ лишилъ евреевъ права содержать шинки и брать аренды и потребовалъ, чтобы въ теченіе трехъ лѣтъ изъ сель и деревень было удалено многотысячное еврейское населеніе.

Напрасно Нота Ноткинъ убѣждалъ правительство въ неосуществимости этой мѣры и доказывалъ, что искоренить экономическое зло нужно иными путями.

Возможно, что устраненіе евреевъ отъ арендъ и питейнаго промысла вызывалось обманчивой надеждой заставить такимъ путемъ помѣщиковъ смягчить участь крестьянина, а вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіемъ облагородить еврея, направивъ его къ болѣе достойному занятію. Каково бы ни было, однако,

„воспитательное“ значеніе этой мѣры, осуществить ее слѣдовало на экономической почвѣ. Лишенные вѣкового источника пропитанія, шестьдесятъ тысячъ семействъ—шестьдесятъ тысячъ голодныхъ семействъ, обремененныя двойной податью были вынуждены искать новыхъ средствъ къ жизни. Гдѣ же было ихъ найти? Комитетъ въ этомъ отношеніи рисовалъ прекраснѣйшія перспективы, призывая евреевъ отдаться производительному труду, а главное—земледѣлію, долженствующему имѣть облагораживающее вліяніе.

Можно подумать, что достаточно одного разрѣшенія покупать земли и строить фабрики, чтобы тотчасъ нищія масса превратилась въ земледѣльцевъ и фабрикантовъ. Ни одно изъ реальныхъ экономическихъ условій во времени и пространствѣ не было принято во вниманіе, когда было рѣшено произвести росчеркомъ пера глубочайшій переворотъ въ экономической жизни еврейской массы.

При этомъ евреямъ не была оказана необходимая матеріальная помощь со стороны правительства. Были, правда, обѣщаны извѣстныя льготы тѣмъ, кто займется земледѣльствомъ. Но вѣдь обратиться къ тяжелому незнакомому земледѣльческому труду могла лишь самая незначительная часть голоднаго, измореннаго населенія. И могло ли правительство оказать подобную поддержку болѣе значительному числу поселенцевъ? Обладало ли оно потребными средствами? Еще меньшее число евреевъ могло рассчитывать на полученіе отъ казны пособія на устройство фабрикъ. Въ массѣ же евреи должны были обратиться къ ремесленному труду и мелкой торговлѣ. Но тутъ они уже не встрѣтили никакого облегченія. Даже разрѣшивъ ремесленникамъ записываться въ цехи, законъ сдѣлалъ оговорку „если то не будетъ противно привилегіямъ, особенно нѣкоторымъ городамъ привоеннымъ“.

Необходимость сохранить въ силѣ привилегіи отдѣльныхъ группъ христіанскаго населенія заставила комитетъ разрѣшить и другой вопросъ экономической жизни евреевъ въ неблагопріятномъ для нихъ направленіи.

Несмотря на то, что правительство уже въ теченіе ряда лѣтъ стремилось освободить евреевъ отъ произвола помѣщика, а Павелъ I предписалъ сенату позаботиться о томъ,

чтобы помѣщики не обременяли ихъ чрезмѣрными налогами, новый законъ, считаясь исключительно съ интересами землевладѣльцевъ, укрѣпилъ зависимость евреевъ отъ помѣщика. Правда, Положеніе 1804 г. установило, что помѣщики не имѣютъ надъ евреями права суда ни въ тяжбныхъ, ни въ уголовныхъ дѣлахъ, не должны вмѣшиваться въ выборы раввиновъ и членовъ кагала; но вмѣстѣ съ тѣмъ законъ принудилъ евреевъ отдавать помѣщику отчетъ въ своихъ общественныхъ расходахъ, что давало ему возможность вторгаться во внутреннюю жизнь евреевъ; кромѣ того, законъ потребовалъ, чтобы евреи при переходѣ съ мѣста на мѣсто представляли свидѣтельство отъ помѣщика въ томъ, что они выполнили по отношенію къ нему всѣ обязанности; необходимость получить подобный документъ, конечно, всецѣло подчинила еврейское населеніе помѣщичьей власти, ибо фактически право передвиженія его было при такихъ условіяхъ отдано въ руки помѣщика.

Въ одномъ лишь отношеніи законъ 1804 г. пошелъ навстрѣчу экономическимъ потребностямъ евреевъ, и, вѣроятно, потому, что не слышно было особыхъ протестовъ противъ этого: было подтверждено, что фабрикантамъ, купцамъ и ремесленникамъ разрѣшается выѣзжать съ семьями на время по дѣламъ за черту осѣлости. Этимъ правомъ фактически могли воспользоваться лишь немногіе евреи; но все же оно дало имъ возможность осѣсть постепенно, небольшими колоніями, во внутреннихъ губерніяхъ и столицахъ и облегчило имъ такимъ путемъ торговля сношенія съ русскимъ купечествомъ.

Такова была экономическая реформа, не предвѣщавшая ничего хорошаго ¹⁾.

Что касается культурнаго преобразованія, то причины униженнаго состоянія евреевъ усматривались въ томъ, что они

¹⁾ Двойная подать, тягостная для евреевъ не только въ матеріальномъ отношеніи, но и въ нравственномъ, унижавшая ихъ въ глазахъ христіанъ, не была отмѣнена; ею хотѣли воспользоваться, какъ орудіемъ для привлеченія евреевъ къ „полезной“ дѣятельности; было обѣщано, что когда евреи займутся фабричнымъ производствомъ, ремесленнымъ трудомъ и земледѣліемъ, двойная подать будетъ отмѣнена; вскорѣ отмѣна состоялась, но безъ особаго оповѣщенія, путемъ административнаго распоряженія.

„отдѣлены отъ общаго управленія“, а также въ „недостаткѣ общаго просвѣщенія и несходствѣ языка“.

Поэтому на очередь были поставлены вопросы о гражданскихъ правахъ евреевъ и о преобразованіи внѣшняго и внутренняго быта евреевъ. Увы, эти вопросы не были разрѣшены въ согласіи съ основной цѣлью реформы—пріобщить евреевъ къ общерусской жизни.

Какъ мы знаемъ, въ связи съ тѣмъ, что евреи получили въ Россіи гражданскія права, кагалъ утратилъ роль представительнаго учрежденія, какую онъ игралъ въ Польшѣ. Хотя кагалъ, собирая подати, объединялъ евреевъ въ податномъ отношеніи, вѣрнѣе, сковывалъ ихъ круговой порукой, онъ отнюдь не охранялъ интересовъ евреевъ, какъ особаго коллектива; въ общей гражданской жизни евреи не являлись сплоченной группой, снабженной орудіемъ самозащиты; это были разрозненныя единицы, искавшія помощи въ тѣхъ же учрежденіяхъ, куда обращались и христіане. Религіозное предубѣжденіе къ евреямъ и недоброжелательство къ нимъ, питаемое конкуренціей, не разъ спланивали христіанъ въ органахъ общественнаго самоуправленія; при такихъ условіяхъ и евреи, въ свою очередь, должны были объединяться въ этихъ учрежденіяхъ, потому что здѣсь разрѣшались различные вопросы повседнежнаго существованія. Какъ ни была тяжела такая борьба, она одна могла регулировать взаимныя отношенія между сторонами, впервые встрѣтившимися въ совмѣстной общественной дѣятельности. Но позже евреи, какъ мы видѣли выше, были ограничены въ правѣ занимать общественныя должности, дабы господствующее положеніе всегда принадлежало христіанамъ.

Все это было извѣстно, конечно, комитету; но устранить ограниченія, столь препятствовавшія сближенію евреевъ съ христіанами, онъ не рѣшился, опасаясь затронуть интересы послѣднихъ; комитету было вмѣстѣ съ тѣмъ неудобно санкционировать эти ограниченія, какъ противорѣчившія поставленной имъ себѣ задачѣ—предоставить евреямъ одинаковыя съ христіанами „выгоды и уваженія“, и потому онъ обошелъ вопросъ молчаніемъ, сохранивъ такимъ образомъ въ силѣ установившееся положеніе: евреи всюду должны были быть въ меньшинствѣ въ органахъ общественнаго самоупра-

вления, а на Литвѣ вовсе устраненными отъ участія въ общественной самодѣятельности.

Могли ли евреи при такихъ условіяхъ слиться съ христіанскимъ обществомъ въ гражданской жизни?

Что касается внутренняго самоуправленія, то мы видѣли, что въ связи съ новыми условіями еврейской жизни въ Россіи, кагалъ, принесшій въ свое время извѣстную пользу, нуждался въ соотвѣтствующемъ преобразованіи; между тѣмъ въ польско-русскомъ еврействѣ, обезсиленномъ и деморализованномъ какъ аномаліями его вѣкового быта въ Польшѣ, такъ и религиозной борьбой, не было общественныхъ силъ для подобной творческой работы, и кагалъ, въ своей старой формѣ, не гармонировавшей съ потребностью времени, являлся поработителемъ народа въ матеріальномъ и духовномъ отношеніи. Извѣстная часть еврейскаго общества сознавала это и стремилась къ сокращенію функций кагала. Помимо того, безсознательно, въ пылу религиозной борьбы, еврейское общество нанесло власти кагала сильный ударъ. На ряду съ этимъ и правительство неоднократно напоминало, что кагалъ предназначенъ лишь для религиозныхъ дѣлъ. Но одновременно само правительство укрѣпляло силу кагала, предоставляя ему, въ фискальныхъ соображеніяхъ, собраніе податей, изъ чего кагалъ, въ свою очередь, умѣлъ ковать орудіе для воздѣйствія на народную массу.

Всѣмъ, кто всматривался въ еврейскую жизнь, было ясно, что мощь кагала таится въ собраніи подати и въ его союзѣ съ раввиномъ, державшимъ народъ въ повиновеніи помощью мѣръ религиозно-общественнаго характера. Люди, различно относившіеся къ еврейской реформѣ, единодушно высказывались за то, чтобы собраніе подати и различныя административныя функціи, связанныя съ этой обязанностью, были поручены общимъ государственнымъ установленіямъ; религиозныя же дѣла должны были принадлежать вѣдѣнію специальныхъ духовныхъ судовъ, не облеченныхъ никакими административными полномочіями. При этихъ условіяхъ кагалъ былъ бы упраздненъ.

Однако, кагалу было суждено дальнѣйшее существованіе. Врядъ ли правительство придало въ этомъ случаѣ особое значеніе голосу депутатовъ, которые, конечно, являлись за-

щитниками кагала. Были другія причины, заставившія правительство сохранить этотъ институтъ,—а именно, кагалъ облегчалъ правительству заботу по взиманію подати и административному надзору, а вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣлось въ виду, что кагалъ окажетъ правительству поддержку при осуществленіи реформы, главнымъ образомъ, при удаленіи евреевъ изъ деревень. И такимъ образомъ, само сознавая нежелательность особаго управленія для евреевъ, правительство не отказалось отъ него въ своихъ интересахъ.

Несмотря на это благожелательное отношеніе къ кагалу, правительство, правда, не оставило безъ вниманія тѣ нареканія на кагалъ, которыя исходили какъ изъ административныхъ круговъ, такъ и изъ среды евреевъ.

Произволъ кагала достигъ крайнихъ предѣловъ въ связи съ религиознымъ междоусобіемъ, а потому, чтобы парализовать въ этомъ отношеніи власть кагала, за хасидской сектой было подтверждено право на существованіе, причемъ ей было дано право имѣть особыя синагоги ¹⁾. Помимо того, въ интересахъ не однихъ лишь сектантовъ, но и прочаго еврейскаго населенія, законъ 1804 г. запретилъ кагаламъ устанавливать новые сборы, а раввинамъ—прибѣгать при разрѣшеніи дѣлъ къ инымъ средствамъ, „кромѣ увѣщаній и убѣжденій“, налагать иныя наказанія, кромѣ „обличенія и выговоровъ внутри синагоги“ (за публичныя наказанія раввинамъ угрожала строгая кара).

Однако, эти постановленія могли только ослабить внѣшнюю борьбу раввинистовъ съ хасидами. Прочія отрицательныя явленія еврейской жизни, которыя рождала кагално-раввинская организація, пользовавшаяся властью административнаго и религиознаго характера, не могли быть устранены. Отдѣльныя личности были совершенно безсильны бороться съ кагаломъ, располагавшимъ матеріальными средствами, привлекавшимъ нерѣдко на свою сторону мѣстную администрацію, и его власть фактически не была значительно умалена. Конечно, господствовавшему классу было обидно, что правительство лишило кагалъ права прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ воздѣйствія на народъ,—кагалу впредь при-

¹⁾ См. стр. 76.

ходило считаться съ тѣмъ, что недовольные элементы могли находить защиту у правительства. Но, помимо того, что широкія массы, незнакомыя съ государственнымъ языкомъ, остались, вѣроятно, въ невѣдѣніи о новомъ законѣ, одна уже административная власть, предоставленная кагалу, была достаточна, чтобы держать народную массу въ повиновеніи. Къ тому же и духовный судъ, связанный съ кагальной организаціей, сохранилъ за собою религіозную власть.

Возможно, что даже наступившему мирному внѣшнему сожителству хасидовъ и ихъ противниковъ не столько содѣйствовали законодательныя постановленія (признаніе секты „терпимой“, запрещеніе херемовъ и проч.), сколько поостороннее обстоятельство. Предъ хасидами и ихъ врагами миснагдами появился общій врагъ — просвѣщеніе. Ему-то, какъ видно, принадлежитъ роль невольнаго посредника, смягчившаго рознь между враждующими лагерями.

Хасиды и ихъ противники были въ одинаковой мѣрѣ заинтересованы въ томъ, чтобы кагалъ рѣшительно выступилъ противъ малѣйшей попытки насадить просвѣдительныя идеи среди еврейскаго общества. И правительство, давъ кагалу власть надъ народомъ, само обезсилило культурную реформу, которую желало провести.

Послѣднія десятилѣтія 18-го вѣка не расширили границъ умственнаго кругозора еврейскаго общества. „Воспитаніе юношества въ хедерахъ и іешивахъ все болѣе вырождалось. Объ элементарныхъ общеобразовательныхъ наукахъ здѣсь не могло быть и рѣчи; школа носила чисто-раввинскій характеръ. Талмудическая схоластика изощряла умы, но не давая реальныхъ знаній, насаждала тамъ сумбуръ. Хасидизмъ оторвалъ большую территорію отъ этого царства раввинизма, но въ области школьнаго воспитанія онъ оказался безсильнымъ создать что-нибудь новое. Въ религіозномъ и національномъ настроеніи общества хасидизмъ вызвалъ глубокія измѣненія, но эти перемѣны тянули еврея назадъ, въ глубь мистическаго созерцанія и абсолютной вѣры, враждебной разуму и всякой попыткѣ общественной реформы“. Призракъ просвѣщенія, заглянувшій изъ Германіи, возбудилъ смятеніе какъ среди хасидовъ, такъ и ихъ противниковъ.

Не удивительно поэтому, что депутаты, представители ка-

галовъ, участвовавшіе въ совѣщаніяхъ комитета, не могли высказаться въ пользу какихъ бы то ни было мѣръ культурнаго, просвѣдительнаго характера. Иначе отнеслись къ этому вопросу петербургскіе дѣятели. Нота Ноткинъ предложилъ, чтобы всюду по чертѣ осѣдлости были учреждены еврейскія общественныя школы, въ которыхъ преподавали бы русскій и другіе языки; онъ указывалъ, что нѣтъ основанія ожидать, чтобы евреи послали добровольно своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія. Вѣроятно, къ этому мнѣнію примкнули и прочіе петербургскіе дѣятели, участвовавшіе въ совѣщаніяхъ, такъ какъ въ ту пору и въ Пруссіи, и въ Австріи какъ передовые евреи, такъ и правительственные круги считали цѣлесообразнымъ учрежденіе еврейскихъ школъ съ общеобразовательной программой, дабы устранить опасеніе консервативныхъ элементовъ, что государственная школа будетъ стремиться къ тому, чтобы оторвать юношество отъ религіи отцовъ.

Однако, русское правительство не приняло этого плана, быть-можетъ потому, что онъ требовалъ активной дѣятельности, непосильной для администраціи; возможно, конечно, что въ данномъ случаѣ сыграла извѣстную роль оппозиція со стороны депутатовъ. Было рѣшено ограничиться пока тѣмъ, что законъ 1804 г., оповѣстивъ еврейское населеніе о свободномъ доступѣ во всѣ правительственныя школы, за вѣрилъ его, что никто во время ученія не будетъ „ни подъ какимъ видомъ отвлекаемъ отъ своей религіи, не принуждаемъ учиться тому, что ей противно и даже несогласно съ нею быть можетъ“. Если же, предварялъ законъ, евреи не захотятъ посылать подрастающее поколѣніе въ общія школы, тогда на ихъ средства будутъ учреждены спеціальныя еврейскія училища, въ которыхъ обязательно будетъ преподаваться одинъ изъ языковъ: русскій, польскій или нѣмецкій.

Считая необходимымъ привлечь еврейское населеніе къ общей культурѣ, русскіе люди, въ сущности, не думали столько объ его просвѣщеніи, сколько о томъ, чтобы евреи вышли изъ своей религіозно-національной замкнутости, усвоили языкъ, на которомъ говорили христіане данной мѣстности (русскій, польскій, нѣмецкій), перемѣнили свой внѣшній видъ, — традиціонная одежда, ермолка и пейсы, рѣзко выдѣляя евреевъ

среди сосѣдей, производили на русскихъ отталкивающее впечатлѣніе.

Поэтому культурной реформѣ было поставлено въ задачу не только насадить въ подростящемъ поколѣніи общія знанія, но также заставить взрослое населеніе измѣнить свой внѣшній обликъ ¹⁾.

Дабы, по мѣрѣ возможности, не создавать препятствій для поступленія въ общія учебныя заведенія, дѣтямъ, обучавшимся въ низшихъ школахъ, приходскихъ и уѣздныхъ, было разрѣшено носить традиціонное платье; начиная же съ гимназій они должны были быть одѣты „для единообразія и благопристойности въ нѣмецкомъ или польскомъ платьѣ“.

Для того же, чтобы взрослое населеніе, хотя бы только въ извѣстной своей части, уподобилось окружающему обществу, было потребовано, чтобы только тѣ евреи занимали должности въ городскомъ общественномъ управленіи (магистратахъ) и въ кагалѣ, а также избирались въ раввины, которые знаютъ грамоту на одномъ изъ языковъ—русскомъ, нѣмецкомъ и польскомъ; члены магистрата были обязаны носить въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ польское или русское платье, если не пожелаютъ облачиться въ нѣмецкое, а въ прочихъ губерніяхъ черты осѣдлости—нѣмецкое платье. Это нѣмецкое платье „безъ всякаго отъ другихъ отличія“ обязаны были носить и всѣ евреи, не исключая женщинъ и дѣтей, выѣзжавшіе за предѣлы черты осѣдлости, въ противномъ случаѣ „не должны они быть терпимы и имѣютъ полиціею быть выселяемы“.

Въ цѣляхъ усвоенія евреями грамоты одного изъ указанныхъ выше языковъ было также потребовано, чтобы евреи пользовались однимъ изъ нихъ въ публичныхъ актахъ и въ торговыхъ документахъ.

Депутаты не смѣли осудить мѣры, выработанныя комитетомъ; не могли они также ихъ одобрить; поэтому они попросили дать полгода срока, чтобы обсудить совмѣстно съ кагалами, безъ которыхъ не считали себя въ правѣ вы-

¹⁾ Законъ 1804 г. принудилъ евреевъ присвоить себѣ фамильныя наслѣдственныя имена,—до этого они пользовались лишь личными именами и иногда прозвищами.

сказать какія-либо заключенія; тогда главнѣйшія постановленія были сообщены кагаламъ съ тѣмъ, чтобы, не дѣлая въ нихъ никакихъ измѣненій, кагалы дополнили ихъ новыми мѣрами, которыя содѣйствовали бы осуществленію намѣреній правительства. Но, конечно, кагалы не исполнили этого желанія, а попросили отложить всю реформу.

Нельзя было не предвидѣть, что кагалы употребятъ всѣ усилія къ тому, чтобы задушить въ зародышѣ культурную реформу. Дѣйствительно, кагалы использовали съ этой цѣлью не только власть надъ народомъ, сохраненную за ними правительствомъ, но и то бѣдственное положеніе, въ которомъ очутилась народная масса благодаря мѣрѣ выселенія, установленной новымъ закономъ. Кагаламъ на помощь пришло также, хотя и безсознательно, правительство требованіемъ о перемѣнѣ одежды.

Мы знаемъ, что правительство не имѣло въ виду вторгнуться въ область преподаванія Закона, въ сферу еврейской религіозной школы (хедера). Вообще законъ (1804 г.), установившій внѣшній бытъ евреевъ, коснулся ихъ внутренней жизни лишь постольку, поскольку это вызывалось интересами широкихъ массъ и, въ частности, хасидовъ, подвергавшихся гоненіямъ со стороны кагаловъ.

Однако, и при этихъ условіяхъ, совершенно не угрожавшихъ вѣроученію, кагалъно-раввинскій союзъ долженъ былъ придать намѣреніямъ правительства такой характеръ, будто они угрожаютъ чуть ли не всему религіозно-національному существованію еврейскаго народа.

Запрещеніе подвергать ослушниковъ херему, какъ уже было сказано, не могло фактически подорвать власть господствовавшего класса. Но запретъ все же могъ поколебать авторитетъ кагала въ нѣкоторыхъ общественныхъ группахъ, преимущественно въ крупныхъ городахъ. И эта опасность, заставившая кагалы добиваться отмѣны запрета, должна была явиться тѣмъ болѣе угрожающей, что именно въ этихъ общественныхъ группахъ, въ крупныхъ городахъ, гдѣ болѣе тѣсно общеніе съ христіанскимъ населеніемъ, призывъ правительства пойти въ общія школы могъ найти сочувственный откликъ. Поэтому кагаламъ надо было воздѣйствовать и нравственно на еврейское общество, запугать его, и въ этомъ отно-

шеніи правительство, требуя перемѣны одежды, сыграло въ руку кагаламъ. Преданность традиціонной одеждѣ не всюду была одинакова; можно даже думать, что на югѣ еврейское население, не столь многочисленное и къ тому же оказавшееся въ новой обстановкѣ, переняло одежду своихъ новыхъ сосѣдей; но тамъ, гдѣ евреи жили попрежнему компактными массами, въ условіяхъ, не мѣнявшихся въ теченіе вѣковъ, тамъ и традиціонная одежда, и вообще внѣшній видъ—неприкосновенность волосъ на головѣ и на лицѣ—почитались какъ бы принадлежностью религіознаго культа. Покушеніе на одежду признавалось равносильнымъ покушенію на религіозную свободу, и такимъ образомъ культурная реформа, предпринятая правительствомъ, приобрѣтала въ глазахъ народа характеръ, не свойственный ей въ дѣйствительности.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Попытка реформы не приводитъ къ цѣли.—Насильственная мѣра.—Созывъ Наполеономъ въ Парижѣ собранія нотаблей еврейскихъ (1806 г.).—Война съ Франціей и посланіе Синода о союзѣ Наполеона съ евреями.—Пожертвованія евреевъ на милицію.—Французскія событія даютъ поводъ рассмотреть законъ о выселеніи.—Обстоятельства, дѣлающія эту мѣру невыполнимой.—Еврейскимъ депутатамъ предоставляется высказаться по вопросу о реформѣ (1807 г.).—Чего добивались кагалы?—Выселеніе приостанавливается.—Образованіе комитета для пересмотра реформы.—Комитетъ признаетъ необходимымъ отказаться совершенно отъ принудительнаго выселенія.—Борьба кагала съ просвѣщеніемъ: домогательство о возстановленіи власти раввиновъ; отрицательное отношеніе къ общей школѣ. Голоса протеста противъ косности заглушаются.—Рабби Менаше Иліеръ.—Анонимныя жалобы и доносы правительству.—Передовые евреи добиваются ослабленія господства раввиновъ и измѣненія внутренняго быта.—Правительство опасается подорвать авторитетъ духовной власти.

Властное на бумагѣ, новое законодательство о евреяхъ оказалось безсильнымъ при встрѣчѣ съ повседневной дѣйствительностью. Фактически не внеся какихъ-либо положительныхъ преобразованій въ ихъ внутреннее бытѣ, оно не измѣнило и экономическихъ условій ихъ жизни, къ счастью для евреевъ; даже изгнаніе ихъ изъ деревень не состоялось, несмотря на принудительныя мѣры.

Обремененные семьями, лишенные средствъ къ жизни, кто

изъ евреевъ могъ рѣшиться отправиться въ далекую Новороссію, чтобы взяться за непривычный трудъ пахаря? Однако, по еврейскимъ захоlustьямъ распространились слухи о выгоды переселенія. Къ тому же администрація торопила. И вотъ евреи стали проситься въ пустынный край. Число такихъ лицъ было невелико, но и оно оказалось чрезмѣрнымъ для слабыхъ ресурсовъ страны. Правительство оказалось не въ силахъ дать ту поддержку, которую обѣщало, и оно увидѣло себя вынужденнымъ начать ставить препятствія стихійному стремленію въ новый край, охватившему часть еврейскаго населенія. Пришлось ввести очереди для переселенцевъ. Но это не остановило принудительныхъ мѣръ.

„Не выбравшихся еще добровольно изъ деревень теперь гнали изъ нихъ силою; пожитки неповиновавшихся уничтожали; осѣдлости ихъ разоряли безъ сожалѣнія!.. Евреи молили объ отсрочкѣ, вопили и стонали, но все было напрасно: ихъ безплодно выпроваживали подъ конвоемъ крестьянъ и даже солдатъ!.. Ихъ загоняли, точно скотъ, въ мѣстечки и городишки, и тамъ на площадяхъ, подъ открытымъ небомъ, оставляли размышлять о превратностяхъ судьбы!.. Въ пылу отчаянія они подавали всѣмъ властямъ цѣлыми кипами слезныя прошенія о безотлагательномъ переводѣ ихъ въ земледѣльцы, въ Новороссію...“

Кочубей, вѣдавшій дѣло переселенія, зналъ объ этихъ ужасахъ. Но могъ ли онъ донести государю о невыполнимои закона, и согласилось ли бы правительство приостановить переселеніе и тѣмъ нанести, какъ обычно думаютъ въ такихъ случаяхъ, ущербъ престижу власти?

Въ это время далеко за предѣлами Россіи произошло событіе, которое, не имѣя никакой внутренней связи съ евреями въ Россіи, все же сыграло нѣкоторую роль въ исторіи изгнанія. Наполеонъ I созвалъ (1806 г.) въ Парижѣ собраніе нотаблей еврейскихъ для разрѣшенія различныхъ вопросовъ, касающихся религіи и быта евреевъ.

Засѣданія собранія нотаблей были открыты съ большою торжественностью, а при тогдашнемъ политическомъ настроеніи этотъ декорумъ могъ создать преувеличенное представленіе о намѣреніяхъ Наполеона по отношенію къ евреямъ. Тревога должна была усилиться, когда вслѣдъ затѣмъ Напо-

леонъ рѣшилъ созвать въ Парижѣ Синадріонъ, съ цѣлью „снова вызвать истинный духъ закона, истолковать законы іудейства, согласно духу времени, положить конецъ ложнымъ или спорнымъ толкованіямъ и создать новую организацію“. Чтобы Синадріонъ занялъ подобающее ему мѣсто, было рѣшено оповѣстить объ его созывѣ всѣ синагоги Европы и пригласить ихъ прислать депутатовъ въ Парижъ.

Это обстоятельство вызвало въ Петербургѣ извѣстныя опасенія. Периодическая печать удѣлила вниманіе затѣѣ Наполеона, усматривая въ ней попытку объединить евреевъ всѣхъ странъ и склонить ихъ на сторону Франціи. Правительство также рѣшило заняться этимъ вопросомъ въ связи съ принудительнымъ выселеніемъ евреевъ изъ деревень.

„Государь Императоръ повелѣлъ по случаю того, что Бонапартъ созвалъ въ Парижѣ собраніе представителей евреевъ, имѣющее главной цѣлью дать евреямъ разныя преимущества и связать евреевъ всей Европы, созвать особый комитетъ для обсуждения того, не требуетъ ли это обстоятельство принятія какихъ-либо особыхъ мѣръ относительно русскихъ евреевъ“. Въ составъ вновь образованнаго комитета вошли министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Будбергъ, Кочубей и Чарторыжскій. Гр. Будбергъ не нашелъ никакой связи между событіями въ Парижѣ и выселеніемъ евреевъ изъ деревень и высказался за то, чтобы, не взирая ни на какія обстоятельства, Положеніе 1804 г. было исполнено въ строгости; Кочубей, а вмѣстѣ съ нимъ и Чарторыжскій, были другого мнѣнія: они считали необходимымъ приостановить выселеніе, но ихъ голосъ, повидимому, не былъ услышанъ.

Между тѣмъ политическое положеніе Россіи крайне обострилось. 16 ноября 1806 г. послѣдовалъ манифестъ о войнѣ съ Франціей, а вслѣдъ затѣмъ о составленіи милиціи. Русское общество не было въ то время проникнуто воинственнымъ настроеніемъ, образованіе милиціи было принято какъ чрезвычайно обременительная мѣра. И вотъ, чтобы поднять общественное настроеніе, была сдѣлана попытка внушить обществу, что война ведется во имя православной церкви. При этомъ случаѣ не преминули вспомнить о евреяхъ. Правительствующій Синодъ разослалъ (декабрь 1806 г.) „объявленіе“, рисовавшее Наполеона богопротивникомъ. Обвинивъ Напо-

леона въ томъ, что въ Египтѣ онъ проповѣдывалъ коранъ, приобщился къ гонителямъ Христовой церкви и проч., посланіе Синода гласило далѣе: „Наконецъ, къ вѣщшему посрамленію оной, созвалъ во Франціи іудейскія синагоги, повелѣлъ явно воздавать раввинамъ ихъ почести и установилъ новый великій сангедринъ Еврейскій, сей самый богопротивный сборъ, который нѣкогда дерзнулъ осудить на распятіе Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа,—и теперь помышляетъ соединить Іудеевъ, гнѣвомъ Божиимъ разсыпанныхъ по всему лицу, и устремить ихъ на ниспроверженіе Церкви Христовой и (о дерзость ужасная, превосходящая мѣру всѣхъ злодѣяній!) на провозглашеніе лжемессіи въ лицѣ Наполеона... Отринувъ мысли о правосудіи Божиемъ, онъ мечтаетъ въ буйствѣ своемъ, съ помощію ненавистниковъ имени христіанскаго и способниковъ его нечестія, Іудеевъ, похитить (о чемъ каждому человѣку и помыслить ужасно!) священное имя Мессіи; покажите ему, что онъ тварь, совѣстію сожженная и достойная презрѣнія...“

„Перечитывая эту грозную филиппику—говоритъ русскій историкъ царствованія Александра I—нельзя не удивляться искусству, съ которымъ извращалась въ этомъ объявленіи историческая обстановка данной минуты. Войну, предпринятую единственно ради спасенія погибавшей Пруссіи, чтобы не дать этому государству исчезнуть съ карты Европы, превращали въ народную войну, направленную противъ гонителя православной церкви, мечтавшего, при содѣйствіи іудеевъ, провозгласить себя Мессіей!“

Такое же, по существу, объявленіе выпустилъ митрополитъ римско-католическихъ церквей въ Россіи.

Были приняты мѣры къ тому, чтобы посланіе Синода получило широкое распространеніе. Подумало ли, однако, правительство о томъ, къ какимъ послѣдствіямъ могъ привести этотъ призывъ? Несомнѣнно, правительство не допустило бы избіенія мнимыхъ друзей Наполеона, которыхъ самъ могучій завоеватель вовсе не любилъ. Надо полагать, что объявленіе Синода было составлено безъ долгихъ размышленій и, вѣроятно, безъ одобренія свѣтской власти. Во всякомъ случаѣ, синодское посланіе, насколько извѣстно, никого не смутило. На призывъ государя, обращенный къ дворянству,

купецеству и мѣщанству, оказать содѣйствіе добровольными приношеніями устройству ополченія, откликнулись и евреи. Въ официальныхъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ печатались списки жертвователей; среди нихъ часто упоминаются кагалы, еврейскія общества и частные евреи; этимъ спискамъ предшествовало объявленіе, что государь повелѣлъ „предать во всенародное извѣстіе и въ память потомству“ имена жертвователей. Такимъ образомъ, евреи, съ одной стороны, объявлялись союзниками врага, а съ другой—сынами отечества, достойными благодарной памяти.

Министръ внутреннихъ дѣлъ разослалъ (февраль 1807 г.) по губерніямъ западнаго края циркулярное предписаніе губернаторамъ имѣть наблюденіе, нѣтъ ли какихъ-нибудь сношеній между мѣстными евреями и парижскимъ собраніемъ, и принять мѣры противъ подобныхъ сношеній; при этомъ губернаторамъ предлагалось внушить евреямъ, что парижское собраніе стремится къ измѣненію еврейской религіи.

Кажется, что этотъ циркуляръ не былъ вызванъ убѣжденіемъ Кочубея, будто дѣйствительно русскіе евреи имѣли тайныя сношенія съ французскими единовѣрцами; повидимому, циркуляръ имѣлъ цѣлью оправдать въ глазахъ мѣстной администраціи намѣреніе правительства смягчить суровое требованіе о выселеніи евреевъ изъ уѣздовъ. Кочубей представилъ (10 февраля 1807 года) по этому поводу записку государю. Признавая, что „сомнѣнія въ томъ никакого быть не можетъ, что правительство всѣми мѣрами должно удерживать постановленія свои“, кн. Кочубей вмѣстѣ съ тѣмъ обратилъ вниманіе на то, что „нельзя отрицать, чтобы оно (правительство) не могло найтись въ необходимости отступить иногда отъ правила сего“, и потому онъ полагалъ бы необходимымъ дать отсрочку къ переселенію евреевъ изъ деревень въ города и мѣстечки, „поставивъ вообще націю сію въ осторожность противъ намѣреній французскаго правительства“.

Ссылка на намѣренія французскаго правительства должна была лишь замаскировать дѣйствительное положеніе вещей; если созывъ Синедриона и внушалъ нѣкоторыя опасенія, то все же при разрѣшеніи вопроса о выселеніи евреевъ принимались во вниманіе обстоятельства совсѣмъ иного характера,

и о французскихъ событіяхъ не только ничего не говорится въ документахъ ближайшаго времени, когда было достаточно поводовъ, чтобы не забыть о Франціи, но и въ запискѣ самого кн. Кочубея въ оправданіе отсрочки выселенія приведены вѣскіе мотивы, вытекавшіе изъ фактическаго положенія вещей, а не изъ политическихъ соображеній.

Кн. Кочубей указывалъ, что евреи могли бы быть частью переселены въ города и мѣстечки, но нерѣдко тамъ „нѣтъ ни промысловъ, ни торговъ и никакихъ другихъ къ пропитанію способовъ“ и переселенцы не могли бы найти тамъ даже убѣжища, а еще менѣе, по бѣдности, выстроить для себя дома; къ тому же нѣкоторые города и мѣстечки, населенные главнымъ образомъ евреями, выгорѣли, и евреи-погорѣльцы не только не въ силахъ оказать гостепріимство выселяемымъ изъ деревень, но сами вынуждены направляться въ деревни, а такъ какъ ихъ туда не пускаютъ, то они „бродятъ и скитаются“. Помочь тѣмъ, кто, согласно желанію правительства, желалъ бы взяться за работу на фабрикахъ, невозможно, такъ какъ казенныхъ фабрикъ вовсе нѣтъ, а частныхъ слишкомъ мало. Переселить на казенныя земли желающихъ тамъ водвориться также нельзя не только потому, что казнѣ пришлось бы сдѣлать „весьма знатное для сего пожертвованье въ виду невѣрнаго еще успѣха“, но и потому, что въ губерніяхъ черты осѣдлости почти вовсе нѣтъ казенныхъ земель.

„Вообще, ни сами они (т.-е. евреи) не могутъ имѣть способовъ, оставивъ нынѣшнія жилища по селамъ, деревнямъ и корчмамъ, найти оныя себѣ въ иныхъ мѣстахъ, ни правительство не можетъ въ томъ имъ подать никакого пособія“¹⁾.

Записка кн. Кочубея была Высочайше утверждена и вслѣдъ затѣмъ былъ образованъ особый комитетъ для разсмотрѣнія указаннаго вопроса. Кромѣ Кочубея, Чарторыжскаго и Будберга, въ этотъ комитетъ вошли бывшіе члены комитета

¹⁾ Эти строки взяты изъ доклада кн. Куракина, замѣстившаго кн. Кочубея на посту министра вн. дѣлъ; какъ сообщаетъ одинъ officialный документъ, выставленный Куракинымъ причины необходимости отсрочить выселеніе „суть почти всѣ тѣ же“, на какия указалъ кн. Кочубей.

1802 г., Лопухинъ и Потоцкій, а равно гр. Чацкій и извѣстный сотрудникъ Александра I Новосильцевъ ¹⁾).

Казалось, что обстоятельства, отмѣченные кн. Кочубеемъ, должны были склонить правительство къ отмѣнѣ, или къ временной пріостановкѣ выселенія. Но государь, по крайней мѣрѣ официально, готовъ былъ въ случаѣ особой необходимости смягчить эту мѣру, но никакъ не отмѣнить ее. Въ этомъ именно смыслѣ и былъ составленъ рескриптъ (февраль 1807 г.) на имя сенатора Алексѣева, которому было поручено объѣхать западныя губерніи, съ тѣмъ, чтобы по своему усмотрѣнію, или потребовать немедленнаго выселенія евреевъ изъ уѣздовъ, или же представить государю объясненія объ обстоятельствахъ, препятствующихъ этому, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какимъ путемъ можно „по крайней мѣрѣ постепенно“ привести въ дѣйствіе законъ ²⁾.

Все говорило о томъ, что удаленіе евреевъ изъ уѣздовъ невыполнимо; правительство это сознавало, но чтобы отмѣна и даже отсрочка не были объяснены его слабостью, было желательно, чтобы инициатива въ данномъ случаѣ изошла не отъ высшей власти. И вотъ, чтобы внушить, какъ кажется, мѣстной администраціи, а особливо самому еврейскому обществу, мысль о соотвѣтствующемъ ходатайствѣ предъ правительствомъ, начальникамъ западныхъ губерній были посланы Высочайшіе указы, въ которыхъ говорилось, что виленскій кагалъ принесъ всеподданнѣйшее представленіе о томъ, что при исполненіи закона 1804 г. встрѣтились различныя затрудненія; вотъ почему, желая дать подданнымъ еврейскаго народа новое доказательство попеченія объ ихъ благосостояніи, еврейскимъ обществамъ, иначе говоря, кагаламъ, предоставляется избрать

¹⁾ Вопросъ объ этихъ комитетахъ не вполне выясненъ, возможно, что это тотъ же комитетъ 1806 г., о которомъ выше упомянуто (стр. 114).

²⁾ Командировка государемъ лица, снабженнаго полнотою власти, чтобы осуществить мѣру, въ извѣстной мѣрѣ осужденную Кочубеемъ и Чарторыжскимъ, даетъ основаніе полагать, что требованіе о выселеніи евреевъ изъ уѣздовъ не было выставлено по собственной инициативѣ извѣстнымъ намъ комитетомъ 1802 г., въ которомъ участвовали Чарторыжскій и Кочубей, а было введено въ Положеніе 1804 г. подъ чьимъ-то влияніемъ извнѣ. Не лишне здѣсь отмѣтить, что въ докладѣ, при которомъ былъ представленъ государю проектъ Положенія 1804 г., ничего не было сказано о массовомъ изгнаніи.

депутатовъ, которые и должны сообщить о мѣрахъ, могущихъ улучшить положеніе народа.

Этотъ указъ (1807 г.) далъ кагаламъ возможность высказаться не только по поводу выселенія, но и по другимъ вопросамъ еврейской жизни. И кагалы этимъ воспользовались.

Въ тревожное время, когда многотысячной массѣ предстояло изгнаніе съ насиженныхъ мѣстъ, когда всему народу угрожало экономическое бѣдствіе, депутаты направили усилія къ тому, чтобы укрѣпить власть раввиновъ, остановить культурное движеніе. Депутаты, конечно, не упустивъ случая, хлопотали о нѣкоторыхъ нуждахъ еврейскаго населенія, но характерно для общаго направленія дѣятельности кагаловъ, что и въ минуту разгрома они не забыли о собственныхъ интересахъ.

Однако, передъ тѣмъ, какъ рассказать объ этомъ, надо закончить повѣствованіе объ изгнаніи изъ деревень.

Депутаты указали на необходимость отмѣнить эту принудительную мѣру. Но ни ходатайства евреевъ, ни объясненія губернаторовъ и сенатора Алексѣева, ни заключеніе членовъ комитета не могли привести къ коренному рѣшенію вопроса. Высшая власть требовала отвѣта: можно ли выселить евреевъ къ назначенному сроку или же нужно смягчить эту мѣру? Но не ставила вопроса—не слѣдуетъ ли вовсе отмѣнить эту репрессивную мѣру? Факты громко говорили о неисполнительности этой мѣры. Всѣ это сознавали.

Но никто не рѣшился сказать государю, что нужно совершенно отказаться отъ принудительной мѣры. Поэтому послѣдовалъ Высочайшій указъ (1807 г.) о томъ, чтобы была сдѣлана небольшая отсрочка и чтобы переселеніе было произведено частями. Однако, и столь скромную уступку объяснили не фактическимъ положеніемъ вещей, а условіями военнаго времени, ухудшившими благосостояніе еврейскаго населенія, и ходатайствами еврейскихъ обществъ. При этомъ правительство обнадеживало себя, что кагалы доставятъ средства для осуществленія мѣры переселенія!

Въ 1808 г. должна была быть выдворена извѣстная часть евреевъ, жившихъ въ деревняхъ. Но это не было исполнено. Множество семействъ были изгнаны со своихъ мѣстъ; не найдя убѣжища, скитальцы стали переходить съ мѣста на

мѣсто. Наводненіе края бездомными нищими встревожило администрацію, вызвало опасеніе за общественное спокойствіе. Власти стали засыпать министра внутреннихъ дѣлъ донесеніями, указывая на обстоятельства, не только прѣпятствовавшія выселенію, но и дѣлавшія его невозможнымъ.

Тогда новый министръ кн. Куракинъ представилъ государю докладъ, въ которомъ, повторивъ сказанное его предшественникомъ, рѣшился открыть всю правду. Онъ заявилъ, что надо прекратить принудительныя мѣры, такъ какъ для постепеннаго переселенія евреевъ на казенныя земли надобны нѣсколько десятковъ лѣтъ. Рѣшительное слово Куракина привело къ цѣли.—Высочайшимъ (29 декабря 1808 г.) указомъ было повелѣно оставить евреевъ на ихъ мѣстахъ впредь до дальнѣйшаго распоряженія.

Вслѣдъ затѣмъ былъ образованъ подъ предсѣдательствомъ сенатора Попова новый комитетъ ¹⁾ для разсмотрѣнія различныхъ пожеланій, высказанныхъ депутатами по поводу Положенія 1804 г., и всѣхъ обстоятельствъ, прѣпятствовавшихъ выселенію евреевъ, дабы окончательно установить надлежащія мѣры. Но въ чемъ же могли онѣ заключаться, когда по словамъ же указа невозможность переселенія вызывается тѣмъ, что „евреи, по нищетѣ ихъ, не имѣютъ сами способовъ, оставивъ настоящія ихъ жительства, устроиться и обзавестись въ новыхъ состояніяхъ, кои избирать они должны. Правительство равнымъ образомъ не можетъ принять на себя водвореніе всѣхъ ихъ на новыхъ мѣстахъ“. Ясно, что комитетъ имѣлъ предъ собою одинъ выходъ: отмѣнить выселеніе.

И точно. Разобравшись въ матеріалъ, накопленномъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ, являвшемся всестороннимъ отраженіемъ сложной дѣйствительной жизни въ западныхъ губерніяхъ, комитетъ пришелъ къ необходимости повторить то, что до него говорили многіе представители мѣстной власти, помѣщики и сами евреи.

¹⁾ Въ составъ комитета вошли лица, знавшія еврейскую жизнь: сенаторъ Алексѣевъ, просвѣщенный и гуманный Козодавлевъ (писатель), въ качествѣ сенатора близко ознакомившійся съ различными вопросами, касавшимися евреевъ; бывший минскій губернаторъ, извѣстный масонъ Захаръ Кариевъ.

Указавъ на то, что въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ, благодаря отсутствію прочнаго сельскаго хозяйства, винокуреніе и арендное управленіе остались главнѣйшими источниками помѣщичьихъ доходовъ, и что евреи въ силу необходимости должны были заняться продажей водки, комитетъ призналъ, что вообще было бы желательно—будь это фактически возможно,—чтобы евреи обратились къ другимъ занятіямъ, но, во всякомъ случаѣ, замѣна евреевъ христіанами въ роли арендаторовъ и корчмарей никому не принесла бы пользы, ни крестьянамъ, ни помѣщикамъ, ни государству,—крестьяне по прежнему пьянствовали бы, кто бы ни стоялъ въ шинкѣ, а между тѣмъ тысячи крестьянъ были бы оторваны отъ земледѣльческаго труда и превращены въ шинкарей, что уменьшило бы доходы помѣщика и нанесло бы ущербъ государству; къ тому же евреи приносятъ несомнѣнную пользу въ деревняхъ—они занимаются торговлей, доставляютъ крестьянину все необходимое изъ города, возятъ почту.

„Доколѣ у Бѣлорусскихъ и Польскихъ помѣщиковъ будетъ существовать теперешняя система экономіи, основанная на продажѣ вина, заявилъ комитетъ, доколѣ помѣщики не перестанутъ, такъ сказать, покровительствовать пьянству, доколѣ зло сіе, возрастая годъ отъ году, никакими усиліями не истребится, и послѣдствія будутъ все тѣ же, кто бы ни былъ приставленъ къ продажѣ вина, еврей или христіанинъ“.

И, принимая во вниманіе бѣдственное состояніе еврейскаго населенія, еще болѣе разореннаго попытками выселить его изъ деревень, незначительность городовъ и мѣстечекъ, не могущихъ дать пропитаніе пришельцамъ, отсутствіе по близости свободныхъ казенныхъ земель для поселенія евреевъ, недостатокъ средствъ у казны, пользу, приносимую крестьянамъ евреями своей торгово-промышленной дѣятельностью, комитетъ, опасаясь, къ тому же, что дальнѣйшія насильственные мѣры, при тревожныхъ политическихъ условіяхъ, ожесточатъ уже „до крайности стѣсненный“ еврейскій народъ, призналъ нужнымъ, вмѣсто постоянныхъ отсрочекъ, которыя ничего другого не обнаруживаютъ, какъ неосуществимость закона, рѣшительнымъ образомъ пресѣчь замѣшательство, оставивъ евреевъ на мѣстахъ при прежнихъ занятіяхъ.

Докладъ комитета, работавшаго въ теченіе трехъ лѣтъ, не былъ, насколько извѣстно, Высочайше утвержденъ—быть можетъ этому помѣшали надвинувшіяся событія 1812 г.; возможно, впрочемъ, что предложеніе прекратить выселеніе было санкціонировано безъ огласки, дабы избѣгнуть официальнаго признанія, что законъ оказался невыполнимымъ; какъ бы ни было, если докладъ и не былъ утвержденъ государемъ, евреи въ силу указа 1808 г. были оставлены въ деревняхъ до новаго распоряженія. Общая мѣра выселенія болѣе не возобновлялась. Легенда о евреѣ, какъ о виновникѣ крестьянскихъ бѣдъ, была опровергнута.

Посмотримъ теперь, что дѣлали кагалы въ эти смутные годы?

Господствующій классъ былъ озабоченъ преимущественно упроченіемъ своей власти. Ему для этого нужно было съ одной стороны добиться отмѣны закона, запрещавшаго раввинамъ слишкомъ строго наказывать непокорныхъ членовъ общины, а съ другой стороны—задавить мысль о необходимости культурныхъ мѣропріятій, лишить правительственной санкціи идею объ образованіи.

Депутаты еврейскихъ обществъ, какъ официально назывались представители кагала, заявили, что лишеніе раввиновъ права подвергать ослушниковъ мѣрамъ физическаго и нравственнаго воздѣйствія противно тому духовному уваженію, которое евреи, по своему закону, обязаны имѣть къ раввинамъ; лишеніе раввиновъ власти, религіей данной имъ, ослабивъ узы совѣсти, можетъ въ скоромъ времени довести евреевъ—говорили депутаты—до „крайняго разврата“, а потому и просили сохранить за раввинами, на основаніи древнихъ постановленій, полную власть судить „преступниковъ духовныхъ законовъ“ и подвергать ихъ карѣ по „духовнымъ законамъ“.

Такъ какъ правительство не прибѣгло къ принудительнымъ мѣрамъ, то вопросъ о поступленіи дѣтей въ общую школу долженъ былъ разрѣшаться каждой семьей въ отдѣльности. Но стремленіе депутатовъ было направлено къ тому, чтобы еврейскія дѣти не обучались не только въ казенныхъ школахъ, но и вообще у учителей-христіанъ и даже у нѣмецкихъ евреевъ. Депутаты не опасались обращенія дѣтей въ хри-

стіанство—для этого въ то время не было никакого основанія. Ихъ тревожило, что наука поколеблетъ въ дѣтяхъ рвеніе въ исполненіи требованій религіозно-обрядовой традиціи. Виленскіе депутаты, не рѣшавшіеся открыто высказаться противъ общей школы (мѣстныя власти хорошо относились къ евреямъ, защищали ихъ отъ выпадовъ польскаго общества), поставили невыполнимое требованіе, чтобы въ каждомъ классѣ находился при еврейскихъ дѣтяхъ „нарочито избранный для сего еврейскій смотритель“, который находился бы неотлучно при нихъ до возвращенія домой, дабы „молодые евреи ничего такого не дѣлали, что могло бы быть укорительно религіи и ея обрядамъ“; въ случаѣ „преступленій“ со стороны дѣтей онъ долженъ былъ увѣдомить объ этомъ кого слѣдуетъ, „для исправленія оныхъ“.

Разъ не было желанія обучать дѣтей въ казенныхъ школахъ, вставалъ вопросъ объ еврейскихъ училищахъ. И тутъ-то кагалы воспользовались бѣдственнымъ положеніемъ народа. Если одни кагалы рѣшительно заявили, что у нихъ нѣтъ на это средствъ, а другіе выразили платоническую надежду, что средства найдутся лишь чрезъ лѣтъ десять, то третьи возложили заботу о финансахъ на правительство, отлично зная, что съ этой стороны нельзя ожидать никакой помощи.

Попытка кагаловъ убѣдить правительство, что евреи не могутъ обучаться въ общихъ училищахъ, развѣ подъ прищотромъ надежныхъ евреевъ, указываетъ, какъ кажется, на то, что были случаи, когда родители хотѣли отдать своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія. И именно съ такой возможностью кагалы боролись.

Въ ту пору, да и ранѣе, въ Россіи встрѣчались заграничные евреи, получившіе общее образованіе, преимущественно врачи, изъ коихъ нѣкоторые находились на государственной службѣ; они не могли не импонировать своимъ отсталымъ единовѣрцамъ, не возбудить въ нихъ интереса къ просвѣщенію. Помимо того, въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ самостоятельно зарождались ячейки просвѣтительнаго движенія—сношенія съ зарубежными являлись и съ окружающимъ обществомъ прокладывали постепенно тропинки, по которымъ незамѣтно шло культурное вліяніе, несмотря на то, что кагалъ охранялъ замкнутую еврейскую жизнь.

Однако, отдѣльныя лица, критически относившіяся къ внутреннему быту, не смѣли возвысить голосъ протеста; ихъ заставляли молчать. Даже рабби Менаше Иліеръ (1767—1831 г.г.), выдающійся талмудистъ, славившійся въ раввинскомъ мірѣ, оказался въ этомъ отношеніи безсильнымъ предъ общественнымъ мнѣніемъ. Въ 1807 г., т.-е. тогда, когда еврейскимъ обществамъ было предоставлено высказаться по поводу реформы 1804 г., р. Менаше разослалъ раввинамъ и общественнымъ дѣтелямъ свою книгу (Pescher Dabar), въ которой упрекалъ представителей раввинизма въ томъ, что они не заботятся о нуждахъ народа; вмѣсто того, чтобы просвѣтить его, держатъ въ тискахъ обрядовыхъ стѣсненій; р. Менаше говорилъ, что знаніе не разрушаетъ религіи; онъ также пытался примирить хасидовъ и ихъ противниковъ.

Книга р. Менаше навлекла на себя гнѣвъ раввината; ее стали уничтожать; лишь изъ уваженія къ учености р. Менаше его не подвергли херему, а книгу не передали публичному сожженію. Нѣсколько ранѣе р. Менаше хотѣлъ открыто высказаться по поводу другихъ изъясненій еврейской жизни—о раннихъ бракахъ, разрушающихъ экономическое благосостояніе народа; объ арміи бездѣльниковъ, которые подъ видомъ „ученыхъ“ живутъ на счетъ общества; о необходимости заняться земледѣліемъ, такъ какъ мелкая торговля недостаточна для пропитанія многочисленнаго населенія,—но произведеніе р. Менаше не было выпущено.

Не имѣя возможности открыто выступать противъ отрицательныхъ сторонъ внутренняго быта, люди, проникнутые желаніемъ обновить общественную жизнь, вынуждались дѣйствовать тайно, и здѣсь беретъ начало укоренившаяся вскорѣ привычка обращаться къ правительству съ анонимными жалобами и доносами.

Записка неизвѣстнаго автора: „Нѣкоторыя замѣчанія касательно благоустройства евреевъ“, дошедшая до государя, а затѣмъ переданная на разсмотрѣніе въ комитетъ Попова, показываетъ намъ, противъ какихъ сторонъ еврейскаго быта были направлены нареканія болѣе образованныхъ евреевъ.

Главное зло, по ихъ мнѣнію, причиняли ранніе браки—дѣти тринадцати лѣтъ и даже моложе вступали въ супружество; тѣхъ, кто долѣе оставался въ безбрачій, презирали.

Молодая чета первые годы проводила въ домѣ родителей; мужъ продолжалъ заниматься исключительно изученіемъ Талмуда, и когда, имѣя уже дѣтей, онъ покидалъ домъ родителей, онъ оказывался совершенно неприспособленнымъ къ труду; приходилось наскоро выбирать профессію—пойти въ шинокъ продавать водку, заняться мелкой торговлей, стать народнымъ учителемъ. Обучавшіеся ремеслу, вступивъ въ бракъ, тотчасъ дѣлались самостоятельными мастерами, не успѣвъ изучить дѣла. Стремленіе породниться съ раввинами и вообще учеными талмудистами принуждало однихъ отцовъ, даже бѣдныхъ, снабжать своихъ дѣтей непомернымъ приданымъ, лишь бы благодаря такому браку поднять свое общественное положеніе; другіе же заботились, чтобы сыновья получили хорошія талмудическія познанія, дабы могли войти въ богатый домъ. Опасеніе уронить себя въ глазахъ общества заставляло евреевъ строжайшимъ образомъ исполнять всѣ предписанія раввиновъ, и это господство раввина въ частной и общественной жизни являлось причиной того, что народъ оставался при вѣковыхъ предразсудкахъ, отчужденнымъ отъ окружающаго общества: „неограниченная власть раввиновъ распространилась—свидѣтельствовали анонимный авторъ—не только на всѣ дѣла духовныя, какъ то: на браки, разводы, на употребленіе яствъ и на погребеніе мертвыхъ, но даже и на всѣ дѣла свѣтскія... Всѣ власти: духовная, законодательная и полицейская вошли въ руки однихъ раввиновъ, отъ коихъ честь и довѣріе частныхъ евреевъ во всемъ стали зависѣть, почему ученіе Талмуда и строгое наблюденіе обрядовъ, какъ единственные способы отличиться между евреями и пріобрѣсть надежное благосостояніе, учинились главнѣйшею мечтою ихъ стремленій“; раввины, чтобы придать себѣ большее значеніе и чтобы вести народъ въ желаемомъ ими направленіи, не переставали осложнять религіозные обряды и принимать мѣры, чтобы таковыя соблюдались во всей строгости. Русское правительство—говоритъ анонимный авторъ—ограничило власть кагала и раввиновъ, но при всемъ томъ „духъ въ народѣ остался прежній, и власть предразсудковъ не перестаетъ и понынѣ владычествовать надъ умами и дѣяніями евреевъ, будучи поддерживаема съ одной стороны житейскими потребностями, а съ другой—силою на-

выка и страхомъ лишиться всѣхъ выгодъ и чести... Сія власть, яко тайная сила, проникающая во всѣ домашнія и общественныя дѣла, сокрытая отъ правительства, достойна уничтоженія, и гѣмъ менѣе терпима быть должна при неприемлемыхъ правительствомъ къ преобразованію евреевъ мѣрахъ, которыя не могутъ быть успѣшны тогда, когда сокрытая сила противоборствуетъ онимъ“.

Подобная критика внутренняго быта евреевъ не производила, однако, впечатлѣнія на правительство, — желая, чтобы евреи приобщились къ общему образованію, правительство все же боялось поколебать авторитетъ власти, которой они были подчинены. Просвѣщенные члены комитета Попова сочувствовали культурной реформѣ, — они отвергли домогательства депутатовъ, направленные противъ общей школы; но вмѣстѣ съ гѣмъ ихъ испугала угроза депутатовъ, что евреи, выйдя изъ повиновенія раввинамъ, впадутъ въ „развратъ“; вѣдь малѣйшее неосторожное прикосновеніе къ обрядамъ религіи — такъ говорили члены комитета — потрясаетъ основанія нравственности, на которыхъ зиждется вѣрность государю и повиновеніе правительству; всякое дѣйствіе еврея подчинено какому-либо законному обряду религіи, упущеніе котораго почитается грѣхомъ; слѣдовательно, раввинамъ надо предоставить всѣ средства (за исключеніемъ херема), могущія обуздать народъ.

Эта тирада свидѣтельствуетъ, что администраторы находились въ заблужденіи — они не знали, кого кагалъ считалъ „преступниками духовнаго закона“, не предполагали, что въ число достойныхъ кары войдетъ преимущественно тотъ, кто устремится къ общему образованію. И вотъ почему они, не прислушавшись къ голосу анонимнаго автора, не только не рѣшились умалить господство раввина надъ народомъ, но замыслили даже поднять престижъ раввина въ глазахъ еврейскаго общества. Это предположеніе не получило силы закона, потому что докладъ комитета, какъ выше указано, не былъ санкціонированъ. Но надо думать, что кагалы, освѣдомленные о согласіи комитета утвердить за раввинами прежнюю власть, сумѣли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы лишній разъ напомнить недовольнымъ элементамъ о своей силѣ.

Кагално-раввинскій союзъ сохранилъ въ это время за собою прежнее значеніе, а еврейская жизнь осталась въ прежнихъ условіяхъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Отечественная война 1812 г. — Депутаты еврейскаго народа“ при Главной Квартирѣ государя. — Высочайшая благодарность кагаламъ и вызовъ депутатовъ въ Петербургъ. — Ходатайство кагаловъ. — Тревожное время. — Дѣятельность депутата Диллона. — Аудіенція, данная государемъ депутатамъ Зонненбергу и Диллону. — Милостивыя обѣщанія. — Мистическое настроеніе государя. — Кн. Голицынъ. — Миссіонеръ Вей, защитникъ гражданскихъ правъ евреевъ. — Александръ I и Вей на Аахенскомъ конгрессѣ. — Высочайшій указъ, запретившій обвинять евреевъ въ преступленіяхъ съ ритуальной цѣлью (1817 г.). — Общество израильскихъ христіанъ. — Прощеніе евреямъ за „утайку душъ“. — Избраніе новой депутации (1818 г.). — Упраздненіе института депутатовъ (1825 г.). — Противоборство правительства и кагаловъ. — Непріязнь къ евреямъ. — Попытка лишить ихъ права быть свидѣтелями въ судахъ. — Обвиненіе въ склоненіи христіанъ въ иудейство. — Огражденіе низшихъ слоевъ христіанскаго населенія отъ общенія съ евреями. — Возрожденіе кроваваго мѣа (Велижское дѣло). — Торжество религіознаго предубѣжденія. — Гетто въ Вильнѣ. — Стремленіе нарушить гражданскія права евреевъ. — Игнорированіе ихъ естественныхъ правъ. — Учрежденіе комитета о евреяхъ. — Возвратъ къ прошлому.

Отечественная война принесла еврейскому населенію много бѣдствій, — матеріальныя потери и нравственныя страданія; пришлось терпѣть даже отъ плѣнниковъ, которые, видя, что евреи находятся въ положеніи пасынковъ страны, издѣвались надъ ними, оскорбляли ихъ религіозныя чувства. Русскіе офицеры и непріятельскіе заставляли евреевъ быть лазутчиками, и многіе пали жертвами полевыхъ судовъ. Однако, евреи часто добровольно доносили русскимъ начальникамъ о движеніяхъ французскихъ войскъ. Престарѣлый глава бѣлорусскихъ хасидовъ Шнеуръ Залманъ призывалъ своихъ приверженцевъ всячески вредить врагу и помогать русскимъ. Извѣстенъ трагическій случай, когда трое евреевъ изъ г. Борисова, преднамѣренно введенные въ заблужденіе маршаломъ Удино о мѣстѣ переправы французскихъ войскъ, поспѣшили увѣдомить объ этомъ адмирала Чичагова, надѣявшагося захватить Наполеона при его отступленіи; Чичаговъ имѣлъ основаніе вѣрить, что донесеніе борисовскихъ евреевъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности; когда же оказалось, что

Удино съ военной хитростью распространилъ ложный слухъ о намѣреніяхъ французской арміи, и Чичаговъ, обманутой Наполеономъ, далъ послѣдному возможность уйти, злоба адмирала обрушилась на несчастныхъ борисовскихъ евреевъ и ихъ казнили, какъ измѣнниковъ. Были и болѣе счастливые соглядатаи. Бѣлостокскій купецъ Гиршъ Гальперинъ (Альперинъ) оказался столь полезнымъ правительству, что удостоился различныхъ наградъ, представленія государю и даже пожизненной пенсіи. Преданность евреевъ русскому народу была засвидѣтельствована официальнымъ органомъ печати. Извѣстный партизанъ Давыдовъ столь довѣрчиво относился къ еврейскому населенію, что, вступивъ въ Гродно, передалъ кагалу полную власть въ городѣ. Евреи въ ту пору не отбывали натуральной рекрутской повинности, однако, все же сохранилось извѣстіе о подвигѣ улана, который не могъ украсить себя пожалованнымъ ему георгіевскимъ крестомъ, потому что былъ евреемъ. Быть-можетъ, встрѣчались и другіе такіе волонтеры. Правительство пользовалось евреями и какъ поставщиками.

Евреи щедро жертвовали на нужды арміи и на помощь раненымъ воинамъ.

Въ 1812—13 гг. при Главной Квартирѣ имп. Александра I состояли два еврея, Зундель Зонненбергъ (онъ же Гродненскій) и Лейзеръ Диллонъ (Несвижскій), сопровождавшіе ее и за предѣлами Россіи, посѣтившіе вмѣстѣ съ нею Берлинъ и Парижъ. Они исполняли различныя порученія, касавшіяся нуждъ арміи. Но помимо того они несли на себѣ заботу о еврейскомъ населеніи¹⁾; высшіе администраторы принимали ихъ представленія, а кагалы—ихъ указанія.

Зонненбергъ и Диллонъ назывались „находящимися при Главной Квартирѣ депутатами отъ еврейскаго народа“, но фактически они были представителями кагаловъ. Диллонъ порою такъ и подписывался на официальныхъ бумагахъ: „депутатъ отъ еврейскихъ кагаловъ“.

Неизвѣстно, въ чемъ заключались услуги, оказанныя депутатами, вѣрнѣе кагалами,—во всякомъ случаѣ, правитель-

¹⁾ Между прочимъ, они хлопотали и объ улучшеніи положенія евреевъ въ Царствѣ Польскомъ. См. главу девятую.

ство осталось довольнымъ ихъ дѣятельностью. Въ 1814 г. „депутатія еврейскаго кагала“ представилась государю въ Главной Квартирѣ; государь обѣщалъ депутатамъ облегчить участь еврейскаго народа и наградилъ ихъ медалями; официальный документъ гласитъ, что 29 іюня 1814 г., находясь въ Брухзалѣ, „Его Величество соизволилъ выразить еврейскимъ кагаламъ свое милостивѣйшее расположеніе и повелѣть, чтобы та же депутатія или подобная отправилась въ С.-Петербургъ, дабы тамъ, во имя проживающихъ въ имперіи евреевъ, выждать и получить выраженіе Высочайшей воли и опредѣленіе относительно ихъ всеподданнѣйшихъ желаній а просьбъ касательно современнаго улучшенія ихъ положенія“.

Мы видѣли выше, что докладъ комитета Попова не былъ Высочайше утвержденъ и потому его постановленія не получили силы закона. Между тѣмъ нѣкоторые изъ нихъ должны были имѣть значеніе для населенія: комитетъ высказался за то, чтобы евреи не находились въ зависимости отъ помѣщиковъ, чтобы проживая въ деревняхъ они могли по прежнему заниматься винными промыслами и арендами и др. ¹⁾ Кромѣ того, среди постановленій было одно, весьма важное для кагаловъ—комитетъ выразилъ готовность возстановить власть раввиновъ.

И вотъ, депутатъ отъ кагаловъ, Зонненбергъ, находясь при Главной Квартирѣ, представилъ (1813 г.) государю записку, въ которой ходатайствовалъ о слѣдующемъ: разрѣшить евреямъ по всей Россіи торговать, брать откупа и курить вино; запретить помѣщикамъ обременять евреевъ сборами; простить еврейскому населенію недоимки и облегчить податное бремя; дозволить евреямъ засѣдать въ городскихъ учрежденіяхъ въ равномъ числѣ съ христіанами; уравнить кагалы въ подчиненности губернскому начальству съ магистратами и, наконецъ, возвратитъ „духовному начальству“, т.-е. раввинамъ и кагалу, право наказывать за нарушеніе Закона.

Зонненбергъ и Диллонъ увѣдомили губернскіе кагалы о Высочайшемъ соизволеніи на прибытіе депутатіи. Въ 1815 г. въ Бѣлороссіи и Литвѣ состоялись собранія уполномоченныхъ мѣстныхъ кагаловъ, а въ маѣ 1816 г. представители

¹⁾ Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ евреевъ старались лишить права на эти занятія, не возобновляя, впрочемъ, попытки принудительнаго выселенія.

главныхъ литовскихъ и бѣлорусскихъ обществъ съѣхались въ Минскѣ. Съѣздъ считалъ своей задачей „ускорить поѣздку въ Царскій городъ Петербургъ депутатовъ, необходимыхъ для непосредственнаго выслушанія властнаго царскаго слова, обращеннаго къ своимъ вѣрнымъ слугамъ, народу израильтянъ, и чтобы создать средства для поддержки стонущихъ и вздыхающихъ бѣдняковъ“. Для этой цѣли, кромѣ сбора за сожиганіе свѣчей (религіозный обычай по пятницамъ вечеромъ), были установлены различные налоги.

Съѣздъ выпустилъ по этому поводу воззваніе, но оно не произвело впечатлѣнія на общество; деньги, потребованныя съѣздомъ, не были взысканы и, повидимому, въ связи съ этимъ, выборы депутатовъ не состоялись,—Диллону и Зонненбергу пришлось продолжать нести свои депутатскія обязанности.

Въ это время надъ еврейской жизнью собрались грозныя тучи.

Правительство старалось узнать точную численность еврейскаго населенія, чтобы взыскивать съ кагаловъ соотвѣтствующую податную сумму. Кагалы же, чтобы облегчить свое тяжелое финансовое положеніе, скрывали дѣйствительное число „душъ“: было много калѣкъ и нищихъ, и безъ того лжившихся на общину тяжелымъ бременемъ, за которыхъ приходилось сверхъ того уплачивать подать; къ тому же на кагалахъ уже за прежніе годы накопились громадныя недоимки. Подобная „утайка душъ“ широко практиковалась русскимъ населеніемъ по всей странѣ и за „прописныя души“ налагались денежные кары.

Прибывъ въ Петербургъ, Диллонъ узналъ отъ одного освѣдомленнаго лица, расположеннаго къ евреямъ, о такихъ ужасахъ, угрожавшихъ еврейскому населенію, о которыхъ онъ не рѣшился даже сообщить въ письмѣ на имя минскаго кагала. Рѣчь шла о принятіи исключительныхъ мѣръ противъ утайки душъ, и собесѣдникъ посоветовалъ Диллону рассказать всю правду государю, чтобы такимъ добровольнымъ признаніемъ освободить еврейское общество отъ громадныхъ штрафовъ.

Въ это же время изготавлялся указъ и о томъ, чтобы земли, находившіяся на арендѣ у евреевъ, были возвращены

помѣщикамъ, независимо отъ того, уплатятъ ли помѣщики евреямъ доли по арендамъ, и Диллонъ сталъ хлопотать объ отмѣнѣ этой мѣры, долженствовавшей разорить евреевъ. Наконецъ, Диллону пришлось заступиться за петербургскихъ евреевъ; генераль-губернаторъ Вязмитиновъ, ссылаясь на законъ, потребовалъ, чтобы всѣ водворившіеся въ столицѣ евреи были немедленно удалены, но Диллону удалось добиться отсрочки—онъ представилъ Вязмитинову указъ императора 1814 г., обѣщавшій улучшение положенія евреевъ, и сказалъ ему: „Господинъ мой! я удостоился слышать изъ святыхъ устъ Государя Императора нашего, да возвеличится Его слава, что Онъ намѣренъ устроить помощь и поддержку евреямъ, а Вы приказали выселить ихъ безъ всякой съ ихъ стороны вины“.

Видя, какъ съ разныхъ сторонъ еврейскому народу начинаютъ угрожать несчастья, Диллонъ рѣшилъ обратиться за помощью непосредственно къ государю. Князь П. М. Волконскій, который, состоя во время кампаніи 1813—14 гг. начальникомъ главнаго штаба при особѣ государя, пользовался услугами еврейскихъ депутатовъ по хозяйственному дѣламъ арміи и снабдилъ ихъ похвальными листами, согласился оказать Диллону содѣйствіе: онъ передалъ государю записку Диллона, въ которой испрашивалась аудіенція, и государь отвѣтилъ: „я его позову“. Это было въ концѣ декабря 1816 г. Диллонъ сталъ ждать. Ему было трудно дѣйствовать одному; онъ умолялъ общины прислать кого-нибудь въ помощь, но отклика не было, и онъ прибѣгъ къ угрозѣ, что откажется отъ исполненія своихъ обязанностей. Тогда пріѣхалъ Зонненбергъ.

Въ январѣ 1817 г. депутаты были приняты государемъ въ продолжительной аудіенціи.

„Въ началѣ прошлаго вечера — такъ писали депутаты минскому кагалу — въ 25 минутъ 7-го, мы удостоились быть введенными во внутреннія палаты дворца Его Величества... Тамъ, въ этомъ страшномъ мѣстѣ, мы молили за себя и просили за народъ нашъ до 40 минутъ 8-го, излагая подробно и пространно всѣ нужды нашего народа. Мы говорили и о торговлѣ, и о промыслахъ, а также о ложныхъ обвиненіяхъ, возводимыхъ противъ насъ, которыми враги желаютъ опорочить насъ и представить насъ обществу въ

самомъ недостойномъ видѣ. Чтобы все вамъ изложить, не хватить бумаги. Если бы даже уста наши были исполнены пѣнія, подобно морю, мы не были бы въ состояніи подробно изложить окончательную милость и милосердіе Государя Императора нашего, да возвеличится Его слава. Онъ держивается правилъ Пресвятого, благословенъ Онъ, ибо и Онъ желаетъ быть милостивымъ, Онъ снова сжалится надъ бѣдными заброшенными овцами... кромѣ Особы Императора, некому изъ людей сжалиться надъ общей массою израильтянъ“.

Государь обѣщаль депутатамъ: послать чиновника разслѣдовать обвиненія, возведенныя на евреевъ Межирѣчья, Люблина и другихъ общинъ; приостановить указъ сената по поводу утайки душъ, угрожавшій народу невообразимымъ бѣдствіемъ; поручить всѣ еврейскія дѣла сановнику, кн. Н. А. Голицыну (личному другу государя), который будетъ имѣть непосредственныя сношенія съ государемъ; при этомъ государь, обѣщавъ предупредить кн. Голицына ласково обходиться съ депутатами, приказалъ Зонненбергу и Диллону явиться къ кн. Голицыну и сказать ему: „мы—тѣ евреи, о которыхъ съ вами говорилъ императоръ“.

„Но вотъ горе намъ — писали далѣе депутаты минскому кагалу—горько было услышать изъ святыхъ устъ Государя Императора... очень неприятныя для насъ вещи, что братья наши израильтяне сбросили съ себя иго царства небеснаго, и много іудеевъ совершали противозаконныя дѣла, не исполняютъ постановленій Господа и Его заповѣдей, какъ предписываетъ намъ наша священная Тора и совершаютъ еще дурныя и недопустимыя дѣла, какъ, напр., утайка количества душъ и т. п. Его Величество предупредилъ насъ, что Онъ немедленно пошлетъ Своего чиновника во всѣ области и губерніи съ приказомъ отъ Его Величества, чтобы мужчины и женщины обязательно соблюдали законъ своей вѣры, какъ имъ предписывается въ ихъ Торѣ, чтобы возлагали надежды свои на Бога, а не на добрыхъ людей, и чтобы усерднѣе молились Создателю, ибо желаніе государя таково, чтобы каждый народъ соблюдалъ свое вѣроученіе, какъ ему предписывается, и сами собою исчезнуть преступники и поступающіе противъ законовъ (страны)“.

Въ бесѣдѣ съ депутатами государь коснулся, очевидно, жалобъ на то, что многіе евреи торгуютъ контрабанднымъ товаромъ, и депутаты съ воплемъ умоляли кагалъ заставить евреевъ, путемъ херема, прекратить эту преступную дѣятельность; пусть каждый правдиво скажетъ, есть ли у него контрабандный товаръ, и депутаты обѣщали просить государя простить на этотъ разъ виновныхъ въ торговлѣ запрещеннымъ товаромъ.

Въ заключеніе депутаты сообщили минскому кагалу, что пребываніе въ столицѣ обходится дорого; государь приказалъ имъ оставаться въ Петербургѣ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, пока еврейскимъ дѣламъ не будетъ данъ надлежащій ходъ, но потомъ они испросятъ разрѣшенія ѣхать домой и замѣстить себя новыми депутатами—государь потребовалъ, чтобы въ его распоряженіи въ Петербургѣ всегда находились два депутата.

Обѣщанія государя не заставили себя ждать. 18 января 1817 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ, чтобы дѣла, касающіяся еврейскихъ обществъ, сосредоточенныя въ сенатѣ, направлялись „для положенія по онымъ мнѣнію“ къ кн. Голицыну; состоя главноуправляющимъ духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, кн. Голицынъ одновременно занималъ постъ министра народнаго просвѣщенія, и такимъ образомъ его голосъ подучилъ значеніе въ вопросахъ, какъ духовной, такъ и гражданской жизни евреевъ (до 1824 г.).

Кн. Голицынъ, можно думать, серьезно отнесся къ задачѣ, возложенной на депутатовъ; онъ усилилъ ихъ официальное значеніе, установивъ, чтобы избираемые еврейскими обществами, они впредь, подлежали Высочайшему утвержденію; депутаты были включены въ число лицъ и учреждений, съ которыми должно было сноситься объединенное министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Повидимому, ожидали, что институтъ депутатовъ долго будетъ существовать. Государя и Голицына связывала не только старая дружба, но и мистическое настроеніе, охватившее ихъ обоихъ. Туманное представленіе о народномъ благѣ, покоящемся на благочестіи царя и его подданныхъ, во всемъ поступающихъ по завѣтамъ Св. Евангелія, внушало идею о необходимости не стѣснять подданныхъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, не

подавлять религиознаго чувства у иновѣрца; благочестіе— основа истиннаго просвѣщенія. Учрежденное въ Петербургѣ въ 1813 г. Библейское общество, руководимое Голицынымъ и покровительствуемое государемъ, представлявшее собою въ извѣстной мѣрѣ правительственное учреждение, преслѣдовало мистическія цѣли, распространяя изданія Библии на разныхъ языкахъ.

Въ этихъ условіяхъ могли сплестись, въ своеобразномъ сочетаніи, благожелательное отношеніе къ бѣдственному положенію древняго народа Вѣтхаго Завѣта, извѣстное уваженіе къ его религіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ желаніе приобщить этотъ народъ мирными путями къ Новому Завѣту.

Можно съ увѣренностью сказать, что такое отношеніе Александра I и кн. Голицына къ еврейскому народу, возникшее на почвѣ религиозныхъ мечтаній, было если и не внушено, то поддержано извѣстнымъ Льюисомъ Веємъ, виднымъ членомъ лондонскаго миссіонерскаго общества. Склоняя евреевъ горячимъ искреннимъ словомъ къ принятію христіанской вѣры, Вей былъ противникомъ принудительнаго обращенія евреевъ въ христіанство; болѣе того, онъ настаивалъ на необходимости предоставить имъ гражданскія права. Вѣря, что по возвращеніи на древнюю родину, евреи послѣдуютъ ученію Христа, онъ считалъ своимъ долгомъ заботиться о возрожденіи униженнаго народа.

Въ 1817 г. Вей пріѣхалъ въ Россію, чтобы ознакомиться съ положеніемъ евреевъ. Онъ имѣлъ бесѣду съ Александромъ I и, вѣроятно, тогда же ознакомилъ его съ тѣми своими взглядами по вопросу о еврейскомъ народѣ, которые онъ нѣсколько позже изложилъ въ нижеприводимомъ официальномъ документѣ.

Воспользовавшись происходившимъ въ 1818 г. (30 сент.— 21 ноября) въ Аахенѣ конгрессомъ правителей и уполномоченныхъ державъ, Вей составилъ для имп. Александра I, испросивъ предварительно на то его согласіе, записку о еврейской реформѣ— „Memoire sur l'état des juifs, adressé à S. M. l'Empereur de toutes les Russies“, которую и передалъ ему въ Аахенѣ. Въ этой запискѣ Вей, между прочимъ, отмѣтилъ, что совершенно безплодно приглашать евреевъ стать христіанами, если не обращаться съ ними, какъ съ людьми

и братьями, приобщая ихъ къ общей жизни и распространяя на нихъ ея блага. Вслѣдъ затѣмъ Вей написалъ дополнительную записку (въ составленіи ея участвовалъ русскій дипломатъ А. С. Стурдза)— „Mémoire pour servir de suite et de développement aux principes, énoncés dans l'écrit, adressé (т.-е. въ упомянутой выше запискѣ) à S. M. l'Empereur de toutes les Russies, concernant l'état actuel des israélites, et l'amélioration de leur sort“, каковая записка была тогда же прочитана государемъ.

Кромѣ того Вей вручилъ коронованнымъ членамъ конгресса меморандумъ: „A Leurs Majestés Imperiales et Royales, réunies au Congres d'Aix-la Chapelle ce memoire sur l'état des israélites est dédié avec le respect le plus profond et le dévouement le plus parfait, par un ministre du Saint-Evangile; le 3 novembre MDCCCXVIII“, тождественный, очевидно, съ записками, переданными Александру I.

Проникнутый убѣжденіемъ, что евреи представляютъ собою царственную націю, что въ еврейскомъ народѣ таится ключъ къ пониманію всемірной исторіи, Вей говорилъ, что всѣ народы земли, получившіе спасеніе черезъ евреевъ, должны оказывать имъ величайшія почести и благодѣянія. Свою проповѣдь онъ обосновывалъ изреченіями Св. Писанія и нѣкоторыми мѣстами изъ Апокалипсиса. Равенство предъ закономъ, одинаковыя права и обязанности— вотъ отъ чего нельзя отказаться при стремленіи къ сліянію еврейской народности съ другими націями. Расширеніе правъ евреевъ Вей предполагалъ на слѣдующихъ основаніяхъ: одинаковыя права съ остальнымъ населеніемъ, если пороки евреевъ или мѣстныхъ обстоятельства не побудятъ ввести ограниченія; эмансипація можетъ совершаться постепенно, но слѣдуетъ установить заранее сроки; отмѣна всякихъ пошлинъ за право жительства въ извѣстныхъ мѣстностяхъ или улицахъ; допущеніе къ общественнымъ должностямъ тѣхъ, кто воспитывался въ школахъ и университетахъ съ не-евреями; обложеніе одинаковыми налогами; обязательное отбываніе воинской повинности натуру; надѣленіе евреевъ для хлѣбопашества землей; доступъ во всѣ учебныя заведенія; учрежденіе первоначальныхъ школъ для евреевъ на средства ихъ самихъ, а также не-евреевъ; разрѣшеніе содержать школы для религиознаго образованія;

слѣдуетъ изслѣдовать нѣкоторые пункты еврейскаго ученія, направленные древними раввинами противъ общенія съ христианами; пользуясь гражданскими правами, евреи должны отказаться отъ тѣхъ постановленій, которыя не значатся въ Моисеевомъ кодексѣ; запрещаются ранніе браки.

Александръ I выразилъ желаніе, чтобы дипломаты, прибывшіе на конгрессъ, обсудили эту записку. Представители державъ составили протоколъ, въ которомъ пояснили, что, хотя они не вполне раздѣляютъ всѣ историческія положенія Вея, они все же отдають справедливость его направленію и величію его цѣли; но практическихъ результатовъ представленія Вея не дали.

Бесѣды Александра I, съ одной стороны, съ еврейскими депутатами, а съ другой—съ Веемъ, привели къ тому, что въ теченіе нѣкотораго времени отношеніе правительства къ евреямъ опредѣлялось какъ бы одной только волей государя.

Государь сказалъ депутатамъ,—если они вѣрно передали его мысль—что онъ хочетъ, чрезъ посредство спеціальнаго посланца, внушить евреямъ обязанность слѣдовать предписаніямъ своего вѣроученія. Этого намѣренія государь, надо думать, не осуществилъ. Но все же въ ближайшее время послѣдовали три акта, въ которыхъ нашли свое отраженіе различныя движенія религиозной мысли, владѣвшей государемъ и Голицынымъ: первый по времени актъ имѣлъ цѣлью охранить еврейское вѣроученіе отъ клеветы; второй—использовать евреевъ для осуществленія какой-то возвышенной религиозной утопіи, третій—облегчить матеріальное положеніе еврейскаго народа.

Легенда объ употребленіи евреями христіанской крови для ритуальныхъ цѣлей имѣла въ Россіи уже свою небольшую исторію, начавшуюся съ упомянутаго выше Сѣненскаго дѣла ¹⁾.

Въ 1799 г. въ Сѣненскомъ уѣздѣ вблизи корчмы, принадлежавшей еврею, былъ замѣченъ трупъ женщины. Это случилось незадолго до еврейской пасхи, и слѣдственная власть, „имѣя основаніемъ слухъ, что евреямъ нужна христіанская кровь“, заподозрила нѣсколькихъ евреевъ въ совер-

шенія преступленія. Уликъ не было. Рѣшили поэтому удостовѣриться, „нѣтъ ли по народному слуху, засвидѣствованному подъ присягою многими людьми, въ законахъ еврейскихъ положенія, что евреямъ христіанская кровь нужна“. На помощь явился крещеный еврей, исказившій въ соотвѣтствующемъ духѣ выписки изъ одной распространенной еврейской книги. Однако, Сѣненское дѣло закончилось благополучно. Но съ этого времени молва о томъ, будто евреямъ нужна кровь, начинаетъ распространяться въ краѣ и разгоряченная фантазія готова любое преступленіе приписать евреямъ. Въ 1805 и 1811 гг. въ Бѣлороссіи чуть было не возникли подобныя же процессы, но отсутствіе малѣйшихъ уликъ противъ евреевъ заставило предать дѣло волѣ Божьей. Въ 1816 г. въ Гроднѣ былъ умерщвленъ ребенокъ, убійцы остались неотысканными, и миѣвъ вновь былъ оживленъ. Жителей оповѣстили по церквамъ и синагогамъ о случившемся, дабы всякій, знающій что-либо о смерти ребенка и вообще объ употребленіи евреями христіанской крови оказалъ содѣйствіе слѣдственной власти. Одновременно начался секретный розыскъ, дѣйствительно ли нужна евреямъ кровь, и опять темный ренегатъ унтеръ-офицеръ Савицкій, совершенно невѣжественный въ еврейской грамотѣ, сталъ увѣрять, будто кровью христіанъ евреи обмазываютъ притолки. Въ это дѣло, надо думать, вмѣшались депутаты, и вскорѣ послѣдовало (февраль 1817 г.) Высочайшее повелѣніе, чтобы секретные розыски впредь не производились.

А затѣмъ—17 марта 1817 г.—кн. Голицынъ сообщилъ губернаторамъ „монаршую волю, чтобы впредь евреи не были обвиняемы въ умерщвленіи христіанскихъ дѣтей безъ всякихъ уликъ, по единому предразсудку, что якобы они имѣютъ нужду въ христіанской крови, но если бы гдѣ случилось смертоубійство и подозрѣніе падало на евреевъ, безъ предубѣжденія, однакожь, что они сдѣлали сіе для полученія христіанской крови, то было бы производимо слѣдствіе на законномъ основаніи по доказательствамъ, къ самому происшествію относящимся, наравнѣ съ людьми прочихъ исповѣданій, которые уличались бы въ преступленіи смертоубійства“.

Недѣлю же спустя послѣ официальнаго выступленія пра-

¹⁾ См. стр. 92—93.

вительства противъ навѣта, послѣдовалъ именной указъ, опубликованный на русскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, объ учрежденіи „Общества израильскихъ христіанъ“, долженствовавшего осуществить религіозныя мечты государя.

Согласно официальной мотивировкѣ, Общество израильскихъ христіанъ учреждалось съ той цѣлью, чтобы облегчить положеніе новообращенныхъ, которые, уходя отъ еврейской вѣры, подвергаются гоненіямъ со стороны прежнихъ единовѣрцевъ. Но фактически преслѣдовалась иная цѣль.

Израильскіе христіане могли принимать любую изъ христіанскихъ религій, и каждая такая религіозная группа—православная, лютеранская и др.—въ правѣ была имѣть свою церковь и духовенство. Новообращенные, примкнувшіе къ Обществу, должны были навсегда остаться съ нимъ въ связи; земли, бесплатно отведенныя въ потомственное владѣніе членамъ Общества, запрещалось отдавать въ чужія руки. Члены Общества могли повсемѣстно (по паспортамъ отъ Правленія Общества) торговать и заниматься ремеслами, не записываясь въ гильдіи и цехи; они освобождались со всѣмъ потомствомъ навсегда отъ всякаго рода службъ, гражданской и военной, а ихъ дома отъ постоевъ, земскихъ повинностей и проч.; никто безъ согласія Общества, не могъ селиться на его земляхъ; власти не смѣли вмѣшиваться въ дѣла Общества; отчеты должны были быть представляемы одному только государю.

Права и преимущества, предоставленныя израильскимъ христіанамъ, а еще болѣе своеобразная организація ихъ общества, извѣстная духовная связь его съ Библейскимъ обществомъ, указываютъ, что государемъ и кн. Голицынымъ, покровителями Общества израильскихъ христіанъ, руководили особаго рода религіозныя побужденія, какіе-то невѣдомые мистическіе замыслы. Общество израильскихъ христіанъ фактически не основалось—ни одинъ еврей не вступилъ въ его члены, и это потому, какъ объяснилъ кн. Голицынъ, что изъ числа двухсотъ или трехсотъ евреевъ, „бывшихъ для сего въ виду, ни одинъ не соотвѣтствовалъ вполнѣ намѣреніямъ императора и не имѣлъ всѣхъ предположенныхъ къ тому качествъ и способностей“; опытъ показалъ „почти явную невозможность составить поселенія изъ такихъ крещеныхъ евреевъ, какіе къ тому предназначались“.

Издавъ указъ противъ кроваваго навѣта и объ учрежденіи Общества израильскихъ христіанъ, государь не забылъ объ экономическомъ положеніи еврейскаго народа. Вмѣсто готовившагося репрессивнаго постановленія относительно утайки душъ, именной указъ (19 апрѣля 1817 г.), обязавъ кагалы строжайше слѣдить за тѣмъ, чтобы впредь не было прописныхъ, освободилъ еврейское населеніе отъ всякихъ штрафовъ и пени за прописныхъ, отъ уплаты податныхъ недоимокъ за прошлые годы (евреи уплачивали ту же подать, что и прочее населеніе). Это было для еврейскаго населенія громаднымъ облегченіемъ. Сверхъ того, было объявлено прощеніе евреямъ, арестованнымъ за прописку душъ; между прочимъ, были освобождены изъ заключенія члены кievскаго кагала, обвинявшіеся въ этомъ преступленіи.

Тогда же было приостановлено дѣйствіе сенатскаго указа, потребовавшего, чтобы помѣщичьи земли, находившіяся въ арендѣ у евреевъ, перешли къ владѣльцамъ безъ того, чтобы были обезпечены за евреями долги помѣщиковъ.

Совмѣстная дѣятельность Зонненберга и Диллона продолжалась недолго; между ними произошли какія-то недоразумѣнія; по ходатайству Зонненберга государь повелѣлъ произвести выборы новой депутаціи, каковыя и состоялись подъ руководствомъ Зонненберга, предписавшаго губернскимъ кагаламъ прислать на сѣздъ въ Вильнѣ по „два духовныхъ члена“.

Были избраны (августъ 1818 г.): Зонненбергъ, Бейнишь Лапковскій изъ Витебска и Михель Айзенштадтъ изъ Шклова, и три кандидата, среди нихъ—Диллонъ.

Чтобы собрать средства, необходимыя депутатамъ, сѣздъ постановилъ, чтобы съ талесовъ были сняты позументы и проданы, и этотъ своеобразный сборъ былъ утвержденъ правительствомъ, какъ добровольное приношеніе.

Съ тяжелымъ чувствомъ приняла на себя новая шестичленная коллегія отвѣтственную задачу;—„опасаясь въ столь немаловажномъ предметѣ, клонящемся ко всему еврейскому народу, основываться на собственномъ своемъ разумѣ“ и притомъ, не находя возможнымъ давать отчетъ въ расходахъ, которые предстояло производить въ столицѣ, коллегія настояла, чтобы сѣздъ неофициально выбралъ дополни-

тельно троихъ лицъ, которыя дѣлили бы обязанности депутатовъ.

Работа у новыхъ депутатовъ не наладилась. Уже вскорѣ одни изъ депутатовъ и кандидатовъ, уѣхавъ въ отпускъ, не вернулись въ Петербургъ. Зонненбергъ „за дерзость предъ начальствомъ“ по представленію цесаревича Константина былъ лишенъ званія. Наконецъ, комитетъ министровъ сдѣлалъ государю представленіе объ упраздненіи депутаціи, напрасно собирающей деньги съ евреевъ и разглашающей намѣренія правительства; кн. Голицыну удалось тогда отстоять этотъ институтъ, но не надолго; его преемникъ адмиралъ Шишковъ добился того, что двое оставшихся депутата были признаны лишеными данныхъ имъ полномочій, такъ какъ они не представляли всей коллегіи, которую еврейскія общества избрали; новая же депутація не была созвана, и такимъ образомъ этотъ институтъ прекратилъ свое существованіе (1825 г.).

Дѣятельность депутатовъ оказалась безплодной. Неудачѣ, повидимому, содѣйствовали нѣкоторыя группы еврейскаго населенія, какъ это можно заключить изъ того, что въ виду предполагавшагося созыва новой депутаціи правительство возбудило вопросъ, какимъ путемъ ее слѣдуетъ избрать, разъ еврейскія общества раздѣлились на „разныя секты и состояніе ихъ въ разныхъ губерніяхъ не вездѣ одинаково“. Дѣйствительно, если и хасиды, и прогрессивно-настроенные круги должны были въ одинаковой мѣрѣ протестовать противъ домогательства Зонненберга о предоставленіи раввинамъ прежней власти наказывать слушниковъ херемомъ и другими подобными карами, то передовые евреи, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могли спокойно взирать на стремленіе депутаціи противодѣйствовать культурной реформѣ, учрежденію еврейскихъ школъ. Депутаты добились того, что евреямъ было разрѣшено носить традиціонное платье и за предѣлами черты осѣдлости,—а затѣмъ, когда одинъ губернаторъ захотѣлъ заставить кагалы открыть особыя школы для еврейскихъ дѣтей, изъ Петербурга послѣдовалъ выговоръ — это не дѣло губернской администраціи; въ такихъ условіяхъ кагаламъ не трудно было пресѣкать и частную инициативу въ дѣлѣ распространенія просвѣщенія. Къ тому же дѣятельность де-

путатовъ парализовало отсутствіе средствъ—кагалы вскорѣ перестали присылать имъ деньги; сборъ для нуждъ депутатовъ взыскивался съ большими трудностями.

Съ другой стороны, при оцѣнкѣ дѣятельности депутатовъ надо имѣть въ виду неблагоприятныя внѣшнія условія. Въ послѣдніе годы царствованія Александра I, отмѣченные въ русской исторіи какъ время реакціи, евреи увидѣли себя окруженными со всѣхъ сторонъ непріязнью христіанскаго общества; пристрастное сужденіе о нихъ не пощадило даже ихъ вѣроученія.

Правительство, прислушивавшееся къ голосу этого недовольства, и кагалъ, считавшій себя единственнымъ выразителемъ мнѣнія еврейскаго общества, таковы двѣ власти, которыя, каждая по своему, хотѣли прочно установить бытъ евреевъ, не считаясь съ ихъ насущными потребностями. Правительство и кагалъ искали другъ у друга поддержки, но ни одна сторона не дѣлала уступокъ; соглашеніе не могло быть достигнуто, и еврейское населеніе испытывало тяжелыя послѣдствія столкновенія двухъ силъ, въ одинаковой мѣрѣ готовыхъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Правительство добивалось отъ евреевъ, чтобы они исправно уплачивали подать, но не занимались вѣковыми профессіями; чтобы они просвѣтились, приобщились къ русской жизни, но не пользовались общественнымъ вліяніемъ; чтобы они покинули свою узко-религіозную замкнутую жизнь, но не вышли изъ-подъ власти кагала. Кагалъ же, въ свою очередь, всячески препятствовалъ попыткамъ, направленнымъ къ культурному общенію евреевъ съ окружающимъ населеніемъ, требуя вмѣстѣ съ тѣмъ гражданскихъ правъ для евреевъ; ходатайствовалъ объ отмѣнѣ постановленій, которыя подрывали благосостояніе еврейскаго населенія, но одновременно самъ способствовалъ ухудшенію его матеріальнаго быта.

Непріязнь христіанскаго общества къ евреямъ вызывалась тѣмъ, что они пользовались правами гражданства, хотя и не въ той мѣрѣ, какъ прочее населеніе. Надежда вернуть ихъ къ тому положенію, въ которомъ они нѣкогда находились въ Польшѣ, побуждала христіанъ бывшихъ польскихъ губерній всячески добиваться ограничительныхъ мѣръ для евреевъ. Не всегда подобныя домогательства удовлетворя-

лись правительствомъ, но уже самое возбужденіе ихъ создавало атмосферу, неблагоприятную для еврейскаго населенія, вызывая борьбу мнѣній въ правительственныхъ кругахъ; каждое ходатайство, направленное къ умаленію правъ евреевъ, даже въ конечномъ результатѣ отвергнутое, находило поддержку со стороны нѣкоторыхъ администраторовъ.

Въ послѣдніе годы царствованія Александра I недружелюбіе къ евреямъ и недовѣрчивое отношеніе къ ихъ религіи приняли болѣе конкретныя формы, но и раньше дѣлались попытки опорочить нравственный обликъ евреевъ, лишить ихъ гражданскаго достоинства, причемъ опорой для подобныхъ выпадовъ служили законы, дѣйствовавшіе въ Польшѣ, объединенные въ Литовскомъ статутѣ.

Характеренъ длительный споръ о правѣ евреевъ давать на судѣ свидѣтельскія показанія. Хотя въ 1786 г. было постановлено, что евреи въ Бѣлоруссіи пользуются въ данномъ отношеніи такими же правами, какъ прочее населеніе¹⁾, этотъ вопросъ возбуждалъ сомнѣнія въ губерніяхъ, позже присоединенныхъ къ Россіи, въ которыхъ были восстановлены старыя права и привилегіи. Дѣло по одному такому случаю дошло (1806 г.) до сената и здѣсь произошло столкновеніе противоположныхъ мнѣній.

Кампанію, направленную къ умаленію правъ евреевъ, открылъ графъ Ворцель, и на его сторонѣ оказалось большинство голосовъ.

Но въ ряды его противниковъ сталъ уже извѣстный намъ баронъ Карль-Генрихъ Гейкингъ²⁾,—онъ возвысилъ голосъ не только за права евреевъ, но и за ихъ достоинство. Не ограничившись словесной защитой, онъ представилъ по этому поводу въ сенатъ обстоятельную записку.

Возбужденный вопросъ,—заявилъ Гейкингъ,—не вызываетъ сомнѣній, такъ какъ разрѣшается указами, предоставившими евреямъ права, которыми пользуются соотвѣтствующіе классы христіанскаго населенія. А разъ евреи поставлены въ условія, одинаковыя и для другихъ,—можно ли ихъ предать поношенію и поруганію, отнимая у нихъ неотъемлемое

¹⁾ См. стр. 40.

²⁾ См. стр. 55.

право каждаго подданнаго Имперіи? „По какому праву позволительно будетъ объявить цѣлый миллионъ мирныхъ обитателей Имперіи не имѣющими ни справедливости, ни чести, ни чувства, ни закона, и осудить прежде всѣхъ и безъ изъятія, какъ обличенныхъ въ нарушеніи присяги и безчестія. Законъ, нравственность и справедливость запрещаютъ обвинять по предполагаемымъ преступленіямъ. Возможно ли противоположить симъ вѣчнымъ правиламъ правосудія, человѣчества и здоровой политики законъ неопредѣленный, противорѣчащій и не терпящій иновѣрія, Литовскій статутъ, который возбраняетъ, исключая христіанъ, почти всему человѣчеству имѣть право быть свидѣтелемъ“.

Опровергая доводы, обычно выставляемые противъ евреевъ, Гейкингъ указывалъ, что если евреевъ не допускаютъ къ свидѣтельскимъ показаніямъ, какъ враговъ христіанъ, то не слѣдовало бы принимать свидѣтельскія показанія отъ христіанъ противъ евреевъ, потому что „всѣ христіанскіе народы ненавидятъ евреевъ, какъ богоубійцъ, проклятыхъ Предвѣчнымъ“. Существуетъ и тотъ доводъ противъ допущенія евреевъ къ свидѣтельской присягѣ, что евреи въ день отпущенія грѣховъ произносятъ молитву „Kol-Nidre“, которая, будто бы, разрѣшаетъ отъ всѣхъ ложныхъ свидѣтельскихъ показаній и присяги. Гейкингъ изучилъ этотъ вопросъ, когда онъ защищалъ права курляндскихъ евреевъ, и теперь онъ остановился подробно на этомъ, чтобы доказать, что подобное обвиненіе, измышленное врагами евреевъ, лишено основанія. Однако, убѣжденный въ томъ, что еврейское вѣроученіе не дозволяетъ лжесвидѣтельства, Гейкингъ допускалъ возможность, что отдѣльные евреи, превратно толкуя молитву, позволяютъ себѣ давать подъ присягой ложныя показанія. Поэтому онъ предложилъ не допускать евреевъ къ свидѣтельской присягѣ, пока мѣстный раввинъ или трое старшинъ не представятъ его въ свидѣтели въ присутствіи судей и не объявятъ торжественно, что въ день отпущенія грѣховъ еврей получаетъ разрѣшеніе отъ обѣтовъ, данныхъ подъ присягой, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда обѣтомъ связывается одна только его совѣсть, но не тогда, когда затрагиваются интересы третьяго лица,—будь то еврей, или христіанинъ.

Записка бар. Гейкинга вызвала волненіе среди сенато-

ровъ; графъ Ворцель поспѣшилъ внести, съ своей стороны, записку противоположнаго характера, и борьба была перенесена въ общее собраніе трехъ департаментовъ. Здѣсь большинство сенаторовъ, а также и министр юстиціи высказались за уравниеніе евреевъ въ отношеніи свидѣтельствъ съ прочимъ населеніемъ, но Александръ I не согласился санкціонировать это постановленіе, какъ шедшее въ разрѣзъ съ привилегіями христіанскаго общества въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ, и велѣлъ направить дѣло въ государственной совѣтъ; въ департаментѣ гражданскихъ дѣлъ также не было достигнуто единогласіе, и тогда вопросомъ занялось общее собраніе государственнаго совѣта; здѣсь одиннадцать членовъ противъ двухъ признали необходимымъ дать немедленно евреямъ возможность выступать въ судахъ свидѣтелями, и это мнѣніе было Высочайше утверждено. Законъ 21 августа 1814 г. отмѣнилъ старинное ограниченіе.

Къ представленію о евреяхъ, какъ о врагахъ христіанъ, выдвинутому при попыткѣ лишить евреевъ права давать на судѣ свидѣтельскія показанія, присоединилось вскорѣ обвиненіе, что евреи склоняютъ въ свою вѣру христіанъ, и это вызвало рядъ постановленій, направленныхъ къ устраненію низшихъ слоевъ христіанскаго населенія отъ житейскаго общенія съ евреями.

Завѣдуя различными отраслями помѣщичьяго хозяйства, евреи нерѣдко фактически являлись владѣльцами населенныхъ имѣній, гдѣ и распоряжались трудомъ крѣпостныхъ крестьянъ. Русское законодательство неоднократно запрещало евреямъ пользоваться работою крѣпостныхъ; оно опиралось при этомъ на польскія постановленія, вызванныя соображеніемъ о достоинствѣ христіанской религіи, не допускающемъ, чтобы иновѣрный господствовалъ надъ христіаниномъ. Впрочемъ, и само русское правительство издавна слѣдило за тѣмъ, чтобы никакой иновѣрецъ не владѣлъ христіанами. Возможно, что этимъ запретомъ нѣкогда имѣлось въ виду охранить христіанъ отъ совращенія въ нехристіанскую религію. Во всякомъ случаѣ, по отношенію къ бывшимъ польскимъ евреямъ русское правительство вначалѣ не высказывало подобныхъ опасеній. Подтвердивъ же въ 1819 г. запрещеніе евреямъ пользоваться трудомъ крѣпостныхъ, пра-

вительство, несомнѣнно, имѣло въ виду предотвратить также возможность совращенія христіанъ въ иудейство. Объ этомъ свидѣлствуетъ то обстоятельство, что вскорѣ (1820 г.) евреямъ было запрещено пользоваться какими бы то ни было услугами христіанъ, не только крѣпостныхъ, но и свободныхъ, даже для домашнихъ надобностей, такъ какъ, по увѣренію кн. Голицына, евреи, „по ихъ ученію, считаютъ обязанностью обращать всѣхъ въ свою вѣру“. Въ доказательство этого обвиненія кн. Голицынъ сослался на то, что евреи распространили свое ученіе среди жителей Воронежской губерніи; правда, въ Воронежской губерніи существовала секта субботниковъ, но она была вызвана къ жизни менѣе всего усиліями евреевъ; подобныя секты возникали задолго до того времени и продолжали существовать въ различныхъ мѣстностяхъ Россіи и именно за предѣлами черты еврейской осѣлости ¹⁾.

Распространившееся въ правительственныхъ кругахъ представленіе, будто религія евреевъ побуждаетъ ихъ склонять христіанъ въ иудейство, а съ другой стороны, быть-можетъ, неудача, постигшая Общество израильскихъ христіанъ, создали вокругъ евреевъ атмосферу, насыщенную религіозною неприязнью къ нимъ и недовѣріемъ къ ихъ ученію. И случилось то, чего менѣе всего можно было ожидать — возродился кровавый мифъ, возникло дѣло по обвиненію евреевъ г. Велижа въ ритуальныхъ преступленіяхъ. Этотъ процессъ выдѣляется изъ ряда другихъ не только по своей длительности (съ 1823 по 1835 г.) и по числу лицъ, привлеченныхъ къ отвѣтственности (свыше 40 человекъ, изъ коихъ нѣкоторые были видными членами мѣстнаго еврейскаго общества), не только потому, что въ немъ приняли участіе, въ той или иной формѣ, представители самыхъ различныхъ слоевъ русскаго общества; значеніе велижскаго процесса заключается въ томъ, что онъ является организованнымъ и, въ связи съ

¹⁾ Въ 1825 г. было повелѣно „въ сношеніяхъ мѣстныхъ начальствъ именовать субботниковъ Жидовскою сектою и оглашать, что они подлинно суть жиды, ибо настоящее ихъ наименованіе субботниковъ или придерживающихся Моисееву Закону не даетъ народу точнаго о сектѣ сей понятія и не производитъ въ немъ того къ ней отвращенія, какое можетъ производимо быть убѣжденіемъ, что обращать стараются ихъ въ жидовство“.

этимъ, соучастниками евреевъ въ приписываемомъ имъ преступленіи выступаютъ и христіане-самообличители.

Дѣло было вызвано исчезновеніемъ малолѣтняго солдатскаго сына. Нищенка Терентьева, предававшаяся пьянству и разврату, погадавъ, заявила матери мальчика, что ребенокъ находится у евреевъ и что онъ скоро будетъ умерщвленъ. Это подтвердила „больная дѣвка“, которая „много предугадывала“. Вскорѣ трупъ ребенка, проколотый во многихъ мѣстахъ, былъ найденъ у дороги, и тогда нищенка заявила, что она видѣла, какъ евреи взяли къ себѣ ребенка. Однако, слѣдственная власть не обнаружила законныхъ уликъ противъ евреевъ; все же предразсудокъ настолько овладѣлъ умами мѣстнаго общества, что судъ, игнорируя Высочайшее повелѣніе 1817 г., счелъ возможнымъ объяснить: „какъ христіанамъ къ убійству его (ребенка) никакихъ поводовъ не было, тѣмъ паче, что сей мальчикъ денегъ не имѣлъ, то и полагать надобно, что сдѣлано таковое изъ недоброжелательства къ христіанамъ евреями и таковое умерщвление мальчика необыкновеннымъ образомъ отнестъ слѣдуетъ на евреевъ; токмо, кто именно причиной, не найдено, а потому смерть его... предать волѣ Божьей, умерщвление же оставить въ сомнѣніи на евреевъ“.

Эта резолюція угрожала евреямъ бѣдствіемъ; по городу была пущена книга, въ которой говорилось о кровавомъ ритуалѣ, и такимъ образомъ открывался просторъ для инсценированныхъ „ритуальныхъ преступленій“,—любое таинственное убійство легко можно было приписать евреямъ. Однако, губернская судебная инстанція сняла съ евреевъ подозрѣніе и предписала вновь разслѣдовать дѣло. Но уликъ противъ евреевъ все же не было установлено. Это вызвало недовольство со стороны генераль-губернатора кн. Хованскаго. Онъ обратилъ вниманіе государя на велижское событіе, а вслѣдъ за тѣмъ при проѣздѣ Александра I осенью 1825 г., не долго до его смерти, черезъ Велижъ Терентьева подала государю жалобу, въ которой заявила, что евреи замучили ея сына! И жалобѣ было дано движеніе ¹⁾, хотя всѣмъ было извѣстно, что погибшій ребенокъ не ея сынъ, а сынъ солдатки.

¹⁾ О процессѣ—см. главу десятую.

Какъ это всегда бываетъ, религиозное предубѣжденіе не ограничилось сферой вѣрованій; оно направило свой ударъ на евреевъ также со стороны ихъ гражданскаго достоинства и экономическихъ интересовъ.

Религиозное рвеніе дошло въ этомъ отношеніи до такихъ предѣловъ, что современная жизнь переносилась какъ бы въ средневѣковье.

Столица Литвы, Вильна, всячески старалась сохранить въ дѣйствіи старинную привилегію, запрещающую евреямъ жить на двухъ улицахъ: отъ Острой Браны до кафедральнаго собора и отъ Троицкой Браны до костела св. Іоанна, и русское правительство признало за привилегіей прежнюю силу. Но требованія повседневной жизни побуждали отдѣльныхъ евреевъ водворяться въ запретныхъ улицахъ и вести здѣсь торговля дѣла; ихъ союзниками являлись христіане-домовладельцы, извлекавшіе изъ этого выгоды; но христіане-торговцы, враждебно относившіеся къ евреямъ, какъ къ конкурентамъ, добились того, что было подтверждено давнее запрещеніе евреямъ жить на упомянутыхъ улицахъ (1816 г.). Мѣстная власть, неоднократно оберегавшая еврейское населеніе отъ подобныхъ посягательствъ, пыталась доказать, что привилегія была дарована лишь потому, что евреи отличались неопрятностью, а полиціи, которая слѣдила бы за благоустройствомъ города, тогда не было. Но оказалось, что вопросъ о проживаніи евреевъ былъ перенесенъ съ прежней санитарной точки зрѣнія на религиозную почву. Кн. Голицынъ выставилъ въ пользу запрета то обстоятельство, что на этихъ улицахъ бывають крестные ходы, а на воротахъ Острой Браны имѣется образъ Богородицы, вслѣдствіе чего, будто „при неуваженіи евреевъ къ святынь“ происходятъ безпорядки.

Съ болѣе рельефностью сказался религиозный мотивъ въ вопросѣ о гражданскихъ правахъ евреевъ.

Въ теченіе ряда лѣтъ евреи занимали общественныя должности съ тѣмъ ограниченіемъ, что не могли пользоваться болѣе, чѣмъ одной третью голосовъ въ городскихъ учрежденіяхъ. Сохранились свѣдѣнія объ отдѣльныхъ лицахъ, неоднократно избиравшихся на эти должности. Въ немногихъ мѣстностяхъ евреямъ удавалось добиться даже господствующаго положенія въ городскомъ управленіи, и это не встрѣчалось

препятствій со стороны администраціи. Однако, къ двадцатимъ годамъ христіане стали возбуждать ходатайства объ ограниченіи правъ евреевъ въ городскомъ самоуправленіи, приче́мъ евреямъ ставилось въ вину то, что они сознають значеніе общественнаго представительства и что они руководствуются въ этихъ случаяхъ желаніемъ господствовать надъ христіанами.

Только тѣ евреи могли занимать общественныя должности, которые были грамотны ¹⁾; отъ христіанъ этого не требовалось; вполне естественно, что при такихъ условіяхъ евреи должны были имѣть большее вліяніе на общественныя дѣла, нежели ихъ невѣжественные товарищи; тѣмъ не менѣе, въ тѣхъ случаяхъ, когда на должности избирались неграмотные евреи, христіане протестовали. Но, въ свою очередь, и знаніе грамоты служило поводомъ для нареканій на евреевъ: одинъ губернской прокуроръ жаловался сенату на то, что нѣкоторые евреи, служа въ магистратахъ нѣсколько трехлѣтій, „получивъ навыкъ въ дѣлахъ, по хитрости и пронырству имѣють верхъ надъ своими сочленами, по большей части безграмотными“.

Подобныя жалобы встрѣчали въ руководящихъ сферахъ полное сочувствіе, приче́мъ къ обычнымъ обвиненіямъ здѣсь присоединился и религіозный мотивъ. Кн. Голицынъ заявилъ по этому поводу, что евреи по своему ученію не считаютъ преступнымъ причиненіе вреда иновѣрцу, что они не признають христіанъ за людей и проч.; надо поэтому устранить евреевъ отъ участія въ общественномъ самоуправленіи, дабы они не имѣли власти надъ христіаниномъ; имъ надо предоставить имѣть только депутатова въ органахъ сословнаго самоуправления для участія въ разрѣшеніи дѣлъ, касающихся однихъ лишь евреевъ (съ правомъ голоса). Но такъ какъ христіане будутъ обременены при такихъ условіяхъ общественной службой, то имъ надо платить, взыскивая съ евреевъ соотвѣтственную сумму!

Характерно, что евреевъ хотѣли поставить въ этомъ отношеніи въ такое же положеніе, въ какомъ находились члены христіанскихъ сектъ,—молоканъ устранили отъ общественныхъ

должностей, дабы они „имѣли въ виду лишнія права, даруемая людямъ христіанскаго закона“, при этомъ сектанты несли расходы по содержанию должностныхъ лицъ; подобно тому, какъ старообрядцевъ и раскольниковъ допускали къ общественнымъ должностямъ лишь тамъ, гдѣ было мало православныхъ, такъ и евреи должны были являться на помощь христіанамъ тамъ, гдѣ послѣднихъ было немного.

Впрочемъ, обширная переписка между различными учрежденіями по поводу избирательныхъ правъ евреевъ затянута, и предположенныя ограниченія не были осуществлены.

Однако, враждебное отношеніе къ евреямъ дало другіе плоды:

Религіозное предубѣжденіе заставило забыть урокъ недавняго прошлаго, печальный опытъ примѣненія къ евреямъ такихъ мѣръ, которыя не соотвѣтствовали окружающей экономической обстановкѣ. Въ бюрократическихъ кругахъ сталъ все шире распространяться взглядъ на евреевъ не какъ на членовъ различныхъ общественныхъ группъ, а какъ на обособленную не только въ гражданскомъ, но и въ экономическомъ отношеніи общественную единицу, къ которой общіе законы не примѣнимы. Явленія еврейской жизни не разсматривались въ совокупности съ причинами, создавшими ихъ, а внѣ пространства, внѣ времени, какъ нѣчто самопроизвольно зародившееся. Стали предприниматься мѣры, устарѣвшія для прочаго населенія. Послѣдствіемъ въ примѣненіи этихъ мѣръ устраняла всякую возможность согласовать ихъ съ очевидными фактами жизни. Даже тогда, когда рѣчь шла объ элементарной справедливости, соблюденіе которой никому не могло причинить вреда, интересы евреевъ игнорировались.

Такъ, когда послѣдовало распоряженіе, чтобы земли, арендуемыя евреями, были возвращены помѣщикамъ, кн. Голицыну пришлось приложить много труда, чтобы внушить правительству мысль о необходимости охранить интересы евреевъ, вытекавшіе изъ гражданскихъ сдѣлокъ съ помѣщиками; онъ долженъ былъ доказывать, что если помѣщики отдали вопреки закону свои земли евреямъ, то при обратномъ полученіи земель они обязаны вернуть евреямъ деньги, взятыя подъ земли; проектируемый же законъ, отобравъ у евреевъ земли, не позаботился о томъ, чтобы евреямъ были возвра-

¹⁾ См. стр. 110.

щены ихъ капиталы; разъ обѣ стороны нарушили законъ, нельзя, чтобы одна была наказана, а другая даже извлекала выгоду; несправедливо, чтобы помѣщики получили и свои земли, и деньги евреевъ. Однако, эти простые азбучные доводы оказались убѣдительными не для многихъ (государь утвердилъ мнѣніе кн. Голицына).

Еще меньше сочувствія встрѣчали евреи тогда, когда на нихъ обрушивалось обвиненіе въ причиненіи вреда христіанскому населенію. Въ 1820 г. въ Бѣлоруссіи обнаружился недостатокъ въ хлѣбѣ для крестьянъ. Какъ двадцать лѣтъ назадъ, „главною причиною разстройства крестьянъ“ были признаны евреи. Рѣшено было образовать особый комитетъ изъ нѣсколькихъ министровъ, который долженъ былъ установить, „на какомъ основаніи удобнѣе и полезнѣе было бы учредить пребываніе евреевъ въ странѣ“. А между тѣмъ, еще до открытія этого комитета, послѣдовало распоряженіе выселить евреевъ въ короткій срокъ (полтора года) изъ селеній Бѣлоруссіи въ города.

Нѣсколько лѣтъ спустя, жалуюсь правительству на невыносимое положеніе еврейскаго народа, виленскій кагалъ напомнилъ и объ этой катастрофѣ: „Въ то время, когда за недостаткомъ дождей послѣдовалъ въ хлѣбѣ неурожай и крестьяне терпѣли недостатокъ, сдѣлано подобное представленіе, что будто бы евреи, жившіе по селамъ и деревнямъ, были причиною того недостатка; каждый вспоминаетъ объ нихъ съ содроганіемъ; болѣе сорока тысячъ обоего пола душъ тѣхъ евреевъ принуждены были расположиться съ малолѣтними дѣтьми на дорогахъ, не зная сами, куда взять направленіе, и въ семъ печальномъ положеніи не малое количество изъ нихъ погибло отъ голоду, а остальные остались безъ всякаго средства къ содержанію и до нынѣ суть тягостію для жителей городовъ и мѣстечекъ“; мѣстное начальство старалось увѣрить правительство о своемъ пощеніи объ изгнанникахъ, для чего былъ образованъ даже особый комитетъ, „но какъ комитетъ сей составили тѣ же самыя лица, кои принимали участіе въ домогательствахъ объ изгнаніи евреевъ изъ селъ и деревень, то и разумѣется, что въ чашѣ, наполненной горестію, едва ли уповать можно накопить вкусъ сладости“.

Вслѣдъ затѣмъ были предприняты и другія репрессивныя мѣры: для пресѣченія контрабандныхъ промысловъ — выселеніе евреевъ изъ пятидесяти-верстной пограничной полосы; для предотвращенія увеличенія еврейскаго населенія — запрещеніе пріѣзда иностраннымъ евреямъ.

Ограниченію подверглась и торговая дѣятельность евреевъ не потому, чтобы для этого имѣлись какія-либо реальныя данныя, а лишь на основаніи подозрѣній относительно возможныхъ въ будущемъ дѣйствій со стороны евреевъ. Новымъ общимъ закономъ евреямъ было разрѣшено отправлять товары въ Великороссійскія губерніи изъ пограничныхъ таможенъ въ качествѣ приказчиковъ или комиссіонеровъ; но потомъ, полагая, что евреи могутъ войти въ стачку съ иностранными и русскими купцами и подъ видомъ приказчиковъ фактически торговать за собственный счетъ, государственный совѣтъ рѣшилъ не вводить ничего новаго въ законы о торговлѣ евреевъ, ограничивъ ее предѣлами черты осѣдлости ¹⁾.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Евреи въ Царствѣ Польскомъ. — Годы существованія Герцогства Варшавскаго (1807 — 1812). — Герой Берекъ Юселовичъ. — Нареканія на евреевъ. — Лишеніе еврейскаго населенія политическихъ правъ. — Санкція Наполеона. — Специальные сборы. — Стѣсненія въ жительство. — Евреевъ ограничиваютъ въ правахъ въ ожиданіи присоединенія новой территоріи съ еврейскимъ населеніемъ. — Гибель Герцогства. — Возникновеніе Царства Польскаго (1815 г.). — Варшавское правительство отказывается подать евреямъ даже надежду на полученіе въ будущемъ гражданскихъ правъ. — Старыя ограничительныя постановленія усугубляются. — Борьба съ евреями на экономической почвѣ. — Попытки культурной реформы. — Консервативные элементы и пионеры проsvѣщенія. — Уничтоженіе кагаловъ (1821 г.) и возникновеніе божничныхъ дозоровъ.

Въ теченіе ряда десятилѣтій внѣшняя, а въ значительной степени и внутренняя жизнь евреевъ Царства Польскаго ²⁾ шла своимъ особымъ путемъ, почти вовсе не соприкасаясь съ жизнью евреевъ въ Имперіи. Какъ правовой бытъ, такъ

¹⁾ Виленскій кагалъ сообщаетъ, что внутренняя торговля была запрещена евреямъ подъ тѣмъ предлогомъ, что она будто была предоставлена, какъ привилегія, лишь тѣмъ, кто вступитъ въ общество израильскихъ христіанъ.

²⁾ Десять губерній: Варшавская, Калишская, Кѣлецкая, Ломжинская, Люблинская, Петроковская, Плоцкая, Радомская, Сувалкская, Сѣдлецкая.

и ихъ общественное положеніе, приобрѣли свои основныя черты въ предшествующую эпоху, когда территория Царства Польскаго входила въ составъ Герцогства Варшавскаго. Это эфемерное государство существовало не долго, но и въ его немногіе годы общественное отношеніе къ евреямъ вылилось въ столь опредѣленныя формы, что и при измѣнившихся политическихъ условіяхъ продолжало вліять на судьбу евреевъ.

Польское королевство, уничтоженное въ 1795 г., внезапно возродилось. Когда французы разбили пруссаковъ при Іенѣ (1807 г.), Наполеонъ отнялъ у Пруссіи часть земель, перешедшихъ къ ней отъ Польши, и образовалъ Великое Герцогство (Княжество) Варшавское, со столицей Варшавой. Поляки зажили въ извѣстной мѣрѣ независимымъ существованіемъ, подъ верховнымъ управленіемъ саксонскаго короля Фридриха-Августа, оставшагося, впрочемъ, въ Дрезденѣ.

Согласно конституціонной хартіи, дарованной герцогству Наполеономъ, законодательная власть принадлежала сейму. Король назначалъ министровъ; они были отвѣтственны, и вмѣстѣ съ четырьмя референдаріями составляли Государственный Совѣтъ, или, какъ онъ также назывался, Совѣтъ Управленія. Конституціонная хартія провозгласила равенство всѣхъ подданныхъ предъ закономъ; гражданскій кодексъ (Code Napoléon) также предоставилъ всѣмъ жителямъ одинаковыя права.

Эти законодательные акты должны были опредѣлить, въ частности, и положеніе евреевъ. Однако, они оказались мертвой буквой для еврейскаго населенія.

Еще недавно переживъ разгромъ своего отечества, испытавъ народное униженіе, поляки, получивъ политическую самостоятельность, не смягчили своего отношенія къ евреямъ, вмѣстѣ съ ними выстрадавшимъ горе и несчастья. Въ торжественные дни обновленія родины люди, ставшіе у власти, не только не пытались освободить общественную мысль отъ подчиненія узко-сословнымъ интересамъ и поднять ее на высоту государственныхъ задачъ, но сами возбуждали въ населеніи корыстныя стремленія. Всѣ занялись преслѣдованіемъ евреевъ, увлекая за собою на этотъ путь и короля. Призванные насаждать государственность и внушать уваженіе къ законамъ, авторитетъ которыхъ такъ палъ въ прежней Польшѣ,

правители герцогства, чтобы лишить евреевъ принадлежащихъ имъ правъ, нарушили государственные законы. Съ лихорадочной поспѣшностью они стали проводить ограничительные законы о евреяхъ, хотя само государство вступало въ жизнь подъ угрозой политическихъ неожиданностей.

Желая ограничить права евреевъ, правительство прибѣгло къ авторитету Наполеона. Во Франціи Наполеонъ (1808 г.) ввелъ для эльзасскихъ евреевъ рядъ правовыхъ ограниченій, срокомъ на десять лѣтъ, „въ ожиданіи, что по прошествіи этого времени и при содѣйствіи различныхъ мѣръ не будетъ никакого различія между евреями и другими гражданами государства“. Этимъ закономъ и воспользовался совѣтъ управленія; онъ предложилъ королю примѣнить его къ евреямъ герцогства; хотя постановленія Наполеона не являлись, по словамъ Совѣта Управленія, закономъ для герцогства, „они все же служатъ намъ надлежащей точкой опоры, чтобы предпринять преобразование нашихъ евреевъ, это важное и необходимое дѣло“; герцогству Варшавскому грозила бы печальная будущность, если бы израильскій народъ сталъ сейчасъ же пользоваться правомъ гражданъ; не только его одежда, внѣшній видъ и образъ жизни отдѣляютъ его отъ другихъ гражданъ, но и то, что онъ отказывается отъ личнаго служенія отечеству, „сохраняя національный духъ, внушая дѣтямъ правила, вредныя для страны, и въ особенности занимаясь ростовщичествомъ и часто контрабандой“; евреи становятся все больше въ тягость, отказываясь отъ земледѣлія; малое число евреевъ, занимающихся промышленностью, вредитъ, съ одной стороны, коммерціи слишкомъ мелкой торговлей, или просто промыслами, а съ другой стороны, отдаваясь посредничеству, „они ведутъ праздную жизнь и вмѣсто того, чтобы увеличивать народныя богатства, скорѣе ихъ разрушаютъ, пользуясь плодами чужого труда“.

Мы видимъ, что евреевъ обвиняли въ томъ, что они, замкнутые въ своей религіозно-національной жизни, чужды интересамъ страны и что они причиняютъ краю экономическій вредъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что евреи были совершенно обособлены отъ окружающаго общества—это было наслѣдіе ихъ прошлаго въ Польшѣ, когда, пользуясь широкимъ внутреннимъ само-

управленіемъ, они были вмѣстѣ съ тѣмъ безправны въ гражданскомъ и политическомъ отношеніи; въ этихъ условіяхъ евреи, скованные національнымъ единствомъ, не могли въ массѣ проникнуться сознаниемъ гражданского долга, составить съ окружающимъ населеніемъ одно цѣлое. Въ послѣдніе годы политической самостоятельности Польши обнаружилось движеніе, направленное къ реформѣ быта евреевъ, съ цѣлью вовлечь ихъ въ обще-гражданскую жизнь. Паденіе Польши сдѣлало эти попытки бесплодными въ практическомъ отношеніи, но лозунги, возвѣщенные прогрессивными поляками, не могли не отозваться хотя бы слабымъ эхо, какъ въ польскомъ, такъ и въ еврейскомъ обществѣ. „Хотятъ,—воскликнулъ депутатъ Бутримовичъ на четырехлѣтнемъ сеймѣ (1789—1793 гг.)—чтобы еврей съ благоговѣніемъ носилъ цѣпи и цѣловалъ ту руку, которая возложила ихъ на него; чтобы еврей былъ полезенъ странѣ, которая вовсе не отчизна для него; чтобы онъ былъ трудолюбивъ, несмотря на то, что плоды трудовъ ему не достаются; чтобы былъ доброжелателемъ и вѣренъ тому, кто его угнетаетъ!“. Упреки, посылавшіеся польскому народу за несправедливое отношеніе къ еврейскому населенію, будили въ отдѣльныхъ евреяхъ сознание своего достоинства, своего права на лучшее существованіе.

До слуха еврейской массы, вѣроятно, не доходилъ призывъ глашатаевъ ея эмансипации, и, тѣмъ не менѣе, евреи проявили истинный патріотическій духъ, когда страна стала лицомъ къ лицу съ опасностью. Въ дни возстанія они приняли живое участіе въ защитѣ Варшавы, столь негостепріимно относившейся къ нимъ, и понесли большія человѣческія жертвы.

Въ это время выдвинулся Берекъ Йоселовичъ, перешедшій въ память польскаго народа, окруженный, какъ истый герой, легендами. Состоя факторомъ у одного польскаго магната, Берекъ имѣлъ случаи бывать въ Парижѣ и онъ проникся тамъ идеями дѣятельнаго революціоннаго движенія. Когда въ Польшѣ началось возстаніе, Берекъ съ разрѣшенія вождя повстанцевъ, Костюшки, образовалъ еврейскій полкъ. Призывая евреевъ стать на защиту родины, обещающей имъ тѣ же свободы, которыя будутъ добыты поляками, Берекъ восклицалъ въ своемъ воззваніи: „Богъ всемогущій съ вами, и я—вождь вашъ. Гдѣ будетъ наибольшая опасность, туда

пойду я, а вы лишь вслѣдъ за мною... Пробудитесь же, помогите освободить угнетенную доселѣ Польшу. Вѣрные братья, будемъ бороться за отчизну, пока останется въ насъ хотя капля крови. Если бы мы и не дождались этого (освобожденія), то хоть дѣти наши будутъ жить безопасно и свободно...“ Полкъ Берека, подъ его командой, участвовалъ въ отраженіи штурма Варшавы и почти весь погибъ. Польскій генералъ Заіончекъ бѣжалъ въ Австрію и былъ заключенъ тамъ въ крѣпость, и эту судьбу раздѣлилъ съ нимъ Берекъ. Позже Берекъ участвовалъ въ дѣйствіяхъ польскихъ легионовъ, французскихъ и австрійскихъ войскъ, а затѣмъ въ рядахъ польскаго полка въ Познани, вошедшаго вскорѣ въ составъ регулярной арміи герцогства. Берекъ приобрѣлъ популярное имя, но его заслуги не были въ силахъ побороть непріязненное отношеніе къ нему со стороны польскихъ офицеровъ.

Въ эти годы выдвинулись на военномъ поприщѣ и нѣкоторые другіе евреи. Однако, кровавыя жертвы были забыты, когда настала часъ воздать еврейскому населенію то, на что оно имѣло права, и, чтобы успокоить свою совѣсть, правительство старалось представить евреевъ элементомъ, вреднымъ для страны и опорочить ихъ какъ гражданъ.

Что касается обвиненія ихъ въ причиненіи экономическаго вреда странѣ, то оно было издавна распространено въ Польшѣ; упадокъ городовъ приписывался многочисленности еврейскаго населенія. Однако, это не вполне совпадало съ дѣйствительностью; какъ указывалъ польскій писатель Суrowецкій, „это только отчасти справедливо; тѣ, кто придерживаются такого взгляда, забываютъ о томъ, что они принимаютъ слѣдствіе за причину; и безъ евреевъ польскіе города не избѣжали бы этого жребія“; еврейское населеніе, говорилъ Суrowецкій, отличается способностями, энергіей и бережливостью, и надо заботиться объ его сохраненіи въ Польшѣ, торговля и ремесла которой обязаны своимъ развитіемъ преимущественно евреямъ.

Представленіе совѣта управленія о лишеніи евреевъ гражданскихъ правъ должно было произвести глубокое впечатлѣніе на короля. Могъ ли Фридрихъ-Августъ, всѣмъ обязанный Наполеону, не считаться съ тѣмъ, какъ суверенъ относится къ евреямъ?

Наполеону былъ посланъ законопроектъ, гласившій, что „принимая за образецъ законодательство Наполеона“, король лишаетъ евреевъ политическихъ правъ на десять лѣтъ. Наполеонъ одобрилъ эту мѣру. Правительство выразило желаніе имѣть письменное согласіе Наполеона, но въ этомъ было отказано,—надо удовольствоваться однимъ словеснымъ заявленіемъ.

Вслѣдъ затѣмъ (17 октября 1808 г.) послѣдовалъ слѣдующій королевскій декретъ:

„Жители нашего Варшавскаго герцогства, исповѣдующіе религію Моисея, лишаются политическихъ правъ, которыми они имѣли впредъ пользоваться, на десять лѣтъ. Надѣмся, что въ теченіе этого времени они утратятъ тѣ качества, которыми столь отличаютъ ихъ отъ другихъ жителей.

„Вышеизложенный пунктъ не удерживаетъ насъ отъ дозволенія нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ, даже до истеченія десятилѣтняго срока, пользоваться правами, если они заслужатъ этой высокой нашей милости, удовлетворивъ всѣмъ условіямъ, которыя будутъ предписаны нами въ отдѣльномъ положеніи о лицахъ, исповѣдующихъ моисеево вѣроисповѣданіе“.

Условія для полученія политическихъ правъ не были, вопреки обѣщанію, выработаны, и ходатайства отдѣльныхъ лицъ, ссылавшихся на различныя свои достоинства—имущественное состояніе, образовательный цензъ, общеевропейскую одежду и т. д., не удовлетворялись.

Указанный декретъ говорилъ лишь о политическихъ правахъ, но правительство одновременно задумало ограничить евреевъ и въ гражданскихъ правахъ. Видные варшавскіе евреи представили королю прошеніе, въ которомъ въ сильныхъ выраженіяхъ указывали на то, что политическое возрожденіе страны не улучшило положенія еврейскаго населенія.

Ходатаи просили не разсматривать евреевъ какъ чужестранцевъ внутри той націи, часть которой они составляютъ, и предоставить имъ права, данныя конституціонной хартіей всѣмъ жителямъ герцогства. Король, не рѣшавшійся идти противъ правительства, былъ вынужденъ дать уклончивый отвѣтъ.

Тогда, въ виду созыва сейма, варшавскіе евреи обратились за содѣйствіемъ къ сенату, служившему верхней пала-

той, и представили ему записку, полную упрековъ, сдержанныхъ благороднымъ негодованіемъ.

„Тысячи людей польскаго народа, старозаконнаго исповѣданія, осѣвшихъ на этой землѣ съ давнихъ вѣковъ и имѣющихъ право считать ее своею родиною наравнѣ съ другими жителями, до сихъ поръ, безъ всякой вины, съ явнымъ вредомъ для общества, обидою для всего человѣчества, неизвѣстно за что осуждены на униженіе и постоянныя притѣсненія.

„Пусть тогда, когда суевѣрія, предрасудки и насилія раздѣляли людей на классы, когда привилегіи, принося ущербъ однимъ, давали другимъ несправедливо полное счастье,— пусть тогда человѣчество принуждено было терпѣть и правительство не могло помочь обиженнымъ.

„Но когда мудрость законовъ Наполеона Великаго не исключила польскихъ евреевъ изъ числа предназначенныхъ къ участію въ благоденствіи родины, но всѣхъ вмѣстѣ допустила къ нему... когда предрасудки, презрѣніе и привилегіи не обездоливаютъ людей... дозвольте, достойные сенаторы, старозаконнымъ полякамъ воздѣйствовать на сердца Ваши своими просьбами и слезами.

„Всѣ несчастія, связанныя съ войнами и революціями, были пережиты какъ нашими предками, такъ и нами наравнѣ съ прочими, съ тою только разницею, что предрасудки соотечественниковъ и непріятелей поражали евреевъ особыми гоненіями, въ виду ихъ религіи, а потому не только ихъ имущество, но и они сами были подвержены постоянно насиліямъ. Всѣ раны были бы слаще, если бы пользованіе правами и свободой уменьшали страданія, если-бы можно было предвидѣть благоприятныя перемѣны, а между тѣмъ старозаконные поляки не пользуются тѣмъ, что даетъ отечество своимъ сынамъ..., съ великой скорбью они должны предвидѣть, что ихъ дѣти и потомки не дождутся лучшей участи.

„Со всѣхъ сторонъ мы отягчены большими притѣсненіями, чѣмъ прочіе граждане; куда ни обратимся—вездѣ встрѣчаемъ препятствія и обиды...

„Что же говорить тогда о тѣхъ счастливыхъ свободахъ, которыя цѣнятся гражданиномъ выше всего: о правѣ выбора своихъ должностныхъ лицъ изъ среды своихъ соплеменниковъ, дабы вообще не оставаться въ гражданскомъ обще-

ствѣ мертвымъ тѣломъ. Старозаконные поляки единственно потому чувствуютъ свою жизнь въ человѣческомъ обществѣ, что ежедневныя подати отнимаютъ у нихъ и безъ того скудный кусокъ хлѣба и что со стороны соотечественниковъ испытываютъ лишь дурное отношеніе... Развѣ та земля, на которой родились отцы и предки наши и за это не разъ дорого платили, должна навсегда остаться намъ чужой?

„Говорятъ, что мы не подготовлены для этихъ благодѣяній. Если бы это такъ было—что невѣрно,—то вѣдь мертвое существо останется всегда мертвымъ, пока въ него не проникнетъ животворящій духъ права. Вѣдь отягощенный человекъ не можетъ двигаться, когда его все болѣе обременяютъ, когда предусмотрительное правительство считаетъ его негоднымъ къ какому-либо движенію...“

„Пусть будутъ дарованы намъ права обывательства и покровительство торговлѣ; пусть освободятъ насъ отъ позора и испытываемаго нами издѣвательства... Вообще, пусть предоставятъ намъ долю участія въ благодѣяніяхъ и оставятъ насъ подъ покровительствомъ закона, наравнѣ съ другими жителями“.

Эта петиція обратила на себя вниманіе сената, но все же она не привела къ какому-либо результату, потому что правительство рѣшило не только сохранить въ силѣ ограничительныя постановленія прежняго правительства, но и значительно ихъ усугубить.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что съ еврейскаго населенія по-прежнему взимался особый сборъ, такъ называемый „кошерный“ (съ живности), въ пользу казны ¹⁾. А иностранные евреи были обложены специальнымъ сборомъ подъ названіемъ „гелейтъ-цолль“.

Особеннымъ стѣсненіямъ подвергались евреи въ Варшавѣ. Вообще здѣсь могли проживать лишь тѣ евреи, которые уже водворились—остальнымъ доступъ былъ прегражденъ; разрѣшалось лишь кратковременное пребываніе, причемъ каждая сутка приходилось при униженной обстановкѣ уплачивать особый такъ называемый „билетный сборъ“, поступавшій въ пользу города.

¹⁾ Подъ такимъ же названіемъ существовалъ сборъ съ живности, принадлежавшій общинамъ; съ еврейскаго населенія взыскивался на общественныя нужды еще „божничный сборъ“ съ предметовъ культа.

Водворившіеся же евреи не должны были проживать на главныхъ улицахъ. Нерѣдко они нарушали этотъ запретъ. И вотъ, вмѣсто требованія гражданскаго равенства, варшавскимъ евреямъ пришлось хлопотать о невыселеніи съ насиженныхъ мѣстъ. Но несмотря на то, что они „приняли значительное участіе въ кредитѣ гор. Варшавѣ“, декретъ 1809 г. подтвердилъ старое ограниченіе. Лишь въ видѣ благороднаго снисхожденія, дабы „еврейскій народъ понялъ, что правительство не стремится исключить его изъ среды другихъ жителей, въ случаѣ, если лица этого народа постараются быть достойными того“, было сдѣлано изъятіе: на запретныхъ улицахъ могли проживать по два семейства, которыя удовлетворяли ряду условий: глава семейства долженъ обладать извѣстнымъ капиталомъ, знать грамоту польскую или французскую, въ крайнемъ случаѣ—нѣмецкую, посылать дѣтей въ общія школы, отказаться отъ традиціонной одежды. Въ видѣ исключенія было разрѣшено еще кое-кому жить въ центрѣ города.

Наступило было время, когда варшавскіе евреи ненадолго вздохнули,—но правительство оказалось въ этомъ виноватымъ противъ своей воли. Въ 1809 г. вблизи Варшавы полякамъ пришлось вступить въ бой съ австрійскими войсками, послѣ чего австрійцы заняли столицу. Польское правительство потеряло власть надъ евреями, и декретъ о выселеніи ихъ съ главныхъ улицъ утратилъ свою силу. Но уже вскорѣ побѣда Наполеона надъ австрійцами вернула полякамъ Варшаву и дала возможность продолжать войну съ еврейскимъ населеніемъ ¹⁾.

Распоряженіе о выселеніи съ главныхъ улицъ вызвало междоусобія среди христіанскаго варшавскаго населенія, продолжавшіяся много лѣтъ. Герцогство успѣло погибнуть, а обыватели не прекращали ссориться изъ-за евреевъ: домохозяева съ запретныхъ улицъ просили объ отмѣнѣ декрета, чтобы не потерять жильцовъ, а домовладѣльцы съ прочихъ улицъ ходатайствовали объ осуществленіи декрета, такъ какъ

¹⁾ Въ эти дни Берекъ Йоселовичъ, находясь во главѣ двухъ эскадроновъ войска Понятовскаго, расчищавшаго главному корпусу дорогу къ австрійской арміи, палъ геройской смертью. Австрійскій фельдмаршалъ получилъ донесеніе, что подъ Коцкомъ австрійцы „застрѣлили знаменитаго польскаго полковника Берка, сильно оплакиваемаго“.

евреи являлись для них желанными гостями. Любопытно отмѣтить, что угловые дома были, такъ сказать, раздѣлены на двѣ части: дозволенную и недозволенную для сдачи въ наймы евреямъ; въ отношеніи магазиновъ уголь, выходившій на запретную и доступную улицы, почитался запретнымъ.

Впослѣдствіи въ споръ вмѣшались и сами евреи; но не для того, чтобы хлопотать объ отмѣнѣ декрета, а, наоборотъ, чтобы просить объ его выполненіи; дѣло въ томъ, что нашлась группа дальновидныхъ евреевъ, которые въ ожиданіи массоваго выселенія ихъ единовѣрцевъ изъ запретныхъ улицъ, число коихъ нѣсколько лѣтъ спустя было увеличено, понастроила дома въ доступныхъ улицахъ, а потому отмѣна декрета грозила имъ убытками.

Стѣсненія въ жительство евреевъ въ Варшавѣ должны были представляться заманчивыми заинтересованнымъ христіанамъ другихъ городовъ. Правительство охотно шло на встрѣчу подобнымъ домогательствамъ—такъ, въ Плоцкѣ евреевъ обязали переселиться изъ центральныхъ улицъ на старыя мѣста, которыя были ими покинуты послѣ пожара.

Однако, министръ внутреннихъ дѣлъ не имѣлъ терпѣнія спокойно дожидаться, пока другіе города выступятъ съ подобными ходатайствами, и онъ предложилъ ввести въ большихъ городахъ правила, дѣйствовавшія въ Варшавѣ и Плоцкѣ, при чемъ предписалъ префектамъ доставить по этому поводу свои „проекты“. Эта тактика могла принести богатые плоды—правительство стало получать отъ городовъ соотвѣтствующія ходатайства. Но судьба измѣнила въ это время герцогству, существовавшему благодаря Наполеону. Завоеватель потерпѣлъ неудачу, и правитель герцогства, саксонскій король, бѣжалъ изъ Дрездена (1813 г.). Евреи были спасены— правда, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, ненадолго.

Служа въ рядахъ арміи, евреи принимали участіе въ защитѣ родины. Но безправіе служило плохимъ поощреніемъ для военной службы; общественное униженіе не могло не отразиться на положеніи евреевъ-солдатъ. Ортодоксальные еврейскіе круги добивались отмѣны натуральной повинности, чтобы освободиться отъ вынужденнаго на службѣ нарушенія религиозныхъ предписаній. Прогрессивная же часть общества ничего не могла противопоставить доводамъ ортодоксовъ, такъ

какъ не было основанія надѣяться, что исполненіе обязанностей приведетъ къ пользованію общими правами.

По словамъ декрета (1812 г.), замѣнившего для евреевъ личную повинность денежнымъ сборомъ, новый порядокъ послѣдовалъ по просьбамъ еврейскихъ делегатовъ отъ всѣхъ департаментовъ. Но правительство, вводя указанный законъ, добивалось и собственныхъ цѣлей. Ходатаемъ за евреевъ въ данномъ дѣлѣ явился министръ финансовъ—надо было освободить евреевъ отъ воинской повинности, чтобы получить отъ нихъ крупное вознагражденіе, столь необходимое въ годину экономическаго бѣдствія.

Издавая ограничительные законы, правительство всячески позорило евреевъ, чтобы этимъ оправдать свои дѣйствія. Оно поступило такимъ же образомъ и тогда, когда издало въ 1812 г. законъ, запретившій евреямъ (съ 1 іюля 1814 г.) торговать водкой и находиться вообще въ шинкахъ. Но на этотъ разъ введеніе къ закону нарисовало еврейскій народъ въ столь мрачныхъ краскахъ, какъ главнаго виновника бѣдственнаго положенія крестьянъ, что король, обычно повиновавшійся правительству, настоялъ на томъ, чтобы эта характеристика была исключена изъ законодательнаго акта.

Торопливость, съ которою проводились законы о евреяхъ, несмотря на то, что на очереди стояли другіе вопросы государственной важности, была бы непонятна, если бы мы не знали, какими тайными мечтами правительство вдохновляло себя въ борьбѣ съ еврейскимъ населеніемъ. Когда министръ полиціи потребовалъ, чтобы, не дожидаясь общей еврейской реформы, немедленно, евреямъ были запрещены винные промыслы, онъ мотивировалъ это тѣмъ, что „вскорѣ ожидаются многія перемѣны и на очереди тогда окажется много спѣшныхъ дѣлъ и вопросовъ; теперь удобно воспользоваться свободнымъ временемъ, которое намъ еще остается, для введенія такихъ установленій, провести которыя можетъ впослѣдствіи явиться затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что нашъ край будетъ увеличенъ именно той областью, гдѣ находится наибольшее число евреевъ, содержащихъ кабаки... Самымъ дѣйствительнымъ противъ нихъ средствомъ будетъ уже выработанное, вошедшее въ дѣйствіе постановленіе...“

Такимъ образомъ для будущихъ евреевъ-подданныхъ за-
благовременно приготавлилась тяжелая судьба.

Однако, этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться. Польша потеряла политическую свободу. Въ 1813 г. имп. Александръ I, овладѣвъ почти всѣмъ герцогствомъ, ввелъ здѣсь новое управленіе. А въ 1815 г. территория герцогства была расчленена между Россіей, Австріей и Пруссіей, и тогда было образовано Царство Польское со столицей Варшавой.

Во главѣ варшавскаго правительства былъ поставленъ въ званіи намѣстника полякъ, генералъ Заіончекъ, съ которымъ нѣкогда Берекъ Йоселовичъ бѣжалъ съ родины. Высшія правительственныя должности были замѣнены также поляками. Членомъ варшавскаго правительства былъ назначенъ русскій государственный дѣятель Новосильцевъ, но его голосъ не могъ имѣть особаго значенія. Связующимъ звеномъ между Царствомъ Польскимъ и Имперіей являлся одинъ лишь государь,—русское правительство не имѣло никакого касательства къ дѣламъ Царства Польскаго. Такимъ образомъ, положеніе евреевъ въ Царствѣ Польскомъ должно было опредѣлиться въ зависимости отъ настроенія болѣе сильныхъ круговъ польскаго общества.

Когда новое правительство издало основныя положенія будущей „конституціи Царства Польскаго“, было, между прочимъ, постановлено: „Еврейскій народъ сохранить за собою гражданскія права, которыми онъ донинѣ пользуется по существующимъ законамъ и правиламъ. Особое распоряженіе опредѣлить тѣ условія, при которыхъ евреи сумѣютъ болѣе широко пользоваться благами общественной жизни“.

Эти слова мало обнадеживали; во всякомъ случаѣ, они говорили о возможномъ расширеніи правъ. Но оказалось, что даже обѣщаніе сохранить за евреями права, которыми они уже пользовались, не было выполнено.

Въ виду ходатайства депутатовъ Зонненберга и Диллона¹⁾ объ улучшеніи участи евреевъ въ Царствѣ Польскомъ государь поручилъ (вѣроятно, въ 1815 г.) Новосильцеву собрать свѣдѣнія о мѣстныхъ евреяхъ,—„выборъ же средствъ, дабы на будущее время не только обезпечить и улучшить

¹⁾ О депутатахъ—см. главу восьмую.

жребій сказаннаго племени, но и сдѣлать оное для края полезнѣйшимъ, нежели доселѣ было, государь императоръ и король себѣ непосредственно предоставилъ изволил“. Увѣдомивъ объ этомъ намѣстника, Новосильцевъ указалъ, что всѣ предположенныя мѣры относительно евреевъ должны быть приостановлены и вообще ничего не должно быть предпринято въ отношеніи евреевъ безъ Высочайшаго утвержденія. Въ отвѣтъ на это намѣстникъ представилъ государю принятый варшавскимъ государственнымъ совѣтомъ указъ о евреяхъ, проживавшихъ въ деревняхъ. Въ указѣ дѣлалась ссыла на распоряженіе правительства Герцогства Варшавскаго 1812 г. о запрещеніи евреямъ заниматься винными промыслами; но новое распоряженіе шло дальше этого, требуя удаленія евреевъ изъ деревень; въ 1812 г. христіанамъ было запрещено помогать евреямъ обходить законъ о винныхъ промыслахъ; теперь христіанамъ было запрещено находиться въ услуженіи у евреевъ.

Въ это же время варшавское правительство, приглашая чужестранцевъ водвориться въ краѣ, закрыло доступъ иностраннымъ евреямъ, въ томъ числѣ и евреямъ изъ Россіи; имъ было разрѣшено лишь временное пребываніе, съ тѣмъ чтобы они уплачивали „гелейтъ-цолль“. Одновременно варшавская полиція потребовала исполненія стараго постановленія о проживаніи евреевъ въ Варшавѣ,—удаленія ихъ съ запретныхъ улицъ.

Правительство предпринимало, какъ видимъ, различныя репрессивныя мѣры, а между тѣмъ въ это время дѣйствовала особая, образованная въ 1815 г. комиссія по крестьянскому и еврейскому вопросамъ, долженствовавшая выработать положеніе о евреяхъ. Правительство торопилось осуществить свою политику, зная, что приведенный въ дѣйствіе суровый законъ—лучшее оружіе противъ либеральныхъ теоретиковъ.

Во главѣ упомянутой комиссіи находился извѣстный польскій патриотъ князь Адамъ Чарторыйскій, сыгравшій въ 1802—1807 гг. роль въ жизни евреевъ Имперіи¹⁾. Несмотря на протекшіе годы, его обликъ, какъ государственнаго дѣятеля, не измѣнился.

¹⁾ См. главы шестую и седьмую.

Пока о еврейской реформѣ говорилось съ теоретической точки зрѣнія, комиссія высказывала прекрасныя мысли—человѣколюбіе, справедливость, духъ конституціи и здравый смыслъ требуютъ, конечно, коренныхъ реформъ еврейской жизни; надо предоставить евреямъ политическія права, чтобы они любили свою родину; если нравственный уровень евреевъ не высокъ, то нельзя строго осуждать ихъ, потому что это можно объяснить ихъ неблагоприятнымъ внѣшнимъ положеніемъ.

Когда же пришлось перейти къ практическимъ мѣропріятіямъ, настроеніе комиссіи тотчасъ измѣнилось. Тѣ недостатки въ нравственномъ обликѣ еврея, которые сама комиссія готова была приписать вліянію внѣшнихъ условій его жизни, были превращены въ препятствіе для дарованія еврейскому населенію гражданскихъ свободъ; надо категорически заявить, что евреи въ концѣ концовъ получаютъ равноправіе, но для этого необходимо, чтобы они подчинились мѣропріятіямъ правительства, которыя должны быть направлены къ тому, чтобы евреи отказались отъ винныхъ промысловъ и обратились къ земледѣлію, чтобы они просвѣтились, вышли изъ своей замкнутости и проч.

Какъ ни скромна была предложенная реформа по своимъ практическимъ мѣрамъ, она должна была показаться слишкомъ либеральной польскому обществу, просвѣщеннѣйшіе члены котораго, раздѣляя ходячіе предрасудки, относились къ евреямъ съ нескрываемою нетерпимостью.

Въ это время съ проектомъ преобразования быта евреевъ выступилъ Новосильцевъ. Какъ представитель Имперіи, онъ не былъ желаннымъ гостемъ въ Варшавѣ. Его вмѣшательство въ польско-еврейскія отношенія, какъ легко было предвидѣть, должно было вызвать въ варшавскомъ правительствѣ чувства оскорбленнаго самолюбія. И дѣйствительно, его проектъ, потребовавшій отмѣны нѣкоторыхъ ограничительныхъ законовъ и открывшій предъ евреями путь къ полученію, при извѣстныхъ условіяхъ, гражданскихъ и политическихъ правъ, подвергся рѣзкой критикѣ не только со стороны такихъ враговъ евреевъ, какъ извѣстный ученый и государственный дѣятель Сташицъ, но и со стороны Чарторыжскаго. Здѣсь сыграло, несомнѣнно, роль не только то обстоятельство, что проектъ принадлежалъ русскому, но и то, что Новосильцевъ,

хотя и въ малой степени, давалъ евреямъ фактическую возможность получить гражданское и политическое равенство.

Разсмотрѣніе его проекта было поручено государственнымъ совѣтомъ специальной комиссіи, которая, въ свою очередь, составила новый проектъ, умолчавшій о гражданскихъ и политическихъ правахъ,—„это было сдѣлано—объяснила комиссія—не для того, чтобы отстранить евреевъ отъ нихъ навсегда и безповоротно, но вслѣдствіе того, что еврейская раса въ настоящее время еще далеко не обладаетъ тѣми качествами, изъ-за которыхъ они могли бы претендовать на всѣ блага конституціи; ихъ усилія достигнуть этой цѣли еще такъ неопредѣленны по своимъ результатамъ; съ другой стороны, воображеніе христіанскаго населенія было бы столь неприятно поражено подобной мыслью, что все то, что можно было бы дать евреямъ въ этомъ отношеніи, хотя бы условно и безъ всякаго отношенія къ нынѣшнему дню, вызвало бы меньше воодушевленія среди евреевъ, чѣмъ произвело бы неблагоприятное впечатлѣніе на христіанъ. А разъ умы еще такъ мало подготовлены, комиссія признала болѣе удобнымъ избѣгнуть упоминанія объ этомъ, предоставивъ евреямъ заботу о томъ, чтобы изгладить въ умахъ христіанъ предубѣжденіе, къ тому же столь укоренившееся... Дать права—благое дѣло, отобрать ихъ—несправедливое дѣло. Слѣдовательно, нельзя расточать первыя, чтобы не быть вынужденнымъ сдѣлать второе“.

Государственный совѣтъ всецѣло присоединился къ этому взгляду; указывая во всеподданнѣйшемъ представленіи, что евреи причиняютъ неисчислимый вредъ крестьянамъ и жителямъ маленькихъ городовъ, совѣтъ высказался противъ того, чтобы евреямъ были даже обѣщаны права, пока крестьяне не выйдутъ изъ-подъ власти евреевъ, пока крестьяне не просвѣтятся и не почувствуютъ потребности въ лучшемъ существованіи, пока не сумѣютъ конкурировать съ евреями, пока сами евреи не приблизятся по своимъ нравамъ къ христіанскому обществу и не докажутъ своимъ поведеніемъ, что они могутъ амальгамироваться съ общественнымъ организмомъ.

Впрочемъ, ни одинъ изъ проектовъ не былъ приведенъ въ дѣйствіе и это дало варшавскому правительству возможность разрѣшать вопросы еврейской жизни по своему усмотрѣнію.

Основные положенія, легшія въ основу конституціи, не позволяли выступить со вновь выдуманными ограниченіями. Правда, въ складѣ старинныхъ постановленій было достаточно оружія, которое можно было бы съ успѣхомъ обновить, но не всѣ эти постановленія вошли въ Дневникъ Законовъ, благодаря чему не всѣми ими можно было воспользоваться. Правительству, впрочемъ, не пришлось долго горевать. Возникла блестящая мысль—считать всѣ декреты, не занесенные въ Дневникъ Законовъ, какъ бы включенными въ этотъ сводъ законодательныхъ актовъ. Съ такимъ предложеніемъ намѣстникъ Заіончекъ обратился къ государю. Оно, однако, не понравилось государю—нельзя придавать декретамъ тотъ характеръ, котораго они не имѣли при своемъ возникновеніи, это умалило бы ихъ силу; но есть другой выходъ—декреты, которые не были отмѣнены, должны считаться оставшимися въ силѣ, а потому намѣстнику представляется, согласно имъ, издавать распоряженія; многіе декреты не помѣщены въ Дневникъ, но разъ они были сообщены высшими властями низшимъ для исполненія, то ихъ слѣдуетъ осуществить. Такъ нужно поступать и въ вопросахъ о евреяхъ.

Разъясненіе государя открыло предъ варшавскимъ правительствомъ просторъ для репрессивной политики. Постепенно были восстановлены старые ограничительные законы, стѣснявшіе преимущественно свободу передвиженія; были подтверждены привилегіи, дававшія городамъ право не допускать къ себѣ евреевъ; въ 1822 г., по просьбѣ отдѣльныхъ группъ нѣкоторыхъ городскихъ обществъ, послѣдовало удаленіе евреевъ изъ городовъ, пользовавшихся этой привилегіей „de non tolerandis judaeis“.

Стали строго соблюдать существовавшее въ нѣкоторыхъ городахъ запрещеніе евреямъ жить на опредѣленныхъ улицахъ. Въ Варшавѣ такихъ улицъ насчитывалось девять; въ 1821 г. Высочайшимъ указомъ число ихъ было увеличено ¹⁾.

¹⁾ Крупный поставщикъ Берекъ получилъ въ годы Герцогства Варшавскаго разрѣшеніе жить во всѣхъ частяхъ Варшавы, оставаясь въ традиціонномъ платьѣ и при бородѣ; право повсемѣстнаго проживанія было даровано также его потомству по старшей линіи.

Сыновья Берекъ Bereksohn (Бергсонъ), а также его дочь съ мужемъ,

Этой мѣрой имѣлось въ виду не только освободить центральныя улицы отъ евреевъ, но и помощью евреевъ же оживить и украсить прочія улицы,—„чтобы евреи убѣдились, что правительство стремится предоставить имъ участіе въ годахъ наравнѣ съ другими жителями, если, конечно, они сами окажутся склонными къ этому и выкажутъ свое участіе въ заведеніи порядка и украшеніи города“, имъ было разрѣшено (въ видѣ изъятія изъ закона, запретившаго пріобрѣтать недвижимую собственность) покупать пустопорожнія мѣста на новыхъ улицахъ, чтобы построить каменные дома по плану, утвержденному администраціей; съ этой же цѣлью евреямъ разрѣшили покупать деревянные дома съ тѣмъ, чтобы въ извѣстный срокъ возвести на ихъ мѣстѣ каменные. Вскорѣ затѣмъ было подтверждено, что иногородніе евреи могутъ водворяться въ Варшавѣ лишь съ дозволенія высшей администраціи. При этомъ (1824 г.) были подтверждены правила о взиманіи билетнаго сбора въ размѣрѣ 20 грошей въ сутки съ cadaго иногородняго еврея въ Варшавѣ. Пропускные билеты продавались на заставѣ; кто желалъ пробыть нѣсколько дней, долженъ былъ ежедневно отправляться къ заставѣ за билетомъ. Евреи, постоянно жившіе въ Варшавѣ, освобожденные отъ этого сбора, снабжались при выходѣ изъ города значкомъ, отбиравшимся при возвращеніи въ городъ.

Существовавшія въ Варшавѣ правила о числѣ еврейскихъ семей, могущихъ жить въ каждомъ домѣ, а также особыя стѣснительныя формальности при наймѣ квартиръ, были распространены на другіе города (1822 г.). Намѣстнику было предоставлено рѣшать, въ какихъ городахъ евреи могутъ жить лишь въ опредѣленныхъ кварталахъ. Въ 1823 г. евреямъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ группъ, запретили водворяться въ двадцатидюймовую полосу вдоль границы Австріи и Пруссіи.

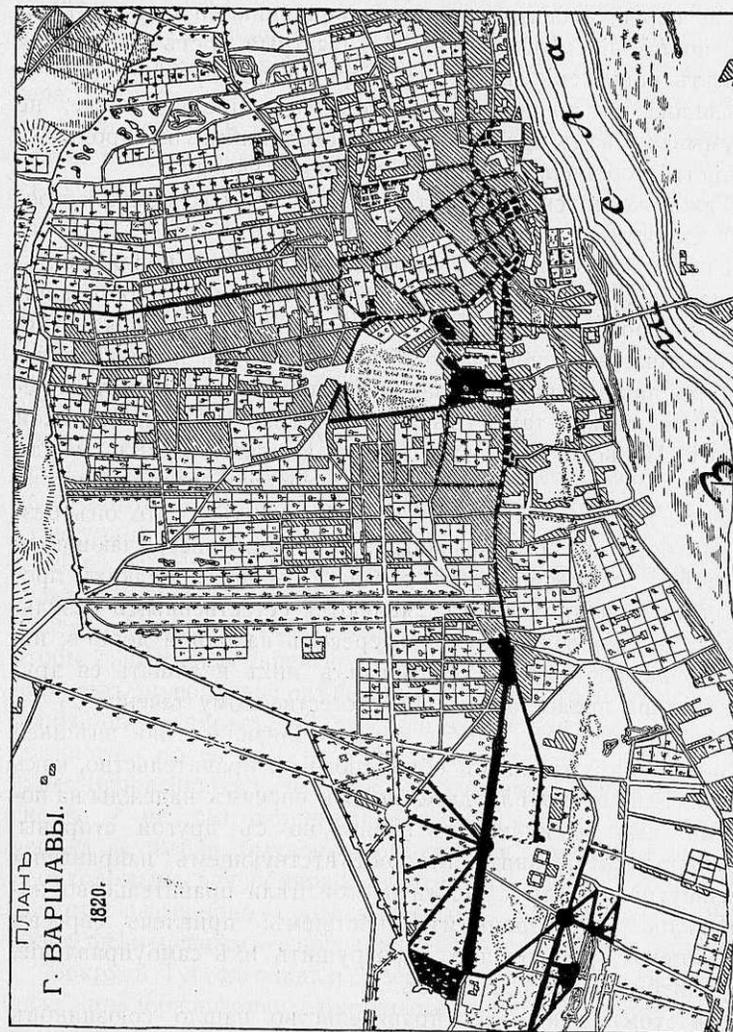
Въ 1819 г. депутатъ Зонненбергъ выступилъ съ ходатайствомъ о томъ, чтобы евреи изъ Россіи не подлежали тамо-

обратились въ 1825 г. къ намѣстнику съ просьбой разрѣшить имъ жить повсемѣстно въ Варшавѣ, нося еврейское платье; намѣстникъ поддержалъ ходатайство, но государь согласился лишь на то, чтобы указаннымъ правомъ пользовался пожизненно лишь одинъ изъ нихъ—старшій, или тотъ, кого они изберутъ изъ своей среды.

женному сбору („гелейть-цолль“), такъ какъ они не могутъ почитаться въ Царствѣ Польскомъ иностранцами. Намѣстникъ Заіончекъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ высказался противъ удовлетворенія ходатайства. Были приведены слѣдующіе мотивы: гелейть - цолль составляетъ опредѣленный доходъ казны Царства Польскаго и по общему уставу о податяхъ всѣ евреи, откуда бы они ни прибыли, должны платить эту подать; въ случаѣ отмены сбора въ отношеніи русскихъ евреевъ, австрійскіе и прусскіе евреи стали бы прѣзжать въ край, подъ видомъ русскихъ, изъ Бродъ или Юрбурга: „необходимо нужно“, чтобы евреи иностранные принимали равное участіе въ повинностяхъ, какія несутъ евреи Царства Польскаго; иначе польскіе евреи станутъ на время уходить изъ края и затѣмъ возвращаться подъ именемъ иностранныхъ и будутъ требовать освобожденія ихъ отъ податей. Вслѣдствіе такого отзыва ходатайство Зонненберга не было удовлетворено.

Преслѣдованіе евреевъ происходило не только на правовой, но и на экономической почвѣ. Заработокъ еврейскаго населенія считался какъ бы украденнымъ у христіанъ. И такую претензію выражали не только коренные обыватели, но даже иностранцы, вновь поселившіеся. Имѣются данныя о борьбѣ съ евреями въ фабричной промышленности. Вслѣдствіе жалобъ сукнодѣловъ, что евреи, поставляя для арміи, выписываютъ сукно изъ-за границы, поставка была отдана самимъ сукнодѣламъ. Чтобы бороться съ евреями, скупавшими сырой матеріалъ, нужный для ткачей, въ Калишѣ образовалось частное товарищество, выдававшее мастерамъ ссуду для покупки шерсти. Но эти мѣры не могли устранить евреевъ, какъ посредниковъ; роль послѣднихъ еще болѣе увеличилась съ установленіемъ свободы торговли между Россіей и Царствомъ Польскимъ. Зависимость мелкаго производителя отъ еврея заключалась не только въ томъ, что первому приходилось брать у послѣдняго въ кредитъ сырой матеріалъ, но и въ томъ, что производитель сбывалъ тому же еврею свои издѣлія; это вызывалось бѣдностью мелкихъ производителей и тѣмъ, что они не знали мѣстнаго рынка. Такимъ образомъ, домашняя промышленность подпадала подъ власть капитала, и это экономическое явленіе,

разсматриваемое подъ угломъ религіозной непріязни, вызвало въ польскомъ обществѣ стремленіе не столько предоставить

— Улицы, запретныя по старымъ постановленіямъ. — Улицы, ставшія запретными въ 1821 г.

производителямъ самостоятельность, сколько уничтожить посредничество евреевъ. Съ этой цѣлью правительство стало

вызывать изъ-за границы крупныхъ предпринимателей, которые вытѣснили бы евреевъ. Однако, изслѣдователь польской фабричной промышленности за эти годы свидѣтельствуетъ, что не евреи, очевидно, являлись виновниками затруднительнаго положенія мелкихъ ткачей,—быстрый ростъ сукнодѣлія вызвалъ повышеніе цѣны на шерсть, что прежде всего и отразилось на мелкомъ производителѣ; послѣдній же, не задумываясь надъ процессомъ, происходившимъ въ народномъ хозяйствѣ, обвинялъ во всемъ скупщика-еврея.

Такое же явленіе наблюдалось и въ бумаго-ткацкой промышленности.

Скупщики, пользуясь своимъ монопольнымъ положеніемъ, оказывали кредитъ производителямъ подъ очень обременительный процентъ. Борьба съ этимъ зломъ была, конечно, естественна; но ненормально было то, что ей придавали характеръ національнаго дѣла, благодаря чему создавалась религиозная вражда тамъ, гдѣ все сводилось къ экономической борьбѣ. Польскій банкъ, вызванный къ жизни (1828 г.) между прочимъ съ той цѣлю, чтобы устранить посредничество евреевъ, долженъ былъ уже вскорѣ сознаться, что онъ безсиленъ бороться съ указаннымъ явленіемъ, встрѣчающимся во всѣхъ промышленныхъ странахъ; жалобы мелкихъ производителей на оптовиковъ „являются естественнымъ результатомъ столкновенія двухъ интересовъ на одной дорогѣ; неудобно давать помощь одному изъ нихъ и лишать ея другого; лучше предоставить дѣло естественному теченію“.

Добиваясь того, чтобы евреи сблизились во внѣшней жизни съ окружающимъ обществомъ¹⁾, правительство, какъ мы видѣли, не хотѣло даже подать евреямъ надежды на полученіе ими гражданскихъ правъ; но съ другой стороны, оно пыталось измѣнить въ соотвѣтствующемъ направленіи ихъ внутренній бытъ. Достичь этой цѣли правительство намѣревалось двустороннимъ дѣйствіемъ: привлечь евреевъ къ общему просвѣщенію и разрушить ихъ самоуправленіе, сосредоточенное въ кагалахъ.

Въ этомъ отношеніи правительство нашло союзниковъ въ лицѣ немногочисленной группы образованныхъ евреевъ.

1) Въ 1821 г. евреевъ обязали принять фамильныя имена.

Какъ въ свое время въ Имперіи, кагалы въ Царствѣ Польскомъ вели упорную борьбу съ хасидизмомъ; въ дѣлѣ же борьбы съ просвѣщеніемъ оба лагеря придерживались одинаковыхъ взглядовъ, и главари варшавскаго кагала обратились даже за помощью къ цадикамъ, чтобы усмирить вольнодумцевъ, осмѣлившихся открыто критиковать дѣйствія кагала. Пionеры же просвѣщенія одновременно выступали и противъ кагала, и противъ религиозно-національной замкнутости. Консервативные элементы были крайне недовольны тѣмъ, что христіане, авторы проектовъ еврейской реформы, призывали еврейскій народъ приобщиться къ европейскому просвѣщенію. Раввинъ Моисей бенъ Абрагамъ выпустилъ въ 1818 г. книжку (Glos ludu Israelskiego), въ которой высказывалъ отрицательное отношеніе къ реформамъ, такъ какъ онѣ, по его мнѣнію, должны были разрушить устои еврейской внутренней жизни; обученіе польскому языку—это первый шагъ къ вѣроотступничеству. Съ другой стороны, учитель Яковъ Тугендгольдъ (1794—1871 г.г.), пріобрѣтшій впослѣдствіи имя, какъ видный дѣятель просвѣщенія, звалъ евреевъ освободиться отъ оковъ традиціи и примкнуть къ общекультурной жизни; по порученію правительства онъ основалъ (1820 г.) въ Варшавѣ школы для еврейскихъ дѣтей. Дѣятельнымъ носителемъ идеи просвѣщенія явился и Антонъ Эйзенбаумъ (1791—1852), воспитанникъ варшавскаго лицея; чтобы ознакомить еврейское общество съ жизнью другихъ народовъ и вообще содѣйствовать распространенію просвѣщенія, онъ основалъ (1823 г.), при нѣкоторомъ матеріальномъ содѣйствіи правительства, газету „Dostrzegacz Nadwislanski“ („Der Beobachter an der Weichsel“), печатавшуюся на польскомъ и на разговорно-еврейскомъ языкѣ; она, однако, успѣха не имѣла, быть можетъ, отчасти, потому что, считая необходимымъ для поднятія культурнаго уровня евреевъ вытѣснить разговорно-еврейскій языкъ, Эйзенбаумъ пользовался онѣмеченнымъ жаргономъ.

Вокругъ Тугендгольда и Эйзенбаума группировалась молодежь, поддерживаемая единичными просвѣщенными людьми старшаго поколѣнія; она вызывала недовольство въ консервативныхъ кругахъ тѣмъ, что отказалась въ личной жизни отъ традиціоннаго бытового уклада.

Чтобы подготовить болѣе образованныхъ раввиновъ, было рѣшено учредить высшую школу; планъ преподаванія въ этой школѣ выработалъ (1818 г.) извѣстный механикъ, изобрѣтатель числительной машины Авраамъ Штернъ, хотя и вращавшійся въ высшемъ польскомъ обществѣ, но сохранившій преданность религиозно-бытовой традиціи. Министръ народного просвѣщенія Потоцкій имѣлъ въ виду, что евреи, приобщившись къ культурной жизни польскаго народа, получаютъ гражданскія права, которыми пользуется прочее население. Но государственный совѣтъ рѣшительно выступилъ противъ этого, указывая, что дарованіе евреямъ правъ противорѣчитъ конституціи, такъ какъ они не могутъ почитаться сынами страны (школа была учреждена въ 1826 г.).

Пионеры просвѣщенія должны были по необходимости добиваться уничтоженія кагаловъ, пользовавшихся своей административной, а при содѣйствіи раввиновъ также и духовной властью, чтобы держать народную массу въ невѣжествѣ. Образованные евреи ходатайствовали предъ правительствомъ объ умаленіи власти кагаловъ и въ этомъ случаѣ сами кагалы помогали своимъ врагамъ, такъ какъ обременяя народъ поборами и слишкомъ свободно распоряжаясь общественными суммами, они вызывали противъ себя нареканія. Въ 1820 г. вышла книжка, посвященная описанію кагалныхъ безпорядковъ. Все это привело къ тому, что въ 1821 г. были упразднены кагалы и учреждены вмѣсто нихъ божничные дозоры.

Сперва эти новыя учрежденія не играли замѣтной роли въ еврейской жизни; присвоенныя членамъ-надзирателямъ однѣ лишь служебныя обязанности оттолкнули общественныхъ дѣятелей отъ дозоровъ; пришлось даже предоставить мѣстной администраціи право принудительно назначать на эти должности кого либо изъ обывателей; кромѣ того, въ цѣляхъ поощренія, члены дозора освобождались отъ божничныхъ сборовъ, что служило приманкой для бѣдныхъ людей. Лишь постепенно дозоры присвоили себѣ извѣстную долю той власти, которой пользовались кагалы.

Однако не вступая въ дозоры, состоятельные круги по прежнему сохранили господствующее положеніе въ общественной жизни.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Эпоха Николая I.—Характеристика дѣятельности государя и правительства.— Законодательная работа идетъ по пути, проложенному въ предшествующее царствованіе.—Отношеніе декабристовъ къ евреямъ.—Религиозное предубѣжденіе.—Велижское дѣло (1835 г.); графъ Мордвиновъ; резолюція Николая I.—Христіанскія общества содѣйствуютъ росту ограничительнаго законодательства.—Попытки выселить евреевъ изъ деревень.—Признаніе правительствомъ этой мѣры неосновательной и безцѣльной.—Стѣсненіе жительства въ городахъ и др. мѣстностяхъ.—Либеральная группа членовъ государственнаго совѣта.—Домогательства объ умаленіи роли евреевъ въ сословно-городскихъ учрежденіяхъ.—Охрана христіанскаго населенія отъ еврейскаго вліянія.—Запрещеніе христіанкамъ кормить еврейскихъ дѣтей.—Установленіе для евреевъ рекрутской повинности на исключительно тяжелыхъ условияхъ.—Страданія малолѣтнихъ рекрутъ (кантонистовъ).—Рекрутская повинность какъ орудіе для обращенія въ христіанство.—Виленскій кагалъ и Литманъ Фейгинъ рисуютъ предъ правительствомъ печальную картину еврейской жизни и ходатайствуютъ объ улучшеніи участи еврейскаго народа.

Въ 1825 г. скончался Александръ I и на престолъ вступилъ его братъ Николай I. Въ тридцатилѣтнее правленіе Николая I, составившее въ исторіи Россіи эпоху реакціи, когда народъ былъ какъ бы призванъ служить одной лишь идеѣ всесильной государственной власти, еврейское населеніе не избѣгло общей судьбы, и оно испытало на себѣ правительственную опеку, направленную къ тому, чтобы возможно детальнѣе регламентировать проявленія народной жизни.

Независимо отъ того, что еврейскимъ вопросамъ усердно занимались общія правительственныя учрежденія, въ теченіе почти всего царствованія Николая I функционировали особые Еврейскіе комитеты, представлявшіе собою своего рода министерство по еврейскимъ дѣламъ.

Результатомъ этой работы явился весьма обширный и разнообразный законодательный матеріалъ, всесторонне охватывавшій внѣшній и внутренній бытъ евреевъ.

Обиліе законовъ не было результатомъ одного лишь формализма. Въ многочисленныхъ законахъ, нормировавшихъ внѣшнюю жизнь евреевъ, слышится какъ бы крикъ отчаянія, что при всей своей власти правительство не можетъ выкорчевать еврейское существованіе изъ нѣдръ русской жизни и создать для него обособленное мѣсто въ государствѣ; что интересы христіанъ и евреевъ настолько сплелись, что мѣры,

направленныя противъ евреевъ, обрушивались вмѣстѣ съ тѣмъ и на отдѣльныя стороны хозяйственной жизни государства, а также тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ. Многочисленность законодательныхъ актовъ говоритъ равнымъ образомъ о стараніи правительства скрыть свое безсиліе въ борьбѣ съ внутреннимъ еврейскимъ бытомъ.

Евреи, конечно, пытались защитить себя отъ ограничительныхъ законовъ; они искали покровителей, и завязывавшаяся борьба, въ кругъ которой вовлекались многія лица и учрежденія, поражаетъ несоотвѣтствіемъ между громадной затратой силъ и мизерностью результатовъ.

На законодательныхъ актахъ, касавшихся евреевъ, отразилась въ значительной мѣрѣ и воля самого государя,—не ограничиваясь руководительствомъ общей политикой по еврейскому вопросу, Николай I нерѣдко вліялъ непосредственно на отдѣльныя законодательныя мѣры, придавая имъ рѣзко-повелительный характеръ.

Несоотвѣтствіе между такими требованіями и условіями дѣйствительности приводило порою къ тому, что приходилось отказываться отъ предпринятой мѣры. Авторитетные государственные дѣятели нерѣдко представляли государю о необходимости смягчить суровыя постановленія. Такимъ образомъ, государь осуществилъ далеко не всѣ свои намѣренія въ отношеніи еврейскаго народа. При всемъ томъ было потрачено много правительственной энергіи, чтобы въ корнѣ преобразовать внутренній и внѣшній бытъ евреевъ, направить ихъ міросозерцаніе по новому пути.

Въ своей основѣ всѣ эти ограничительныя мѣропріятія—не дѣтище эпохи Николая I. Готовность подвергать еврейское населеніе репрессіямъ по велѣнію одного лишь предвзятаго представленія о немъ зародилась еще при Александрѣ I, и эта политика, влившись, по пути своего теченія, въ эпоху Николая I, какъ бы стерла ту грань между сопредѣльными царствованіями, которая болѣе или менѣе рельефно отмѣчена въ общей русской исторіи. Многіе вопросы, нашедшіе въ годы Николая I свое разрѣшеніе въ ограничительныхъ законахъ, были возбуждены при его предшественникѣ и въ моментъ своего зарожденія получили направленіе, которое должно было привести къ умаленію правъ евреевъ.

Тождественность въ настроеніи замѣчается не только въ бюрократическихъ, но и въ общественныхъ кругахъ обоихъ царствованій.

Можно ли говорить, что общественное мнѣніе складывалось подъ воздѣйствіемъ правительственныхъ взглядовъ, если даже такой противникъ тогдашней государственной власти, какъ декабристъ Пестель, душа революціоннаго движенія, ища разрѣшенія еврейскаго вопроса, не пошелъ по пути равноправія. Въ своей „Русской Правдѣ“, предназначенной быть „Наказомъ Временному Верховному Правленію“¹⁾, Пестель высказалъ о внутреннемъ бытѣ еврейскаго населенія нѣкоторыя сужденія, которыя въ значительной мѣрѣ раздѣлялись прогрессивно настроенными евреями. Но въ средствахъ измѣненія этого положенія Пестель не сошелся съ послѣдними.

Считая сплоченность евреевъ вредной для христіанскаго населенія, а съ другой стороны признавая, что внутренняя автономія, предоставленная еврейскому народу, является такой прерогативой (наряду съ освобожденіемъ отъ рекрутской повинности, введенной лишь въ 1827 г.), какою не пользуются христіане, Пестель, имѣя въ виду лишь одно—сдѣлать еврея безвреднымъ для сосѣда-христіанина, не подумалъ о судьбѣ самого еврея. Пестелю казалось, что евреи находятся въ правовомъ отношеніи въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ христіане. Конечно, съ объективной точки зрѣнія внутренняя автономія являлась заманчивой привилегіей; но въ тѣхъ печальныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ протекала гражданская жизнь евреевъ, эта автономія не представляла собою реального блага.

Чтобы измѣнить порядокъ, „утвердившій непріязненныя отношенія евреевъ къ христіанамъ и поставившій ихъ въ положеніе, противное общественному порядку въ государствѣ“, Пестель предложилъ два проекта. Одинъ заключался въ томъ, чтобы, выслушавъ „ученѣйшихъ раввиновъ и умнѣйшихъ евреевъ“, Верховное Временное Правленіе приняло мѣры, „дабы вышеизъясненное зло прекращено было и такимъ порядкомъ замѣнено, который бы соотвѣтствовалъ въ полной мѣрѣ общимъ и кореннымъ правиламъ, имѣю-

¹⁾ Русская Правда, Спб., 1906 г. (изд. „Оріонъ“), стр. 50—53.

щимъ служить основаніемъ политическому зданію Россійскаго Государства. Ежели Россія не выгоняетъ евреевъ, то тѣмъ болѣе не должны они ставить себя въ непріязненное отношеніе къ христіанамъ. Россійское правительство, хотя и оказываетъ всякому человѣку защиту и милость, но однако же прежде всего помышлять обязано о томъ, чтобы никто не могъ противиться государственному порядку, частному и общественному благоденствію“. Извѣстный изслѣдователь эпохи декабристовъ ¹⁾ полагаетъ, что Пестель, повидимому, желалъ распространить на евреевъ политическія права подлѣ условіемъ преобразования ихъ быта. Но общій характеръ его сужденій о евреяхъ, какъ кажется, не соотвѣтствуетъ этому предположенію, тѣмъ болѣе, что Пестель вообще мечталъ объ уничтоженіи всякихъ національностей, чтобы всѣ онѣ совершенно растворились въ русскомъ народѣ, чтобы были уничтожены даже ихъ имена.

Второй планъ Пестеля сводился къ тому, чтобы правительство оказало евреямъ содѣйствіе „къ учрежденію особеннаго отдѣльнаго государства въ какой либо части Малой Азіи“; Пестель не придавалъ практическаго значенія этому предложенію; подобное „исполинское предпріятіе требуетъ особенныхъ обстоятельствъ и истинно гениальной предпримчивости“, а потому оно „не можетъ быть поставлено въ особенную обязанность“ Временному правительству; Пестель упомянулъ объ этомъ проектѣ лишь для того, „чтобы намеку представить на все то, что можно было бы сдѣлать“. Практическая неосуществимость плана выселить евреевъ изъ страны, конечно, не только не лишаетъ взгляда, высказаннаго Пестелемъ, значенія, но еще больше, такъ сказать, подчеркиваетъ силу общественнаго настроенія: даже не предвидя практическихъ результатовъ отъ своего предложенія, Пестель все же излагаетъ его, чтобы полнѣе выразить свое мнѣніе по вопросу о евреяхъ ²⁾.

¹⁾ В. И. Семевскій. Политическія и общественныя идеи декабристовъ, Спб., 1909 г., стр. 519—523.

²⁾ Декабристъ Глинка, давая показанія слѣдственной комиссіи о своемъ знакомствѣ съ Григоріемъ Перетцемъ, сыномъ Абрама Перетца (см. стр. 96—97), сообщилъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ одно утро онъ (Григорій Перетецъ) очень много напѣвалъ о необходимости общества къ высвобожденію

Другой дѣятельный декабристъ, Спиридовъ, имѣя въ виду образовать Россію изъ однѣхъ русскихъ губерній, съ тѣмъ, чтобы иноплеменные жители прочихъ губерній пользовались правами гражданъ Россіи лишь въ томъ случаѣ, если имѣютъ собственность, склонялся къ тому, чтобы евреи и прочіе нехристіане ни въ какомъ случаѣ не вступали въ число гражданъ Россіи.

Извѣстный декабристъ Муравьевъ предполагалъ представить евреямъ политическія права только въ предѣлахъ черты осѣдлости, и лишь потомъ предложилъ уравнивать евреевъ въ этомъ отношеніи съ остальнымъ населеніемъ.

Стремленіе удержать еврейскій народъ въ сторонѣ отъ общегосударственной жизни, обнаруженное декабристами, проявляется въ отдѣльныхъ общественныхъ группахъ также и въ царствованіе Николая I. Это же стремленіе побуждало и правительство Николая I, внѣ всякой зависимости отъ проповѣди декабристовъ, расширять ограничительное законодательство.

Съ другой стороны и при неблагопріятныхъ условіяхъ режима Николая I мы встрѣчаемъ не мало государственныхъ дѣятелей, выступающихъ на защиту правъ евреевъ.

Уже въ послѣдніе годы царствованія Александра I законодательство о евреяхъ стало принимать религіозную окраску. При Николаѣ I религіозный элементъ получилъ, быть можетъ, даже доминирующее значеніе въ дѣлѣ развитія ограничительнаго законодательства, хотя религіозному предубѣжденію не всегда давали открыто проявляться. Съ одной стороны непріязнь къ еврейскому ученію, убѣжденіе, что евреи представляютъ собою сообщество, находящее въ религіи опору для своихъ зловредныхъ дѣйствій, и опасеніе, что они могутъ вовлечь христіанъ въ свою вѣру, а съ другой стороны—неувѣренность въ религіозной стойкости нѣкоторыхъ круговъ христіанскаго населенія,— все это, проходя ясно видимой

евреевъ, разсыянныхъ по Россіи и даже Европѣ, и къ поселенію ихъ гдѣ-нибудь въ Крыму или даже на Востокѣ въ видѣ отдѣльнаго народа. Онъ говорилъ, что, кажется, отецъ его, когда былъ еще богатъ, имѣлъ мысль о собраніи евреевъ; но что для сего нужно сообщество капиталистовъ и содѣйствіе ученыхъ людей и пр. Тутъ распѣлся онъ о томъ, какъ евреевъ собирать, съ какими триумфами ихъ вести и проч. и проч.“

нитью чрезь тогдашнее законодательство, превратило правительственную дѣятельность того времени въ борьбу съ евреями, какъ съ носителями опредѣленнаго вѣроученія. Конечно, правительственная дѣятельность отнюдь не опредѣлялась одними лишь религіозными чувствами, — выдвигались и экономическіе мотивы, и государственныя соображенія, и здѣсь евреи разсматривались какъ сплоченная національная группа. Все же какъ-то наиболѣе рѣзко слышались религіозные отголоски, хотя они и не раздавались во всеуслышаніе такъ часто, какъ другіе.

Быть-можетъ, подобное воззрѣніе на евреевъ было усвоено Николаемъ I еще въ бытность его великимъ княземъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на государя не могли не произвести глубокаго впечатлѣнія такія важныя въ данномъ отношеніи событія, какъ вновь открыто возродившееся сектантское движеніе въ христіанскомъ населеніи (субботники, жидовствующіе), какъ процессъ объ обращеніи двухъ католичекъ въ еврейство, завершившійся для подсудимыхъ евреевъ обвинительнымъ приговоромъ (1826 г.), и, наконецъ, какъ дѣло по обвиненію евреевъ г. Велижа въ преступленіяхъ съ ритуальной цѣлью¹⁾, полное кровавыхъ ужасовъ, нечеловѣческихъ дѣяній.

Когда Александръ I при проѣздѣ чрезъ Велижъ велѣлъ дать ходъ жалобѣ Терентьевой, что евреи, убившіе христіанскаго ребенка, не наказаны, кн. Хованскій, чрезъ посредство своего чиновника Страхова, началъ новое слѣдствіе. Были произведены аресты среди велижскаго еврейскаго общества. У трупа ребенка, вѣроятно, случайно погибшаго и затѣмъ исколотога, или убитаго, быть-можетъ, именно съ цѣлью инсценировать „пролитіе христіанской крови“, сошлись люди, далекіе другъ другу по своему общественному положенію; важную роль въ процессѣ сыгралъ „лишенный чести“ сапожникъ Азадкевичъ и учитель Петрица; посредникомъ между этими лицами и Терентьевой и другой христіанкой-соучастницей явился униатскій священникъ Тарашкевичъ; Страховъ, повидимому, искренне вѣрившій въ легенду, велъ дѣло твердою рукою, а Хованскій служилъ имъ всѣмъ надежнымъ заступникомъ предъ высшей властью.

¹⁾ О возникновеніи велижскаго процесса — см. стр. 145—146.

Менѣе другихъ виновной была Терентьева; пьяную, голую, ея убѣдили подать государю лживое прошеніе, а когда она это сдѣлала, ея арестовали. Получая въ тюрьмѣ непривычную ей сытую пищу, одѣтая, она стала слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ сообщниковъ. Чрезъ посредство Тарашкевича ея инспирировалъ Петрица, а Страховъ жадно ловилъ „признанія“ Терентьевой. Будучи якобы участницей кроваваго дѣла, Терентьева повѣдала, какъ все происходило; при этомъ она выставила соучастницей христіанку Максимову, въ теченіе 19-ти лѣтъ служившую въ домѣ обвиняемаго еврея, а затѣмъ были оговорены еще другія христіанки. Терентьева, рассказывая объ измышленномъ ужасномъ событіи, долго путала; лишь послѣ многократныхъ „передпросовъ“, долженствовавшихъ устранить безконечныя противорѣчія въ ея показаніяхъ, она нарисовала широкую картину преступленія. Хотя ребенокъ былъ найденъ у дороги, Терентьева заявила, что вмѣстѣ съ Максимовой она бросила ребенка съ камнемъ въ воду! Однако, и такое „свидѣтельство“ не лишило показаній Терентьевой достовѣрности въ глазахъ слѣдователей. Максимова, съ своей стороны, также рассказала ужасающія небылицы. Получилась потрясающая картина: источеніе крови у ребенка было совершено многими лицами при таинственной обстановкѣ, въ синагогѣ...

Никто изъ слѣдователей не остановился на вопросѣ: къ чему было бы евреямъ — если они дѣйствительно убили ребенка — призвать для соучастія въ страшномъ дѣлѣ никому невѣдомую, пьяную, распутную бабу? Напротивъ, слѣдователи настойчиво побуждали Терентьеву и Максимову продолжать „припоминаніе“ о злодѣйскомъ дѣлѣ, и онѣ стали нагромождать новыя подробности; онѣ рассказывали, что ихъ даже обратили въ еврейскую вѣру, выкупавъ въ Двинѣ, а затѣмъ поставивъ на горячія сковороды! Наконецъ, возбужденныя спиртными напитками и увѣщеваніями Тарашкевича при торжественной обстановкѣ, онѣ заявили, что на другой годъ послѣ умерщвленія солдатскаго сына, т. е. тогда, когда Терентьева уже успѣла разгласить о велижскомъ злодѣяннн, тѣ же евреи упростили ея развозить добытую изъ ребенка кровь по разнымъ городамъ. Потомъ оказалось, что не одинъ, а нѣсколько ребятъ были замучены евреями...

Слѣдователи съ кн. Хованскимъ во главѣ не ограничились рамками велижскаго дѣла; злодѣяніе, совершенное въ Велижѣ, должно было пасть всей тяжестью преступленія не только на привлеченныхъ къ судебной отвѣтственности, но на весь еврейскій народъ, если не физически, то духовно принявшій участіе въ умерщвленіи ребенка. И вотъ, по докладу кн. Хованскаго послѣдовало (1826 г.) Высочайшее повелѣніе „...такъ какъ оное происшествіе доказываетъ, что жида¹⁾ оказываемою имъ терпимостью ихъ вѣры употребляютъ во зло, то въ страхъ и примѣръ другимъ жидовскія школы въ Велижѣ запечатать впредь до повелѣнія, не позволяя служить ни въ самыхъ сихъ школахъ, ни при нихъ“. Скрижали были взяты изъ синагоги и отданы „въ прісмотръ полиціи“.

Несмотря на тюремное заключеніе и на мучительныя очныя ставки, на которыхъ приходилось выслушивать обвиненія въ нечеловѣческихъ звѣрствахъ, евреи не признавали себя виновными. Скромные обыватели Велижа, на долю которыхъ выпала столь тяжелая защита добраго имени народа, смѣло выступили на поединокъ съ врагами, не стѣснявшимися въ средствахъ. Вѣра въ торжество правды превращала этихъ людей, робкихъ и незамѣтныхъ въ обыденной жизни, въ смѣлыхъ борцовъ. Въ страданіяхъ за народную честь выросли герои. Гремя оковами, обезображенные тюремной одеждой, обвиняемые съ душевной мукой принимали саркастическія улыбки слѣдователей и посылали имъ въ отвѣтъ слова, полныя бичующаго гнѣва. „Будетъ время — восклицала Славка Берлинъ, внезапно вырванная изъ уюта ея патріархальнаго дома, — вы увидите, я опять буду Славка. И всѣ евреи опять будутъ дома!“.

Другіе подсудимые также заявляли, что надѣются на государя, что дѣло кончится оправданіемъ, что доказчицы повторяютъ наговоръ клеветниковъ.

Николай I самымъ внимательнымъ образомъ слѣдилъ за развитіемъ процесса; онъ добивался правды; онъ вѣрилъ, что между евреями могутъ происходить ритуальныя престу-

¹⁾ Рѣдкій случай употребленія слова „жида“ въ официальной бумагѣ того времени.

пленія, и эту увѣренность въ существованіи ритуальныхъ преступленій среди евреевъ поддерживали въ немъ слѣдователи авторитетными утвержденіями. Но „признанія“ христіанокъ-соучастницъ, подробности, съ которыми не могла примириться самая пылкая фантазія, внушили государю мысль, что велижскіе евреи — жертвы клеветы, и когда ему донесли, будто евреи умертвили нѣсколькихъ дѣтей, онъ написалъ резолюцію: „Надо непременно узнать, кто были несчастныя сіи дѣти. Это должно быть легко, если все это не гнусная ложь“. Однако, ни трупы этихъ дѣтей, ни ихъ родные не были найдены. Ложь стала очевидной. Но все же главное, велижское дѣло шло своимъ путемъ.

Слѣдователи старались найти книги, которыя подтвердили бы, что евреямъ нужна кровь. Кровавый навѣтъ рождаетъ клеветниковъ. Ренегатъ Грудинскій выступилъ въ качествѣ надежнаго эксперта; но ксендзь Паздерскій, самъ крещеный еврей, увѣрившій, что евреи употребляютъ христіанскую кровь, призналъ, однако, что тѣ книги, на которыя указалъ Грудинскій, рѣшительно ничего не говорятъ объ употребленіи евреями христіанской крови. Кромѣ того, обнаружилось, что ложны и показанія Грудинскаго, будто онъ самъ, со своими родственниками-евреями, совершалъ убійства съ ритуальной цѣлью; ложь удалось доказать лишь благодаря тому, что разслѣдованіе по этому наговору было возложено по Высочайшему повелѣнію не на кн. Хованскаго и Страхова, а на офицера корпуса жандармовъ. Грудинскій признался, что онъ наклеветалъ на евреевъ, надѣясь такимъ образомъ заработать (1830 г.).

Чтобы нѣсколько обрисовать атмосферу, въ которой протекалъ, все шире разливаясь, велижскій процессъ, слѣдуетъ упомянуть объ одномъ эпизодѣ. Ренегатъ солдатъ Федоровъ заявилъ въ петербургскомъ ордонансъ-гаузѣ, что онъ участвовалъ въ велижскомъ злодѣяніи (его рассказъ оказался ложнымъ), и Хованскій рѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы привести лишнее „доказательство“ въ пользу виновности евреевъ. Въ чемъ же заключалось это доказательство? Вотъ въ чемъ: „Случай сей — писалъ Хованскій — можно признать видимымъ Промысломъ Всевышняго“. „Августа 27 числа онъ, генераль-губернаторъ, — гласитъ документъ,

передающій донесеніе кн. Хованскаго—подписываетъ послѣднее всеподданнѣйшее донесеніе свое Государю Императору, содержащее все изложеніе дѣла сего и заключеніе по оному, и въ тотъ же самый день, на разстояніи 600¹/₂ верстъ, въ С.-Петербургѣ—ибо у Всемогущаго нѣтъ ни времени, ни пространства!—является въ ордонансъ-гаузъ рядовой изъ евреевъ Александръ Федоровъ и тамъ своимъ свидѣтельствомъ уличаетъ велижскихъ евреевъ въ совершенномъ ими злодѣяніи!“.

Не найдя на землѣ достаточныхъ уликъ противъ евреевъ, Хованскій пытался перенести все дѣло въ сферу небесныхъ тайнъ, чтобы воздѣйствовать на религиозное настроеніе государя.

Какъ только дѣло было изъято изъ рукъ Хованскаго и все производство было переслано для сужденія въ Петербургъ, доказчицъ-христіанокъ перевели изъ велижской тюрьмы въ Смоленскъ, поближе къ кн.Хованскому, чтобы лишить ихъ возможности воспользоваться свободой отъ угрозъ слѣдователей, потерявшихъ теперь власть надъ этими несчастными бабами.

Велижское дѣло долго разсматривалось въ Петербургѣ сенаторами, министромъ юстиціи Панинымъ, высказавшимся за необходимость тотчасъ же освободить подсудимыхъ евреевъ отъ суда и слѣдствія, и, наконецъ, членами государственнаго совѣта. Многіе вѣрили, что въ Велижѣ была пролита кровь съ ритуальною цѣлью. Но эту бессознательную вѣру въ легенду разсѣялъ адмиралъ Н. Мордвиновъ ¹⁾.

Какъ предсѣдатель департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ (государственнаго совѣта), онъ подробно ознакомилъ товарищей по департаменту съ этимъ сложнымъ и громоздкимъ дѣломъ. Разрушивъ, подобно Панину, тѣ судебныя основы, на которыхъ велижскіе слѣдователи построили обвиненіе, Мордвиновъ, кромѣ того, ясно, безъ обиняковъ, заявилъ, что евреи пали жертвою заговора, жертвою слѣдователей съ кн. Хованскимъ во главѣ, омраченныхъ предубѣжденіемъ, ожесточенныхъ фанатизмомъ. Члены департамента присоединились къ мнѣнію Мордвинова, и тогда отъ имени департамента была внесена подробная записка въ общее со-

¹⁾ См. о немъ стр. 79.

браніе членовъ государственнаго совѣта. Дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ оно „генераль-губернаторомъ кн. Хованскимъ доведено до Высочайшаго свѣдѣнія“, гласила записка, заключающая въ себѣ разрѣшеніе не однихъ только частныхъ случаевъ, но и общаго вопроса объ употребленіи евреями христіанской крови. И вотъ, въ виду важности дѣла, принимая во вниманіе, что и общій вопросъ, и частный о велижскомъ событіи представлены государю не въ надлежащемъ освѣщеніи, адмиралъ Мордвиновъ, имѣя право, по установленному порядку, высказать одно лишь заключеніе, не приводя мотивовъ, призналъ необходимымъ, „единственно для доведения до Высочайшаго свѣдѣнія“, изложить также соображенія и замѣчанія по поводу процесса. Сообщивъ данныя по исторіи кроваваго навѣта, и перейдя къ велижскому событію, Мордвиновъ указалъ, что „при настоящемъ состояніи просвѣщенія дѣло сіе не долженствовало бы входить въ кругъ предметовъ судебного разсмотрѣнія, но такъ какъ по оному подвергнуты заключенію 42 человекъ евреевъ... а притомъ оное является въ такомъ свойствѣ, въ какомъ подобныхъ не представляетъ и древняя судебная область“, департаментъ счелъ своимъ долгомъ разсмотрѣть все дѣло въ подробности и съ полнымъ вниманіемъ. Приведа рядъ данныхъ, ясно говорившихъ о томъ, что обвиненіе было построено на ложныхъ показаніяхъ христіанокъ; сославшись далѣе на рядъ фактовъ, доказывавшихъ, что то, что сообщили христіанки, не могло быть въ дѣйствительности, адмиралъ Мордвиновъ засвидѣтельствовалъ, что всѣ эти обстоятельства „обнаруживаютъ одинъ замыселъ оговорить евреевъ, въ который по какому-то сильному вліянію вовлечены христіанки, для вѣрнѣйшаго достиженія сей цѣли принявшія на себя участіе въ убійствѣ“, что вообще „обвиненіе евреевъ въ ужасныхъ преступленіяхъ имѣло источникомъ злобу и предубѣжденіе и было ведено подъ какимъ-то сильнымъ вліяніемъ“. Отмѣтивъ, что комиссія не могла не замѣтить явной лжи въ показаніяхъ христіанокъ, Мордвиновъ, чтобы связать ея злобную и преступную дѣятельность съ именемъ кн. Хованскаго, привелъ изъ его всеподданнѣйшихъ докладовъ завѣренія, будто комиссія дѣйствуетъ правильно, будто показанія солдата Федорова, данныя въ петербургскомъ ордонансъ-гаузѣ, могутъ

„служить неоспоримою уликою противъ упорныхъ преступниковъ“, и, въ заключеніе, Мордвиновъ процитировалъ тѣ строки, въ коихъ кн. Хованскій по поводу солдата Федорова сослался на Промыслъ Всевышняго.

Защитительное слово Мордвинова спасло евреевъ. Государственный совѣтъ сталъ на его точку зрѣнія. Евреи были признаны невиновными (1834 г.).

Государственный совѣтъ рѣшилъ даже поручить министру внутреннихъ дѣлъ подтвердить Высочайшій указъ 1817 г., запретившій взводить на евреевъ обвиненія въ употребленіи христіанской крови. Государь, однако, не санкціонировалъ послѣдняго распоряженія государственнаго совѣта.

Что касается оправдательнаго вердикта, то государь положилъ слѣдующую резолюцію.

„Раздѣляя мнѣніе государственнаго совѣта, что въ дѣлѣ семь, по неясности законныхъ доводовъ, другого рѣшенія послѣдовать не можетъ, какъ то, которое въ утвержденномъ мной мнѣніи изложено, считаю, однако, нужнымъ прибавить, что внутренняго убѣжденія, чтобъ убійство евреями произведено не было, не имѣю и имѣть не могу. Неоднократные примѣры подобныхъ умерщвленій съ тѣми же признаками, но всегда непонятными по недостатку законами требуемыхъ доказательствъ и даже нынѣ производимое весьма странное дѣло въ Житомирѣ, доказываютъ, по моему мнѣнію, что между евреями существуютъ, вѣроятно, изуверы или раскольники, которые христіанскую кровь считаютъ нужной для своихъ обрядовъ,—сіе тѣмъ болѣе возможнымъ казаться можетъ, что къ несчастію и среди насъ, христіанъ, существуютъ иногда такіа секты, которыя не менѣе ужасны и непонятны; н. п. сожигальщики и самоубійцы, которыхъ неслыханный примѣръ былъ уже при мнѣ, въ Саратовской губерніи. Словомъ, не думая отнюдь, чтобы обычай сей могъ быть общимъ евреямъ, не отвергаю однако, чтобы среди ихъ не могли быть столь же ужасные изуверы, какъ и между насъ, христіанъ“.

Несмотря на такое отношеніе къ вопросу объ употребленіи евреями христіанской крови, государь, какъ видимъ, утвердилъ оправдательный вердиктъ государственнаго совѣта, а этому нельзя не придать особаго значенія, если вспомнить, какъ

много труда было положено на то, чтобы евреи были признаны виновными ¹⁾.

Мучительныя перепитія велижскаго процесса обусловливались не однимъ лишь исключительнымъ положеніемъ еврейскаго населенія, но также и общими условіями тогдашней русской жизни,—произволь администраціи былъ страшенъ для всѣхъ обывателей, въ судебныхныхъ учрежденіяхъ рѣдко кто находилъ защиту и правду.

Но въ велижскомъ дѣлѣ отразилась и специфическая сторона еврейскаго существованія, — вѣрнѣе, быть-можетъ, сказать, что всѣ проявленія еврейской жизни разсматривались правительствомъ съ той же точки зрѣнія, какъ и велижское дѣло. Подобно тому, какъ обвиненіе въ умерщвленіи ребенка было предъявлено не только къ тѣмъ, кто очутился въ тюрьмѣ, но и къ прочимъ сотнямъ тысячъ евреевъ, такъ и при регламентации еврейской жизни вина одного еврея ставилась въ вину всѣмъ остальнымъ.

Это не было новинкой. И ранѣе на еврейское населеніе смотрѣли, какъ на нѣчто однородное и цѣлое, частицы котораго неотдѣлимы одна отъ другой, и евреи, выступавшіе на защиту правъ своихъ единовѣрцевъ, неоднократно указывали на несправедливость такого отношенія.

Графъ Николай Семеновичъ Мордвиновъ.

¹⁾ Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ было предпринято специальное разслѣдованіе, результатомъ чего явилась книжка, отпечатанная въ ограниченномъ числѣ анонимно въ 1844 г.: „Розысканіе о убіеніи евреями христіанскихъ младенцевъ и употребленіи крови ихъ“; экземпляры были вручены государю, членамъ царской фамиліи и государственнаго совѣта.

Но теперь, когда ограничительное законодательство приняло большие размеры, принцип ответственности одного за всех и всех за одного шире охватил еврейскую жизнь, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ еврейскомъ народѣ стало происходить социально-культурное разслоение, — круговая порука, возложенная на еврейское население, стала еще болѣе ощутимой, чѣмъ раньше.

Важнѣйшими законодательными памятниками этого періода являются Положенія 1835 и 1844 г.г. Первое ввело внутреннюю еврейскую жизнь въ рамки, такъ сказать, параграфовъ, урегулировало нѣкоторыя ея стороны, не внося замѣтныхъ измѣненій въ культурно-общественный и религиозный бытъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно какъ бы подвело итогъ мѣропріятіямъ, ограничивавшимъ права евреевъ. Что касается законовъ 1844 г., то они имѣли цѣлью въ корнѣ реформировать еврейскую жизнь.

Законы обычно не говорятъ о своемъ происхожденіи. А между тѣмъ часто для историческаго изслѣдованія представляютъ интересъ не столь сами законы, сколько ихъ творцы. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія и закулисная сторона указанныхъ выше законодательныхъ актовъ о евреяхъ. Если правительственная дѣятельность сороковыхъ годовъ въ той или другой мѣрѣ питалась мыслями нѣкоторыхъ еврейскихъ общественныхъ дѣятелей, то законодательная работа тридцатыхъ годовъ, нашедшая отчасти свое выраженіе въ Положеніи 1835 г., протекла подъ воздѣйствіемъ извѣстныхъ христіанскихъ классовъ. Осуществилось не все то, о чемъ мечтали въ этомъ случаѣ христіане, побуждаемые заботой о своихъ личныхъ, а отнюдь не объ общественныхъ интересахъ; но разсматривая даже то, что было приведено въ дѣйствіе, поражаешься тѣмъ, что иногда творцами ограничительныхъ законовъ о евреяхъ являются мелкія обывательскія группы, врядъ ли имѣвшія значеніе въ своемъ собственномъ кругу. Этимъ, конечно, характеризуется настроеніе правящихъ сферъ, которыя давали нерѣдко жизнь корыстнымъ домогательствамъ даже незначительныхъ общественныхъ группъ и тѣмъ скорѣе воспринимали вождельнія болѣе сильныхъ общественныхъ классовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя

сомнѣваться въ томъ, что если бы само общество не выступало, руководясь матеріальными интересами, по собственной инициативѣ противъ евреевъ, какъ конкурентовъ, репрессивная дѣятельность правительства не приняла бы столь крупныхъ размѣровъ.

Большинство законовъ, касавшихся внѣшней жизни евреевъ, имѣло цѣлью ограничить свободу передвиженія и жительства.

Были сдѣланы попытки придать широкіе размеры возобновившемуся при Александрѣ I выселенію изъ деревень.¹⁾ Нашлись администраторы, которые, дѣйствуя въ духѣ времени, готовы были принять въ этомъ отношеніи рѣшительныя мѣры. Но одновременно раздались авторитетные голоса о томъ, что прежде, чѣмъ изгнать евреевъ, слѣдовало бы выяснитъ себѣ, почему крестьяне находятся въ бѣдственномъ положеніи? Дѣйствительно ли вредъ, причиняемый евреями, превышаетъ прочія причины, зависящія отъ помѣщиковъ? Указывалось, что ничто не поможетъ крестьянамъ, пока будетъ существовать вольная продажа водки, пока помѣщики не просвѣтятся настолько, чтобы сознать необходимость заботиться о благосостояніи крестьянъ.

Департаментъ законовъ, разсматривая проектъ Положенія 1835 г., засвидѣтельствовалъ, что мѣра выселенія, предпринимаемая съ цѣлью улучшить состояніе бѣдствующихъ крестьянъ, встрѣтивъ почти всюду непреодолимыя препятствія къ своему осуществленію, была приведена въ дѣйствіе лишь въ Бѣлоруссіи, а здѣсь опытъ не оправдалъ надеждъ; насильственная мѣра разорила евреевъ, но не видно, чтобы улучшилось состояніе поселянъ; изгнаніе лишитъ евреевъ возможности уплачивать повинности, вызоветъ скопленіе бѣдныхъ въ городахъ и мѣстечкахъ, а также разореніе еврейскихъ обществъ, несущихъ отвѣтственность за платежъ подати; а между тѣмъ еще не доказано, дѣйствительно ли бѣдственное положеніе крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ происходитъ отъ евреевъ, а не отъ многихъ другихъ мѣстныхъ причинъ; поэтому мѣру выселенія изъ законопроекта надо исключить, и тамъ, гдѣ оно назначено, но еще не исполнено,

¹⁾ См. стр 148.

остановить. Это заключение ¹⁾ было утверждено государственнымъ совѣтомъ. Но Николай I положилъ резолюцію: „Тамъ, гдѣ мѣра сія начата, неудобно сего отмѣнять; но оставить до времени въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ еще къ сему приступлено не было“ (1835 г.).

Такимъ образомъ, принудительныя мѣры противъ евреевъ въ деревняхъ были вновь, какъ много лѣтъ назадъ, признаны безцѣльными и безосновательными. Евреи оказались безъ вины виноватыми. Но и это не спасло ихъ, какъ мы дальше увидимъ, отъ новыхъ такихъ же испытаній.

Указанная попытка не удалась главнымъ образомъ потому, что ея осуществленіе угрожало казеннымъ интересамъ — разоренное еврейское населеніе не могло бы платить подати. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда не предвидѣлось особыхъ потерь для казны, репрессивныя мѣры проводились съ большей настойчивостью, а нерѣдко и съ большимъ успѣхомъ. Въ этомъ отношеніи представляли благодарную почву отдѣльные города.

Первое мѣсто среди нихъ занялъ Кіевъ. Если въ свое время въ Вильнѣ образъ Богородицы могъ помѣшать евреямъ жить на извѣстныхъ улицахъ ²⁾ и вмѣстѣ съ тѣмъ освободить христіанъ-торговцевъ отъ конкуренціи евреевъ, то кіевскіе купцы, желая избавиться отъ сосѣдей-евреевъ, нашли лучшее орудіе борьбы: въ Кіевѣ покоятся мощи угодниковъ, и потому здѣсь не должно быть мѣста для кагала и еврейскаго молитвеннаго дома. Къ тому же Кіевъ имѣетъ старинныя привилегіи, запрещающія проживаніе евреевъ. Конечно, существовали Высочайшіе указы, предоставившіе евреямъ право осѣлости въ городѣ ³⁾, но путемъ казуистики была поколеблена сила даже этихъ актовъ. И вотъ, „для удовлетворенія справедливымъ исканіямъ гражданъ“ было предложено удалить всѣхъ евреевъ, разрѣшивъ временное пребываніе лишь отдѣльнымъ группамъ. Комитетъ министровъ хотѣлъ было отсрочить рѣшеніе этого вопроса, но Николай I потребовалъ

¹⁾ Въ общемъ, повтореніе того, что высказалъ комитетъ Попова (1809—1812 г.). См. стр. 120—121.

²⁾ См. стр. 147.

³⁾ Въ 1801 и 1810 гг.

не откладывать дѣла. Вскорѣ послѣдовало запрещеніе (1827 г.) евреямъ жить въ городѣ; лишь нѣкоторыя категоріи могли пріѣзжать на время.

Когда началось выселеніе, кіевскіе евреи стали терпѣть громадныя убытки, такъ какъ христіане, пользуясь безысходностью ихъ положенія, назначали цѣны на продаваемое имущество по своему усмотрѣнію. Генераль-губернаторъ Левашовъ возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи евреямъ жить хотя бы „особымъ форштатомъ“, такъ какъ они полезны для города и въ томъ отношеніи, „что при умѣренности и простотѣ ихъ жизни, имѣютъ возможность продавать товары гораздо дешевле“, такъ что съ высылкой евреевъ многіе товары и издѣлія не только вздорожаютъ, но ихъ вовсе невозможно будетъ имѣть; нельзя, говорилъ Левашевъ, не отдать предпочтенія пользѣ жителей предъ выгодами, ожидаемыми христіанскимъ купечествомъ отъ удаленія евреевъ. Комитетъ министровъ согласился отвести для евреевъ особое мѣсто вблизи Кіева, вмѣстѣ съ тѣмъ давъ имъ отсрочку для ликвидаціи дѣлъ. Но Николай I положилъ (1833 г.) резолюцію: „отсрочить, какъ предложено, согласенъ, но отнюдь подъ Кіевомъ не селиться“. Левашовъ еще разъ имѣлъ случай указать, что едва только начали выселять евреевъ, все необходимое, какъ частнымъ лицамъ, такъ и казнѣ, вздорожало, изъ чего легко заключить, что домогательства нѣсколькихъ купцовъ-христіанъ клонились не къ сохраненію привилегій, никогда не осуществившихся, но къ устраненію конкуренціи. Департаментъ законовъ, разсматривая проектъ Положенія 1835 г., призналъ справедливость этихъ доводовъ, и хотя ему было извѣстно отрицательное отношеніе государя къ оставленію евреевъ въ Кіевѣ, онъ все же постановилъ—представить государю соотвѣтствующія объясненія; въ государств. совѣтѣ къ этому мнѣнію присоединились 14 членовъ; но прочіе 15 членовъ не сочли возможнымъ обсуждать вопросъ, уже предрѣшенный Высочайшими резолюціями. Евреи были изгнаны. Это вскорѣ отразилось на экономическомъ положеніи города; генераль-губернаторъ возбудилъ ходатайство о томъ, чтобы доступъ въ Кіевъ для срочнаго пребыванія, помимо купцовъ 1 и 2 гильдій, былъ разрѣшенъ и нѣкоторымъ другимъ категоріямъ мѣстныхъ евреевъ. А чтобы, по возможности, предотвратить водвореніе

ихъ въ городѣ, столь неугодное купечеству, предложилъ учредить подворья, въ коихъ евреи не могутъ имѣть ночлега. Такимъ-то образомъ въ 1843 г. возникло кievское „гетто“. Къ 10 час. вечера каждый еврей обязанъ былъ находиться въ своей „юстинницѣ“. Въ подворьяхъ евреи подвергались всяческимъ стѣсненіямъ и вымогательствамъ¹⁾.

Въ ту пору право проживанія евреевъ было ограничено въ рядѣ городовъ; преслѣдовались при этомъ различныя цѣли, причемъ, какъ въ Кіевѣ, разгоралась борьба между административными лицами и учреждениями.

Въ Каменцѣ-Подольскомъ христіанскій торговый элементъ, ссылаясь на старинныя привилегіи, пытался добиться изгнанія евреевъ изъ города; когда же это не удалось, возникла мысль ограничить ихъ жительство извѣстными кварталами, и все это дѣло завершилось тѣмъ, что евреямъ запретили пріобрѣтать на извѣстныхъ улицахъ новые дома и даже исправлять свои собственные, пришедшіе въ ветхое состояніе. Такія же, въ общемъ, стѣсненія были введены въ Ковнѣ по просьбѣ четырнадцати мѣстныхъ христіанъ. Въ Житомирѣ евреямъ запретили (1854 г.) жить въ нѣкоторыхъ кварталахъ, „какъ составляющихъ лучшую и главную часть города“; на запретныхъ улицахъ они могли владѣть домами лишь для сдачи въ наемъ христіанамъ.

Примѣру христіанъ послѣдовали и караимы; опираясь на старинную привилегію, они добились — послѣ многолѣтнихъ ходатайствъ — изгнанія всѣхъ евреевъ, жившихъ въ г. Троки.

Въ этихъ случаяхъ инициаторами являлись городскія общества, преслѣдовавшія матеріальныя выгоды.

Были, однако, города, гдѣ изгнаніе евреевъ произошло при иныхъ обстоятельствахъ.

Въ Севастополѣ и Николаевѣ, военныхъ портахъ, пребываніе евреевъ было самимъ государемъ признано „неудобнымъ и вреднымъ“, и всѣ евреи, кромѣ находившихся на военной службѣ, должны были покинуть эти города. По личному требованію государя евреи утратили также право проживать въ Ялтѣ.

Стѣсненія въ жительство были завершены отторженіемъ

1) Подобныя гетто существовали въ Ригѣ и Москвѣ.

двухъ областей отъ черты осѣдлости: Царства Польскаго и Курляндіи, которыя были обращены какъ бы въ особыя „черты осѣдлости“, недоступныя для евреевъ, кромѣ уже водворившихся тамъ. При этомъ евреи изъ Царства Польскаго¹⁾ были лишены (1828 г.) права поселяться въ Имперію, т.-е. въ чертѣ осѣдлости; курляндскіе же евреи, водворившись въ чертѣ осѣдлости, теряли право на возвращеніе въ Курляндію; курляндскія еврейки, выйдя замужъ за не-мѣстныхъ евреевъ, не могли вернуться на родину.

Если столь многообразны были ограниченія на территорію, которую, въ глазахъ правительства, сама исторія какъ бы обрекла въ жертву евреямъ, то съ какой бдительностью должна была охраняться отъ евреевъ область, лежавшая за предѣлами ихъ постоянной осѣдлости. Тутъ во всей силѣ выступали религіозные мотивы, а также своеобразно понимаемые экономическіе интересы.

Только фабриканты, купцы и ремесленники — если искусство послѣднихъ необходимо для общественной пользы! — могли на опредѣленное время переступить черту, но отнюдь не мѣщане; при этомъ были установлены соотвѣтствующія подробныя правила (1827 г.). Сверхсрочное пребываніе еврея внѣ черты осѣдлости почиталось дѣломъ столь важнымъ, что о каждомъ случаѣ, когда еврею разрѣшалось оставаться гдѣ-либо сверхъ десяти мѣсяцевъ, доводилось до свѣдѣнія комитета министровъ.

Обремененіе высшаго государственнаго учрежденія столь мелкими заботами было бы непонятно, если бы не было извѣстно, что пребываніе даже одного-двухъ евреевъ во внутреннихъ губерніяхъ признавалось опаснымъ для религіозныхъ убѣжденій мѣстнаго христіанскаго населенія — разрѣшивъ однажды, въ видѣ изыятія, двумъ евреямъ завѣдывать винокурениемъ на казенныхъ иркутскихъ заводахъ, государь потребовалъ отобрать у нихъ подписку, „дабы они не склоняли никого въ еврейскую вѣру“.

Однако, несоотвѣтствіе между общепризнаннымъ значеніемъ торговой дѣятельности евреевъ²⁾ и ограничительными

1) О евреяхъ Царства Польскаго см. особыя главы.

2) См. стр. 78—79.

законами, препятствовавшими ея естественному развитію, было слишкомъ явно, и когда въ государственномъ совѣтѣ разсматривался проектъ Положенія 1835 г., былъ поднятъ вопросъ о предоставленіи купцамъ первой гильдіи права повсемѣстнаго жительства.

Департаментъ законовъ высказался въ пользу евреевъ, но это вызвало разногласіе въ общемъ собраніи.

Евреи многократно домогались дозволенія селиться въ великороссійскихъ губерніяхъ, заявила группа изъ 22 членовъ государственнаго совѣта, „но отъ временъ императора Петра Великаго донинѣ Правительство постоянно отклоняло покушенія ихъ къ сему“; если дозволить жительство въ Россіи даже однимъ лишь купцамъ 1-й гильдіи, то, поддерживаемые обширными связями „со своими единовѣрцами, они, не имѣя потребностей, свойственныхъ классу образованнѣйшаго купечества, и довольствуясь вообще въ домашнемъ быту своемъ весьма малымъ“, могутъ дѣлать подрывъ торговымъ предпріятіямъ прочимъ.

Этотъ мотивъ—огражденіе русскаго купечества отъ конкуренціи—былъ теперь выдвинутъ не впервые: неоднократно купечество съ этой цѣлью добивалось удаленія евреевъ изъ городовъ; администрація же, напротивъ, именно ссылаясь на необходимость конкуренціи и на скромную семейную жизнь евреевъ, требовала оставленія ихъ на мѣстахъ ¹⁾).

Но дѣло было не только въ экономической защитѣ христіанскаго купечества, но и въ охранѣ религіознаго чувства христіанскаго населенія; неприязнь къ евреямъ коренилась въ фанатизмъ, который былъ, какъ видно, свойственъ извѣстнымъ кругамъ высшаго русскаго общества.

Дозволеніе евреямъ—говорила указанная группа членовъ государственнаго совѣта—постояннаго пребыванія во внутреннихъ губерніяхъ произвело бы весьма неприятное впечатлѣніе въ народѣ, который, и по понятіямъ вѣры, и по общему мнѣнію о нравственныхъ свойствахъ евреевъ, вообще привыкъ чуждаться и презирать ихъ; иностранныя державы, гдѣ евреямъ предоставлены всѣ гражданскія права, не могутъ служить примѣромъ для Россіи, какъ въ виду

¹⁾ См. стр. 189.

многочисленности евреевъ, такъ и потому, что „правительство и народъ нашъ, при всей извѣстной вѣротерпимости, весьма однако же далеки отъ того равнодушія, съ которымъ нѣкоторыя другія націи смотрятъ на предметы вѣры“.

Русскій народъ по своему религіозному рвенію не любить евреевъ,—таковъ доводъ, плодъ выдумки, а не русской дѣйствительности, который долженъ былъ лечь въ основу разрѣшенія еврейскаго вопроса.

Не всѣ члены государственнаго совѣта раздѣляли подобный взглядъ. Хотя въ ту пору всякое слово, сказанное въ пользу установившагося режима, а еще болѣе во славу господствующей церкви, принималось съ особой благосклонностью въ высшихъ правительственныхъ кругахъ, все же тринадцать членовъ, разсматривая возбужденный вопросъ, отказались отъ религіозныхъ и національных предубѣжденій, руководствуясь лишь соображеніями о государственной пользѣ.

Отмѣтивъ, что послѣдній изъ евреевъ, независимо отъ его нравственныхъ качествъ, получаетъ, какъ только онъ крестится, всѣ тѣ права, въ которыхъ отказываютъ достойнымъ евреямъ, эти члены государственнаго совѣта указали на то, что лучшее средство преобразовать бытъ евреевъ, это—дать имъ возможность обратиться къ болѣе облагоустроеннымъ занятіямъ; „унижая же ихъ и отъемля не только ободреніе, но и права, закономъ извѣстному состоянію присвоенныя“, достигнуть такой цѣли нельзя. Нѣтъ основанія стѣснять евреевъ въ торговлѣ: „соревнованіе и подрывы торговлѣ могутъ быть между купцами взаимны“; вѣдь изъ-за этого не запрещаютъ иностранцамъ торговать въ Россіи; если евреи занимаются преимущественно мелочной торговлей, то это отчасти и должно быть объяснено стѣсненіемъ ихъ правъ и тѣмъ, что они не свободны въ выборѣ мѣста жительства; въ другихъ державахъ многіе евреи приобрѣли извѣстность благодаря своей финансовой дѣятельности.

Въ сторонѣ отъ спорящихъ группъ остался членъ государственнаго совѣта адмиралъ Грейгъ. Онъ понялъ, что споръ сведенъ не къ тому, разрѣшить ли или не разрѣшить купцамъ постоянное пребываніе внѣ черты, а къ вопросу о томъ, какъ должно правительство вообще относиться къ еврейскому народу?

Если признать, говорилъ Грейгъ, что трудолюбивый чело-
вѣкъ, занимающійся промыслами, полезный членъ въ
обществѣ, то чѣмъ болѣе будетъ въ государствѣ таковыхъ
людей, „какой бы они вѣры и исповѣданія ни были“, тѣмъ
скорѣе можетъ увеличиться богатство народное. И такъ какъ
евреи признаются вообще обладающими качествами торго-
выхъ людей, то они, „по крайней мѣрѣ въ семъ отношеніи,
есть люди для государства не бесполезные“. Существуетъ
противъ евреевъ предубѣжденіе „насчетъ ихъ хитрости, но
какъ нужда есть первая изобрѣтательница всѣхъ существую-
щихъ въ свѣтѣ предприятий и успѣховъ въ наукѣ и тор-
говлѣ, слѣдственно и въ семъ отношеніи нельзя собственно
на нихъ однихъ возложить бремя какого-либо нареканія:
ибо хитрые люди и другой религіи или исповѣданія не под-
лежатъ ли сему упреку?—а посему, если миновать разсужденія
объ ихъ вѣрѣ“, то нельзя умолчать и о томъ, что во всѣхъ госу-
дарствахъ они отличаются „и скромностью жизни, и совершен-
нымъ повиновеніемъ правительству“. Не слѣдуетъ вообще стѣ-
снять евреевъ ни въ торговлѣ, ни въ ихъ религіозномъ бытѣ.

Ознакомившись съ различными мнѣніями, высказанными
въ государственномъ совѣтѣ, государь по поводу заявленія,
что въ Россіи нѣтъ того равнодушія, съ которымъ другіе на-
роды относятся къ вѣрѣ, отмѣтилъ „Слава Богу“, а Высочай-
шая рѣшающая резолюція гласила: „Вопросъ сей разрѣшенъ
Петромъ Великимъ; я его не осмѣливаюсь перемѣнять; со-
вершенно раздѣляю мнѣніе 22-хъ членовъ“.

Ссылка на Петра I какъ бы вводила разрѣшеніе вопроса
въ кругъ традицій, предъ которыми должны были исчезнуть
умствованія и новшества. Но въ дѣйствительности ссылка
на Петра Великаго, сдѣланная членами государственнаго со-
вѣта, не имѣла подъ собою реальной почвы—скудная свѣ-
дѣнія, сохранившіяся объ отношеніи Петра I къ евреямъ,
отнюдь не говорятъ о томъ, чтобы онъ безусловно препят-
ствовалъ появленію евреевъ въ странѣ.

Какъ бы ни было, восторжествовала религіозно-національ-
ная политика, и черта осѣдлости попрежнему должна была
держать евреевъ у себя взаперти. Лишь немногочисленная
группа могла на короткое время, для торговыхъ дѣлъ, появ-
ляться внутри государства.

Конечно, стѣснительныя мѣры по-прежнему заставляли
какъ евреевъ, такъ и христіанъ—чаще всего въ дружескомъ
согласіи—обходить законы. Кары, которыя налагались на
евреевъ, были безсильны удерживать ихъ отъ нарушенія
запрета; пришлось даже издать законъ (1840 г.) о взыска-
ніи штрафовъ съ помѣщиковъ Великороссійскихъ губерній за
проживательство у нихъ евреевъ. Впрочемъ, нарушать за-
коны приходилось порою и высшимъ представителямъ власти.
Съ другой стороны, подъ давленіемъ требованій жизни, были
введены облегченія для временнаго пребыванія внѣ черты
не только купцовъ, но и мѣщанъ. При этомъ, конечно, были
опять-таки установлены мѣры, долженствовавшія предуп-
редить возможность злоупотребленія новымъ закономъ, но все
же евреямъ удавалось устраиваться небольшими группами въ
запретныхъ мѣстностяхъ. Такъ, напр., довольно многолюд-
ная община, возникшая, вѣроятно, въ концѣ восемнадцатаго
вѣка, существовала въ Петербургѣ. Когда въ тридцатыхъ
годахъ послѣдовало повелѣніе уничтожить общину, пришлось
употребить много усилій, чтобы разрушить ее. Но уже вскорѣ
она возродилась, конечно, съ вѣдома администраціи.

На ряду съ домогательствами объ удаленіи евреевъ изъ
городовъ или, по крайней мѣрѣ, съ главныхъ улицъ, хри-
стіанскія общества еще въ большей степени добивались того,
чтобы евреи были устранены отъ участія въ сословно-город-
скомъ самоуправленіи. Однако, несмотря на то, что это дви-
женіе, начавшееся въ предшествующее царствованіе ¹⁾, не
прерывалось и въ годы правленія Николая I, и что проектъ
Положенія 1835 г. говорилъ о полномъ устраненіи евреевъ
отъ общественныхъ должностей, Положеніе 1835 г. не только
не стѣснило евреевъ въ правахъ, какъ представителей го-
родского общества, но уравнило ихъ въ этомъ отношеніи
съ прочимъ населеніемъ, постановивъ, что евреи, умѣющие
читать и писать по-русски, могутъ быть избираемы въ члены
городскихъ думъ, магистратовъ и ратушъ на томъ же осно-
ваніи, какъ и лица другихъ вѣроисповѣданій.

Этотъ новый порядокъ вызвалъ, конечно, сильное возму-
щеніе тамъ, гдѣ польскія привилегіи напоминали о заманчи-

¹⁾ См. стр. 147—149.

вомъ прошломъ, когда евреи, неся обязанности, не пользовались никакими правами. И вотъ, были вынесены на свѣтъ Божій запыленные аргументы. Неоднократно евреи занимали должности бургомистровъ и городскихъ головъ, и это не вызывало никакихъ недоразумѣній религіознаго характера. Теперь же на Литвѣ раздались голоса, что евреямъ никакъ нельзя быть бургомистрами и городскими головами, такъ какъ „бургомистръ есть въ судилищѣ предсѣдатель, а градскій глава, бывъ представителемъ всего общества, обязанъ въ день открытія выборовъ... вести обывателей въ церковь для выслушанія Божественной литургии и приведенія затѣмъ къ присягѣ“; а избраніе евреевъ даже въ члены городскихъ магистратовъ и ратушъ „нѣкоторымъ образомъ не соотвѣтствуетъ приличію и святости судилищъ, въ коихъ нерѣдко при зеркалѣ и крестѣ совершаются присяги, а равно требуются судьи изъ людей, за честность и безпорочность которыхъ ручалась бы, по крайней мѣрѣ, нравственность, внушаемая имъ воспитаніемъ и правилами религіи; въ особенности же не соотвѣтственно предоставить евреямъ право голоса по дѣламъ, собственно между лицами христіанскаго вѣроисповѣданія“...

Въ это время общимъ закономъ объ устройствѣ присутственныхъ мѣстъ въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ было установлено, что въ западныхъ губерніяхъ, т. е. въ частности и въ Литвѣ, гдѣ евреи прежде не пользовались правами гражданъ, имъ предоставляется занимать одну треть должностныхъ мѣстъ въ ратушахъ и магистратахъ. Это неудовлетворило высшую мѣстную власть, находившуюся подъ вліяніемъ городского христіанскаго общества, и вскорѣ (1839 г.) для евреевъ западныхъ губерній были введены ограниченія—они не могли быть городскими головами и бургомистрами, а только членами думы и ратманами ¹⁾, не должны были избираться въ словесные судьи, въ засѣдатели совѣстныхъ судовъ и проч.

Любопытно отмѣтить, что въ это время былъ выдвинутъ новый поводъ къ устраненію евреевъ отъ должности бурго-

¹⁾ Въ Кіевѣ и Вильнѣ они не были допущены къ участию въ городскомъ самоуправленіи.

мистра—могилевскій архіерей доносилъ, что „между истинными причинами необращенія къ православной церкви раскольниковъ служить важнымъ препятствіемъ особенно въ г. Бѣлицѣ ¹⁾ и то, что въ семь городѣ градскимъ головой еврей... и что для церкви было бы полезно удалить его отъ сей должности и опредѣлить на его мѣсто другого, изъ христіанъ“...

Ограниченія стали на практикѣ, какъ это всегда бываетъ, еще болѣе расширяться. Важное значеніе имѣло то, что въ связи съ отдѣльными выборами, производившимися евреями и христіанами, евреи не участвовали въ выборѣ христіанъ на должности, предоставленныя однимъ христіанамъ. Благодаря же устраненію евреевъ отъ нѣкоторыхъ должностей въ мѣстахъ, гдѣ христіанское торгово-промышленное сословіе было малочисленно, на должности избирались невѣжественные христіане, совершенно неспособные исполнять возлагавшіяся на нихъ обязанности, что вредно отражалось на интересахъ всего городского общества.

Труднѣе всего было проникнуть ограниченіямъ въ Новороссійскій край ²⁾. Здѣсь надъ евреями не тяготѣло то общественное униженіе, которое въ теченіе вѣковъ культивировалось христіанскимъ населеніемъ въ бывшихъ польскихъ губерніяхъ. На югѣ, въ пестрой смѣси различныхъ національностей, они не стояли лицомъ къ лицу, какъ въ Польшѣ, со своимъ старымъ сосѣдомъ-недругомъ. Конечно, и въ Новороссіи матеріальные интересы и религіозные предрасудки вызывали въ отдѣльныхъ случаяхъ столкновенія, но все же общественная атмосфера была здѣсь значительно чище, нежели въ западныхъ губерніяхъ, и поэтому ограниченія стали здѣсь вводиться медленнѣе, и то—не всюду. Такъ, вопреки распоряженію сената, въ Одессѣ евреи наравнѣ съ христіа-

¹⁾ Въ то время уѣздный городъ, въ которомъ еврейское населеніе во много разъ превосходило число христіанъ; нынѣ предмѣстье Гомеля.

²⁾ Положеніе 1835 г., уравнивавшее евреевъ въ избирательномъ правѣ съ христіанами, относилось ко всемъ евреямъ; ограничительный же законъ 1839 г. лишь къ западнымъ губерніямъ. Но въ сводѣ законовъ (1842 г.) была выпущена отмѣтка, что ограниченія имѣли силу для однихъ западныхъ губерній, и, повидимому, вслѣдствіе этого ограниченія стали примѣняться и въ другихъ мѣстностяхъ.

нами избирали городского голову. Это обстоятельство побуждало и кишиневских евреев добиваться такого права, но мѣстное греческое население воспротивилось.

Тенденція предотвращать возможность такъ называемаго „господства“ евреев надъ христіанами, доходившая до какого-то страха предъ эфемерной опасностью, будто угрожавшей со стороны евреевъ религіознымъ убѣжденіямъ христіанскаго населенія, особенно ярко сказалась въ вопросѣ о служащихъ у евреевъ.

Были введены правила съ цѣлью лишить евреевъ-почтарей возможности держать въ подчиненіи христіанъ, служащихъ на почтовыхъ станціяхъ. Откупщики, встрѣчавшіе порой препятствіе въ пользованіи услугами евреевъ въ селеніяхъ, могли имѣть на службѣ у себя христіанъ; послѣдніе же нуждались въ услугахъ христіанокъ, которыя готовили бы имъ пищу и проч.; и вотъ, понадобилось особое Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, чтобы разрѣшить христіанкамъ обслуживать христіанамъ, состоящимъ на службѣ у евреевъ-откупщиковъ; Высочайшее повелѣніе потребовалось и для того, чтобы плотники и другіе мастеровые могли производить работы у евреевъ—это разрѣшеніе было дано лишь потому, что такіе мастеровые не имѣютъ надобности долго проживать въ еврейскихъ домахъ. Кое-гдѣ христіанамъ запрещалось возить евреевъ, обрабатывать ихъ земли.

Государь старался не допускать въ этомъ отношеніи какихъ-либо отступленій. Когда Еврейскій комитетъ разрѣшилъ евреямъ пользоваться услугами работниковъ въ дни Пасхи, Николай I воспротивился этому и потребовалъ, чтобы существующія правила соблюдались во всей строгости. Цесаревичъ Константинъ, разрѣшивъ братьямъ Гейманамъ въ Вильнѣ имѣть христіанскую прислугу, такъ какъ, оставшись въ еврействѣ, они воспитывали своихъ дѣтей въ христіанской религіи, внесъ законопроектъ о дозволеніи христіанамъ служить въ домахъ, гдѣ имѣется хотя бы одинъ крещеный членъ семьи, но государь согласился лишь на то, чтобы христіане служили лишь въ семьяхъ, гдѣ всѣ дѣти обращены въ христіанство.

Въ Курляндіи былъ поднятъ вопросъ о томъ, могутъ ли христіанки-кормилицы поступать въ еврейскіе дома. Вра-

чебная управа привела всяческія соображенія въ пользу свободы кормленія еврейскихъ дѣтей: незамужнія еврейки рѣдко имѣютъ дѣтей, а замужнія не покидаютъ своихъ семей; къ тому же еврейки, вообще слабосильныя, плохія кормилицы; такимъ образомъ, заявила врачебная управа, возникаетъ вопросъ о здоровьи евреекъ-матерей и ихъ малютокъ,—„кормилицы принадлежатъ нѣкоторымъ образомъ къ медицинской части, онѣ служатъ діететическимъ средствомъ“; въдѣ евреямъ не запрещается обращаться за содѣйствіемъ къ врачамъ и повивальнымъ бабкамъ, и было бы жестокостью оставлять новорожденныхъ безъ питанія. Нужно имѣть—замѣтила управа, выходя за предѣлы своей врачебной компетенціи,—очень мало довѣрія къ христіанской религіи, чтобы опасаться за религіозныя чувства христіанокъ, находящихся столь недолго въ еврейскихъ домахъ. Однако, Еврейскій комитетъ, лишь недавно допустившій отступленіе, котораго государь не одобрилъ, не рѣшился сдѣлать новое исключеніе: христіанкамъ было запрещено кормить еврейскихъ дѣтей ¹⁾.

Всячески избѣгая возможности общенія низшихъ христіанскихъ круговъ съ еврейскимъ населеніемъ, правительство, съ другой стороны, само принудило евреевъ войти въ тѣсное соприкосновеніе съ христіанской средою.

Евреи должны были вступить въ общеніе съ христіанами въ рядахъ арміи. Здѣсь уже не было страха за религіозную неустойчивость христіанъ. Здѣсь была забота о томъ, чтобы евреи перешли въ христіанство.

Въ ту пору къ отбыванію натуральной повинности были привлечены новыя группы христіанскаго населенія. Натуральная повинность была распространена въ 1827 г. и на евреевъ, платившихъ до того времени рекрутскій денежный сборъ.

Нововведеніе было объяснено тѣмъ, что справедливость требуетъ, „чтобы рекрутская повинность къ облегченію нашихъ вѣрноподданныхъ уравниена была для всѣхъ состояній, на коихъ сія повинность лежитъ“. При этомъ была выражена увѣренность, что „образование и способности, кои

¹⁾ Положеніе 1835 г. подтвердило ограничительныя постановленія относительно служенія христіанъ, введя нѣкоторыя облегченія.

приобрѣтутъ они въ военной службѣ, по возвращеніи ихъ изъ оной... сообщатся ихъ семействамъ, для вящей пользы и дучшаго успѣха въ ихъ осѣдлости и домашнемъ хозяйствѣ“.

Что же, однако, представляла собою рекрутская повинность, на которую возлагались такія надежды? Прежде всего надо отмѣтить, что военная служба, продолжавшаяся двадцать пять лѣтъ, мало отдавала здоровыхъ людей—„солдаты были вѣчные труженики, и когда они, разбитые и устарѣвшіе, почти увѣчные, возвращались на родину, то не находили ни семьи, давно умершей или выселенной, ни дома, ни куска земли“. Такова была доля русскихъ солдатъ. Еврейскія же семьи имѣли еще меньше оснований дожидаться прихода своего кормильца—рекрутчина ставила по пути еврея такія опасности, которыхъ не знали его товарищи-христіане: еврея забирали въ солдатскую шинель физически неподготовленнымъ къ тяготамъ службы, а затѣмъ его принудительно склоняли къ переходу въ христіанство.

Еврейямъ приходилось отбывать рекрутскую повинность на особыхъ условіяхъ, которыя, при полномъ игнорированіи боевыхъ интересовъ арміи, должны были ввести въ ея ряды возможно большее число евреевъ, независимо отъ ихъ физическаго состоянія, и между прочимъ малолѣтнихъ рекрутъ. Возрастъ для русскихъ рекрутъ былъ установленъ въ предѣлахъ отъ 20 до 35 лѣтъ, для евреевъ же—отъ 12 до 25 лѣтъ. Фактически, однако, брали еврейскихъ дѣтей и въ меньшемъ возрастѣ. При этомъ годы, проведенные въ подготовительной службѣ до 18-ти лѣтняго возраста, не засчитывались въ срокъ дѣйствительной службы.

Все это дѣлалось съ той цѣлью, чтобы возможно успѣшнѣе разрушить религіозно-національный укладъ еврейской жизни; имѣлось въ виду, что вырванные изъ родной среды, перенесенные на далекую чужбину, солдаты вынуждены будутъ отрѣшиться отъ традиціи и въ извѣстномъ числѣ обратятся въ христіанство. Надежда, что переходъ въ христіанство станетъ обычнымъ явленіемъ, ярко выразился въ рядѣ официальныхъ актовъ. Введенные въ составъ русской арміи евреи продолжали оставаться особой религіозной группой, не имѣвшей права считать себя равной съ товарищами по оружію. Такъ, напр. (1832 г.), „рядовые, поступившіе на службу

изъ евреевъ и остающіеся въ семъ вѣроисповѣданіи“, могли быть производимы въ унтеръ-офицеры только за военные отличія, а позже это правило было измѣнено въ томъ смыслѣ, „что рядовыхъ изъ евреевъ, не принявшихъ христіанскую вѣру“, отличившихся въ сраженіяхъ, можно производить въ унтеръ-офицеры лишь съ особаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Высочайшаго разрѣшенія.

То, что евреи, „не принявшіе христіанства“, лишались извѣстныхъ правъ по службѣ, создавало такую атмосферу, въ которой утрачивалось всякое представленіе о дозволенномъ и недозволенномъ. Ужъ если на русскихъ солдатахъ „выѣзжало всякое самолюбіе, всякая фантазія, всякій капризъ“, то сколько же должны были выстрадать евреи, самимъ закономъ поставленные въ ряды паріевъ. Нѣтъ точныхъ данныхъ о томъ, сколько евреевъ-солдатъ было вынуждено перейти въ христіанство; имѣются лишь отрывочныя свѣдѣнія, но несомнѣнно, что армія дала много выкрестовъ¹⁾.

Ряды крещеныхъ пополнялись преимущественно изъ среды дѣтей, т.-е. кантонистовъ, а не взрослыхъ солдатъ.

Кантонистами именовались дѣти солдатъ, становившіеся какъ бы собственностью военнаго вѣдомства; этотъ институтъ выросъ на почвѣ крѣпостничества; крѣпостной, сданный въ солдаты, терялъ своего бывшего господина, помѣщика; солдатъ не могъ заботиться о пропитаніи своей семьи; эту обязанность брало на себя государство; оно выдавало солдатскимъ женамъ паекъ, а ихъ дѣтей кормило.

Къ еврейямъ же институтъ кантонистовъ былъ примѣненъ въ новой формѣ, не вызывавшейся никакими социальными-государственными условіями. Кантонисты-евреи брались не изъ числа солдатскихъ дѣтей, а изъ различныхъ общественныхъ группъ. И цѣль, которая при этомъ преслѣдовалась, не совпадала съ имѣвшейся въ виду въ отношеніи русскихъ кантонистовъ. Христіане-кантонисты должны были служить военнымъ соображеніямъ, евреи—религіознымъ.

Евреи-кантонисты, подобно еврейямъ-солдатамъ, дѣлились на двѣ группы: оставшихся въ еврействѣ и принявшихъ

¹⁾ Въ 1841 г. въ числѣ 167 евреевъ, уволенныхъ въ безсрочный отпускъ было 49 крещеныхъ.

христианство. Первые подвергались различнымъ правовымъ ограниченіямъ. Но не въ этихъ стѣсненіяхъ таились ужасы, наполнявшіе жизнь многострадалныхъ дѣтей. Въ воспоминаніяхъ современниковъ и тѣхъ, кто самъ пережилъ мученичество, описываются пытки, которымъ ближайшее начальство подвергало дѣтей, чтобы заставить ихъ перейти въ христианство. Усылавшіеся въ отдаленнѣйшіе края при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, кантонисты гибли массами въ пути отъ болѣзней и мученій со стороны конвойныхъ. А на мѣстѣ назначенія дѣтей ждали новыя преслѣдованія.

Знаменитый публицистъ А. И. Герценъ, встрѣтивъ около Вятки партію евреевъ-кантонистовъ, съ ужасомъ описываетъ то, что онъ узналъ отъ этапнаго офицера и то, что самъ видѣлъ. Сперва дѣтей погнали въ Пермь, но потомъ направили въ Казань. До Вятки одна треть дѣтей успѣла погибнуть, а изъ оставшихся, по мнѣнію этапнаго офицера, могла дойти до назначенія лишь половина. „Привели малютокъ, рассказываетъ Герценъ, и построили въ правильный фронтъ. Это было одно изъ ужасныхъ зрѣлищъ, которыя я видѣлъ. Бѣдныя, бѣдныя дѣти! Мальчики двѣнадцати, тринадцатилѣтніе еще кое-какъ держались, но малютки восьми, десяти лѣтъ... Ни одна черная кисть не вызоветъ такого ужаса на холстѣ. Блѣдные, изнуренные, съ испуганнымъ видомъ стояли они въ неловкихъ толстыхъ солдатскихъ шинеляхъ со стоячимъ воротникомъ, обращая какой-то безпомощный жалостный взглядъ на гарнизонныхъ солдатъ, грубо равняющихъ ихъ; бѣлыя губы, синіе круги подъ глазами показывали лихорадку или ознобъ. И эти бѣдныя дѣти безъ ухода, безъ ласки, обдуваемые вѣтромъ, который безпрепятственно дуетъ съ Ледовитаго океана, шли въ могилу. Я взялъ офицера за руку и сказавъ: „поберегите ихъ“, бросился въ коляску; мнѣ хотѣлось рыдать; я чувствовалъ, что не удержусь“.

Въ число кантонистовъ попадали не только тѣ, кому наступала очередь для пополненія требуемаго числа рекрутъ; нерѣдко право жительства въ запретной мѣстности покупалось цѣною сдачи сыновей въ кантонисты; иначе родителямъ приходилось отсылать сыновей въ юномъ возрастѣ въ черту осѣдлости или—въ нѣкоторыхъ случаяхъ, самимъ выселяться.

Безысходной скорбью покрыла еврейскую жизнь тѣнь отъ

великой братской могилы, въ теченіе тридцати лѣтъ жадно поглощавшей дѣтей-страдальцевъ.

Видя, какъ одинъ вслѣдъ за другимъ, появлялись ограничительные законы о евреяхъ, еврейскіе общественные дѣятели имѣли всѣ основанія смотрѣть съ тревогой въ будущее, зная, что Еврейскій комитетъ подготавливаетъ новое законодательство. И въ тотъ моментъ, когда законопроектъ былъ переданъ изъ Еврейскаго комитета въ государственный совѣтъ, виленскій кагалъ представилъ (1833 г.) министру внутреннихъ дѣлъ записку, въ которой смѣлыми словами изобразилъ печальную картину еврейской жизни.

Указавъ на то, что отдѣльно изданныя постановленія о евреяхъ, выработанныя Еврейскимъ комитетомъ, являются „однимъ лишь отягощеніемъ, стѣсненіемъ и уменьшеніемъ правъ и выгодъ ихъ въ промыслахъ и мѣстожительствѣ противъ другихъ народовъ, даже иностранныхъ, не христианскаго исповѣданія, и довели уже большую часть народа сего въ крайнее разстройство и въ самое раззореніе“, кагалъ говорилъ, что евреи „съ пораженными сердцами безпрестанно содргаются и трепещутъ на счетъ общаго Еврейскаго Устава, въ томъ же Комитетѣ составленнаго“.

Еврейскій народъ несетъ отвѣтственность и страдаетъ за вину отдѣльныхъ единовѣрцевъ. „Никто изъ народовъ другихъ иностранныхъ вѣроисповѣданій ни мало не терпитъ въ общихъ правахъ за вину частныхъ своего сословія лицъ, ибо никакой безпристрастный судья не можетъ отвести вину на счетъ другого человѣка потому только, что онъ съ виновнымъ одной религіи“. Законы Россійскаго государства предписываютъ, чтобы никто безъ надлежащихъ доказательствъ и уликъ ни въ какомъ преступленіи не обвинялся, чтобы участь обвиняемыхъ не рѣшалась безъ истребованія отъ нихъ объясненій, „а въ такомъ случаѣ евреи противъ всѣхъ возведенныхъ на нихъ обвиненій, достаточно могли бы себя оправдать, не были бы подвержены столь строгому оскорбленію, и не оставалось бы много тысячъ ихъ семействъ въ бѣдственномъ состояніи, въ коемъ они нынѣ находятся отъ вышеизъясненныхъ ограниченій и стѣсненій“.

Остановившись на обвиненіи евреевъ въ подрывѣ благосостоянія крестьянъ, виленскіе старшины завѣряли, что „извѣтъ сей, не имѣя никакого основанія, есть выдуманный единственно для напраснаго преслѣдованія еврейскаго народа, ибо если сіе разумѣтся натуральнымъ образомъ, то и всѣ люди, яко члены одинаго тѣла, различными способами споспѣшествуя взаимно одинъ другому, снѣдаютъ, конечно, одинъ плоды трудовъ другого; но неужели одно еврейское семейство можетъ снѣдать плоды трудовъ поселянъ цѣлаго селенія?“

Когда рѣчь идетъ о евреяхъ, говорилъ виленскій кагалъ, то всѣ указываютъ на ту пользу, которую они извлекаютъ отъ другихъ, но умалчиваютъ о пользѣ, которую извлекаетъ отъ евреевъ окружающее населеніе, и, такимъ образомъ, любая дѣятельность евреевъ можетъ быть представлена, какъ вредное занятіе.

Кагалъ не оставилъ безъ вниманія и нареканія на то, что евреи не занимаются производительнымъ трудомъ; указывая, что евреямъ не были отведены земли для сельскаго хозяйства, что вообще многіе евреи добываютъ средства къ существованію производительнымъ трудомъ, кагалъ подчеркивалъ, что если отдѣльные евреи и занимаются непопулярными промыслами, то за это нельзя карать цѣлый народъ—нарушители законовъ встрѣчаются во всѣхъ сословіяхъ; къ тому же, еврейское населеніе стѣснено ограничительными законами въ жительство и въ промыслахъ, и кагалъ ставитъ вопросъ — къ какимъ же занятіямъ должны обратиться евреи? Въ подобныхъ тяжелыхъ условіяхъ „сама нужда выводитъ человѣка изъ предѣловъ учтивости и благонравности“.

Повѣдавъ о страданіяхъ, которыя причиняетъ евреямъ кровавый навѣтъ, виленскіе старшины просили дать евреямъ возможность рассказать о своихъ нуждахъ, оправдаться во взводимыхъ обвиненіяхъ, и умоляли обратить „милосердное вниманіе на сей несчастный и оклеветанный народъ, принять въ соображеніе хотя настоящее краткое объясненіе, и изъ уваженія, что народъ еврейскій участвуетъ во всѣхъ Государственныхъ повинностяхъ наравнѣ съ прочими подданными, сравненъ уже съ оными и въ личной рекрутской по-

винности... то, сравнивая народъ сей съ другими подданными и во всѣхъ свободахъ и гражданскихъ правахъ, облегчить его участь въ изданныхъ доселѣ отяготительныхъ постановленіяхъ“.

На запискѣ виленскаго кагала отразились мѣстные условія еврейской жизни. Во время польскаго мятежа 1831 г. евреи проявили преданность Россіи, и по словамъ виленскаго кагала польскіе дворяне стали мстить, всячески притѣсня евреевъ, опорочивая ихъ въ глазахъ администраціи. Виленскій кагалъ, повидимому, искренне вѣрилъ, что государь относится доброжелательно къ еврейскому населенію— въ 1832 г. было объявлено о монаршемъ благоволеніи за услуги, оказанныя евреями въ дни мятежа,—и потому главными виновниками народнаго бѣдствія были выставлены польскіе дворяне, а мѣстные администраторы—ихъ пособниками, такъ какъ не сообщали правительству о гибельныхъ послѣдствіяхъ, къ которымъ привели репрессивныя мѣры.

Иначе представилъ себѣ положеніе вещей крупный откупщикъ Литманъ Фейгинъ ¹⁾. Почти одновременно съ виленскимъ кагаломъ, но еще съ большей смѣлостью, онъ выступилъ на защиту поправленныхъ правъ и оклеветаннаго имени народа. Подобно виленскому кагалу, Фейгинъ имѣлъ основаніе возлагать надежды на государя, неоднократно въ путешествіи говорившаго евреямъ, что „они скоро увидятъ свою пользу“. Но все же, констатируя, что со времени учрежденія Еврейскаго комитета и возникновенія велижскаго дѣла положеніе евреевъ „сдѣлалось тягостнѣе и стѣснительнѣе“, Фейгинъ, не упуская изъ виду враждебнаго отношенія поляковъ къ евреямъ, считалъ, что репрессивныя мѣропріятія исходятъ отъ правительства, а не отъ общества, и эту мысль онъ хотѣлъ высказать государю. Пославъ свою записку начальнику „третьяго отдѣленія“ графу Бенкендорфу, Фейгинъ просилъ представить ее государю.

„Вопль Еврейскаго народа о крайнемъ его несчастіи раз-

¹⁾ Черниговскій купецъ, а позже коммерціи совѣтникъ, Литманъ Фейгинъ былъ популяренъ въ еврейскихъ кругахъ, такъ какъ свои обширныя связи въ правительственныхъ сферахъ онъ старался использовать въ интересахъ еврейскаго народа. Въ 1830 г. онъ представилъ государю записку о положеніи евреевъ и проектъ ихъ устройства.

дается по всему свѣту. вмѣсто того, что онъ въ правѣ ожидать улучшенія, положеніе его становится часъ отъ часу опаснѣе: ибо ему совершенно заграждены не только всѣ права гражданскія, но даже и всѣ способы жизненные.

„Еврейская нація переноситъ весьма тяжкія одну за другою обиды, отъ мѣръ, самимъ начальствомъ принимаемыхъ, а отнюдь не отъ жалобъ мирныхъ гражданъ; а мѣры сіи не только бесполезны, но служатъ къ сугубому вреду, противъ чего имѣются весьма достаточныя доказательства“.

Указавъ на рядъ ограниченій, стѣсняющихъ передвиженіе и экономическую дѣятельность евреевъ, и упомянувъ о законѣ (1833 г.), потребовавшемъ удаленія иностранныхъ евреевъ изъ страны, пока они не представятъ удостовѣренія о крещеніи, Фейгинъ далѣе писалъ, что „не по качествамъ, а по Вѣрѣ Еврейскій народъ такъ гонимъ, ибо въ противномъ случаѣ было бы сказано, вмѣсто слова „крещеніе“, поведеніе“; ограниченіе правъ еврея прекращается „вмѣстѣ съ объявленіемъ его измѣнникомъ Вѣры своей, какого бы впрочемъ онъ качества ни былъ; а будучи при своей Вѣрѣ, хотя бы онъ былъ первостатейнымъ и препознѣйшимъ сочленомъ Гражданства, бываетъ гонимъ до самой послѣдней степени и почитается хуже Цыгана“. А между тѣмъ „здравый разумъ не позволяетъ допустить, чтобы люди были гонимы за различіе Вѣръ; ибо всякая Религія есть Свята, если не почему иному, то потому что она есть высшая точка человечества, или глубочайшая искра совѣсти, и на томъ основанъ весь свѣтъ. Слѣдовало бы желать, чтобы каждый сохранилъ непремѣнно свою Вѣру, въ которой онъ родился... а измѣнниковъ оной (которые уже, безъ сомнѣнія, не въ состояніи сохранить вновь принятую Вѣру такъ Свято) почитать отступниками,—слѣдственно и подозрительными“...

Евреи и при настоящихъ условіяхъ не вреднѣе прочаго населенія, а при распространеніи просвѣщенія они станутъ полезнѣйшими согражданами. Государь—писалъ Фейгинъ— не желаетъ униженія своихъ подданныхъ, но до него не дошли извѣстія о несчастномъ положеніи еврейскаго народа. Администраторы же почти всѣ „отзываются на счетъ его одними древними предубѣжденіями, и никто не изыскивалъ средствъ къ оправданію и открытію истины до корня, опа-

саясь, чтобы не сочли Еврейскимъ агентомъ; а иные, думая угождать тѣмъ Высочайшей волѣ, всѣми мѣрами старались подтверждать оныя...

„Время же обнаруживаетъ, что главнѣйшее несчастіе сего народа происходитъ отъ источниковъ самолюбія открывшихся теперь Отечественныхъ враговъ (т.-е. поляковъ).

„Они всегда были и суть гонителями сихъ людей, и для неограниченныхъ страстей всегда разными способами завлекали Евреевъ во всѣ бѣды. Они сначала Евреевъ безчеловѣчно тиранили, потомъ чрезмѣрно обласкивали, такъ что Полякъ безъ Жидка и шагу не ступалъ, возили ихъ съ собою въ каретахъ и тому подобное...

„Сначала всѣ писатели позволяли себѣ представлять, что вся бѣдность Западныхъ губерній происходитъ отъ занятія Евреевъ винною продажею, тогда, когда трудно повѣрить, чтобы они не знали, что не шинкаръ, а заводчикъ винокуренный главнѣйшею тому причиною, а шинкарство Евреевъ, напротивъ, было больше вредно собственно для ихъ нравственности, нежели для поселянъ и владѣльцевъ...

„Засимъ начали представлять, что пребываніе Евреевъ вредно въ главнѣйшихъ городахъ, каковы Кіевъ, Николаевъ и Севастополь, и, безъ сомнѣнія, что когда это такъ пойдетъ, то начнутъ представлять, чтобы вовсе ихъ высылать изъ Россіи. Все сіе проистекаетъ единственно отъ упоминаемаго мною источника, что Священная истина и основательныя понятія о Еврейскомъ народѣ окружены еще мракомъ древнихъ предубѣжденій, не проникнутымъ еще зоркимъ безпристрастнымъ взоромъ“...

И Фейгинъ просилъ, ужъ если правительство не согласно предоставить евреямъ всѣ права, то пусть будетъ, по крайней мѣрѣ, возобновлено въ силѣ Положеніе 1804 г., ¹⁾ „которое, безъ лести сказать, было весьма справедливо и достаточно. Но народъ Еврейскій, будучи за 30 лѣтъ назадъ гораздо на низшей степени просвѣщенія, не постигалъ сего блага и самъ подалъ поводъ къ ослабленію онаго, но оно, вошедъ уже большею частію въ употребленіе, сдѣлалось привычкою народа, и оставленіе онаго въ своей силѣ

¹⁾ См. главы шестую и седьмую.

избавить народъ отъ новаго унынія при изданіи новаго положенія“.

Надо только выработать планъ религіознаго воспитанія дѣтей и издать нѣсколько облегчительныхъ постановленій.

Записки виленскаго кагала и Фейгина были переданы государственному совѣту, разсматривавшему проектъ Положенія 1835 г. И нѣтъ сомнѣнія, что онѣ принесли свою пользу. Между болѣе суровымъ законопроектомъ и Положеніемъ 1835 г. оказалось различіе въ пользу евреевъ. Мы видѣли выше, что государственный совѣтъ осудилъ выселеніе евреевъ изъ деревень, что группа членовъ государственнаго совѣта, не побоявшихся клички „еврейскихъ агентовъ“, горячо защищала право евреевъ-купцовъ на повсемѣстное проживаніе, наконецъ, и предполагавшееся запрещеніе евреямъ заниматься винными промыслами не было осуществлено. Сравнивая записки виленскаго кагала и Фейгина съ сужденіями членовъ государственнаго совѣта, высказавшихся въ пользу евреевъ, можно замѣтить слѣды непосредственнаго вліянія этихъ документовъ. Предсѣдатель Еврейскаго комитета министръ финансовъ Канкринъ, а также, повидимому, и другіе его товарищи, отвергнувъ первоначальный законопроектъ, введившій новыя ограниченія, настояли на томъ, чтобы вновь издаваемый законъ подтвердилъ лишь уже установленныя ограниченія, и очень возможно, что въ этомъ отношеніи извѣстная заслуга принадлежитъ Фейгину, лично представившему министрамъ о плачевномъ положеніи еврейскаго народа.

Положеніе 1835 г. не оправдало страховъ еврейскаго общества, не принесло всѣхъ ожидавшихся ужасовъ. Но уже вскорѣ стали появляться новыя ограничительныя постановленія, и съ годами репрессіи все глубже проникали въ еврейскую жизнь.

Въ это-то время правительство задумало провести коренную реформу еврейскаго быта.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Отношеніе представителей прогрессивныхъ круговъ къ культурной реформѣ. — Проповѣдь р. Менаше Иліера. — Исаакъ Беръ Левинзонъ именемъ Талмуда призываетъ евреевъ къ обновленной жизни и знакомитъ правительство съ ихъ духовнымъ состояніемъ. — Государь оказываетъ милость Левинзону. — Германъ Лезеановскій рисуеъ предъ правительствомъ картину нравственнаго вырожденія евреевъ. — Односторонняя критика духовнаго паденія еврейскаго народа и призывъ къ принудительнымъ мѣрамъ. — Правительство приступаетъ къ коренной ломкѣ еврейскаго быта, сопровождаемой суровыми постановленіями. — Намѣреніе произвести „разборъ“ евреевъ на полезныхъ и бесполезныхъ съ тѣмъ, чтобы послѣднихъ подвергнуть правовымъ ограниченіямъ и усиленной рекрутчинѣ. — Графъ Киселевъ, предсѣдатель Еврейскаго комитета, не сочувствуетъ принудительной реформѣ. — Графъ Воронцовъ рѣшительно выступаетъ противъ „разбора“ и вообще репрессивной политики. — Уничтоженіе кагала (1844 г.). — Школьная реформа. — Осуществленіе ея поручается Максу Лиліенталю. — Характеръ его дѣятельности. — Отношеніе еврейскаго общества къ школьной реформѣ. — Налогъ для нуждъ школы. — Коробочный сборъ. — Свѣчной и „туалетный“ сборы. — Борьба вокругъ еврейской одежды.

Мысль о необходимости внести культурное преобразованіе въ еврейскій бытъ упорно держалась въ правительственныхъ кругахъ благодаря воздѣйствію самихъ евреевъ, тѣхъ немногихъ изъ нихъ, которые относились критически къ жизни въ чертѣ осѣдлости; одни дѣйствовали въ этомъ отношеніи открыто, другіе — тайно; одни вліяли непосредственно на представителей бюрократіи, другіе косвеннымъ путемъ, высказывая свои мысли во всеуслышанье, находя въ еврейской средѣ адептовъ, выступавшихъ потомъ уже отъ своего имени. Не всѣ говорили одно и то же о характерѣ средствъ, помощью которыхъ слѣдовало осуществить реформу, но нѣтъ сомнѣнія, что отдѣльные евреи сочувствовали, въ принципѣ, системѣ репрессивныхъ мѣръ, положенной правительствомъ, какъ мы вскорѣ увидимъ, въ основу своей преобразовательной дѣятельности.

Р. Менаше Иліеръ, несмотря на то, что свобода слова сковывалась раввинамомъ и господствующимъ классомъ, продолжалъ свою социально-культурную проповѣдь ¹⁾. Указывая, что еврейская нищета происходитъ отъ того, что слишкомъ

¹⁾ См. стр. 124.

много народу живетъ на счетъ благотворительности, что въ виду отсутствія знаній всѣ бросаются къ торговлѣ, не могущей прокормить столь значительное число людей, р. Менаше Иліеръ упрекалъ общинныхъ заправиль въ томъ, что они не даютъ народу необходимыхъ практическихъ свѣдѣній, не призываютъ народъ къ самодѣятельности, къ труду; богатые люди стремятся стать общественными вожаками, не обладая соотвѣтствующими качествами, а такъ какъ въ природѣ бѣдняка лежитъ преклоненіе предъ богачемъ, то послѣдній и беретъ въ свои руки руководство, считая, что нѣтъ ему равнаго. Съ другой стороны, и духовные пастыри, изъ-за матеріальной необеспеченности, не находятся на должной высотѣ. Р. Менаше Иліеръ указывалъ также на нелѣпое воспитаніе дѣтей, на лжеученыхъ и глупыхъ мудрецовъ, руководящихъ невѣжественной массою.

Когда въ двадцатыхъ годахъ правовое положеніе евреевъ ухудшилось ¹⁾, р. Менаше выпустилъ книгу, въ которой совѣтовалъ евреямъ, игнорируя внѣшнія условія жизни, сосредоточить свое вниманіе на введеніи реформъ во внутреннемъ быту, причемъ вновь порицалъ привычку жить на чужой счетъ, выступалъ противъ раннихъ браковъ и проч.

Это произведеніе вызвало взрывъ негодованія въ руководящихъ еврейскихъ кругахъ — опасались, что подобные призывы изъ устъ раввина могутъ склонить правительство къ репрессіямъ,—и вотъ экземпляры книги были привезены въ Вильну и всенародно сожжены.

Послѣ этого р. Менаше уже не выступалъ болѣе въ печати. Но въ это время ему на смѣну явился Исаакъ Беръ Левинзонъ (1788—1860 гг.).

Хотя въ ту пору въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ уже довольно часто встрѣчались люди, которые сознавали, что установившіяся формы быта не соотвѣтствуютъ современнымъ условіямъ, но они не играли роли въ общественности не только потому, что, преслѣдуемые ортодоксальной массою, не смѣли высказывать свои идеи, но и потому, что не было лозунга, который объединялъ бы этихъ „вольномудцевъ“. Нуженъ былъ человекъ, который авторитетнымъ словомъ поставилъ бы предъ этими

1). См. главу восьмую.

разрозненными духовными силами опредѣленную конкретную цѣль, способную ихъ сплотить.

Эту-то миссію и выполнилъ Исаакъ Беръ Левинзонъ. Въ своемъ произведеніи „Теудо Беисроэль“, сыгравшемъ крупную роль въ культурномъ развитіи русскаго еврейства, Левинзонъ объяснялъ, что, хотя онъ и знаетъ, что его книга встрѣтитъ неблагоприятный пріемъ, какъ и прочія вновь выходящія сочиненія, не освященныя вѣковою стариною, все же онъ выпускаетъ ее, чтобы опровергнуть обычныя утвержденія противниковъ прогресса, будто религія запрещаетъ еврею изученіе предметовъ свѣтскаго знанія и вообще всего того, что не носить на себѣ печати религіозности. Опираясь на Талмудъ и средневѣковую раввинскую письменность, Левинзонъ доказывалъ, что каждому израильянину необходимо изучать: какъ еврею—Св. писаніе и библейскій языкъ; какъ члену гражданскаго общества—иностранные языки, а въ особенности отечественный; какъ существу сознательно разумному—свѣтскія науки, столь нужныя для снисканія пропитанія честнымъ трудомъ. Большинство нашихъ законоучителей, говорилъ Левинзонъ, добывали средства къ жизни ремесленными занятіями, не брезгая и тяжелымъ физическимъ трудомъ; они не проводили времени въ праздности, какъ нынѣшніе святоши и хасиды, не помышляющіе о завтрашнемъ днѣ, объ участи своихъ дѣтей, считая себя въ правѣ претендовать на чужую помощь,—эти тунеядцы тяжелымъ бременемъ ложатся на еврейскія общины. Указывая далѣе на низкій уровень профессиональныхъ знаній, Левинзонъ настаивалъ на необходимости учредить въ крупныхъ общинахъ, по примѣру германскихъ единовѣрцевъ, ремесленныя школы. А затѣмъ онъ доказывалъ, что Тора не только не запрещаетъ земледѣльческаго труда, но, напротивъ, вмѣняетъ таковой въ обязанность; почти все еврейское населеніе въ Россіи занимается торговлей, а это противно Торѣ и разуму.

Въ заключеніе Левинзонъ порицалъ общество за то, что оно преслѣдуетъ людей, стремящихся къ образованію; невѣжественная масса объявляетъ отверженнымъ всякаго, кто осмѣливается взяться за изученіе иностраннаго языка или даже еврейской грамматики,—порою жестокія гоненія доводятъ преслѣдуемыхъ людей до отчаянья, до измѣны вѣрѣ отцовъ.

Можно ли въ такихъ случаяхъ — спрашивалъ Левинзонъ — возлагать вину на образование?

Сила этого протеста противъ прочно укоренившихся предрасудковъ была тѣмъ разительнѣе, что свои выводы Левинзонъ строилъ на источникахъ, которые глубоко почитались ортодоксальными кругами.

Левинзонъ ожидалъ, что его трудъ будетъ имѣть большое воспитательное значеніе. Но объявленная имъ предварительная подписка не принесла ему средствъ, необходимыхъ для напечатанія книги. Тогда измученный долготѣней болѣзью, обреченный на нищенскую жизнь въ лачужкѣ на окраинѣ Кременца, сознавая, что нѣтъ надежды найти помощь въ еврейской средѣ, Левинзонъ пришелъ къ заключенію, что опоры въ тяжелой борьбѣ съ предрасудками надо искать у правительства.

Онъ послалъ (1827 г.) рукопись министру народнаго просвѣщенія, сопроводивъ ее посланіемъ, въ которомъ охарактеризовалъ духовное состояніе единовѣрцевъ:

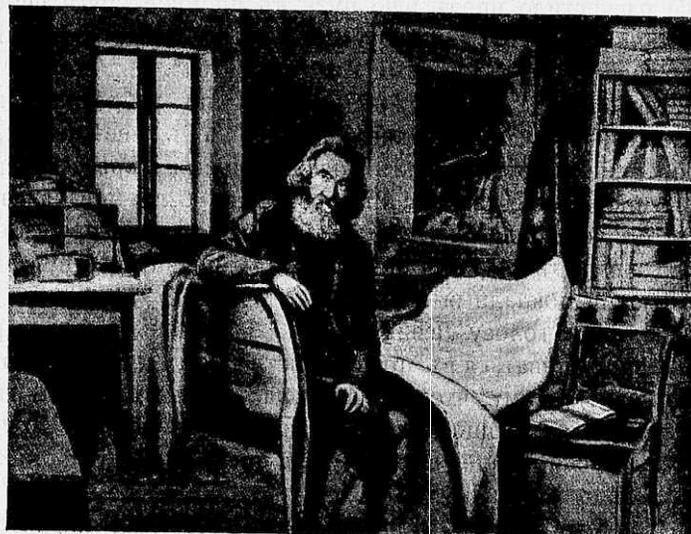
„Не упустилъ я—писалъ Левинзонъ—изъ виду ни одного предрасудка, вреднаго какъ нашей религіи, такъ и благу отечества вообще; и въ особенности я обратилъ вниманіе на то, чтобы основанія религіи согласовать съ требованіями отечественнаго блага“. Отмѣчая далѣе, что „безразсудность и фанатизмъ нашихъ раввиновъ и комментаторовъ“ дали еврейскому вѣроученію направленіе, вредное, какъ для самихъ евреевъ, такъ и для „отечественной пользы“, Левинзонъ коснулся хасидовъ, которыхъ называетъ „многочислѣннѣйшимъ разрядомъ моего народа, въ коемъ суевѣріе и предрасудки нашли для себя безопаснѣйшее убѣжище“.

Неоднократно радѣтели просвѣщенія въ Западной Европѣ и въ Россіи, обращаясь въ борьбѣ съ фанатизмомъ къ содѣйствию христіанъ, обрушивались на Талмудъ, какъ на разсадникъ суевѣрій и предрасудковъ ¹⁾. Левинзонъ уклонился отъ этого пути. Не по соображеніямъ какого-либо дипломатическаго характера, а въ силу внутренняго убѣжденія онъ не считалъ возможнымъ позорить сокровищницу многовѣковой народной мысли; напротивъ того, онъ взялъ Тал-

¹⁾ См. стр. 91--92.

мудъ подъ свою защиту, именемъ его призывая народъ къ культурному развитію. Грань между дѣятельностью Левинзона и другихъ „друзей просвѣщенія“ была положена и тѣмъ, что Левинзонъ, обращаясь за содѣйствіемъ къ внѣшней силѣ, искалъ сочувствія также и въ еврейской средѣ.

Однако, есть нѣчто такое, что ставитъ Левинзона въ одинъ рядъ съ товарищами по преслѣдуемой цѣли — это односторонняя критика духовнаго состоянія русскаго еврейства. Ев-

Исаакъ Беръ Левинзонъ (1849 г.).

рей—говорилъ Левинзонъ—фанатичны, невѣжественны, неисполнены предрасудковъ; имъ надо внушить любовь къ окружающему народу (отъ котораго истекаютъ на евреевъ „безчисленныя благодѣянія“), разъяснить долгъ вѣрноподанства; при этомъ Левинзонъ не обмолвился ни словомъ объ униженномъ общественномъ положеніи евреевъ, о правовыхъ ограниченіяхъ,—а благодаря этому создавалось впечатлѣніе, будто во всемъ виноваты одни лишь евреи.

Левинзонъ просилъ о матеріальномъ содѣйствіи къ изданію его рукописи и, съ Высочайшаго разрѣшенія, ему была вы-

дана тысяча рублей; на эти деньги Левинзонъ выпустилъ книгу въ свѣтъ. Чтобы предотвратить выпады со стороны противниковъ просвѣщенія, онъ приложилъ къ книгѣ стихотвореніе, въ которомъ благодарилъ государя за хорошее отношеніе къ еврейскому народу и за щедрый даръ.

Милость, оказанная Левинзону, окрылила мечтами не одного лишь его самого, но и многихъ его единомышленниковъ, затерянныхъ въ чертѣ осѣдлости; пусть хасиды встрѣтятъ книгу съ затаеннымъ проклятіемъ, правительственное одобреніе расчистило предъ нею путь въ широкіе круги еврейскаго общества. При такихъ условіяхъ „друзья просвѣщенія“ не могли не стать „друзьями правительства“.

Левинзонъ и въ дальнѣйшемъ шелъ по избранному направленію—обличалъ хасидовъ, какъ оплотъ невѣжества, и одновременно разрабатывалъ положительныя мѣры къ перевоспитанію юношества, къ преобразованію быта—онъ писалъ объ этомъ книги на еврейскомъ и на разговорно-еврейскомъ языкѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ представлялъ правительству соотвѣтствующія докладныя записки.

Однако, къ голосу Левинзона въ ближайшіе годы перестали прислушиваться въ правительственныхъ кругахъ, и это, повидимому, потому, что онъ защищалъ Талмудъ, какъ твореніе, провозглашающее высокіе этические принципы. Другіе радѣтели просвѣщенія высказывали предъ правительствомъ иные взгляды на Талмудъ.

Въ данномъ случаѣ и вообще въ отношеніи характера будущей реформаторской дѣятельности правительства сыгралъ роль учитель и секретарь Варшавскаго еврейскаго комитета Германъ Іезеановскій, составившій въ началѣ тридцатыхъ годовъ, по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ Блудова, планъ устройства еврейскихъ школъ и высказавшій соображенія объ общей реформѣ еврейскаго быта.

„Всѣ знаютъ—гласила записка Іезеановскаго—что въ Россіи евреи, почти безъ исключенія, преданы тѣломъ и душою невѣжеству, фанатизму и обману, что умственные ихъ способности подвизаются на поприщѣ корыстолюбивыхъ расчетовъ, что каждое ремесло, требующее трудовъ и стараній, имъ ненавистно, что для нихъ Отечество не существуетъ... и что въ надеждѣ на другое, баснословное, раввинами имъ

обѣтованное отечество, пренебрегаютъ мѣрами, принятыми для ихъ преобразованія“... Далѣе говорилось, что кагалы и раввины, стараясь сохранить въ неприкосновенности установленный порядокъ, противятся всякимъ мѣрамъ, „способствующимъ къ всеобщему благосостоянію и могущимъ потрясти ихъ вліяніе“, и тотъ, кто признаетъ цѣлесообразность мѣръ, предпринимаемыхъ правительствомъ, не смѣетъ обнаружить свои мысли, боясь мести со стороны кагала и раввиновъ; „легко можно предвидѣть печальную будущность евреевъ, если благонамѣренное правительство не приметъ сильныхъ и быстрыхъ мѣръ“ для устраненія пагубнаго вліянія раввиновъ и кагала на еврейскую массу; надо, чтобы кагалы были лишены власти и завѣдыванія общественными деньгами, а раввинамъ, которые „по силѣ своего Талмуда должны быть врагами образованія и общества“, слѣдуетъ предоставить вліяніе лишь въ религіозныхъ и церемоніальныхъ дѣлахъ, лишивъ ихъ административной и юридической власти.

Предложивъ учредить сѣтъ школъ и умалить значеніе кагално-раввинскаго союза, Іезеановскій выступилъ тогда же и съ другими мѣрами, долженствовавшими, по его мысли, содѣйствовать нравственному развитію еврейскаго народа: каждый еврей, способный къ военной службѣ, долженъ обязательно ее отбывать—выкупъ и замѣна другимъ лицомъ допускаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ (прочее населеніе пользовалось такими льготами); „легко усмотрѣть, сколь подобное смѣшеніе евреевъ съ туземцами будетъ полезно для государства и для самихъ Израильтянъ“.

Другая же мѣра должна была заключаться въ томъ, чтобы „люди праздношатающіеся“ не были терпимы; если еврей, заподозрѣнный въ тунеядствѣ, не представитъ въ свое оправданіе свидѣтельства отъ мѣстнаго начальства, онъ „долженъ быть тотчасъ удаленъ“ въ особыя колоніи для подобныхъ изгнанниковъ.

Записки Левинзона и Іезеановскаго были использованы министерскими канцеляріями, и такимъ путемъ односторонняя критика духовнаго состоянія евреевъ, не освѣщенная выясненіемъ условій ихъ правового положенія, проникла въ различные проекты еврейской реформы.

Такимъ образомъ, если, съ одной стороны, изъ среды ев-

рейскаго общества раздавались голоса о необходимости смягчить правовыя ограниченія и при этомъ не указывалось ни на духовныя нужды забитой невѣжественной массы, ни на пути къ ея нравственному возрожденію ¹⁾, то, съ другой стороны, критикуя духовное вырожденіе еврейскаго народа, радѣтели просвѣщенія не останавливали вниманія правительства на правовыхъ стѣсненіяхъ, содѣйствовавшихъ экономическому убожеству еврейскаго населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и препятствовавшихъ культурному общенію евреевъ съ окружающимъ населеніемъ. И кажется, что только одинъ Литманъ Фейгинъ старался воздѣйствовать на правительство въ обоихъ направленіяхъ — онъ укорялъ правительство за репрессивную политику, говорилъ о необходимости смягчить ограничительное законодательство, ²⁾ а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣждалъ правительство учредить для евреевъ школы, включивъ въ предметъ занятій также изученіе Талмуда.

Борясь за духовное обновленіе народа, друзья просвѣщенія обрушивались, на ряду съ Талмудомъ, также на хасидовъ, заступивъ въ этомъ отношеніи кагалъ, который нѣкогда преслѣдовалъ сектантовъ ³⁾. Условія времени создали, конечно, новое орудіе борьбы. Кагалъ поражалъ самихъ сектантовъ, подвергалъ гоненіямъ ихъ личность; его преемникъ рѣшилъ ополчиться противъ хасидскихъ книгъ. Правительство неоднократно получало доносы отъ евреевъ на хасидскія книги. Нѣкоторую роль сыгралъ въ этомъ отношеніи также Левинзонъ.

Когда одинъ профессоръ кievскаго университета, другъ Левинзона, запросилъ его, вѣрно ли, что въ еврейскихъ типографіяхъ печатаются книги безъ цензурнаго разрѣшенія и что встрѣчаются произведенія, весьма предосудительныя, Левинзонъ, боясь, какъ онъ впоследствии писалъ, что это угрожаетъ всѣмъ еврейскимъ типографіямъ, выработалъ проектъ о закрытіи всюду еврейскихъ типографій, кромѣ городовъ, гдѣ есть цензура, и о пересмотрѣ цензурою всѣхъ имѣющихся въ обращеніи книгъ, причемъ онъ составилъ списокъ произведеній, которыя должны были быть признаны полезными, и какія, въ качествѣ вредныхъ, подлежали уничтоженію.

¹⁾ Обращеніе виленскаго кагала къ правительству, см. стр. 203—205.

²⁾ См. стр. 205—208.

³⁾ См. главу четвертую.

Однако, есть данныя, указывающія, что, по мысли Левинзона, истребленію должны были быть подвергнуты однѣ лишь хасидскія книги.

Министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ высказался противъ подобной насильственной мѣры въ отношеніи хасидскихъ книгъ, предвидя злоупотребленія со стороны цензуры. Тѣмъ не менѣе, въ 1836 г. былъ изданъ законъ, согласно которому евреи, не подвергаясь карѣ, въ теченіе года должны были представить начальству всѣ свои книги, не пропущенныя цензурою; пересмотръ книгъ долженъ былъ быть порученъ „надежнымъ“ раввинамъ; запрещаемыя ими книги подлежали сожженію (1837 г.).

Виновникъ—быть-можетъ, невольный—ауто-да-фе больше другихъ ужаснулся при видѣ гибели еврейскихъ книгъ. Во многихъ мѣстностяхъ раввины, избранные лишь для исполненія официальныхъ обязанностей (для разрѣшенія ритуальныхъ вопросовъ имѣлись особые даіонимъ), вынужденные выступить въ роли цензоровъ, не нашли лучшаго способа, по словамъ самого Левинзона, „какъ искромсать и испортить множество прекрасныхъ книгъ... они не оставили въ цѣлости ни одного листа, ни единой страницы... иные раввины вычеркивали каждую непонятную имъ фразу“.

Каковы бы ни были обстоятельства, побудившія Левинзона предложить правительству репрессивную мѣру противъ книгъ, этотъ поступокъ тѣмъ ярче иллюстрируетъ характерную черту тогдашняго общественнаго настроенія, что онъ былъ допущенъ человѣкомъ, подвижническая жизнь котораго была всецѣло посвящена высокому общественному служенію. То было время умственной и нравственной абераціи. Всякое средство считали пригоднымъ для достиженія цѣли. Грубая сила, которою злоупотреблялъ ортодоксальный господствующій классъ, заставляла и прогрессистовъ идти по пути насилія. Лозунгъ—кто не со мной, тотъ противъ меня—затемнилъ сознаніе даже лучшихъ людей. Всѣ искали открыто или тайно помощи извнѣ, у того, кто не былъ другомъ ни одной изъ спорящихъ сторонъ. Въ этой братоубійственной борьбѣ растрчивались общественныя силы, направлявшіяся преимущественно не на созиданіе чего-либо своего, а на разрушеніе того, что было сдѣлано противникомъ.

Всякое культурное начинание подавлялось ортодоксальными кругами. Въ Умани общеобразовательная школа должна была скоро закрыться въ виду гоненій со стороны представителей господствовавшаго класса (ее обременяли военными постоями); въ Одессѣ, гдѣ было много образованныхъ выходцевъ изъ Галиціи, подобная школа возникла и существовала лишь благодаря сильной поддержкѣ, оказанной мѣстной высшей властью прогрессистамъ. По всей чертѣ осѣдлости были всего три—четыре общеобразовательныя школы.

И вотъ почему, когда въ концѣ 1840 г. стало извѣстно, что правительство рѣшило создать—на средства еврейскаго населенія—спеціальныя казенныя еврейскія училища, въ программу которыхъ входили бы какъ еврейскіе, такъ и общеобразовательные предметы, эта вѣсть вызвала возбужденіе въ различныхъ кругахъ еврейскаго общества. Друзья просвѣщенія успѣли, конечно, пойти на встрѣчу намѣреніямъ правительства; болѣе умѣренные ортодоксы погрузились въ раздумье,—не разгромить ли просвѣтительная реформа старый строй, не давъ народу благополучія? Крайніе элементы стали въ оппозицію, а хасиды, внутренне организованные, начали готовиться къ борьбѣ съ новшествомъ.

Однако, школьная реформа была задумана правительствомъ не какъ нѣчто самостоятельное, не какъ единое средство для поднятія культурнаго уровня еврейскаго населенія,—она была включена въ общій широкій планъ преобразования еврейской жизни, подлежащій осуществленію при посредствѣ принудительныхъ мѣръ.

Въ 1840 г. подъ предсѣдательствомъ министра государственныхъ имуществъ, либеральнаго графа П. Д. Киселева, былъ образованъ „Комитетъ для опредѣленія мѣръ преобразования евреевъ“, ¹⁾ намѣтившій слѣдующую реформу: учредить школы „въ духѣ, противоположномъ нынѣшнему талмудическому ученію“; уничтоживъ кагалы, подчинить евреевъ общему управленію; ввести институтъ губернскихъ раввиновъ, кото-

¹⁾ Составъ комитета: министръ народн. просвѣщенія Уваровъ; главноуправляющій II отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи Блудовъ; министръ внутренн. дѣлъ Строгановъ, позже замѣненный его преемниками; товарищъ министра финансовъ Вронченко; генераль Дуббельтъ, управляющій III отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

рые, получая содержаніе отъ казны, содѣйствовали бы видамъ правительства; запретить ношеніе традиціонной еврейской одежды; дать евреямъ возможность обратиться къ земледѣлію. Кромѣ того, была предположена еще одна мѣра: раздѣливъ евреевъ, по ихъ занятіямъ, на полезныхъ, т. е. купцовъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ, и на не имѣющихъ „постояннаго, такъ сказать, производительнаго“ занятія, подвергнуть послѣднихъ разнымъ правовымъ ограниченіямъ, и, между прочимъ, удаленію изъ деревень и рекрутскому набору, въ т р о е превышающему обычный наборъ съ прочаго населенія.

Официальная записка, объяснявшая цѣль общей реформы, неоднократно ссылалась на представленія Левинзона, Фейгина и Иезеановскаго; да и мѣры, намѣченныя правительствомъ, мы встрѣчаемъ въ представленіяхъ этихъ лицъ. Но все же планъ реформы, по своему репрессивному характеру, перешелъ за ту крайнюю линію принудительныхъ мѣръ, которая была предположена еврейскими общественными дѣятелями. Если послѣдніе говорили, что еврейское населеніе должно подлежать рекрутской повинности, то не имѣлось въ виду, что оно будетъ поставлено въ исключительно тяжелыя условія, что эта повинность превратится изъ гражданскаго долга въ карательную мѣру. Если еврейскіе общественные дѣятели считали нужнымъ бороться съ „тунеядствомъ“, то они не полагали, что орудіемъ воздѣйствія въ этомъ отношеніи явится усугубленіе правовыхъ ограниченій.

А между тѣмъ, именно насильственныя мѣры были особенно сочувственно приняты въ высшихъ правительственныхъ кругахъ. И хотя ни комитетъ, ни его предсѣдатель гр. Киселевъ не желали придать реформѣ репрессивный характеръ, они должны были подчиниться требованію свыше. При первомъ своемъ соприкосновеніи съ еврейскимъ вопросомъ графъ Киселевъ увидѣлъ предъ собою слѣдующій проектъ одного генераль-губернатора: оставивъ извѣстную часть евреевъ на мѣстахъ, остальныхъ, составлявшихъ главную массу населенія, обратить въ военно-рабочія роты и поселить на казенныхъ земляхъ, по примѣру пахотныхъ солдатъ. Киселевъ отвергъ это предложеніе, но ему вскорѣ пришлось убѣдиться, что государь одобряетъ принудительныя мѣры.

Когда другой генераль-губернаторъ предложилъ опре-

дѣлять на военную службу всѣхъ безъ исключенія евреевъ, достигшихъ пятнадцатилѣтняго возраста, дабы такимъ образомъ искоренить такъ назыв. „фанатизмъ“ еврейской массы, комитетъ Киселева заявилъ, что цѣль реформы можетъ быть достигнута только путемъ нравственнаго преобразованія еврейскаго населенія; при этомъ, чтобы закрѣпить уже намѣченныя начала реформы, покоившіяся на просвѣщеніи, комитетъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ привелъ указанныя выше мѣропріятія въ той послѣдовательности, въ которой они должны были быть осуществлены; въ этой программѣ мѣра „разбора“ на полезныхъ и бесполезныхъ занимала послѣднее мѣсто, но государь повелѣлъ перенести ее на болѣе близкую очередь; что касается сдачи „бесполезныхъ“ на военную службу, то комитету было объявлено, что „Его Величество изволить находить тройное число недостаточнымъ и полагаетъ возможнымъ взимать рекрутъ въпятеро противу обыкновеннаго разбора“. При такихъ условіяхъ комитетъ Киселева, скованный волею государя, не имѣлъ свободы дѣйствій.

Идея о разборѣ, какъ показало будущее, не встрѣтила общаго сочувствія въ кругу высшихъ и мѣстныхъ административныхъ дѣятелей, но ясно выраженное желаніе государя не позволяло имъ открыто критиковать эту мѣру.

Однако, все же нашелся государственный дѣятель съ мужественной искренностью высказавшій государю свой взглядъ на систему принудительнаго преобразованія.

Это былъ новороссійскій генераль-губернаторъ графъ, въ послѣдствіи свѣтлѣйшій князь, Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, подъ управленіемъ котораго евреи обширнаго края не испытывали многихъ стѣсненій, выпадавшихъ на долю ихъ прочихъ единовѣрцевъ.

Узнавъ въ Петербургѣ отъ Киселева, какое направленіе вообще дано политикѣ по еврейскому вопросу, онъ поспѣшилъ (въ 1843 г.) прислать изъ Лондона, гдѣ отдыхалъ, министру внутреннихъ дѣлъ записку, для представленія государю. „Сообразивъ все, что я знаю о евреяхъ какъ по 20-ти лѣтнему управленію краемъ, въ которомъ пребываніе оныхъ допущено, такъ и по тому, что во время прежней моей службы мнѣ случалось неоднократно и проходить, и квартировать въ западныхъ губерніяхъ,— писалъ гр. Воронцовъ,—я изложилъ

со всею откровенностью, по долгу службы и присяги“. Считая необходимымъ осудить планъ, выработанный въ Петербургѣ, и сказать новое слово по еврейскому вопросу, этотъ заслуженный и авторитетный государственный дѣятель не безъ тревоги отсылалъ свою записку. „Не мнѣ судить, ошибаюсь ли я, или нѣтъ въ понятіи моемъ по сему дѣлу. Его Императорскому Величеству извѣстно, что я столь же откровенно представляю свои мнѣнія, когда оныя отъ меня требуютъ, какъ послѣ того усердно и безпрекословно исполняю все, что уже рѣшено и мнѣ предписано исполнить... Я всегда откровенно говорю то, что у меня лежитъ на сердцѣ. Счастливымъ себя почту, если и въ семъ случаѣ Великій Монархъ нашъ благосклонно приметъ сіи мои мысли и не почтетъ ихъ въ чемъ-либо несогласными съ тѣми благодѣтельными намѣреніями, отъ коихъ произошли и теперешнія мѣры насчетъ евреевъ“.

Прежде всего гр. Воронцовъ заявилъ, что называть нѣсколько сотъ тысячъ челоѣкъ бесполезными „круто и несправедливо“; нельзя не удивляться, что въ эту категорію включенъ, между прочимъ, многочисленный классъ мелкихъ торговцевъ и посредниковъ; ихъ занятіе „оклеветано“, а между тѣмъ они полезны для сельской промышленности и торговли. Указавъ далѣе, что къ числу бесполезныхъ отнесены восемьдесятъ процентовъ еврейскаго населенія, Воронцовъ писалъ: „столь насильственная мѣра, принимаемая просвѣщеннымъ правительствомъ относительно огромнаго числа вѣрныхъ подданныхъ, была бы совершенно непонятна, если бы не было очевидно, что объ ней представляли подъ вліяніемъ надежды, что она можетъ и даже непременно будетъ имѣть слѣдствіемъ немедленное обращеніе всѣхъ евреевъ къ полезнѣйшимъ занятіямъ, такъ что думаютъ поступать въ этомъ случаѣ подобно благоразумному врачу, который рѣшается на кровавую операцію, будучи убѣжденъ, что кратковременной, хотя сильною болью, прекратится долговременная и опасная болѣзнь. Но именно это предположеніе, единственное объясненіе этой мѣры касательно евреевъ, по моему убѣжденію, совершенно ошибочно“. Мѣра „разбора“ обрушится на нищую массу, которая, желая улучшить свою участь не въ силахъ этого осуществить: въ заботахъ о насущномъ

хлѣбѣ она не можетъ взятыся за изученіе ремесль или за незнакомый земледѣльческій трудъ. „Грозный характеръ этой мѣры,—заявилъ гр. Воронцовъ,—и невозможность успѣха отъ оной, по моему мнѣнію, совершенно ясны“. Удаленіе изъ деревень разорить не только изгнанныхъ, но и жителей тѣхъ городовъ, куда прибудетъ эта масса нищихъ.

„Мѣра сія и въ государственномъ видѣ вредна и жестока“, такъ какъ уничтожить тысячи рукъ, помогающихъ торговой промышленности и незамѣнимыхъ другими; вмѣстѣ съ тѣмъ, „плачь и вопль столь огромнаго числа несчастныхъ, которыхъ постигнуть печальныя дѣйствія сей мѣры, будутъ служить порицаніемъ и у насъ, и за предѣлами Россіи, правительства нашего“... Благоразуміе и человѣколюбіе—указывалъ гр. Воронцовъ — заставляютъ обратиться къ другому средству, менѣе стѣснительному и опасному.

Хотя гр. Воронцовъ обязанъ былъ представить отзывъ лишь по поводу намѣченныхъ мѣръ, онъ пошелъ дальше и смѣло высказался относительно общей политики по еврейскому вопросу. Онъ заявилъ, что никакой особенной, тѣмъ болѣе крупной и принудительной мѣры противъ евреевъ не надо: и безъ того въ послѣднее время предприняты разныя стѣснительныя мѣры, а между тѣмъ цѣль, къ которой правительство стремится, можетъ быть достигнута путемъ распространенія среди евреевъ просвѣщенія, — „довольно было бы и всего полезнѣе заняться теперь учрежденіемъ училищъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ“.

Реформу не удалось осуществить полностью. Раввинатъ, который былъ бы слугою правительства, не могъ быть учрежденъ. Кое-что было сдѣлано для развитія земледѣльческаго труда. Тѣ еврейскія земледѣльческія колоніи, которыя возникли на югѣ въ началѣ 19-го вѣка при изгнаніи евреевъ изъ деревень, не достигли желаннаго развитія; пионеры гибли отъ эпидемій, голода, климата и другихъ невзгодъ. Притокъ колонистовъ увеличился, когда земледѣльцы были освобождены отъ рекрутской повинности (1835 г.) и вообще имъ были предоставлены различныя льготы (1844 г.), а также

отпущены средства изъ суммъ коробочнаго сбора — тогда возникли новыя колоніи въ различныхъ мѣстностяхъ. Но при всемъ томъ къ земледѣлію могла перейти лишь незначительная часть еврейскаго населенія, народная же масса осталась въ прежнемъ тяжеломъ экономическомъ положеніи.

Крупнымъ событіемъ явилось упраздненіе кагаловъ (1844 г.). Но въ ближайшіе годы кагалъ лишь внѣшне пересталъ существовать. Фактически же, по требованію правительства, кагалъ, хотя и подъ новымъ названіемъ, продолжалъ нести тѣ свои функціи, которыя отпугивали отъ него еврейскій народъ.

Съ введеніемъ для евреевъ въ 1827 г. рекрутской повинности на кагалъ была возложена новая административно-полицейская обязанность по отношенію къ еврейскому населенію, новая отвѣтственная задача предъ правительствомъ: кагалу была поручена забота о сдачѣ солдатъ, причитавшихся съ даннаго общества. Взиманіе подати и наборъ рекрутъ, такова была дѣятельность, вмѣненная правительствомъ кагалу; таковы были функціи кагала, изъ-за которыхъ правительство его терпѣло. Кагалъ сталъ распоряжаться „еврейскими душами“ и къ различнымъ злоупотребленіямъ общинныхъ заправилъ присоединились новыя; прежняя власть кагала стала еще шире, еще болѣе страшной для народа. Кагалъ содержалъ цѣлый штатъ сыщиковъ и стражниковъ, ловившихъ уклоняющихся отъ рекрутчины, и жертвами этой охоты падали не только тѣ, кому наступила очередь идти въ солдаты, но и тѣ, кто почитался „ослушникомъ“ кагала; кагалъ, освобождая состоятельныхъ лицъ отъ рекрутчины, сдавалъ бѣдняковъ, а также тѣхъ, кто нарушалъ традицію, стремился къ просвѣщенію.

При упраздненіи кагала не была отмѣнена круговая порука еврейскихъ обществъ за поступленіе податей и за сдачу рекрутъ. „Еврейское общество“, какъ административная еди-

Свѣтлѣйшій князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ.

ница, продолжала существовать, и тѣ лица, которымъ были поручены функции по сбору податей и по сдачѣ рекрутъ—сборщики и старосты—замѣнили прежнихъ кагалныхъ старшинъ. А такъ какъ въ ближайшіе годы рекрутская повинность стала особенно тяжелой для евреевъ, то эти носители полицейской власти явились олицетвореніемъ самаго ужаснаго насилія.

Только тогда, когда ужасы рекрутчины отошли въ область печальныхъ воспомнаній и когда была отмѣнена подушная подать, сошли со сцены эти общинные заправилы.

Съ упраздненіемъ кагаловъ евреи были подчинены общему управленію. Органы общественного самоуправления, которые и до сего времени играли видную роль въ еврейской жизни, пріобрѣли теперь особое значеніе (завѣдываніе коробочнымъ и другимъ сборами, а также расходами еврейскихъ обществъ было передано думами, ратушамъ и магистратамъ). А между тѣмъ въ ту пору участіе евреевъ въ общественномъ самоуправленіи было уже стѣснено различными ограниченіями ¹⁾.

Не столь глубокой, какъ упраздненіе кагала, но несомнѣнно сыгравшей большую роль въ культурномъ развитіи еврейства, явилась школьная реформа.

Душою этого дѣла былъ министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ. Обратившись за поддержкой къ образованнымъ евреямъ, онъ старался пріобрѣсти также довѣріе консервативныхъ круговъ. Это сотрудничество еврейскаго общества носило въ извѣстной степени официальный характеръ; связь между еврейскимъ обществомъ и министерствомъ была воплощена въ лицѣ заграничнаго еврея Макса Лиліенталь. Какъ педагогу, поставившему на значительную высоту рижскую еврейскую общественную школу, ему была поручена разработка школьной реформы, и силою обстоятельствъ онъ былъ вынужденъ принять на себя отвѣтственную роль посредника: предъ еврейскимъ обществомъ истолковывать намѣренія правительства, а предъ министерствомъ — выражать пожеланія и надежды еврейскихъ общественныхъ дѣятелей.

Ведя по поводу школьнаго вопроса переписку и личныя

¹⁾ См. стр. 196—197.

бесѣды съ нѣкоторыми образованными русскими и заграничными евреями, Уваровъ пришелъ къ заключенію, что главнымъ препятствіемъ къ распространенію просвѣщенія являются „корыстолюбіе раввиновъ и ложное предубѣжденіе, будто бы Талмудъ должно считать необходимымъ для евреевъ ученіемъ“; онъ встрѣтилъ нѣкоторыхъ „благомыслящихъ просвѣщенныхъ евреевъ, готовыхъ подъ руководствомъ правительства противодѣйствовать талмудистамъ“, но среди нихъ не нашлось ни одного, который согласился бы „провозгласить себя преждевременнымъ ихъ противникомъ“. Поэтому, имѣя въ виду примѣръ одесской и рижской школъ, гдѣ частичное преподаваніе Талмуда было оставлено только „для виду“, такъ какъ обученіе въ нихъ „вовсе удалено отъ духа талмудистовъ“, Уваровъ задумалъ создать сѣтъ школъ, направленныхъ противъ господства Талмуда въ еврейской жизни. Однако, эта цѣль не должна была быть разглашена, пока общество не привыкнетъ къ школамъ.

„Друзья просвѣщенія“ представляли небольшую горсть предъ лицомъ ортодоксовъ и хасидовъ, одинаково отрицательно относившихся къ просвѣщенію; поэтому представители прогрессивнаго еврейства, союзники правительства въ дѣлѣ осуществленія школьной реформы, хотѣли склонить Уварова къ принятію репрессивныхъ мѣръ противъ хасидовъ, въ частности противъ виднаго цадика р. Менделя Шнеерсона, называвшагося по своей резиденціи Любавичскимъ. Лиліенталь сообщалъ министерству неблагопріятныя свѣдѣнія о хасидахъ, указывалъ, что отъ нихъ надо ожидать систематическаго сопротивленія и что это потребуетъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ со стороны правительства. Въ министерствѣ призывъ къ борьбѣ съ хасидами не встрѣчалъ сочувствія, но все же шефъ жандармовъ, по просьбѣ Уварова, установилъ тайный надзоръ за р. Менделемъ Любавичскимъ. Вообще Лиліенталь и другіе прогрессисты склонны были примѣнять принудительныя мѣры къ противникамъ просвѣтительной реформы, видя на ихъ сторонѣ организованную сплоченность.

Когда выборные виленскаго общества откровенно заявили прибывшему къ нимъ Лиліенталю, что они не питаютъ особаго довѣрія къ новымъ мѣропріятіямъ и съ мрачнымъ предчувствіемъ взираютъ на будущее, Лиліенталь, настаивая,

чтобы они выразили согласие на открытие в Вильне школы, т. е. обещали доставлять необходимые для нее средства, пригрозил, что теперь не время сопротивляться правительству, потому что дело школьной реформы находится в руках человека, который ее непременно осуществит, и всякое противодействие может навлечь на евреев лишь новые бедствия.

Однако, вместе с тем, на требование представителей виленского общества дать гарантию, что правительство не посягнет на религию, Лиліенталь, указав, что воля монарха неограничена, заявил: „Все, что я, как единовѣрецъ вашъ, могу вамъ обещать, это то, что я не сдѣлаю ни шага къ осуществленію правительственнаго плана до тѣхъ поръ, пока не буду имѣть полнѣйшаго ручательства въ томъ, что ничего не будетъ предпринято противъ нашей священной религіи, и пока мнѣ не будетъ дозволено оставить свою службу во всякое время, какъ только убѣжусь въ противномъ, и что я не буду уклоняться ни отъ какихъ оскорбленій со стороны моихъ собратьевъ въ томъ случаѣ, если я нарушу обѣтъ, данный мною въ эту священную минуту“.

Имѣя, очевидно, увѣренность, что одновременно со школьной реформой послѣдуетъ смягченіе правовыхъ ограниченій, но не смѣя объ этомъ говорить во всеуслышаніе, Лиліенталь не заглядывалъ въ тайники души народа, находившагося въ столь тяжелыхъ внѣшнихъ условіяхъ, совершенно не считался съ его интимными переживаниями.

Подобно многимъ радѣтелямъ культуры, онъ вѣрилъ въ силу „просвѣщеннаго абсолютизма“, мнилъ, что имѣя за собою правительственную власть можно сильными ударами преобразовать культурный бытъ, проложить новые историческіе пути. Онъ готовъ былъ идти на всякую принудительную мѣру, лишь бы скорѣе побороть препятствія. Выступивъ противъ народныхъ учителей-меламдовъ, въ теченіе вѣковъ составлявшихъ необходимый институтъ въ любой еврейской общинѣ, Лиліенталь создалъ себѣ враговъ, которые, пользуясь вліяніемъ въ широкихъ еврейскихъ массахъ, сумѣли настроить общество противъ него. Когда въ Минскѣ ортодоксы обрушились на Лиліенталь съ грубой бранью и съ обвиненіемъ въ предательствѣ, онъ обратился за содѣйствіемъ къ губер-

натору, который вызвалъ виднѣйшихъ представителей общины, чтобы сдѣлать имъ внушеніе.

Министерство было противъ подобныхъ воинственныхъ выступленій, оно желало внѣшняго объединенія общественныхъ элементовъ, и потому было рѣшено образовать особый комитетъ, въ составъ наиболѣе выдающихся раввиновъ, для выработки школьной программы. Для того же, чтобы въ комитетъ вошли надлежащіе лица и дабы правительство ближе ознакомилось съ настроеніемъ общества, Лиліенталю было поручено объѣздить губерніи черты осѣдлости, при чемъ генераль-губернаторы получили предписаніе оказывать ему всяческое содѣйствіе и не препятствовать ему совѣщаться съ общественными дѣятелями.

Чтобы оживить настроеніе друзей просвѣщенія, чувствовавшихъ себя заброшенными въ консервативной средѣ, Лиліенталь просилъ Уварова, чтобы правительство оказало имъ открыто свою поддержку. Не знаемъ, въ какой формѣ представлялъ себѣ ее Лиліенталь; во всякомъ случаѣ, Уваровъ, признававшій преждевременнымъ какое бы то ни было принужденіе, согласился лишь на то, чтобы дать понять еврейскому населенію, что реформа проводится подъ верховнымъ руководствомъ государя—было опубликовано, что созываемая комиссія для образованія евреевъ, именуется „Высочайше учрежденною“, что должно было одновременно устранить сопротивление со стороны оппозиціи.

Однако Лиліенталь въ это время сталъ заботиться также о томъ, чтобы привлечь къ себѣ симпатіи противниковъ просвѣщенія.

Поѣздка Лиліенталья по чертѣ осѣдлости, сопровождавшаяся въ рядѣ городовъ многочисленными собраніями, на которыхъ онъ призывалъ общество оказать поддержку правительству въ его просвѣтительной дѣятельности, была для Лиліенталья сплошнымъ триумфомъ. Открытаго противодействия Лиліенталь нигдѣ не встрѣчалъ; напротивъ, даже ортодоксы и хасиды своимъ внѣшнимъ миролюбіемъ должны были заглушить въ немъ боевые порывы, и въ этой благоприятной атмосферѣ Лиліенталь въ полной мѣрѣ проявилъ свои духовныя силы, свое проникновенное желаніе быть достойнымъ той роли, которая была возложена на него по волѣ

судьбы. Онъ нашелъ вдохновенныя слова, которыя правдиво передавали его готовность послужить народу со всѣмъ рвеніемъ, со всей горячностью братскаго чувства, и повести отставшихъ единовѣрцевъ по пути къ новой культурной жизни. Искренность его призыва магически вліяла на толпы слушателей, къ которымъ онъ обращался съ увѣреніемъ, что ничто не угрожаетъ религіознымъ чувствамъ народа.

Лиліенталь развилъ во время своей поѣздки кипучую дѣятельность, и нѣтъ сомнѣнія, что его непосредственное общеніе съ многочисленными представителями различныхъ общественныхъ классовъ, а затѣмъ обширная переписка изъ Петербурга съ мѣстными дѣятелями, значительно способствовали болѣе широкому распространенію идеи о необходимости общаго образованія.

Сперва было предположено пригласить изъ-за границы учителей для будущихъ школъ. Лиліенталь и даже самъ Уваровъ переписывались по этому поводу съ выдающимися западно-европейскими учеными евреями; было намѣчено болѣе сотни кандидатовъ. Но затѣмъ рѣшили обратиться къ мѣстнымъ силамъ, и это создало въ еврейской средѣ группу людей, заинтересованныхъ въ учрежденіи школъ и потому старавшихся о популяризаціи будущихъ школъ.

Впечатлѣніе было таково, что торжество прогрессивныхъ элементовъ обезпечено. Но это былъ миражъ. Пользуясь покровительствомъ администраціи, передовые круги могли открыто дѣйствовать въ пользу просвѣщенія; противники же реформы должны были внѣшне смириться; и было большою ошибкой считать бездѣйствіе консервативной части общества благоприятнымъ фактомъ—именно въ этомъ могильномъ покоѣ таилась та сила, которая впослѣдствіи парализовала въ значительной мѣрѣ просвѣтительную реформу.

Обращаетъ на себя вниманіе то, что въ пору этой усиленной дѣятельности въ пользу школъ не былъ выдвинутъ Левинзонъ. О немъ не забыли. Лиліенталь общалъ даже посѣтить его, но не сдѣлалъ этого. Мѣстная администрація неоднократно указывала на кременецкаго ученаго, какъ на человѣка, необходимаго для реформы. Тѣмъ не менѣе, Левинзонъ не былъ официально приобщенъ къ школостроитель-

ству.¹⁾ Но исторія, конечно, должна связать имя Левинзона съ нашимъ культурнымъ развитіемъ, ибо его трудами былъ расчищенъ путь, по которому пошли просвѣтители сороковыхъ годовъ.

Вмѣсто этого стараго ратоборца за просвѣщеніе къ чисто-формальному участію въ школостроительствѣ были привлечены лица, которыя считали эту работу тяжелой принудительной обязанностью, но не долгомъ своей совѣсти: въ комитетъ по образованію евреевъ были приглашены глава ортодоксіи р. Ицхакъ Воложинскій и представитель хасидовъ р. Мендель Любавичскій. А такъ какъ другихъ авторитетныхъ духовныхъ пастырей, которые имѣли бы за собою значительное число послѣдователей, не оказалось, то вмѣсто раввиновъ былъ назначенъ заграничный еврей Базилій Штенръ, приобрѣтшій на югѣ популярное имя благодаря руководимой имъ одесской школѣ, заслужившей одобреніе Николая I, а также бердичевскій банкиръ Гальперинъ, пользовавшійся вліяніемъ въ консервативныхъ кругахъ края.

Максъ Лиліенталь.

Эта коллегія разумѣется официально одобрила школьную программу, хотя, конечно, единомыслія не могло быть среди представителей крайнихъ мнѣній.

Насталъ вскорѣ моментъ, когда нужно было осуществить школьную реформу, но къ этому времени Лиліенталь уже не было въ Россіи. Его отъѣздъ (1844 г.), быть-можетъ, бѣгство, окутанъ по сію пору тайною.

Есть указаніе, что ему было предложено принять крещеніе... Самъ Лиліенталь говорилъ позже, что онъ всѣмъ

¹⁾ Левинзонъ писалъ, что онъ былъ приглашенъ въ комиссію по образованію, но вынужденъ былъ по слабости здоровья отказаться; однако, въ соответствующей официальной перепискѣ имя Левинзона, насколько известно, не упоминается.

пожертвовалъ во имя Господа ¹⁾). Но можно думать, что роль сыграли не какія либо явныя миссіонерскія стремленія правительства, а такія дѣйствія, которыя указывали, что культурная реформа не облегчитъ тяжелаго положенія евреевъ.

Еще въ 1842 г., вскорѣ по опубликованіи указа о принятой школьной реформѣ, Лиліенталь писалъ одному виленскому прогрессисту: „Если вы спросите, но вѣдь этотъ указъ не дастъ намъ ни хлѣба, ни платья, зачѣмъ же намъ знанія и науки, когда нѣтъ матеріальной опоры? Тогда знайте, что указъ этотъ является первымъ, за которымъ еще въ этомъ году послѣдуютъ три или четыре указа, изъ которыхъ вы воочію убѣдитесь, что правительство дѣйствительно желаетъ принести добро и благо нашимъ братьямъ. Наступающіе дни будутъ лучше дней минувшихъ, когда мы были отданы на смѣхъ и позоръ“.

Эти надежды Лиліенталья не сбылись—положеніе евреевъ не только не улучшилось, но „разборъ“ и другія мѣропріятія предвѣщали наступленіе еще худшихъ дней. И, можетъ-быть, эти обстоятельства навели Лиліенталья на мысль, что вся его тяжелая упорная работа не дастъ ожидаемыхъ плодовъ...

Для учрежденія и содержанія школъ необходимы были денежныя средства. Конечно, взоры обратились на коробочный сборъ, покрывавшій всѣ столь разнообразныя общинныя нужды. ²⁾

Впрочемъ, о коробочномъ сборѣ заговорили не только, какъ объ источникѣ существованія школъ; о немъ уже и раньше зашла рѣчь, какъ о непосильномъ бремени для народной массы, а главнымъ образомъ, какъ о средствѣ обезпечить правильное поступленіе податей; въ сборѣ усматривали также причину многихъ золъ еврейской жизни.

Отдѣльныя еврейскіе общественные дѣятели высказывали противоположныя взгляды по этому вопросу; неодинаково смотрѣли на этотъ институтъ и высшіе представители власти. Съ одной стороны, указывалось на необходимость уничто-

¹⁾ Лиліенталь въ теченіе многихъ лѣтъ, до своей смерти (1882), состоялъ раввиномъ въ Цинциннати (Америка), гдѣ развилъ широкую общественную дѣятельность въ качествѣ педагога, журналиста и издателя.

²⁾ См. стр. 80 и слѣд.

жить сборъ, такъ какъ имъ оплачиваются податныя недоимки, вслѣдствіе чего многіе не вносятъ подати, зная, что общество, связанное круговой порукой, покроетъ недоимки изъ суммъ коробочнаго сбора. Предлагалось, чтобы подати взымались непосредственно съ cadaго еврея въ отдѣльности. Если же сохранить сборъ, то обратитъ его только на широкія благотворительныя и просвѣтительныя нужды. Другіе, однако, настаивали на томъ, чтобы сборъ по прежнему шелъ, въ частности, и на покрытіе податныхъ недоимокъ, иначе еврейскому населенію придется испытать ужасы, нерѣдко сопровождающіе непосредственное взиманіе податей.

Правительство, рассматривая коробочный сборъ преимущественно какъ источникъ правильнаго поступленія подати, признало, въ концѣ концовъ, необходимымъ его дальнѣйшее существованіе, хотя сборъ и открывалъ предъ общинными заправилами просторъ для злоупотребленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, правительство взяло сборъ, такъ сказать, въ свои руки.

Коробочный сборъ издавна вводился по желанію самихъ обществъ, которыя, каждое по своему усмотрѣнію, устанавливали соотвѣтствующія правила.

Коробочному сбору пришлось утратить этотъ до извѣстной степени „добровольный“ характеръ, когда возникла идея объ учрежденіи казенныхъ еврейскихъ школъ на средства еврейскаго населенія. Сборъ сталъ обязательнымъ (1839 г.). При этомъ, впрочемъ, онъ считался принадлежащимъ еврейскому обществу. Когда же правительство задумало преобразовать духовный бытъ не только посредствомъ школъ, но и путемъ другихъ мѣръ (раввинатъ на службѣ у правительства, привлеченіе къ земледѣлію), требовавшихъ значительныхъ матеріальныхъ средствъ, коробочный сборъ пересталъ признаваться достояніемъ еврейскаго народа. Одновременно сборъ былъ подробно регламентированъ закономъ.

Для школьныхъ нуждъ рѣшили использовать такъ называемый „свѣчной сборъ“, входившій въ составъ коробочныхъ сборовъ. Налогъ на свѣчи, зажигаемыя по пятницамъ, былъ нѣкогда введенъ самими еврейскими обществами, но постепенно онъ почти всюду былъ упраздненъ. Когда правительство занялось упорядоченіемъ коробочнаго сбора, раздались голоса о совершенномъ упраздненіи свѣчнаго сбора,

такъ какъ онъ является не косвеннымъ, а прямымъ налогомъ, и при этомъ падаетъ бременемъ главнымъ образомъ на бѣднѣйшій классъ, который не можетъ отказаться отъ совершенія религиознаго обряда. Поэтому свѣчной сборъ не только былъ отмѣненъ, но законъ (1839 г.) потребовалъ, чтобы и на будущее время, „навсегда“, евреи были освобождены отъ налога съ предметовъ культа.

Однако, объ этомъ забыли, когда понадобились средства для школъ. Въ проектѣ новаго положенія о коробочномъ сборѣ было предложено, чтобы три свѣчи, требуемыя религиознымъ предписаніемъ, не подлежали сбору, дабы освободить бѣдняковъ отъ обложенія, но Уваровъ, ссылаясь на „многихъ благонамѣренныхъ евреевъ духовнаго званія“, заявившихъ, что еврейское населеніе не признаетъ этого сбора тягостнымъ, высказался, согласно мнѣнію состоятельныхъ евреевъ, противъ льготы для трехъ свѣчей, такъ какъ иначе и богачи перестанутъ зажигать большое число свѣчей, которыми они тѣшатъ свое „тщеславіе“, и такимъ образомъ не окажется средствъ для школъ. Поэтому былъ установленъ налогъ на свѣчи безъ всякаго изъятія.

На дѣло просвѣщенія былъ обращенъ и другой сборъ, — съ традиціоннаго платья. Онъ, впрочемъ, имѣлъ и самостоятельную цѣль, такъ сказать, культурную: бороться съ одеждой, которая, по мнѣнію правительства, отдѣляла евреевъ въ общественной жизни отъ христіанъ. Эта точка зрѣнія раздѣлялась и прогрессивными евреями. Какъ въ началѣ 19-го вѣка, такъ и въ 40-хъ годахъ вокругъ одежды шла борьба ¹⁾.

Хотя депутатамъ еврейскаго народа удалось (1818 г.) добиться отмѣны закона, требовавшего, чтобы ниѣ черты осѣдлости евреи носили одежду, ничѣмъ не отличающуюся отъ платья прочаго населенія, все же старый законъ позже былъ восстановленъ въ силѣ, а затѣмъ (1839 г.) еврейскимъ обществамъ было предоставлено устанавливать, въ качествѣ одного изъ видовъ коробочнаго сбора, налогъ на „шитые еврейской одежды“ и сдавать его въ откупное содержаніе.

Налогъ на платье, какъ надо заключить, долженъ былъ склонить еврейское общество къ замѣнѣ традиціонной одежды

¹⁾ См. стр. 110, 112, 140.

общепринятой. Но эта цѣль не могла быть достигнута, ибо и болѣе независимые члены общинъ не осмѣливались отказаться отъ традиціи.

Комитетъ Киселева призналъ необходимымъ запретить носеніе еврейской одежды, но эту мѣру рѣшено было осуществить лишь тогда, когда другія, болѣе важныя, окажутся уже проведенными въ жизнь. Между тѣмъ, въ виду недо-

Квитанція въ полученіи сбора съ одежды.

разумнѣй, возникавшихъ между откупщиками „туалетнаго сбора“ и портными, обязанными уплачивать таковой, было рѣшено, чтобы сборъ уплачивался не за шитье, а за носеніе еврейской одежды, каждымъ евреемъ въ отдѣльности.

Въ это время группа виленскихъ евреевъ обратилась въ министерство народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ, чтобы послѣдовало Высочайшее повелѣніе о запрещеніи носить еврейскую одежду. Указывая, что „первою преградой“ къ образованію евреевъ является „странный“ костюмъ, просители заявляли, что этотъ костюмъ вовсе не установленъ религиоз-

нымъ ученіемъ; всѣ благонамѣренные евреи желали бы пере-
мѣнить одежду, но опасаются „только преслѣдованія сует-
вѣровъ, лицемѣровъ“, составляющихъ самую малую часть
народа, но съ которыми прочіе находятся въ родственной
или торговой связи; поэтому-то ходатаи и домогаются Высо-
чайшаго повелѣнія.

Страхъ предъ консервативнымъ господствующимъ классомъ
былъ до того великъ, что ходатаи просили министерство не
выдать ихъ имена раввинамъ, „которые не оставятъ насъ безъ
отомщенія“, и просители подписались не на самомъ прошеніи,
а на отдѣльномъ приложенномъ листкѣ.

Это ходатайство было передано на разсмотрѣніе из-
вѣстной намъ комиссіи по образованію евреевъ, въ которой
были представлены различныя общественныя теченія въ ев-
рействѣ. Она, признала что въ еврейскомъ законѣ нѣтъ ни-
какихъ постановленій объ одеждѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ко-
миссія высказалась противъ принудительныхъ мѣръ, объ-
яснивъ, что перемѣна одежды явится естественнымъ резуль-
татомъ лучшаго образованія и со временемъ произойдетъ безъ
насилій и строгихъ мѣръ; во всякомъ случаѣ, полицейскія
мѣры не помогутъ; упрямство евреевъ въ данномъ отноше-
ніи вызывается тѣмъ, что въ каждомъ специальномъ для нихъ
законѣ они видятъ косвенное нарушеніе ихъ вѣры; хасиды
„простираютъ это упрямство до неистовства“. Чтобы скло-
нить евреевъ къ перемѣнѣ одежды безъ ропота, р. Ицхакъ
Воложинскій предложилъ слѣдующее: воля царя по еврей-
скому закону такъ же священна, какъ и Божья, если она
относится ко всѣмъ безъ различія подданнымъ, а потому
надо, чтобы общій законъ предписалъ всѣмъ низшимъ со-
словіямъ въ западныхъ губерніяхъ носить опредѣленное
платье, хотя бы то, которое носятъ христіанское населеніе,
а вмѣстѣ съ тѣмъ запретилъ бы высокія шапки съ драго-
цѣннымъ мѣхомъ, жемчужныя украшенія для женщинъ и пр.;
большая часть еврейскаго населенія не только безъ ропота,
но съ радостью подчинится требованію, такъ какъ почти всѣ
чувствуютъ тягость дорогой одежды.

Комиссія очень рѣзко отозвалась о группѣ лицъ, хода-
тайствовавшихъ о запрещеніи носить традиціонное платье,
заявивъ, что подписи 20—30 лицъ не составляютъ желанія

общества, особливо въ Вильнѣ, „ибо тамъ составила пар-
тія изъ людей, отринутыхъ отъ общества и презрѣнныхъ
всѣми, которые изъ видовъ корысти бросаются во всѣ мини-
стерства съ предложеніями и проектами, какъ будто отъ
имени общества, и такимъ образомъ обманываютъ прави-
тельство и даютъ ему ложное понятіе о состояніи евреевъ“.

Комиссія, вѣроятно, не знала, кто именно выступилъ
противъ традиціоннаго платья; во всякомъ случаѣ, ея суро-
вый приговоръ не соотвѣтствовалъ личнымъ качествамъ и
общественному положенію ходатаевъ—на ряду съ представи-
телями купечества, среди нихъ фигурировали такія лица,
какъ поэтъ и педагогъ Соломонъ Залкиндъ, библиофилъ Ма-
тесъ Страшунъ, пользовавшійся большимъ авторитетомъ въ
еврейскомъ научномъ мірѣ, и, наконецъ, такой выдающийся
писатель, какъ Мордехай Аронъ Гинцбургъ. Получивъ хоро-
шее образованіе, Гинцбургъ ополчался противъ религіознаго
фанатизма и предрасудковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высту-
палъ противъ нарушенія религіозныхъ предписаній и въ лич-
ной жизни строго слѣдовалъ традиціонной обрядности.
Въ вопросѣ же объ одеждѣ Гинцбургъ сходилъ съ ради-
кальной интеллигенціей, считая, что въ одеждѣ корень чуть ли
не всѣхъ еврейскихъ бѣдъ—„только благодаря различію въ
платьѣ—писалъ Гинцбургъ—существуетъ стѣна, отдѣляю-
щая еврейское населеніе отъ христіанскаго; только изъ-за
этого оба населенія смотрятъ другъ на друга, какъ на людей
двухъ разныхъ породъ; вѣдь наше милостивое правитель-
ство не желаетъ этого: оно съ одинаковой любовью отно-
сится ко всѣмъ своимъ дѣтямъ“.

Рѣшивъ запретить съ 1850 г. носеніе еврейской одежды,
о чемъ еврейское населеніе было предувѣдомлено, прави-
тельство установило, въ видѣ временной мѣры, взиманіе на-
лога съ платья, освободивъ отъ сбора лишь дѣтей и стари-
ковъ; купцы уплачивали большую сумму, прочіе—меньшую.

Ермолка являлась принадлежностью костюма; но по тре-
бованію государя она была обложена специальнымъ сборомъ
„по 5 рубл. сер. за каждую, не болѣе и не менѣе“ (1848 г.).

Когда наступилъ срокъ разстаться съ вѣковой одеждой,
евреи, во избѣжаніе преслѣдованій, стали ее маскировать.
Вообще возникли различныя сомнѣнія, и поэтому были уста-

новлены (1852 г.) особыя туалетныя правила, запретившія, между прочимъ, „ношеніе пейсиковъ“, а также ермолокъ внѣ моленъ, женщинамъ было возбранено брить головы и носить парики.

Эти правила не привели къ практическимъ результатамъ— народная масса продолжала придерживаться старины; только подъ вліяніемъ общаго образованія и культурнаго сближенія съ окружающимъ обществомъ традиціонная одежда стала вытѣсняться общеевропейской.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Пріѣздъ Моисея Монтефіоре въ Россію. — Аудиенція у государя. — Записка Монтефіоре о плачевномъ положеніи евреевъ, представленная государю. — Всеподданнѣйшій докладъ гр. Киселева о необходимости облегчить правовыя стѣсненія. — Государь высказывается противъ всякаго уравниенія евреевъ въ правахъ съ христіанами и настаиваетъ на репрессивной системѣ. — Новая принудительная мѣра. — Секретное Высочайшее повелѣніе о непріятіи евреевъ-врачей на государственную службу. — Казенныя еврейскія школы ввѣряются не евреямъ, а христіанамъ. — Безуспѣшность школьной реформы. — Усугубленіе тяжести рекрутской повинности доводитъ еврейскую массу до бѣдственнаго состоянія.

Имя филантропа Моисея Монтефіоре (1784 — 1885 г.г.) пользовалось широкой популярностью среди еврейскаго населенія. Поѣздка Монтефіоре въ Дамаскъ для спасенія мѣстныхъ евреевъ, ложно обвиненныхъ въ преступленіи ритуальнаго характера, привлекла къ нему общія симпатіи. Необычайная энергія Монтефіоре, направленная на пользу единоувѣрцевъ, и почетъ, которымъ онъ былъ окруженъ у себя на родинѣ, въ Англіи, внушали и представителямъ русской власти уваженіе къ этому печальнику еврейскаго народа.

Въ 1846 г. Монтефіоре, въ сопровожденіи жены, предпринялъ тяжелую въ то время поѣздку въ Россію, чтобы хлопотать объ облегченіи участи евреевъ.

Снабженный рекомендательнымъ письмомъ королевы Викторіи, Монтефіоре встрѣтилъ въ Россіи радушный пріемъ. Уваровъ расположилъ къ нему правительство. 24 марта Монтефіоре былъ принятъ имп. Николаемъ I. Объ этой аудиенціи Монтефіоре сообщаетъ слѣдующее въ письмѣ къ

одному изъ своихъ лондонскихъ друзей: „.... Съ помощью Божьей я имѣлъ возможность заступиться за нашихъ братьевъ предъ ихъ могущественнымъ владыкой. Въ прошлый четвергъ я имѣлъ честь быть представленнымъ государю, который принялъ меня очень благосклонно и терпѣливо выслушалъ всѣ мои доводы. Его Величество сказалъ мнѣ, чтобы я принялъ отъ него и его министровъ увѣреніе, что онъ очень усердно занятъ улучшеніемъ положенія моихъ единоувѣрцевъ въ его владѣніяхъ и что предметъ этотъ именно теперь привлекаетъ его вниманіе. Его Величество выразилъ желаніе, чтобы я посѣтилъ своихъ братьевъ въ городахъ, наиболѣе ими населенныхъ, и предложилъ мнѣ въ спутники министра“.

Три министра, среди нихъ предсѣдатель Еврейскаго комитета Киселевъ, посѣтили Монтефіоре, чтобы ознакомить его съ правительственной политикой по отношенію къ евреямъ. А въ это время во всѣхъ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ еврейское населеніе выслушало выработанное въ Еврейскомъ комитетѣ правительственное „объявленіе“, предупреждавшее о грядущемъ „разборѣ“.

Въ этомъ документѣ указывалось, что переселившись въ давнее время изъ странъ Зап. Европы, евреи не получили отъ польскаго правительства ни права гражданства, ни права на пріобрѣтеніе недвижимой собственности, а потому оставались въ зависимости отъ мѣстныхъ владѣльцевъ и ограничивали дѣятельность свою мелочною торговлею и особенно шинкарствомъ.

По переходѣ края къ Россіи правительство распространило на евреевъ всѣ гражданскія права наравнѣ съ другими подданными: разрѣшило имъ вступленіе въ городское торговое состояніе съ правомъ участвовать въ выборахъ и быть избираемыми въ члены городского полицейскаго, хозяйственнаго и судебнаго управленія; дало имъ право на пріобрѣтеніе недвижимой собственности, право вступать въ земледѣльческое состояніе; открыло имъ путь къ просвѣщенію, разрѣшивъ обучаться въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая университетовъ и академій, и, наконецъ, расширило границы ихъ осѣдлости... Къ сожалѣнію, гласило объявленіе, евреи не воспользовались всѣмъ этимъ: „постоянно чуждаяся

сліянія съ гражданскимъ обществомъ, среди котораго живутъ, они большею частію остались при прежнихъ способахъ существованія на счетъ труда другихъ, и отъ того со всѣхъ сторонъ возникаютъ справедливыя жалобы мѣстныхъ жителей“.

Поэтому съ цѣлью устройства евреевъ и поднятія ихъ благосостоянія правительство прежде всего признало полезнымъ, согласно „съ отзывомъ благонамѣреннѣйшихъ евреевъ“, изъять ихъ изъ зависимости отъ кагаловъ и подчинить общему городскому управленію; въ то же время для распространенія между евреями просвѣщенія и практическихъ познаній правительство не только расширило возможность къ вступленію въ учебныя заведенія, но „уважая предубѣжденіе“ многихъ евреевъ противъ общихъ учебныхъ заведеній, учреждаетъ особыя еврейскія училища; вмѣстѣ съ тѣмъ, даны средства къ вступленію въ полезныя состоянія, особенно земледѣльческое; наконецъ, чтобы уничтожить „непріятное для многихъ евреевъ“ различіе въ одеждѣ, отдѣляющей ихъ отъ коренныхъ жителей, запрещено употребленіе (съ 1850 г.) особой еврейской одежды.

„Предоставивъ такимъ образомъ евреямъ всѣ средства къ улучшенію своего нравственнаго и матеріальнаго состоянія, правительство считаетъ себя въ правѣ надѣяться, что евреи прекратятъ всякіе предосудительные способы жизни и обратятся къ труду истинно производительному и полезному. Уклоняющіеся отъ сего должны по всей справедливости подвергнуться мѣрамъ побудительнымъ, какъ тунеядцы и какъ тягостные и вредные для общества члены. Но чтобы отдѣлить евреевъ полезныхъ отъ не имѣющихъ производительнаго труда и осѣдлости и подвергнуть сихъ послѣднихъ необходимымъ ограниченіямъ“, правительство приглашаетъ евреевъ устроить себя въ полезныхъ состояніяхъ: купеческомъ, мѣщанскомъ, цеховомъ и земледѣльческомъ, причемъ включеніе въ эти сословія должно быть не номинальнымъ, а фактическимъ. Тѣ, которые къ 1850 г. не войдутъ въ число этихъ „полезныхъ“ обывателей, будутъ выдѣлены въ особый разрядъ и подвергнутся всѣмъ тѣмъ ограниченіямъ, которыя будутъ признаны необходимыми для обузданія тунеядства.

„За таковымъ предвареніемъ евреевъ, отъ нихъ совершенно будетъ зависѣть воспользоваться предоставленными

имъ выгодами устройства своего состоянія и тѣмъ самымъ отклонить отъ себя всѣ послѣдствія мѣръ, къ коимъ правительство будетъ вынуждено“.

Предъ отъѣздомъ Монтефіоре въ черту осѣдлости Киселевъ ознакомилъ его съ нѣкоторыми документами, которые должны были убѣдить его въ томъ, что государь относится къ евреямъ отечески. Съ другой стороны, приглашая Монтефіоре совершить поѣздку по чертѣ осѣдлости и Царству Польскому, государь имѣлъ въ виду, что, одинаково пользуясь довѣріемъ какъ въ консервативныхъ, такъ и въ прогрессивныхъ еврейскихъ кругахъ, Монтефіоре убѣдитъ еврейское общество, что правительственныя мѣропріятія, не посягая на еврейскую религію, направлены на пользу еврейскаго народа.

Задача, выпавшая на долю Монтефіоре, была трудная. Не злоупотребляя оказаннымъ ему вниманіемъ въ столицѣ, соблюдая крайнюю осторожность въ выраженіяхъ, Монтефіоре долженъ былъ нарисовать правдивую картину еврейской жизни, факты которой говорили противъ политики правительства, мнившего, что оно создало благопріятныя условія для безбѣднаго существованія еврейскаго населенія.

Во время этого путешествія Монтефіоре завоевалъ себѣ такую широкую популярность среди русскихъ евреевъ, вызвалъ въ нихъ столь глубокое чувство уваженія и благодарности, что въ теченіе многихъ десятилѣтій еврейскія семьи не переставали хранить у себя на видномъ мѣстѣ портретъ Монтефіоре, какъ символъ не только дѣятельной любви къ еврейскому народу, но и высокаго благочестія. Вступая въ личныя сношенія съ представителями высшей власти—центральной и мѣстной,—Монтефіоре, человекъ религіозный, не упускалъ случая засвидѣтельствовать свою духовную связь съ единовѣрцами, такъ униженными въ Россіи.

Исполняя предложеніе Киселева составить записку о положеніи евреевъ для представленія ея государю, Монтефіоре вскорѣ по возвращеніи домой прислалъ Киселеву обширное письмо, посвященное еврейской жизни въ Имперіи, а кромѣ того, записку о положеніи евреевъ въ Царствѣ Польскомъ.

Монтефіоре съ честью выполнилъ принятую имъ на себя миссію. Не пользуясь густыми красками, онъ раскрылъ предъ правительствомъ тотъ фактъ, что законодательство о евреяхъ

парализуетъ ихъ экономическую дѣятельность и понижаетъ ихъ нравственный уровень. Нѣтъ, не бѣдная, безпомощная еврейская масса должна добиваться человѣческихъ правъ путемъ „добраго поведения“, а правительственная власть обязана предоставить евреямъ права, безъ которыхъ еврейскій народъ не въ силахъ достичь должной нравственной и экономической высоты. Только отъ равноправнаго гражданина можно требовать исполненія обязанностей, налагаемыхъ на подданныхъ.

На основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ представителей различныхъ общинъ и подтвержденныхъ собственными наблюденіями, Монтефіоре счелъ возможнымъ завѣрить Киселева, что евреи чувствительны къ благимъ намѣреніямъ правительства, что они готовы служить странѣ до послѣдняго издыханія, однако нѣкоторыя обстоятельства препятствуютъ тому, чтобы евреи имѣли то существованіе, которое законы стремятся обезпечить за ними.

Остановившись на стѣсненіяхъ, сковывающихъ экономическую дѣятельность евреевъ въ предѣлахъ самой черты осѣдлости, Монтефіоре старался доказать, что обвиненія, обычно взводимыя на евреевъ (праздность, предпочтеніе мелкой торговли земледѣльческому труду, спаиваніе крестьянъ, контрабандные промыслы), если и справедливы по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, не могутъ быть распространены на всѣхъ евреевъ. „Я не заступаю за виновныхъ“, восклицаетъ Монтефіоре по поводу обвиненія въ контрабандѣ, пусть съ ними поступаютъ какъ съ другими подобными преступниками въ столицахъ, Москвѣ и Петербургѣ, гдѣ, вѣроятно, нѣтъ въ нихъ недостатка, хотя евреи тамъ совершенно отсутствуютъ, — но пусть не наказываютъ невиновныхъ. Всѣ эти обвиненія, объяснялъ Монтефіоре, быть-можетъ, потому, что они никѣмъ не были освѣщены, производили тяжелое впечатлѣніе на правительство и привели къ тому, что государь въ заботѣ о благополучіи еврейскаго населенія повелѣлъ изслѣдовать причины малоудовлетворительнаго состоянія еврейскаго населенія и остановиться на мѣрахъ, могущихъ исправить создавшееся положеніе. Результатомъ этого разслѣдованія было то, что евреи были представлены въ столь же ложномъ, сколько неблагоприятномъ свѣтѣ. Тѣ,

которые признаны непокорными, упрямыми, должны подвергнуться принудительнымъ мѣрамъ, а между тѣмъ есть многочисленныя группы вовсе не праздныхъ людей, которые, однако не попали въ категорію „полезныхъ“.

Выступленіе противъ еврейскаго населенія, выразившееся въ „разборѣ“, Монтефіоре приписалъ отнюдь не членамъ Еврейскаго комитета, но влиянію лицъ, которыя, по извѣстнымъ причинамъ, поддерживаютъ въ правительственныхъ кругахъ враждебныя чувства къ евреямъ.

Евреи, подчеркивалъ Монтефіоре, не предаются праздности, но неблагоприятныя правовыя условія, отъ которыхъ страдаютъ евреи всѣхъ общественныхъ классовъ, не только не даютъ возможности развить экономическую дѣятельность, но приводятъ къ тому, что положеніе все ухудшается; „разборъ“, имѣющій цѣлью улучшить состояніе евреевъ, приведетъ къ обратному результату, если число категорій „полезныхъ“ не будетъ увеличено. Еврейское населеніе бьется въ нищетѣ. Государь лично въ этомъ убѣдился. Еврейскій комитетъ также это установилъ. Самъ Монтефіоре равнымъ образомъ свидѣтельствуетъ о еврейской бѣдности. Разъ это такъ, Его Величество и правительство не поставятъ въ упрекъ Монтефіоре, что онъ, съ сердцемъ, проникнутымъ глубокой благодарностью за все хорошее, распростертое Его Величествомъ надъ домомъ Израиля, взялъ на себя задачу ознакомить правительство съ истиннымъ положеніемъ евреевъ.

Послѣ этого Монтефіоре рѣшается представить свое скромное мнѣніе о политическихъ мѣрахъ, которыя дѣйствительно исправятъ зло. Указавъ на то, что вѣковое гоненіе наложило на евреевъ отпечатокъ, который вовсе не свойственъ ихъ натурѣ и создаетъ превратное представленіе о

Моисей Монтефіоре.

нихъ, Монтефиоре заявилъ, что средство, способное исправить зло, заключается въ томъ, чтобы даровать евреямъ фактически и во всей полнотѣ то благодѣяніе, которое, судя по словамъ министровъ, правительство желаетъ дать еврейскому населенію, — т. е. „равноправіе со всѣми прочими подданными“. Эта великая милость, — немедленно и открыто, безъ изытій, провозглашенная государемъ, — дала бы самые благопріятные результаты. Она сразу уничтожила бы отчаяніе, созданное столь длительнымъ безправіемъ.

Остановившись далѣе на подробностяхъ, Монтефиоре умолялъ, впредь до равноправія, возможно скорѣе уничтожить ограниченія въ правѣ жительства и передвиженія въ предѣлахъ губерній черты осѣдлости; дозволить купцамъ и ихъ приказчикамъ, ремесленникамъ и мастеровымъ пріѣзжать, по торговымъ дѣламъ, во внутреннія губерніи; разрѣшить услуженіе христіанъ, награждать солдатъ чинами и проч. Монтефиоре просилъ также о возстановленіи кагала, благодаря которому, будто бы, еврейскія общества поднимали благосостояніе своихъ городовъ; какъ видно, общественные дѣятели, вспоминая о кагалѣ, жалѣли о невозвратномъ прошломъ, поздно сознавъ, какъ много можно было сдѣлать, пользуясь самоуправленіемъ, если бы господствующій классъ направилъ свои силы на народную пользу, и теперь они просили Монтефиоре ходатайствовать о возрожденіи кагала.

Все это, пояснилъ Монтефиоре, — лишь пересказъ того, что предоставляетъ государь еврейскому народу документомъ, сообщеннымъ Монтефиоре Киселевымъ. Въ существующихъ условіяхъ евреи лишены возможности, открываемой упомянутой деклараціей, направить свою дѣятельность въ надлежащую сторону, утвердить свое благополучіе на твердыхъ основаніяхъ — бѣдность, скорбь и глубочайшее отчаяніе, таковъ удѣлъ евреевъ, вѣрноподанныхъ Его Величества; кажется, что они уже доведены до крайней нищеты. И Монтефиоре убѣждалъ правительство осуществить безотлагательно благодѣтельные намѣренія, которыя государь прокламировалъ въ указахъ.

Графъ Киселевъ много поработалъ для облегченія участи крестьянъ, стремясь къ освобожденію ихъ отъ крѣпостной

зависимости. Лозунгъ — „гражданская свобода есть основаніе народнаго благосостоянія“ онъ хотѣлъ осуществить и по отношенію къ евреямъ, но, подобно тому, какъ и въ крестьянскомъ вопросѣ, окружающая среда не давала ему возможности дѣйствовать рѣшительно въ отношеніи евреевъ.

Шестилѣтняя дѣятельность Еврейскаго комитета не удовлетворила его предсѣдателя. Были внесены преобразованія въ еврейскую жизнь (упраздненіе кагала, учрежденіе школъ и т. д.), но еще ничего не было сдѣлано съ цѣлью улучшить условія существованія еврейской массы. Великимъ благомъ почиталось то, что мѣра „разбора“ не была еще приведена въ дѣйствіе — можно утверждать, что этому способствовалъ Киселевъ. Но нищета еврейскаго народа, его отчаяніе вопили о необходимости подать положительную помощь, а не бороться съ традиционнымъ бытомъ. Киселевъ это сознавалъ. Но нуженъ былъ исключительный случай, который далъ бы ему возможность осудить ту программу дѣйствія, которой онъ долженъ былъ слѣдовать въ качествѣ предсѣдателя Еврейскаго комитета.

Вниманіе, оказанное государемъ Монтефиоре, могло внушить Киселеву, что насталъ благопріятный часъ для безпристрастнаго разсмотрѣнія еврейскаго вопроса.

Представивъ государю записку Монтефиоре, Киселевъ сопровождалъ ее своимъ докладомъ (1847 г.).

Засвидѣтельствовавъ, что замѣчанія Монтефиоре о правовомъ положеніи евреевъ соотвѣтствуютъ дѣйствительности, Киселевъ заявилъ, что правовыя ограниченія „произошли частью изъ необходимости принятія противу евреевъ мѣръ предупредительности; но большею частію или по видамъ частныхъ интересовъ мѣстныхъ жителей, или по понятіямъ прежняго времени противу евреевъ, а нѣкоторыя безъ всякихъ видимыхъ основаній“. Эти слова въ устахъ чловѣка, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ проводившаго реформу еврейскаго быта, опредѣленно говорили, что путь, избранный правительствомъ съ этой цѣлью, неправиленъ.

Приведя нѣсколько примѣровъ, какъ несообразности въ законодательствѣ не даютъ евреямъ возможности воспользоваться предоставленными имъ правами, Киселевъ писалъ: „Такимъ образомъ евреи, нетерпимые въ губерніяхъ велико-

російскихъ и стѣсненные на мѣстахъ постоянной своей осѣдлости, по необходимости должны были обратиться къ разнымъ незаконнымъ средствамъ существованія и вызвать противъ себя новыя ограниченія. Это состояніе евреевъ представляетъ повтореніе всего того, что было съ ними во всей Европѣ, доколѣ правительства не измѣнили прежней системы и мѣрами улучшеній не содѣлали ихъ постепенно полезными членами государства. Въ настоящее время, когда по Высочайшей волѣ Вашего Императорскаго Величества пріемлется въ отношеніи евреевъ другой образъ дѣйствія, въ видахъ соединенія ихъ съ общимъ населеніемъ и направленія къ полезному для государства труду, необходимо по мнѣнію моему, пересмотрѣть всѣ прежнія ограниченія и предоставить евреямъ, въ предѣлахъ нынѣшней ихъ осѣдлости, права торговли, ремесленной промышленности и земледѣлія въ равной, по возможности, степени съ коренными жителями, тѣмъ болѣе, что они приглашаются къ сему, и что не избравшіе одного изъ сихъ состояній, какъ люди бесполезные и вредные для общества, должны быть подвергнуты новымъ ограниченіямъ и преслѣдованію. Мѣра, которая тогда только можетъ быть справедлива, когда устранены будутъ всѣ существующія нынѣ для евреевъ препятствія къ занятію полезнымъ трудомъ“.

Принимая во вниманіе, что въ ту пору официальные бумаги составлялись въ исключительно-осторожныхъ выраженіяхъ, что „идеи“ тщательно укрывались подъ дѣловой номенклатурой, надо признать, что докладъ Киселева смѣло обнажилъ несправедливость и нецѣлесообразность значительной части законовъ о евреяхъ.

Государь отнесся съ большой серьезностью къ представленіямъ Монтефіоре и Киселева и не замедлилъ дать изустно Киселеву директивы по еврейскому вопросу.

Государь въ рѣшительной формѣ опредѣлилъ правительственную политику по отношенію къ евреямъ, не оставивъ мѣста для иллюзій. Государь призналъ, что „письмо (Монтефіоре) написано благовиднымъ образомъ, и есть замѣчанія, справедливыя относительно противорѣчій въ законахъ, которыя слѣдуетъ исправить и пополнить“, не нарушая привилегій, дарованныхъ нѣкоторымъ мѣстностямъ.

„Но когда Монтефіоре—заявилъ государь—говорить о попыткѣ сравненія правъ евреевъ съ христіанами по службѣ и др., то это допустить не можно и я на свой вѣкъ этого не допущу“. Государь приказалъ Киселеву объяснить Монтефіоре, что императоръ не долженъ забывать, что обязанность его состоитъ въ охраненіи правъ 60 милліоновъ народа и что дѣлая что-либо для однихъ, ему не слѣдуетъ стѣснять права другихъ; „изъятія, закономъ постановленныя, вдругъ, внезапно уничтожены быть не могутъ“; много уже сдѣлано и, по мѣрѣ возможности, будетъ дѣлаться, но Монтефіоре согласится, что „наши евреи по недостаточному просвѣщенію, по фанатизму многихъ сектъ и другимъ причинамъ не могутъ стать на одной доскѣ съ англійскими и другими евреями“; „если дѣлаемое нынѣ испытаніе обратитъ ихъ къ полезному труду будетъ удачно, то время само собою приведетъ къ постепенному уменьшенію тѣхъ изъятій, которыя въ настоящее время еще необходимы“.

Отмѣтивъ далѣе, что Еврейскій комитетъ уже занялъ вопросомъ о смягченіи нѣкоторыхъ ограниченій, государь заявилъ: „Не должно терять изъ виду, что хотя Монтефіоре пишетъ какъ добрый и честный человѣкъ, но онъ еврей и адвокатъ, а посему ему простибельно желать многого; но намъ слѣдуетъ быть осторожнымъ и давать и обѣщать только возможное, не увлекаясь излишнимъ филантропизмомъ“.

Вопросы, которые были возбуждены благодаря запискѣ Монтефіоре, далеко не обнимали всѣхъ сторонъ еврейскаго быта, но несомнѣнно, что благоприятное разрѣшеніе ихъ должно было нѣсколько облегчить условія экономической жизни еврейскаго населенія.

Графъ П. Д. Киселевъ.

Киселевъ, повидимому, былъ радъ этому успѣху—тотчасъ же министрамъ, засѣдавшимъ въ Еврейскомъ комитетѣ, были посланы переводы письма Монтефиоре и указаны вопросы, подлежащіе обсужденію.¹⁾

Киселевъ послалъ Монтефиоре обширное письмо, одобренное государемъ, гласившее, что въ отношеніи евреевъ будетъ проводиться прежняя система—репрессивная, отъ которой правительство ожидаетъ благоприятнаго результата; евреи сами во всемъ виноваты, и пока они не исправятся, они не могутъ рассчитывать на новыя условія гражданской жизни; кое-какое облегченіе стѣсненій послѣдуетъ, но въ основѣ все останется по прежнему.

Между тѣмъ, вниманіе, оказанное въ столицѣ Монтефиоре, и тѣ завѣренія въ добрыхъ чувствахъ, которыя онъ передалъ еврейскому населенію отъ имени правительства, внушили еврейскому обществу, что настала часъ, благоприятный для ходатайствъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сдѣлалъ Еврейскому комитету представленіе „по вступившимъ отъ евреевъ просьбамъ объ уравненіи ихъ въ правахъ съ коренными жителями“, въ отвѣтъ на что Киселевъ былъ вынужденъ объявить Высочайшій „отзывъ на просьбу сира Монтефиоре, что доколѣ въ нравахъ евреевъ не произойдетъ желаемаго преобразования, нельзя вдругъ уничтожить поставленныхъ противу евреевъ остререженій и изыятій; но должно замѣченныя въ законахъ противорѣчія и несообразности съ нынѣшними видами правительства о слияніи евреевъ съ коренными жителями исправлять“.

Эти же „исправленія“, конечно, не могли быть сколько-нибудь значительны. Если въ ближайшіе годы смягчались нѣкоторыя стѣсненія въ отношеніи лишь отдѣльныхъ малолюдныхъ группъ, то, съ другой стороны, вводились новыя ограниченія, и отношеніе законодателя къ евреямъ по прежнему носило печать суровой рѣшительности.

Стали возобновляться частичныя выселенія евреевъ изъ уѣздовъ (напр., изъ военныхъ поселеній), а позже надъ еврейскимъ населеніемъ, проживавшимъ въ деревняхъ и се-

¹⁾ О запискѣ Монтефиоре касательно евреевъ Царства Польскаго—см. особую главу о Царствѣ Польскомъ.

лахъ, нависла новая грозозная туча. Въ 1845 г. евреямъ были запрещены раздробительная продажа питей въ уѣздахъ и проживаніе въ корчмахъ, харчевняхъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ. Уже неоднократно говорилось о томъ, что евреевъ не слѣдуетъ лишать этого стараго занятія, столь тѣсно связаннаго съ общимъ мѣстнымъ хозяйственнымъ строемъ; дѣйствительно, вскорѣ оказалось, что новый ограничительный законъ не можетъ быть осуществленъ. Тогда рѣшили прибѣгнуть къ старому средству—законъ 1853 г. потребовалъ, чтобы евреи, содержащіе въ селеніяхъ оброчныя статьи, жили въ городахъ, а вслѣдъ за тѣмъ эта мѣра была распространена на всѣхъ евреевъ въ сельскихъ мѣстностяхъ. Но уже вскорѣ¹⁾ пришлось отказаться отъ нея и сохранить за евреями во всей полнотѣ право проживанія внѣ городовъ.

Въ это же время началась борьба между закономъ и жизнью изъ-за пятидесятиверстной пограничной полосы. Еще при Александрѣ I, въ цѣляхъ искорененія контрабандныхъ промысловъ, стали выдворять отсюда отдѣльныя группы еврейскаго населенія. Николай I придалъ этой мѣрѣ болѣе широкіе размѣры своеручной резолюціей: „всѣхъ евреевъ, живущихъ въ пятидесятиверстной полосѣ вдоль границы съ Пруссіей и Австріей, вывести внутрь губерній... и исполнить безъ всякихъ отговорокъ“ (1843 г.).

Какъ ни рѣшительно было это повелѣніе, правительство все же признало нужнымъ осторожными шагами склонить государя хотя бы на нѣкоторое смягченіе условій выселенія, и государь согласился на извѣстныя уступки, но въ своей важнѣйшей части резолюція осталась въ силѣ. Удаленіе какъ изъ деревень, такъ и изъ пограничныхъ городовъ явилось столь же бѣдственнымъ, какъ предпринятое въ началѣ 19-го вѣка поголовное выселеніе изъ сельскихъ мѣстностей. Евреевъ спасло отъ гибели лишь то, что распоряженіе было выполнено только частично: евреевъ выселяли, но не выселили. Терпя преслѣдованія, притѣсненія, большая часть осталась на мѣстахъ, потому что ей некуда было идти. И мѣстная администрація должна была уклониться отъ борьбы съ этимъ открытымъ нарушеніемъ закона, не отвѣчавшаго требованіямъ жизни.

¹⁾ Въ 1855 г., уже по кончинѣ Николая I.

Эти и другія репрессіи, сопровождаемая вымогательствами со стороны низшихъ представителей администраціи, а также непомѣрные рекрутскіе наборы, въ корнѣ подрывали экономическое положеніе еврейскаго народа и непрерывно держали его въ возбужденномъ состояніи—нельзя было быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ. Каждый законодательный актъ приносилъ съ собою новыя испытанія, и добрыя намѣренія, которыми были проникнуты нѣкоторые государственные дѣятели, парализовались натискомъ ограничительныхъ мѣропріятій. Казалось что все, исходившее изъ столицы, приносило бѣдствія и тревоги. Нерѣдко правовыя ограниченія официально объяснялись сочувственнымъ отношеніемъ правительства къ несчастному положенію еврейскаго народа. И испытывая тяжелыя послѣдствія этихъ мѣръ, евреи проникались все болѣшимъ недоувѣріемъ къ петербургской власти.

Школьная реформа должна была представиться еврейскому обществу однимъ изъ тѣхъ даровъ, за который придется дорого заплатить.

Неоднократно заявлялось, что, когда евреи будутъ перевоспитаны, нужно будетъ перейти къ предоставленію имъ правъ, которыми пользуется прочее населеніе. Эту точку зрѣнія, съ большей или меньшей искренностью, раздѣляло правительство сороковыхъ годовъ.

Но государь придерживался иного направленія. Онъ не только рѣшилъ не допустить уравнинія евреевъ въ правахъ съ христіанами, не только не хотѣлъ пойти на встрѣчу частичной эмансипаціи евреевъ, но даже самъ сдѣлалъ шагъ назадъ, когда увидѣлъ, что силою обстоятельствъ эмансипація, хотя и далекая, едва замѣтная, стала приближаться, вопреки его волѣ.

Это случилось въ тотъ годъ—1844-ый—когда были изданы различныя постановленія, долженствовавшія, по мысли правительства, привести евреевъ къ нравственному перерожденію, къ культурному сближенію съ окружающимъ населеніемъ. Оставалось сдѣлать послѣдній шагъ—открыть школы, имѣвшія цѣлью привлечь евреевъ къ общему просвѣщенію. Просвѣщеніе же, по неоднократнымъ заявленіямъ правительства, — это чистилище, освобождающее евреевъ

отъ нравственныхъ недостатковъ, препятствующихъ предоставленію имъ гражданскихъ правъ.

Но именно тогда, когда должно было начаться прохождение еврейскаго юношества сквозь горнило просвѣщенія, мелькнулъ призракъ эмансипаціи, и тотчасъ же началась борьба съ нею. Ударъ былъ направленъ на наиболѣе образованную группу евреевъ, на врачей. Со временъ Екатерины II еврей-врачи принимались на гражданскія и военныя должности, пока случайно (1828 г.) не былъ поднятъ вопросъ, не противорѣчитъ ли этотъ порядокъ законамъ, которые ничего не говорятъ о принятіи евреевъ на государственную службу. Число лицъ, „кои, происходя изъ евреевъ, не приняли христіанской вѣры“ и состояли на службѣ въ медицинскихъ званіяхъ, было въ ту пору невелико,—девять врачей и нѣсколько лекарскихъ учениковъ, все же ихъ хотѣли удалить; однако гражданскій генераль-штабъ докторъ указалъ, что при недостаткѣ во врачахъ исключеніе евреевъ со службы повлечетъ за собою затрудненія въ дѣлѣ медицинской помощи населенію, и потому пришлось примириться съ необходимостью оставить врачей на мѣстахъ. Еврей-врачи и въ дальнѣйшемъ принимались на гражданскую и военную службу, но уже съ испрошеніемъ Высочайшаго разрѣшенія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Такимъ образомъ, недопущеніе того или иного лица на службу ясно говорило бы, что отказъ изощелъ свыше. Государь же, съ одной стороны, не желалъ, чтобы евреи пользовались правомъ на государственную службу; съ другой стороны, оповѣстить объ этомъ въ эпоху ломки еврейскаго быта, заключавшейся, по официальной версіи, въ приобщеніи евреевъ къ общегражданской жизни,—было неудобно. И вотъ, послѣдовало секретное Высочайшее повелѣніе совершенно прекратить приемъ евреевъ на государственную службу (1844 г.), не подвергая измѣненію соотвѣтствующій законъ.

Запретъ этотъ имѣлъ не столько практическое, сколько принципиальное значеніе. Если даже наиболѣе образованная группа евреевъ не могла добиться довѣрія со стороны верховной власти, то чего должны были ожидать тѣ, которые получаютъ меньшее образованіе?

Это отношеніе государя къ евреямъ, проникнутое недо-

вѣріемъ къ нимъ, вліяло, конечно, на правительственные круги, на законодательные акты. Оно проникло и въ регламентацію казенныхъ еврейскихъ школъ, которыя стали открываться съ 1847 г. ¹⁾ Во главѣ школъ были поставлены смотрители-христіане, преподавашіе и общіе предметы. Лишь много лѣтъ спустя министерство согласилось довѣрить этотъ постъ евреямъ. На должность смотрителя назначались нерѣдко грубые и невѣжественные люди, неспособные вызвать къ себѣ довѣріе со стороны еврейскаго населенія. Возлагать надежды на смотрителей не могло и правительство, ибо они охотно становились слугами общинныхъ заправиль, получая отъ нихъ за это извѣстное вознагражденіе. Обязанные слѣдить за тѣмъ, чтобы мелады, враги казенныхъ школъ, имѣли свидѣтельство на право преподаванія (мелады должны были подвергаться спеціальному испытанію), чтобы хедера отвѣчали извѣстнымъ требованіямъ педагогическаго и санитарнаго характера, смотрители были очень снисходительны къ этимъ народнымъ учителямъ, связанные съ ними денежными расчетами. „Люди, поставленные у кормила еврейскаго просвѣщенія, оказались чиновниками, одновременно занимающими двѣ платныя должности: по министерству народнаго просвѣщенія—въ качествѣ официальныхъ культуртрегеровъ, и у мѣстнаго еврейскаго населенія—въ качествѣ наиболѣе вѣрныхъ пособниковъ въ борьбѣ съ просвѣтительной политикой того же министерства“.

Смотрители должны были заботиться о томъ, чтобы въ школахъ были ученики; а такъ какъ евреи не хотѣли отдавать своихъ дѣтей въ эти разсадники „свободомыслія“, то смотрителямъ приходилось вступать съ представителями общины въ извѣстныя соглашенія. Подобно тому, какъ общины были обязаны сдавать рекрутъ, пришлось сдавать школьниковъ въ казенныя училища, чтобы не навлечь на себя обвиненія въ противофѣйствіи правительственнымъ мѣропріятіямъ; общество розыскивало бѣднѣйшихъ, безпріютныхъ дѣтей, и смотритель вносилъ ихъ въ школьные списки; порою бѣдные родители отдавали дѣтей въ школу лишь за

¹⁾ Въ 1853 г. имѣлось низшихъ школъ (1-го разряда) 70; высшихъ (2-го разряда) было очень мало.

нѣкоторое вознагражденіе; суммы, поступающія въ училищныя кассы въ видѣ пожертвованій отъ почетныхъ блюстителей и отъ еврейскихъ обществъ, уходили на привлеченіе учениковъ путемъ выдачи имъ платья, обуви и проч. Конечно, общества доставляли минимальное число учениковъ, лишь бы школа могла считаться существующей хотя бы на бумагѣ. Даже цадикъ р. Менделе Любавичскій вынужденъ былъ оказывать матеріальную поддержку ученикамъ любавичской школы, чтобы прослыть въ правительственныхъ кругахъ поборникомъ просвѣщенія.

Уроки посѣщались крайне неаккуратно: многіе ученики только фиктивно числились; все же смотрители дѣлали благоприятныя представленія по начальству, ибо отъ существованія школы зависѣло ихъ собственное благополучіе.

Не только смотрители-христіане, но и учителя-евреи, преподавашіе еврейскіе предметы на нѣмецкомъ языкѣ, отнюдь не были на должной высотѣ. При всемъ томъ, казенныя школы принесли извѣстную пользу, хотя и далеко не въ той мѣрѣ, какъ это ожидалось прогрессистами и правительствомъ. Школы привели, по крайней мѣрѣ, къ тому, что подрастающее поколѣніе стало знакомиться съ русской рѣчью и съ русской грамотой; узнавъ объ общихъ наукахъ, многіе изъ учениковъ казенныхъ школъ устремились къ знанію, увеличили вполѣдствіи кадры интеллигенціи.

То, что педагогическій персоналъ не будетъ соответствовать задачамъ, поставленнымъ казенной школѣ, было предумышленно при самой разработкѣ школьнаго плана, — одновременно съ учрежденіемъ казенныхъ училищъ было рѣшено устроить высшую школу для подготовки учителей. Эта же высшая школа должна была создать кадры болѣе образованныхъ раввиновъ, которые и дѣйствовали бы въ прогрессивномъ направленіи на народную массу. Такія „раввинскія училища“ были учреждены въ Вильнѣ и Житомирѣ (1847 г.), и опять-таки, подобно казеннымъ училищамъ, они были ввѣрены не евреямъ, а христіанамъ; лишь надзоръ за собственно еврейскими предметами былъ порученъ инспекторамъ-евреямъ.

Правовыя ограниченія, изгнанія съ насиженныхъ мѣсть и рекрутчина, вырывавшая изъ нѣдръ еврейскаго народа чуть ли не все подрастающее поколѣніе, приводили къ тому, что нищета среди еврейской массы прогрессивно росла. А между тѣмъ по прежнему пытались бороться съ этимъ зломъ лишь двумя средствами— „разборомъ“ и усиленными рекрутскими наборами.

Но дѣло съ „разборомъ“ подвигалось медленно, хотя государь торопилъ и не допускалъ отсрочекъ. Когда были выработаны ограниченія для бесполезныхъ евреевъ, комитетъ Киселева не рѣшился открыто санкціонировать эту репрессивную систему; ссылаясь на то, что путемъ „разбора“ имѣлось въ виду не учредить въ государствѣ „особый непроизводительный классъ людей“, а только побудить евреевъ обратиться къ полезному труду, комитетъ Киселева призналъ неудобнымъ опубликованіе этихъ ограниченій; было рѣшено сообщить новыя правила лишь высшей мѣстной власти въ видѣ частной инструкціи. Примѣненіе „разбора“ вызвало массу недоразумѣній; къ числу бесполезныхъ были отнесены всѣ ремесленники, не образующіе цеховъ, занимающіеся мѣщанскимъ торгомъ, служители при синагогахъ и многіе другіе. Пришлось издавать разъясненія, дополнительныя постановленія. Было ясно, что мѣра „разбора“ не можетъ быть осуществлена. Между тѣмъ подготовительные шаги причиняли евреямъ много страданій. Низшіе представители власти пользовались смятеніемъ въ личныхъ интересахъ. А высшая администрація не смѣла откровенно высказаться, потому что въ то время, какъ объяснилъ впоследствии министръ внутреннихъ дѣлъ С. Ланской, „ограниченіями и предполагалось достигнуть сліянія евреевъ съ кореннымъ населеніемъ“. Только одинъ начальникъ края высказалъ мнѣніе, что бороться съ пороками евреевъ слѣдуетъ путемъ просвѣтительныхъ мѣръ, „разборъ“ же этому не поможетъ.

Затрудненія, встрѣтившіяся при разборѣ на классы, настолько задержали все дѣло, что когда Николай I скончался, работа еще не была завершена.

Благодаря неудачѣ, постигшей „разборъ“, не могла быть, между прочимъ, осуществлена мысль объ усиленномъ принятіи евреевъ въ рекруты. Однако, послѣдняя цѣль была достигнута инымъ путемъ.

На еврейскомъ населеніи числились рекрутскія недоимки, несмотря на то, что общества не останавливались ни предъ чѣмъ, чтобы доставлять потребное число рекрутъ. Ужасы, ожидавшіе рекрутъ, заставляли евреевъ принимать всевозможныя мѣры, чтобы спастись отъ „ловчиковъ“. Тогда (1850 г.) было повелѣно за cadaго недоставленнаго къ сроку рекрута брать новыхъ трехъ рекрутъ сверхъ недоимочнаго. Одновременно было постановлено вимать рекрутъ съ еврейскихъ обществъ взаимнѣ податныхъ недоимокъ—за каждыя двѣ тысячи рублей по одному взрослому рекруту; при этомъ податная недоимка, оплаченная, такъ сказать, рекрутскими душами, отнюдь не прощалась еврейскому обществу, не списывалась съ его долга; въ слѣдующемъ году за нее вновь брались рекруты. Это былъ страшный заколдованный кругъ: общины бѣдствовали, и не могли уплачивать подати, потому что забирались кормильцы; а за неуплату подати брались новые рекруты.

Вскорѣ было повелѣно брать по рекруту не за двѣ тысячи рублей недоимки, а за сумму въ триста рублей (при чемъ долгъ погашался рекрутской душою). А вслѣдъ затѣмъ еврейскимъ обществамъ, а также каждому еврею въ отдѣльности, было предоставлено задерживать и сдавать въ солдаты безпаспортныхъ евреевъ или утратившихъ паспортъ и брать за нихъ въ свою пользу зачетную рекрутскую квитанцію.

Спасая себя или близкихъ людей, или просто съ корыстной цѣлью, евреи стали хватать беззащитныхъ единовѣрцевъ и, уничтоживъ ихъ паспорта, сдавать въ солдаты. „Ловчики“ за деньги продавали свои услуги и при помощи насилія и обмана доставляли такихъ „пойманниковъ“. Начался торгъ людьми, особливо дѣтьми. „Ловчики“ въ полномъ смыслѣ слова охотились за дѣтьми, хватали ихъ въ постеляхъ и въ качествѣ „пойманниковъ“ сдавали ихъ въ рекруты.

Но и это не помогло. Рекрутскія недоимки росли. И вотъ стали брать сверхъ нормы, въ видѣ штрафа, главъ семействъ и повѣренныхъ обществъ ¹⁾.

¹⁾ Въ Бердичевѣ вмѣсто недоимочныхъ 45 рекрутъ слѣдовало взять 135 штрафныхъ, но послѣ двукратной облавы удалось захватить лишь 91 чело- вѣкъ, изъ коихъ 81 были несовершеннолѣтніе!

Несмотря на это, для евреевъ была установлена болѣе высокая норма, чѣмъ для прочаго населенія; вмѣсто обычныхъ семи—по десять рекрутъ съ тысячи душъ¹⁾. Съ христіанъ брали рекруты по очереди—то въ Восточной, то въ Западной полосѣ; съ евреевъ брали одновременно въ обѣихъ полосахъ (1854 г.).

Комитетъ Киселева не смѣлъ остановиться на этомъ явленіи, „такъ какъ сей размѣръ указанъ положительно Высочайшей волей“.

Подготовительные шаги къ „разбору“ и рекрутчина составили такое бѣдствіе, которое не быть замѣчено правительствомъ. Однако, только тогда, когда на престолъ взошелъ императоръ Александръ II (1855—1881 г. г.), комитетъ Киселева приступилъ къ обсужденію этого вопроса.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Евреи въ Царствѣ Польскомъ.—Попытки улучшить ихъ положеніе.—Отношеніе евреевъ къ реформѣ.—Противодѣйствіе варшавскаго правительства.—Возстаніе 1831 г. и участіе въ немъ евреевъ.—Враждебное отношеніе польскаго общества.—Ходатайство евреевъ (1832 г.) объ улучшеніи ихъ положенія.—Благопріятное отношеніе со стороны государя и намѣстника.—Введеніе рекрутчины (1843 г.).—Сохраненіе спеціальнаго налога.—Представленіе Монтефиоре о плачевной участи евреевъ въ Царствѣ Польскомъ.—Бесуспѣшныя попытки петербургскаго правительства распространить на евреевъ Царства Польскаго права, предоставленныя евреямъ въ Имперіи.—Обособленность еврейскаго населенія.

Евреямъ Царства Польскаго были страшны не столько ограничительные законы, умалявшіе ихъ гражданскія права, сковывавшіе ихъ экономическую дѣятельность, сколько ожиданія, что завтрашній день можетъ принести новыя репрессіи. Варшавское правительство устанавливало правовыя ограниченія съ чрезвычайной легкостью, идя на встрѣчу каждому вѣдомству въ отдѣльности, предлагавшему принудительныя мѣры; при установленіи ограничительныхъ законовъ принимались въ соображеніе лишь интересы момента, доводы, представленные даннымъ вѣдомствомъ; въ будущее никто не

¹⁾ „Полезные“ евреи добились того, что усиленная рекрутчина должна была быть распространена преимущественно на разрядъ „непроизводительныхъ“.

заглядывалъ, никто не думалъ о согласованіи различныхъ постановленій.

Депутаты сейма 1825 г. заявили о необходимости „подумать объ улучшеніи положенія евреевъ“. Но это не могло произвести впечатлѣніе на варшавское правительство. Одновременно группа болѣе образованныхъ еврейскихъ дѣятелей также хлопотала, чтобы изъ лицъ, назначенныхъ государемъ, былъ образованъ особый комитетъ, который, выслушавъ представленія ходатаевъ, выработалъ бы окончательно законодательство о евреяхъ.

Съ такимъ же проектомъ обратился къ государю министръ статсъ-секретарь графъ Грабовскій. Указавъ на низкій уровень нравственнаго развитія еврейскаго народа, на его бѣдственное экономическое положеніе, Грабовскій заявилъ, что не задаваясь недостижимой цѣлью совершенно слить евреевъ съ прочимъ населеніемъ, а ограничиваясь желаніемъ улучшить плачевную судьбу евреевъ, надо отказаться отъ отдѣльныхъ законодательныхъ постановленій и приступить къ систематической реформѣ, рассчитанной на много лѣтъ. Еврейскій народъ считаетъ себя въ правѣ противодѣйствовать правительственнымъ мѣропріятіямъ, направленнымъ противъ его обычаевъ, учреждений, интересовъ, а особливо его религіи. Надъ всѣми проявленіями еврейской жизни господствуетъ религія. Поэтому надо дѣйствовать чрезъ посредство руководителей народа, при ихъ содѣйствіи. Народъ согласится лишь на такія реформы, которыя будутъ одобрены его вождями.

Поэтому Грабовскій предложилъ, чтобы разсмотрѣніе и разрѣшеніе вопросовъ еврейской жизни было сосредоточено въ особомъ комитетѣ, и никакое вѣдомство не должно дѣйствовать въ этомъ отношеніи самостоятельно; откуда бы ни исходила инициатива, всякое предположеніе касательно евреевъ должно быть разсмотрѣно комитетомъ, и законодательныя предположенія могутъ быть направлены въ государственный совѣтъ лишь въ сопровожденіи замѣчаній комитета. Комитетъ долженъ состоять изъ христіанъ, но въ немъ примутъ участіе и евреи съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Проектъ имѣлъ цѣлью положить конецъ произволу, который допускало варшавское правительство въ дѣлахъ о евреяхъ. Въ этомъ должна была заключаться вся сила про-

екта, но это же должно было ослабить его реальное значение, ибо неминуемо было противодействие со стороны тех, чьи права умалались таким путем. Предстояла борьба.

Государь утвердил предложение Грабовскаго (1825 г.). Комитетъ былъ составленъ изъ трехъ членовъ и двухъ секретарей; одинъ изъ послѣднихъ былъ еврей, бывший хасидъ, а впоследствии неопитъ, Хаскель или Станиславъ Гоге. Кроме того, при комитетѣ состояла совѣщательная комиссія изъ пяти евреевъ подъ предсѣдательствомъ христіанина, при секретарѣ-евреѣ.

Все это были представители образованныхъ круговъ варшавскаго еврейскаго общества; между тѣмъ интересы дѣла требовали, чтобы въ комитетѣ была представлена и провинція, гдѣ также встрѣчались образованные люди, желавшіе реформы еврейской жизни; къ тому же нужно было собрать свѣдѣнія на мѣстахъ, узнать объ общественномъ настроеніи. Поэтому были избраны такъ называемые „корреспонденты“, среди коихъ оказался и извѣстный цадикъ Бунемъ Пшисекскій, человекъ просвѣщенный, старавшійся очистить хасидизмъ отъ чудодѣйственнаго элемента.

Прежде всего былъ поднятъ вопросъ объ образованіи евреевъ чрезъ посредство подготовленныхъ съ этой цѣлью раввиновъ и учителей, и поэтому вскорѣ было учреждено въ Варшавѣ раввинское училище (1826 г.), рѣчь о которомъ шла уже ранѣе ¹⁾. Вслѣдъ затѣмъ комитетъ принялъ постановленіе объ отмѣнѣ всѣхъ ограниченій, касавшихся жительства и передвиженія, объ упраздненіи всѣхъ специальныхъ налоговъ, объ уничтоженіи законовъ, препятствовавшихъ свободѣ ремесленнаго труда и проч.

Лишь одно предположеніе, сдѣланное въ комитетѣ, не соответствовало общему направленію, а именно, чтобы записи о рожденіи евреевъ дѣлались католическими священниками, дабы такимъ путемъ евреи подверглись благотворному влиянію со стороны католическаго духовенства; нѣкоторые изъ евреевъ, участвовавшихъ въ комитетѣ, согласились на эту мѣру, но другіе запротестовали.

Всѣ указанныя постановленія были приняты въ согласіи

¹⁾ См. стр. 172.

съ тѣмъ, что было высказано „воеводскими комиссіями“,— мнѣніе мѣстной администраціи было таково, что реформа еврейской жизни можетъ быть достигнута лишь путемъ расширенія правъ евреевъ, вѣрнѣе—уравненія ихъ въ гражданскихъ правахъ.

Эти результаты возбудили радужныя надежды не только среди прогрессивныхъ элементовъ еврейскаго населенія; они были благожелательно встрѣчены и въ консервативномъ лагерѣ, несмотря на открытіе раввинскаго училища, разсматривавшагося какъ разсадникъ „вольнодумства“; совершались даже богослуженія въ честь комитета. Однако, въ еврейской средѣ нашлись и противники реформы. Это были сборщики специальныхъ еврейскихъ налоговъ; отмѣна этихъ налоговъ не соответствовала интересамъ сборщиковъ. Началась агитація противъ реформы. Была сдѣлана бесплодная попытка воздѣйствовать на цадика Бунема, чтобы онъ выступилъ съ протестомъ.

Впрочемъ, встрѣтилось болѣе важное препятствіе извнѣ: представленіямъ комитета не было дано хода. Членъ комитета Валеріанъ Красинскій жаловался, что проекты были задержаны въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ и не переданы по назначенію. Однако, не здѣсь былъ скрытъ камень преткновенія,—противодействіе исходило, какъ видно, изъ вышшаго государственнаго учрежденія: въ 1829 г. статсъ-секретарь объявилъ административному совѣту, что имп. Николай I, одобривъ проектъ еврейской реформы, представленный министромъ духовныхъ дѣлъ, выражаетъ свое удивленіе по поводу того, что столь важный вопросъ въ теченіе четырехъ лѣтъ не обратилъ на себя вниманія совѣта... Государь приказалъ внести въ государственный совѣтъ всѣ проекты еврейской реформы, дабы по тщательномъ разсмотрѣніи ихъ государю было доложено о результатѣ.

Въ это время вспыхнуло возстаніе (1831 г.).

Возстаніе было дѣломъ рукъ высшихъ кассовъ польскаго общества; прочіе элементы приняли участіе въ революціонныхъ дѣйствіяхъ лишь тогда, когда движеніе приняло стихійный характеръ. Руководительство, такимъ образомъ, принадлежало тѣмъ кругамъ польскаго общества, въ которыхъ сильнѣе всего господствовалъ предразсудокъ по отношенію

къ евреямъ, и этимъ въ извѣстной мѣрѣ опредѣлилась роль евреевъ въ возмущеніи. Евреи вступили въ революцію тогда, когда она стала массовымъ движеніемъ. Вмѣстѣ съ варшавской академической молодежью подъ знамя возстанія стала группа евреевъ-учащихся, среди нихъ нѣсколько воспитанниковъ раввинскаго училища, — всѣ они вошли съ составъ почетной академической гвардіи. Примкнули къ возмущенію и другіе евреи. Синай Гернишъ, отъ имени 20 — 30 единомышленниковъ изъ богатыхъ семей, обратился къ диктатору Хлопицкому съ просьбой разрѣшить образовать особый еврейскій полкъ, но въ отвѣтъ на это послѣдовалъ приказъ, что евреи, какъ не имѣющіе гражданскихъ правъ, не могутъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, а должны уплачивать лишь специальный сборъ.

Большій успѣхъ выпалъ на долю Юсифа Берковича, сына героя Берека Юселовича ¹⁾, — по его просьбѣ евреямъ было предоставлено образовать на свой счетъ кавалерійскій полкъ, при чемъ добровольцамъ обѣщали равноправіе, которое должно было распространиться и на ихъ потомство.

Однако, противъ еврейскихъ отрядовъ выступила варшавская община, представленная „божничнымъ дозоромъ“; которому были переданы заявленія Герниша и Берковича; община высказалась за то, чтобы еврей-добровольцы вступали въ общіе отряды, такъ какъ гражданское единеніе можетъ быть вызвано лишь совмѣстной службой; къ тому же, было опасеніе, что въ случаѣ военной неудачи, на еврейскій полкъ падутъ незаслуженныя подозрѣнія; наконецъ, готовая всячески помогать добровольцамъ, община не располагала средствами, необходимыми для содержанія цѣлаго полка. Евреи щедро жертвовали деньгами и многіе добровольцы вступили въ польскіе полки. Помимо того, евреи вошли также въ составъ національной гвардіи благодаря ея начальнику Островскому, проникнутому демократическими идеями; не желая допускать различія между національностями, онъ добился того, что народное представительство предоставило евреямъ вступать въ гвардію; онъ встрѣтилъ первыхъ евреевъ-гвардейцевъ прочувствованной рѣчью, — „пусть Богъ Маккаве-

¹⁾ См. стр. 154—155.

евъ, — сказалъ онъ въ заключеніе — Богъ воинствъ, Богъ, мстящій за обиды людскія, пробудить васъ отъ оцѣпенѣнія, которое явилось плодомъ печальнаго положенія народа израильскаго“. Островскій свидѣтельствовалъ, что въ то время, какъ нѣкоторые гвардейцы изъ среды польской буржуазіи враждебно относились къ товарищамъ-евреямъ и выражали опасеніе, что послѣднимъ будутъ даны права, болѣе демократическіе элементы относились къ евреямъ вполне дружелюбно и избрали офицерами свыше десяти евреевъ.

Гвардейцы не могли носить бороду; это мѣшало вступить въ гвардію болѣе консервативнымъ элементамъ, которымъ традиція не позволяла брить лицо. Тогда Островскій образовалъ отрядъ „еврейской городской гвардіи“, членамъ котораго было разрѣшено сохранить бороды; имъ былъ присвоенъ также особый мундиръ.

Въ національную гвардію шли болѣе состоятельные классы; добровольцы изъ низшей среды поступали въ ряды „стражи-безопасности“ („strazy bezpieczenstwa“), на долю которой выпала тяжелая и опасная работа; здѣсь въ общемъ дѣлѣ сплотились христіане и бѣдный еврейскій людъ. „Когда взглядъ падалъ — говорилъ Островскій объ евреяхъ — на эту группу людей, истощенныхъ, полупагихъ, волнующихся, словно вѣчно преслѣдуемыхъ какой то нечеловѣческой злою волей, рокомъ, столь печальное зрѣлище не могло не вызвать боли сердечной; совѣсть повелѣ-

Евреи въ „стражѣ безопасности“.

вала какъ можно раньше заняться устройствомъ этой, во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе униженной, части населенія въ нашей странѣ“.

Нежеланіе варшавскаго божничнаго дозора образовать особый еврейскій полкъ не вызывалось, какъ можно думать, одними только соображеніями, высказанными открыто; были люди, которые не сочувствовали или не вѣрили въ успѣхъ революціи; многимъ она не могла не представляться чужимъ дѣломъ. Безучастное отношеніе къ возстанію проявилось среди еврейскаго населенія въ провинціи; здѣсь начальники революціонныхъ отрядовъ вѣшали евреевъ, безъ суда, какъ шпионовъ; а когда на смѣну являлись русскія войска, они подражали полякамъ ¹⁾.

Когда послѣ подавленія возстанія вожаки и многіе участники движенія—среди послѣднихъ и евреи—бѣжали за границу, идея объ эмансипаціи евреевъ не встрѣчала сочувствія даже въ эмигрантскихъ кругахъ, несмотря на то, что отдѣльные дѣятели революціи пропагандировали ее.

На родинѣ же все осталось по старому. Не успѣло еще замолкнуть бряцанье оружія, какъ варшавяне начали заниматься спорами объ угловыхъ домахъ, выходящихъ на „дозволенную“ и на „запретную“ для евреевъ улицы. Въ 1832 г. было объявлено, что проживая въ угловыхъ домахъ, евреи обязаны сдѣлать для себя выходъ на дозволенную улицу; но за то, угловые магазины въ такихъ домахъ должны разсматриваться какъ находящіеся у дозволенной улицы.

Трудно сказать, что было болѣе драматичнымъ—то ли, что безправные евреи, находясь въ рядахъ „стражи безопасности“, помогали дѣлу возстанія, или то, что эти бывшіе герои должны были по прежнему хорошенько знать планъ Варшавы.

Въ это время группа евреевъ, именовавшая себя „депутатами евреевъ Царства Польскаго“, обратилась (1832 г.) къ намѣстнику, Паскевичу Эриванскому, князю Варшавскому, съ просьбой о расширеніи ихъ гражданскихъ правъ и объ уничтоженіи упомянутаго выше комитета. Комитетъ успѣлъ вы-

¹⁾ Въ Литвѣ евреи остались вѣрными русскому правительству. См. стр. 205.

звать недовольство не только среди консервативныхъ еврейскихъ круговъ, но и прогрессивныхъ, не исключая тѣхъ евреевъ, которые участвовали въ комитетѣ. Вошедшій въ составъ комитета аббатъ Кіарини склонилъ комитетъ придать просвѣтительной реформѣ характеръ борьбы съ Талмудомъ и, между прочимъ, закрыть всѣ еврейскія типографіи, учредивъ одну подъ надзоромъ правительства, съ тѣмъ чтобы только книги изъ этой типографіи имѣли распространеніе среди евреевъ. Вообще Кіарини нападками на евреевъ усилилъ въ польскомъ обществѣ антисемитское движеніе, и это отразилось на отношеніяхъ евреевъ къ комитету.

Кн. Варшавскій отнесся сочувственно къ просьбѣ евреевъ. Онъ представилъ о ней государю, доложивъ, что нѣкоторые обстоятельства, указанныя ходатаями, должны быть признаны уважительными и что вообще положеніе евреевъ заслуживаетъ вниманія, „ибо они, безъ сомнѣнія, наиболѣе отвержены къ законному правительству изъ жителей Польши“; дабы привязать ихъ еще больше, надо, чтобы правительство поддерживало ихъ; съ этой цѣлью и слѣдуетъ учредить комитетъ, который занялся бы разсмотрѣніемъ просьбъ евреевъ.

Государь согласился во всемъ съ кн. Варшавскимъ и заявилъ, что онъ будетъ съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ ждать результатовъ работы комитета, что еще въ 1829 и 1830 г.г., будучи въ Варшавѣ, онъ сдѣлалъ распоряженія по этому же поводу, но они еще не осуществлены.

Тѣмъ не менѣе ничего не было предпринято къ облегченію положенія еврейскаго народа. Напротивъ, онъ сталъ испытывать новыя стѣсненія въ жительство и экономической дѣятельности.

Между тѣмъ евреи были сравнены (1843 г.) съ прочимъ населеніемъ въ самой тяжелой обязанности—натуральной воинской повинности, вмѣсто которой до того времени уплачивали особый сборъ. Сперва было предположено ввести для евреевъ Царства Польскаго тѣ же исключительныя правила объ отбываніи рекрутской повинности, которыя существовали въ Имперіи. Но по представленію кн. Варшавскаго было рѣшено сохранить для евреевъ общія условія.

Введеніе натуральной повинности было вызвано соображеніемъ, что рекрутскій сборъ, издавна установленный, не

соотвѣтствовали болѣе по своему размѣру численности еврейскаго населенія, сильно возросшаго. Но при этомъ, въ виду плачевнаго состоянія бюджета Царства Польскаго, было предложено продолжать взимать съ евреевъ рекрутскій сборъ и при несеніи ими натуральной повинности. Однако, государь не согласился съ этимъ, допустивъ взысканіе денегъ лишь съ тѣхъ, кто, будучи принятъ на службу, пожелаетъ отъ нея отказаться. Тогда возникло предположеніе выпустить въ продажу извѣстное число зачетныхъ квитанцій, которыя освобождали бы владѣльцевъ ихъ отъ службы, но государь воспротивился, не выразивъ согласія на продажу рекрутскихъ квитанцій, „что похоже—гласила его резолюція—на торгъ людьми, и чего Я и въ Имперіи никогда не соглашался дозволить“.

Было обстоятельство, которое очень тревожило евреевъ—возрастъ для принятія на службу былъ опредѣленъ начиная съ 12 лѣтъ, и являлось опасеніе, что будутъ брать преимущественно малолѣтнихъ. Евреи обратились съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ къ кн. Варшавскому, и тогда было постановлено брать съ евреевъ рекрутъ начиная лишь съ двадцатилѣтняго возраста; малолѣтнихъ же принимать только въ томъ случаѣ, если семья, не желая отдать своего кормильца, сама предложитъ въ солдаты малолѣтняго.

Такимъ образомъ институтъ кантонистовъ остался неизвѣстнымъ еврейскому населенію Царства Польскаго, и рекрутская повинность въ Царствѣ Польскомъ не омрачилась ужасами, наполнявшими жизнь евреевъ въ Имперіи. Евреи Царства Польскаго избѣгли и тѣхъ общественныхъ язвъ, которыя породила въ Имперіи сдача рекрутъ самими еврейскими обществами. Божничные дозоры хотѣли было принять на себя эти функціи, но кн. Варшавскій не согласился, имѣя въ виду, что это откроетъ просторъ для злоупотребленій какъ съ корыстною цѣлью, такъ и съ цѣлью борьбы фанатически настроенныхъ общинныхъ заправилъ съ прогрессивными еврейскими кругами.

Рекрутскіе наборы производились успѣшно, безъ всякихъ недоимокъ. Вотъ почему, когда въ Имперіи, въ виду недоборовъ, былъ введенъ институтъ „штрафныхъ“¹⁾, эта суровая мѣра не была примѣнена въ Царствѣ Польскомъ.

1) См. стр. 253.

Въ оправданіе спеціальнаго сбора, помимо рекрутскаго, взимавшагося съ евреевъ, приводилось то, что они—не граждане. Съ введеніемъ натуральной повинности этотъ „кошерный“ сборъ утрачивалъ свое основаніе. Тѣмъ не менѣе онъ былъ сохраненъ въ силѣ, при чемъ было даже отвергнуто предложеніе преобразовать его, чтобы сдѣлать его менѣе обременительнымъ для народной массы.

Въ возмѣщеніе за рекрутскую повинность варшавское правительство согласилось лишь на одну „милость“.

Когда Варшава стала расширяться, евреевъ начали выселять съ улицы, которая была причислена къ разряду главныхъ. Но потомъ, въ видѣ особаго „облегченія“, принявъ во вниманіе, что евреи обязаны перемѣнить одежду и что они несутъ рекрутскую повинность, варшавское правительство разрѣшило жить впредь: на однѣхъ запретныхъ варшавскихъ улицахъ не тремъ привилегированнымъ семьямъ, какъ раньше, а пяти; на другихъ такихъ же улицахъ Варшавы и на главныхъ улицахъ прочихъ городовъ привилегированные евреи могли жить безъ всякаго счета (1848 г.).

Когда въ 1840 г. въ Имперіи была предпринята коренная реформа еврейской жизни¹⁾, въ комитетъ гр. Киселева былъ приглашенъ министръ статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго И. Туркуль для согласенія постановленій о евреяхъ Царства Польскаго съ началами, принятыми въ Имперіи. Однако, въ Царствѣ Польскомъ не было приступлено къ реформѣ.

Какъ и въ Имперіи, вопросъ объ улучшеніи положенія евреевъ былъ возбужденъ въ сороковыхъ годахъ благодаря Моисею Монтефіоре.

Совершивъ, по предложенію государя, поѣздку по губерніямъ, населеннымъ евреями, Монтефіоре посѣтилъ также Царство Польское и въ особой запискѣ²⁾ описалъ плачевное положеніе мѣстныхъ евреевъ.

Прося распространить на евреевъ Царства Польскаго тѣ реформы, которыя были намѣчены для евреевъ Имперіи, Монтефіоре указалъ на рядъ особыхъ правовыхъ ограни-

1) См. стр. 218 и слѣд.

2) См. стр. 236 и слѣд.

чений, тяготящихся надъ евреями Царства Польскаго. Имѣется много городовъ, въ которыхъ евреямъ совершенно запрещено жительство, въ иныхъ—право проживанія ограничивается лишь нѣсколькими улицами; запрещено селиться вблизи дорогъ, а также въ пограничной полосѣ, что въ такомъ краѣ, какъ Царство Польское, составляетъ значительную часть территории; ремесленники чрезвычайно затруднены тѣмъ, что они не могутъ пользоваться услугами учениковъ и поденщиковъ, не въ правѣ поступать въ обученіе къ мастерамъ христіанамъ, не могутъ получить званіе мастера; бременемъ для еврейскаго населенія является кошерный сборъ съ мяса и птицы; посѣщеніе Варшавы также облагается сборомъ; еврей не можетъ свидѣтельствовать на судѣ въ дѣлѣ противъ христіанина, и мн. др. Какъ и евреи Имперіи, польскіе евреи обвиняются въ томъ, будто они уклоняются отъ производительнаго труда и предаются мелочной торговлѣ, имѣя отвращеніе къ земледѣлю и не любя ремесленнаго труда, что они занимаются контрабанднымъ промысломъ, отличаются одеждою отъ прочаго населенія и т. д.

Однако Монтефіоре указывалъ на то, что ремесленники составляютъ среди евреевъ большій процентъ, чѣмъ среди прочаго мѣстнаго населенія; евреи предаются наиболѣе тяжелымъ занятіямъ; было бы легко доказать, что они даютъ значительное число каменщиковъ, кузнецовъ, мостовщиковъ и др.; несомнѣнно, число евреевъ, занятыхъ производительнымъ трудомъ, увеличилось бы, если бы были отмѣнены правовыя стѣсненія, которыя они встрѣчаютъ на своемъ пути въ поискахъ работы.

Когда на призывъ правительства при Александрѣ I обратиться къ земледѣлю евреи откликнулись, власти поставили имъ непреодолимыя преграды. Евреевъ обвиняютъ въ томъ, что они не оказываютъ странѣ личныхъ услугъ; это нареканіе было справедливо въ то время, когда еврей не принимался на военную службу, а съ нихъ взыскивалась лишь денежная повинность; теперь же еврей несуть натуральную воинскую повинность и ихъ служба оцѣнена государемъ. Что касается своеобразной одежды, то она была навязана евреямъ польскимъ правительствомъ три вѣка назадъ; во всякомъ случаѣ, не имѣя ничего общаго съ религіозными

обычаями, она постепенно исчезнетъ. Опровергнувъ такимъ образомъ, къ полному удовлетворенію Киселева, какъ надѣялся Монтефіоре, всѣ доводы, признававшіеся до тѣхъ поръ достаточными, чтобы лишить сотни тысячъ евреевъ тѣхъ правъ и преимуществъ, которыя должны были бы быть предоставлены имъ великодушными намѣреніями государя, Монтефіоре просилъ уничтожить стѣсненія, мѣшающія евреямъ въ ихъ усиліяхъ жить честнымъ трудомъ.

„Умоляю Ваше сіятельство, — писалъ Монтефіоре Киселеву, — вѣрить мнѣ, что если я говорю болѣе кратко о евреяхъ Польши, то не потому, что я считаю ихъ положеніе менѣе заслуживающимъ вниманія имперскаго правительства, чѣмъ ихъ братьевъ въ Россіи. Наоборотъ, страданія и униженія болѣе значительны въ Польшѣ, и какой болѣе убѣдительный аргументъ я могъ бы привести въ пользу необходимости призвать на здѣшнихъ евреевъ справедливость и чело-вѣколюбіе Его Императорскаго Величества, какъ не тотъ, что они составляютъ цѣлую четверть населенія въ краѣ“.

Записка Монтефіоре была передана министру статсъ-секретарю Туркулу для представленія своихъ соображеній.

Туркуль остановился на всѣхъ существовавшихъ для евреевъ правовыхъ ограниченіяхъ, указанныхъ Монтефіоре, и освѣтилъ ихъ въ историческомъ развитіи. Высказавшись за смягченіе и даже отмѣну большинства стѣсненій, Туркуль призналъ, что замѣчанія Монтефіоре по поводу обвиненій, предъявляемыхъ еврейскому населенію, не легко опровергнуть.

„Что же касается правъ гражданскихъ, гласило заключеніе Туркула, которыя слѣдовало бы предоставить евреямъ, то я полагаю, что можно было бы издать новый указъ о дарованіи имъ таковыхъ правъ съ тѣми ограниченіями, которыя правительствомъ признаны будутъ необходимыми, ибо доселѣ никогда еще правительство Царства положительно не выразило, что почитаетъ евреевъ гражданами Царства, какъ это имѣло мѣсто въ Имперіи...“

„Вообще польское законодательство, по этому предмету, ежели только можно назвать его законодательствомъ, есть ничто иное, какъ смѣсь старинныхъ, средневѣковыхъ Австрій-

скихъ фискальныхъ постановленийъ и Прусскихъ, изданныхъ въ 1798 г.; изъ всѣхъ этихъ источниковъ извлечены одни только стѣсненія для евреевъ, не взирая ни на обстоятельство, въ которыхъ постановленія тѣ изданы, ни на то, что каждое правительство основывалось на совершенно различныхъ между собою видахъ“.

Записка Монтефіоре и извлеченіе важнѣйшихъ мѣстъ изъ записки Туркула были представлены Киселевымъ государю при докладѣ. Приведя заключеніе Туркула о характерѣ польскаго законодательства о евреяхъ, Киселевъ, обративъ вниманіе государя на то, что на намѣстника уже возложено порученіе примѣнять къ евреямъ Царства Польскаго, поскольку это возможно, тѣ мѣры, которыя вводятся въ Имперіи, испросилъ (1847 г.) подтвержденія такого распоряженія.

Но и это не привело къ практическимъ результатамъ...

Изолированное въ гражданской жизни отъ окружающаго общества, еврейское населеніе не выходило изъ вѣковой религиозно-національной замкнутости. Немногочисленная интеллигенція порывала со своимъ народомъ, и такимъ образомъ не было посредниковъ, которые взаимно сближали бы сосѣднія народности. Раввинское училище, имѣвшее цѣлью внести, чрезъ посредство раввиновъ и учителей, лучъ свѣта въ царство фанатизма, не имѣло успѣха; подобно раввинскимъ училищамъ Имперіи, оно превратилось въ обычный разсадникъ просвѣщенія, не выполнивъ даже той скромной роли, которую сыграли виленское и житомирское раввинскія училища. Хотя во главѣ варшавскаго училища находился Авраамъ Штернъ, столь вѣрный религиозной традиціи, оно не могло вызвать къ себѣ довѣріе въ ортодоксальныхъ круговъ; фактической руководитель училища Антонъ Эйзенбаумъ¹⁾ и другіе преподаватели, отличавшіеся свободомысліемъ въ религиозно-обрядовыхъ вопросахъ, вели воспитанниковъ къ отказу отъ традиціи. При такихъ условіяхъ въ воспитанникахъ не могло развиваться призваніе къ раввинской дѣятельности, и училище, дѣйствительно, не дало ни одного раввина. Изъ училища вышли учителя, но большинство воспитанниковъ, не завершивъ курса училища, ушло въ общія учебныя заве-

¹⁾ См. стр. 171.

денія, поступило въ конторы, отдалось коммерческой дѣятельности; не мало было крестившихся.

Какъ уже было сказано, законодательство о евреяхъ, дѣйствовавшее въ Имперіи, не распространилось на Царство Польское. Между прочимъ, не было преобразовано и школьное дѣло, при чемъ это объяснялось тѣмъ, что въ Имперіи на открытіе еврейскихъ школъ былъ ассигнованъ особый сборъ съ евреевъ, между тѣмъ въ Царствѣ Польскомъ такой сборъ не могъ быть установленъ, потому что специальный налогъ съ евреевъ поступалъ полностью въ пользу казны...

Все же одну „культурную“ мѣру здѣсь ввели по образцу Имперіи—запрещеніе носить еврейскую одежду. Низшей администраціи было предписано (1851 г.) употреблять всевозможныя усилія къ немедленной перемѣнѣ платья, „даже личное принужденіе“. Это распоряженіе вызвало цѣлый рядъ насильственныхъ дѣйствій со стороны полицейской власти, но все же евреи остались при прежней одеждѣ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Воцареніе Александра II. — Кровавый навѣтъ (Саратовское дѣло). — Первая милость: уменьшеніе тяготы рекрутской повинности. — Высочайше утвержденный всеподданинѣйшій докладъ гр. Киселева даетъ новое направленіе правительственной политикѣ и возвѣщаетъ наступленіе лучшихъ дней. — Отмѣна „разбора“. — Гр. Строгановъ и министръ внутреннихъ дѣлъ С. Ланской предлагаютъ немедленную эмансипацію. — Правительство соглашается лишь на постепенное уравниеніе въ правахъ. — Отголоски прошлаго—еврейскіе купцы ходатайствуютъ объ улучшеніи положенія только части, а не всего народа. — Новый лозунгъ передовыхъ еврейскихъ круговъ: внутренняя свобода и равноправіе для всѣхъ классовъ народа. — „Разсвѣтъ“ и его вдохновитель О. Рабиновичъ выразители смѣны общественныхъ теченій. — Борьба вокругъ раввиновъ. — Облегченія въ правѣ жительства. — Высшіе администраторы свидѣтельствуютъ, что нравственный и экономическій упадокъ евреевъ вызывается существованіемъ черты осѣдлости. — Противники отмѣны черты. — Право на государственную службу. — Евреи въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи. — Судебное поприще. — Просвѣтительное теченіе.

На ряду съ прочимъ населеніемъ евреи испытали на себѣ благотѣльные послѣдствія государственнаго переустройства и обновленія общественной жизни, совершившихся въ царствованіе Александра II. Помимо того, первая половина новаго царствованія, составившая въ исторіи Россіи „эпоху

великихъ реформъ“, принесла облегченія еврейскому населенію и въ томъ отношеніи, что было смягчено специальное законодательство о евреяхъ.

Общее государственное преобразование и измѣненіе правового быта евреевъ шли каждое отдѣльно, не находясь въ связи. Конечно, широкая государственная преобразовательная дѣятельность того времени создала условія, благоприятныя и для еврейской реформы. Но такъ какъ государь не былъ свободенъ отъ боязливаго недовѣрія къ евреямъ, столь ярко характеризующаго предшествующее царствованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и среди государственныхъ дѣятелей были люди, перенесшіе въ новое царствованіе старые предразсудки, то разрѣшеніе вопросовъ еврейской жизни стало протекать подъ непосредственнымъ вліяніемъ вѣяній недавняго прошлаго, и бодрящіе лозунги дня отозвались въ еврейской реформѣ лишь какъ слабое эхо.

Быть-можетъ, нѣкоторую роль въ этомъ отношеніи сыграло то обстоятельство, что, подобно тому, какъ Николай I получилъ отъ предшественника Велижское дѣло ¹⁾, Александру II пришлось принять участіе въ завершеніи подобнаго же судебного процесса, такъ называемаго Саратовскаго дѣла, возникшаго въ 1853 г.

Въ Велижѣ къ отвѣтственности были привлечены ветхозавѣтные евреи, крѣпко, органически связанные со своей религіей, со своимъ народомъ. Въ Саратовѣ же умерщвленіе христіанскаго ребенка было приписано еврею Юшкевичеру, съ 14-лѣтняго возраста проживавшему внѣ черты осѣлости, окруженному въ семьѣ крещеными, а также его сыну, нареченному при крещеніи Ѳедоромъ Юрловымъ, челоуѣку опустившемуся, нанявшемуся въ рекруты, чтобы пьянствовать до времени, когда забрѣютъ лобъ; обвиненъ былъ также еврей, рядовой мѣстнаго гарнизона.

Роль обвинителя-соучастника сыгралъ рядовой Богдановъ, нѣкогда странствующій акробатъ, пропойца и картежникъ; однажды онъ сталъ буяннить; его хотѣли арестовать, но онъ крикнулъ: „Я хочу открыть еврейское дѣло!“ и сталъ рассказывать, что Юрловъ позвалъ его въ домъ своего отца, гдѣ въ

¹⁾ См. стр. 178—185.

его присутствіи было совершено источеніе крови у ребенка. Показаніе Богданова не соответствовало установленнымъ фактамъ, но все же оно послужило основаніемъ для обысковъ и арестовъ. Свидѣтелями выступили также юноша Локотковъ, пьяница, побывавшій въ острогѣ, и чиновникъ Крюгеръ, имѣвшій за собою сомнительное прошлое; въ кабацкѣ онъ заявилъ, что его впустили въ синагогу, когда совершалось злодѣяніе, а такъ какъ это сообщеніе было мало-вѣроятно, то Крюгеръ объяснилъ, что онъ придерживается іудейской вѣры. Несмотря на прикосновенность къ событію, Крюгеръ гулялъ на свободѣ и помогалъ слѣдователямъ въ ихъ розыскахъ. Доказчикомъ противъ Юшкевичера выступилъ и его зять, попавшій подъ слѣдствіе за мошенничество и принявшій крещеніе во время процесса. Всѣ они передавали небылицы противорѣчиваго содержанія.

Судебная коммиссія не признала подсудимыхъ виновными; она оставила нѣкоторыхъ лишь въ сильнѣйшемъ подозрѣніи. А департаментъ правительствующаго сената въ Москвѣ вынесъ приговоръ (1858 г.), по которому всѣ евреи освобожились отъ наказанія, одинъ лишь Юшкевичеръ былъ оставленъ въ сильнѣйшемъ подозрѣніи; Богдановъ же былъ присужденъ къ каторжнымъ работамъ, Крюгеръ къ сдачѣ въ солдаты и проч. Министръ юстиціи присоединился къ рѣшенію департамента сената, но военный министръ не согласился съ оправданіемъ евреевъ, и вслѣдствіе этого дѣло перешло въ государственный совѣтъ. Управляющій министерствомъ юстиціи, извѣстный дѣятель судебной реформы Д. Замятинъ всячески доказывалъ несостоятельность обвиненія; онъ отмѣтилъ, между прочимъ, что изъ дѣла рѣшительно не видно, для чего надобно было евреямъ—если предположить, что они совершили злодѣяніе—привлекать христіанъ. Но изъ членовъ государственнаго совѣта къ нему присоединилось только двое, остальные 22 признали обвиненіе доказаннымъ. Трое евреевъ, въ томъ числѣ выкрестъ Юрловъ, были присуждены къ каторжнымъ работамъ; прочіе оставлены въ подозрѣніи; христіанъ же присудили къ легкому сравнительно наказанію, причемъ, „во вниманіе къ чистосердечному ихъ, подсудимыхъ, сознанию, чрезъ что обнаружены главные преступники“, государственный совѣтъ постановилъ представить государю о

смягчені участи христіанъ. Государь утвердилъ приговоръ государственнаго совѣта (1860 г.).

Фактъ преступленія былъ признанъ доказаннымъ. Однако, цѣль злодѣянія не была формулирована. „Вопросъ объ употребленіи евреями христіанской крови—было заявлено въ государственномъ совѣтѣ—для религиозныхъ цѣлей или для излеченія болѣзней занимаетъ нѣсколько столѣтій богослововъ и другихъ ученыхъ; но при всемъ множествѣ сочиненій, появлявшихся и до сихъ поръ продолжающихся появляться частью въ доказательство, частью въ опроверженіе существованія означеннаго догмата, вопросъ о томъ все еще остается неразрѣшимымъ, почему онъ и не можетъ быть принимаемъ въ соображеніе при постановленіи судебного рѣшенія. Устраняя отъ себя вслѣдствіе того всѣ сужденія, какъ о сокровенныхъ догматахъ еврейской вѣры или тайныхъ сектъ ея, такъ и о вліяніи, какое подобныя догматы могли имѣть на подлежащее обсужденію государственнаго совѣта дѣло, и обращаясь единственно къ обстоятельствамъ этого дѣла, соединенные департаменты, не колеблясь, признаютъ, что существованіе самаго преступленія, какія бы ни были побужденія къ нему, здѣсь вполне и несомнѣнно доказано“.

Такимъ образомъ, Саратовскій процессъ былъ формально освобожденъ отъ „ритуальнаго“ характера. Все же обвинительный приговоръ, въ связи съ потрясающими подробностями таинственнаго злодѣянія, долженъ былъ произвести извѣстное впечатлѣніе на тѣхъ, кто былъ склоненъ вѣрить въ кровавый навѣтъ...

Государь предоставилъ правительству инициативу въ дѣлѣ смягченія ограничительнаго законодательства о евреяхъ и санкционировалъ мѣры, въ корнѣ противорѣчившія законодательной системѣ послѣднихъ десятилѣтій. Но при всемъ томъ государь строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы намѣренія правительства не заходили далѣе опредѣленной границы.

Прежде всего правительство сочло необходимымъ отказаться отъ самаго тяжелаго наслѣдія прошлаго—отъ немѣрной рекрутчины, служившей не нуждамъ арміи, а требованіямъ репрессивной политики, и отъ „разбора“, преслѣдовавшаго ту же цѣль, что и рекрутчина.

Едва только стало возможнымъ, съ переменной царствованія, говорить откровенно о рекрутчинѣ, раскрылась потрясающая правда.

Отмѣтивъ, что усиленіе рекрутскихъ наборовъ съ еврейскихъ обществъ имѣло цѣлью „сближеніе“ евреевъ съ христіанами и уничтоженіе такимъ путемъ той нищеты и нравственнаго упадка, которые ощущаются въ мѣстахъ скопленія евреевъ, прибалтійскій ген.-губернаторъ кн. Суворовъ констатировалъ, что это намѣреніе не только не осуществляется, но дѣлается все болѣе неисполнимымъ. Плодовитость еврейскаго народа,—писалъ Суворовъ,—съ избыткомъ покрываетъ всякую убыль людей, не исключая той, которая причиняется усиленными рекрутскими наборами; къ тому же евреи, какъ это изъ опыта извѣстно, не оставляютъ своей религіи и въ военной службѣ, несмотря на выгоды, предоставляемыя имъ съ принятіемъ христіанства; но, не ослабляя численно еврейскаго населенія, усиленные наборы „разоряютъ ихъ общества“; даже обыкновенные наборы, благодаря особымъ условіямъ, въ которыхъ евреямъ приходится сдавать рекрутъ, дѣлаютъ рѣшительно невозможнымъ то благоустройство, къ которому клонятся предпринимаемая мѣры; молодые, здоровые евреи берутся въ такомъ числѣ, что въ обществахъ почти не остается работоспособныхъ людей. Одновременно ген.-губернаторъ виленскій, ковенскій, минскій и гродненскій Бибииковъ свидѣтельствовалъ, что усиленная рекрутская повинность не только обременительна для евреевъ, но и неминуемо приводитъ еврейскія общества еще въ худшее состояніе и даже въ невозможность исполнять повинности ¹⁾. Отрицательные результаты сказались, по словамъ администраторовъ, и въ политическомъ отношеніи—преданность правительству, которую евреи проявили въ 1812 и 1831 годахъ, стала ослабѣвать.

Комитетъ Киселева всецѣло присоединился къ представленіямъ обоихъ ген.-губернаторовъ; онъ сдѣлалъ государю докладъ о необходимости уравнивать евреевъ съ прочимъ на-

¹⁾ Въ 1827 г., при объявленіи перваго набора, на еврейскомъ населеніи числилось недоимокъ въ размѣрѣ одного рубля съ души, а въ 1853 г.—недоимка возросла до суммы въ пятнадцать рублей съ души.

селенієм въ отношеніи рекрутской повинности, прекратить пріемъ малолѣтнихъ рекрутъ и штрафныхъ, и вскорѣ (1856 г.) соотвѣтствующія исключительныя постановленія были отмѣнены. Страшное слово „ловчики“ перестало пугать дѣтей, институтъ кантонистовъ былъ упраздненъ. Это облегченіе было принято еврейскимъ народомъ какъ актъ высокаго милосердія, и имя императора запечатлѣлось въ народной памяти, окруженное исключительнымъ ореоломъ.

Выступивъ предъ новымъ государемъ противъ непомѣрной рекрутской повинности, почитавшейся въ теченіе ряда лѣтъ надежнымъ орудіемъ для преобразованія быта евреевъ, Киселевъ рѣшилъ вмѣстѣ съ тѣмъ заявить государю, что вообще установившаяся правительственная политика по еврейскому вопросу должна уступить мѣсто новой.

Какъ десять лѣтъ назадъ Киселевъ призналъ всю предшествовавшую работу комитета безрезультатной¹⁾, такъ и теперь онъ откровенно, хотя и въ осторожныхъ выраженіяхъ, высказалъ отрицательное мнѣніе объ итогахъ преобразовательной дѣятельности комитета. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ (14 марта 1856 г.), по обычаю носившемъ дѣловую форму, Киселевъ, ограничившись примѣрами болѣе частнаго характера, намѣтилъ широкій горизонтъ для дальнѣйшей работы комитета. Указавъ, что цѣлью комитета было „ослабить религіозныя заблужденія евреевъ, вести ихъ къ сліянію съ общимъ населеніемъ и обратитъ къ полезному труду“, Киселевъ заявилъ, что со времени учрежденія комитета онъ безпрестанно получаетъ просьбы и даже представленія генералъ-губернаторовъ о томъ, что „законоположенія о евреяхъ въ соединеніи съ разными мѣрами, временно постановленными, содержатъ въ себѣ многія противорѣчія и ограниченія, затрудняющія достиженіе Высочайше указанной цѣли сліянія евреевъ съ общимъ населеніемъ“.

Такъ, напр., согласно закону, евреи принимаются въ общія учебныя заведенія, и даже объявлено, что черезъ 20 лѣтъ только тотъ можетъ быть раввиномъ или учителемъ, кто кончитъ средне-учебное заведеніе или раввинское училище, а между тѣмъ послѣдовало частное (Высочайшее) распоря-

¹⁾ См. стр. 243—244.

женіе не принимать въ гимназіи въ западныхъ губерніяхъ евреевъ вмѣстѣ съ другими податными состояніями. По закону, евреи, получившіе медицинскую степень, могутъ занимать медицинскія должности въ западныхъ губерніяхъ, но секретнымъ Высочайшимъ повелѣніемъ было запрещено принимать ихъ на службу. Евреи приглашаются къ сліянію и къ полезному труду, но въ то же время имъ препятствуютъ пріобрѣтать земли; въ отношеніи жительства въ городахъ „сохраняется доселѣ средневѣковое правило“, по которому для нихъ назначены особыя части и улицы, а въ Москвѣ и Кіевѣ они нигдѣ не могутъ останавливаться, кромѣ особыхъ еврейскихъ подворьевъ.

„Не обременяя вниманія Вашего Императорскаго Величества,—такъ заканчивалъ Киселевъ свой докладъ,—изложениемъ дальнѣйшихъ несообразностей въ постановленіяхъ о евреяхъ по торговлѣ, по выборамъ въ городскія должности и т. п., я полагаю бы справедливымъ пересмотрѣть всѣ существующія постановленія о евреяхъ для соглашенія ихъ съ общими видами сліянія сего народа съ кореннымъ населеніемъ, поелику нравственное состояніе евреевъ можетъ сіе дозволить“.

26 марта 1856 г. докладъ Киселева былъ утвержденъ Александромъ II, причемъ государь предоставилъ министрамъ, каждому по своему вѣдомству, сдѣлать соотвѣтствующія предложенія.

Этотъ день можно считать однимъ изъ важнѣйшихъ въ жизни русскихъ евреевъ. Высочайше утвержденный докладъ Киселева сыгралъ первенствующую роль въ ихъ ближайшей исторіи.

Указаніе на „нравственное состояніе“ евреевъ предопредѣлило поле преобразовательной дѣятельности: смягченіе ограничительнаго законодательства могло коснуться лишь нѣкоторыхъ сторонъ еврейской жизни, поскольку „нравственное состояніе“ евреевъ, т. е. приписываемые имъ фанатизмъ и экономическая вредоносность, не угрожало интересамъ государства и христіанскаго населенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше утвержденный докладъ Киселева открылъ новый путь для разрѣшенія еврейскаго вопроса, знаменуя коренное измѣненіе въ правительственной политикѣ по отношенію къ евреямъ—

господствовавшая до сихъ поръ идея, что преобразование ихъ можетъ быть достигнуто лишь помощью репрессій, должна была уступить теперь мѣсто мысли о необходимости въ этихъ цѣляхъ смягчить ограниченія ¹⁾.

Какъ-только докладъ былъ санкціонированъ государемъ, Киселевъ немедленно сообщилъ комитету о предстоящей работѣ и тогда же намѣтилъ вопросы, подлежащіе пересмотру; они касались преимущественно торгово-промышленной дѣятельности евреевъ, стѣсненной ограниченіями въ правѣ передвиженія, а также общественнаго положенія еврейскаго населенія.

Этимъ благопріятнымъ моментомъ воспользовался министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской, связавшій свое имя съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, чтобы, поднявъ вопросъ о правовыхъ ограниченіяхъ, препятствующихъ распространенію полезныхъ промысловъ среди евреевъ, подвергнуть также обсужденію дѣло о „разборѣ“. Хотя въ запросѣ, съ которымъ Ланской обратился къ мѣстнымъ властямъ, и не подсказывался отвѣтъ, все же общая перемѣна въ настроеніи столичныхъ сферъ сказалась и на провинціальной администраціи—въ отвѣтахъ мѣстныхъ властей „мысль о неудобствахъ и бесполезности“ разбора была теперь выражена, по словамъ Ланского, „съ большей рѣшительностью“, чѣмъ прежде.

Высказался по возбужденному вопросу и новороссійскій генераль-губернаторъ графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ. Раздѣляя прогрессивные взгляды своего предшественника князя Воронцова ²⁾, Строгановъ не ограничился рамками вопроса, поставленнаго Ланскимъ,—онъ выступилъ съ болѣе широкимъ предложеніемъ, а именно о полномъ уравненіи евреевъ въ правахъ съ прочимъ населеніемъ.

Пока въ западно-европейскихъ государствахъ существовали правовыя ограниченія — указывалъ гр. Строгановъ въ письмѣ (1858 г.) на имя Ланского—евреи въ нравственномъ отношеніи стояли низко; „по мѣрѣ же того, какъ правитель-

¹⁾ Киселеву не пришлось осуществить реформу. Въ это время было рѣшено устранить Киселева отъ министерства государственныхъ имуществъ, вѣдавшаго крестьянскія дѣла,—онъ былъ назначенъ посланникомъ въ Парижъ.

²⁾ Стр. 220—222.

ства начали показывать себя болѣе благопріятными евреямъ... они тотчасъ становились полезными членами общества наравнѣ съ другими гражданами... Такой удачный опытъ слиянія ихъ съ коренными обитателями Западной Европы вполне заслуживаетъ быть принятымъ въ соображеніе и у насъ при обсужденіи мѣръ слиянія евреевъ съ коренными жителями Имперіи, и что касается меня, то, говоря со всею откровенностью, я считаю самую успѣшную мѣрою для достиженія упомянутой цѣли правительства уравненіе евреевъ во всѣхъ правахъ съ другими подданными податнаго сословія... Это вполне соответствовало бы духу нынѣшняго времени и совершенно было бы согласно съ законами справедливости, ибо, если евреи несутъ всѣ государственныя и общественныя повинности, участвуютъ въ общественныхъ выборахъ, то отчего же тѣ же самые люди не могутъ имѣть права занимать тѣ должности, которыя занимаютъ избираемые ими; искать тѣхъ занятій, какія кажутся имъ лучше; жить, гдѣ признается ими удобнѣе“.

Отмѣтивъ далѣе полезную торгово-промышленную дѣятельность евреевъ и ихъ положительныя нравственныя качества, которыя могли бы служить примѣромъ для другихъ, если бы законъ не дѣлалъ въ отношеніи евреевъ различія и „слѣдовательно, не было бы презрѣнія ко всѣмъ еврейскимъ нравамъ“, гр. Строгановъ заключилъ свое донесеніе заявленіемъ, что „сравненіе ихъ (евреевъ) въ гражданскихъ правахъ съ туземцами не только соответствовало бы законамъ справедливости, но принесло бы пользу народной нашей промышленности и тѣмъ самымъ, нѣтъ сомнѣнія, много способствовало бы даже ослабленію религіознаго фанатизма евреевъ, о чемъ такъ сильно заботится само правительство. Этимъ путемъ шель Западъ къ достиженію высокой цѣли слиянія евреевъ съ христіанами, цѣли, столь близко связанной съ Божественными истинами христіанства, и въ этомъ отношеніи послѣднія пренія въ англійскомъ парламентѣ, какъ кажется, окончательно убѣждаютъ, что евреи должны быть уравнены во всѣхъ правахъ съ коренными жителями, и что въ исключительныхъ для нихъ постановленіяхъ въ настоящее время не предстоитъ никакой надобности“.

Графъ Строгановъ первый по времени, насколько извѣстно,

выступилъ съ идеей о полной эмансипаціи евреевъ, поддержавъ ее авторитетомъ начальника богатой области, своимъ благосостояніемъ обязанной во многомъ экономической дѣятельности евреевъ.

Однако, гр. Строгановъ не былъ однимъ въ полѣ. И другіе считали, что эмансипація евреевъ должна быть осуществлена въ ближайшей очереди. Князь Н. Орловъ, сынъ председателя государственнаго совѣта, представилъ (1858 г.) го-

Графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ.

сударю записку объ улучшеніи положенія раскольниковъ, въ которой остановился и на вопросѣ о евреяхъ; предложивъ предоставить евреямъ всѣ личныя и сословныя права, которыми пользуются прочіе русскіе подданные, а также оказывать гостепріимство иностраннымъ евреямъ, кн. Орловъ писалъ: „Мы предвидимъ и ожидаемъ, что мысли наши встрѣтятъ сильныхъ порицателей. Предразсудокъ противъ евреевъ еще силенъ въ Россіи, и имъ, быть-можетъ, еще долго не воздадутъ должнаго. Намъ остается утѣшать себя надеждою, что предразсудки, рано или поздно,

исчезнутъ предъ просвѣщеніемъ и въ ожиданіи этого повторить слова Гизо: *La verité est une: ceux, qui la cherchent consciencieusement, finissent toujours par s'accorder.*“

Министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской поддержалъ взглядъ гр. Строганова. Высказавшись за то, чтобы произведенный „разборъ“ былъ оставленъ безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, такъ какъ онъ не соотвѣтствуетъ цѣли правительства—сблизить евреевъ съ прочимъ населеніемъ, Ланской, ссылаясь на гр. Строганова, заявилъ въ докладѣ Еврейскому комитету (1858 г.), „что сліянія или, выражаясь точнѣе, сближенія еврейскаго народа съ коренными жителями по образованію, занятіямъ и тому подобное... можно достигнуть только уравненіемъ евреевъ въ правахъ съ прочими жителями Имперіи,

и потому всякаго рода исключительныя постановленія для нихъ, если только они не относятся до религіи, разныя стѣсненія и ограниченія слѣдуетъ признать положительно препятствующими сближенію ихъ съ прочимъ народонаселеніемъ и едва ли не главною и единственною причиною того жалкаго положенія, въ какомъ они остаются у насъ до сихъ поръ“.

Но проектъ гр. Строганова и Ланского не былъ принятъ правительствомъ. Одобривъ отмѣну „разбора“, Еврейскій комитетъ, руководимый преемникомъ Киселева, Блудовымъ, не согласился на уравненіе евреевъ въ правахъ съ прочимъ населеніемъ, поставивъ имъ въ вину то, что въ то время какъ западно-европейскіе евреи по первому приглашенію правительства стали посылать своихъ дѣтей въ общія школы и сами болѣе или менѣе обратились къ полезнымъ занятіямъ, русскому правительству приходится бороться съ предразсудками и съ фанатизмомъ евреевъ; вотъ почему „уравненіе евреевъ въ правахъ съ коренными жителями не можетъ иначе послѣдовать, какъ постепенно, по мѣрѣ распространенія между ними истиннаго просвѣщенія, измѣненія ихъ внутренней жизни, обращенія ихъ дѣятельности на полезныя занятія“.

Эта мысль и была принята государемъ, положившимъ резолюцію: „Совершенно справедливо“ (1859 г.).

„Разборъ“, какъ репрессивная мѣра, былъ, такимъ образомъ, отмѣненъ. Однако, идеѣ, лежащей въ его основѣ, суждено было сохранить свою живую силу.

Мысль о томъ, что не все еврейское населеніе полезно странѣ, а потому не всѣ евреи должны находиться въ одинаковомъ положеніи, была усвоена не только правительствомъ, но и членами той немногочисленной еврейской группы, ко-

Сергій Степановичъ Ланской.

торая ближе соприкасалась съ представителями власти, чѣмъ прочіе. Если въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка совѣтчиками по еврейскому вопросу выступали преимущественно болѣе просвѣщенные евреи, то теперь эта роль перешла къ именитому купечеству. Совѣтчики изъ прогрессивнаго лагеря дѣйствовали, за рѣдкими исключеніями, каждый отдѣльно, на свой рискъ и страхъ; представители же купеческаго міра стали выступать сообща, являя собою какъ бы особую организацию, имѣющую право говорить отъ имени если не всего народа, то той его части, которая играла бѣльшую общественную роль.

Едва только стало извѣстнымъ, что правительство, порвавъ съ прошлымъ, рѣшило пойти по пути смягченія еврейскаго безправія, какъ нѣсколько еврейскихъ купцовъ обратились (1856 г.) къ государю съ просьбой о дарованіи нѣкоторыхъ правъ не всему еврейскому населенію, а лишь отдѣльнымъ категоріямъ.

„Если молодое поколѣніе,—заявили ходатаи—воспитанное въ духѣ и подѣ надзоромъ правительства, если высшее купечество, много лѣтъ разливавшее жизнь, дѣятельность и богатство въ краѣ, если добросовѣстные ремесленники, добывающіе хлѣбъ свой въ потѣ лица, будутъ отличены правительствомъ бѣльшими правами отъ тѣхъ, которые ничѣмъ еще не засвидѣтельствовали объ особенной своей благонамѣренности, пользѣ и трудолюбіи, тогда весь народъ, видя въ этихъ немногихъ избранныхъ предметъ справедливости и благоволенія правительства, и, такъ сказать, образцы того, какими, по его желанію, должны сдѣлаться евреи, съ радостью устремится къ достиженію указанной правительствомъ цѣли (т.-е. слиянія съ прочимъ населеніемъ)... Ходатайство наше—говорили далѣе просители—состоитъ въ томъ, чтобы Милосердный Монархъ пожаловалъ насъ и, отличая пшеницу отъ плевелъ, благоволилъ, въ видѣ поощренія къ добру и похвальной дѣятельности, предоставить нѣкоторыя умѣренныя, впрочемъ, льготы достойнѣйшимъ, образованнѣйшимъ изъ насъ“.

Такимъ образомъ, еврейскіе общественные дѣятели провозгласили принципъ неравенства евреевъ въ безправіи—если раньше было рѣшено примѣнить къ „безполезнымъ“

евреямъ новыя репрессивныя мѣры, то теперь имъ было суждено образовать многочисленную группу, на которую не должны были распространяться облегчительныя мѣры; имѣлось въ виду смягчить участь лишь небольшой категоріи евреевъ, которые становились такимъ путемъ привилегированными въ сравненіи съ прочей массой.

Нельзя сказать, чтобы ходатаи сыграли рѣшающую роль въ данномъ случаѣ; правительство самостоятельно пришло къ подобному рѣшенію вопроса; возможно, что купцы только потому и выступили со своимъ проектомъ, что имъ были извѣстны намѣренія правительства; однако, при всемъ томъ, записка какъ бы санкціонировала отъ имени еврейскаго общества систему „разбора“.

А между тѣмъ записка купцовъ, являясь данію прошлому, не отвѣчала общественной мысли, которою прониклись тогда наиболѣе передовые еврейскіе круги.

То была сумеречная пора, когда однимъ казалось, что ночь еще не прошла, что вокругъ еще витаютъ страшные призраки, а другимъ мнилось, что вотъ-вотъ наступаетъ разсвѣтъ, который прогонитъ мрачныя видѣнія, не дающія покоя еврейскому народу.

Выразителемъ новаго общественнаго теченія явился первый русско-еврейскій органъ „Разсвѣтъ“ (1860—1861 гг.).

Лозунгомъ реформы сороковыхъ годовъ служили слова: „борьба съ отчужденностью евреевъ“; эти слова объединяли всѣхъ тѣхъ, кто подходилъ къ еврейскому вопросу, независимо отъ того, какими мыслями и желаніями подсказывалось вниманіе къ еврейскому народу. Въ борьбѣ съ „отчужденностью“ правительство и прогрессивные еврейскіе круги подавали другъ другу руку помощи. Но искорененіе „фанатизма“, поглотившее много благородныхъ стремленій, внесшее въ еврейскую жизнь много взаимныхъ обидъ, оставившее въ душѣ народа глубокую рану, не принесло ожидаемыхъ плодовъ. Просвѣтительное теченіе, медленно прокладывавшее свой путь въ сторонѣ отъ передовой массы, не отразилось на ея жизни.

Печальный опытъ показалъ, что просвѣтительному движенію не помогли принудительныя мѣры, что его развитію препятствовали правовыя ограниченія. И тогда прозвучаль

новый лозунгъ: внутренняя свобода и равноправіе для всѣхъ классовъ еврейскаго народа.

Вдохновителю „Разсвѣта“ Осипу Аароновичу Рабиновичу, пользовавшемуся именемъ русско-еврейскаго беллетриста и публициста, пришлось вести борьбу на два фронта:

„Рѣшено было—писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ ближайшій сотрудникъ О. Рабиновича, Л. Леванда, ставшій впоследствии популярнымъ беллетристомъ—дѣйствовать оборонительно и наступательно,—оборонительно противъ нападокъ извнѣ, когда дѣло идетъ о защитѣ нашихъ человѣческихъ правъ и конфессіональныхъ интересовъ, а наступательно противъ нашего внутренняго врага: мракобѣсія, рутины, общинныхъ неурядицъ, нашихъ племенныхъ пороковъ, слабостей и т. п.“

Поставивъ себѣ задачей раскрывать больныя мѣста внутренней еврейской жизни, „Разсвѣтъ“ пошелъ противъ общаго теченія. Въ виду тяжелаго правового и общественнаго положенія, самокритика обычно вызывала опасеніе, что раскрытіе изъясновъ еврейской жизни приведетъ къ новымъ законодательнымъ репрессіямъ. Выходившія въ ту пору еврейскія газеты — „Гамелиць“, „Гамаггидъ“ и „Гакармель“ въ большей или меньшей мѣрѣ склонялись къ мысли о необходимости сообразовать еврейскую жизнь съ требованіями современности. „Гамелиць“, считая своей задачей „посредничество между правительствомъ и евреями, между просвѣщеніемъ и вѣрою“, старался вызвать въ ортодоксальныхъ кругахъ благожелательное отношеніе къ просвѣщенію вообще. Все же направленіе „Разсвѣта“ признавалось крайне радикальнымъ, и умѣренно-консервативный „Гамаггидъ“ почелъ своей обязанностью выступить на защиту Израиля, „попираемаго“ журналомъ Рабиновича, открыть свои столбцы для „священной войны съ поносителями лагеря Бога живого, дабы община Іешуруна ¹⁾ знала, кто врагъ ея“; издатели русско-еврейскаго органа помѣщаютъ статьи, „которыя только издѣваются надъ братьями; вмѣсто славы расточаютъ посрамленіе братьямъ своимъ, своей кости и плоти“; „Разсвѣтъ“ объявлялся врагомъ еврейскаго народа.

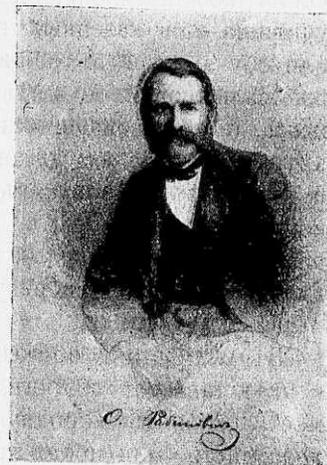
Тѣмъ не менѣе, „Разсвѣтъ“ не переставалъ останавливаться

¹⁾ Поэтическое, библейское названіе израильскаго народа.

на изъяснахъ еврейской жизни, предвидя отъ этого пользу, не считаясь съ тѣмъ, какое впечатлѣніе производитъ правда, —восхваленіе націи и куреніе ей оиміама, говорилъ журналъ, ни къ чему не приведетъ; съ появленіемъ солнца подымается суматоха между совами и летучими мышами, „однако было бы смѣшно упрекать утреннюю зарю въ томъ, что эти обиженные природою созданія не могутъ выдержать ея мерцанія“.

Относясь критически къ явленіямъ внутренняго быта, органъ Рабиновича отнюдь не имѣлъ въ виду добиваться преобразования помощью принудительныхъ мѣръ. Напротивъ, онъ рѣшительно выступалъ противъ всякихъ насильственныхъ дѣйствій, расходясь въ этомъ отношеніи не только съ консервативными, но и съ либеральными общественными группами.

Если двадцать лѣтъ назадъ Левинзонъ предложилъ правительству наложить руку на „вредныя“ еврейскія книги ¹⁾; если наканунѣ просвѣтительной реформы разда-

Осипъ Аароновичъ Рабиновичъ.
(1817—1869).

вались голоса о воспрепятствованіи хасидамъ занимать раввинскіе посты въ крупныхъ общинахъ, то и въ 60-хъ годахъ система репрессивныхъ мѣръ противъ идейныхъ противниковъ не оскорбляла совѣсти даже вполне интеллигентныхъ людей. Такъ, „ученый еврей“ при новороссійскомъ генераль-губернаторѣ предложилъ правительству прекратить печатаніе сочиненій на разговорно-еврейскомъ языкѣ, въ видахъ распространенія между евреями знанія русскаго и нѣмецкаго языковъ. Съ другой стороны и ортодоксы старались задерживать выходъ неугодныхъ имъ книгъ, пользуясь благосклонностью цензоровъ.

Особенно жгучимъ сталъ въ то время раввинскій вопросъ. Когда начались выпуски воспитанниковъ раввинскихъ училищъ ²⁾, оказалось, что надежды, возлагавшіяся правительствомъ

¹⁾ См. стр. 216—217.

²⁾ См. стр. 251.

и прогрессистами на этихъ будущихъ духовныхъ руководителей общинъ, совершенно не оправдываются, такъ какъ общины не избирали на раввинскіе посты воспитанниковъ раввинскаго училища, считая ихъ невѣждами въ еврейскихъ наукахъ; а болѣе консервативные элементы смотрѣли на нихъ даже какъ на отщепенцевъ. Хотя законъ (1857 г.) и требовалъ, чтобы на постъ раввина избирались лишь лица, окончившія раввинскія училища или казенныя еврейскія школы высшаго разряда или обучавшіяся въ общихъ школахъ, общины по прежнему избирали людей, не имѣвшихъ указаннаго образовательнаго ценза, но пользовавшихся авторитетомъ въ благочестивыхъ кругахъ. Когда же администрація заставляла избирать воспитанниковъ раввинскихъ училищъ, община назначала этимъ негоднымъ пастырямъ, получившимъ названіе „казенныхъ раввиновъ“, скудное жалованье, совершенно недостаточное для существованія; на ряду же съ ними дѣйствовали „духовные раввины“.

Въ виду этихъ обстоятельствъ отдѣльные евреи, а порою и представители общинъ, побуждаемые мыслью о необходимости склонить народную массу къ культурному развитію, ходатайствовали предъ правительствомъ о томъ, чтобы еврейское населеніе было лишено права выбора раввиновъ, чтобы послѣдніе назначались правительствомъ. Съ подобными просьбами выступали и окончившіе раввинское училище, оказывавшіеся не у дѣла. Первые двое евреевъ, окончившіе житомирское раввинское училище, возбудили ходатайство о томъ, чтобы воспитанники раввинскихъ училищъ получали содержаніе отъ казны, иначе, завися отъ воли общества, они не сумѣютъ дѣйствовать въ прогрессивномъ направленіи. Но министерство внутреннихъ дѣлъ не нашло возможнымъ лишить еврейское населеніе его вѣкового права.

И позже окончившіе раввинскія училища жаловались правительству на то, что общества, вопреки закону, не выбираютъ ихъ на раввинскую должность, а администрація попустительствуетъ, утверждая конкурентовъ ихъ.

Попытки лишить еврейское населеніе права выбора встрѣтили на страницахъ „Разсвѣта“ рѣзкое осужденіе. Борясь съ этимъ общественнымъ зломъ, журналъ указывалъ, что многіе готовы прибѣгнуть даже къ крутымъ мѣрамъ въ на-

деждѣ, что образованные раввины могутъ способствовать „реформѣ духа евреевъ“; но это обманчиво: раввинъ, который вздумаетъ открыто и еще полицейскими мѣрами преобразовывать свое общество, будетъ имѣть „столько же успѣха, сколько любой становой, думающей исправлять нравственность народа“.

„Разсвѣтъ“ проповѣдывалъ, что совершенствоваться и освобождаться отъ всего дурнаго евреи должны вовсе не для достиженія гражданской полноправности, такъ какъ на нее они могутъ разсчитывать, несмотря на всѣ свои слабости и недостатки, въ силу одной принадлежности къ общей чело-вѣческой семьѣ. Имѣлъ съ тѣмъ, журналъ вполне опредѣленно говорилъ правительству о необходимости дать евреямъ равноправіе.

Начиная съ конца пятидесятихъ годовъ, русская печать стала удѣлять много вниманія евреямъ; передовые органы призывали къ братскому общенію съ евреями; однако, вопросъ объ эмансипаціи евреевъ не ставился открыто и конкретно,—извѣстную роль въ данномъ случаѣ могли играть цензурныя условія: послѣдовалъ спеціальныи циркуляръ о недозволеніи, безъ разрѣшенія, „разсужденій объ уравниеніи правъ евреевъ съ прочимъ населеніемъ“.

„Разсвѣтъ“, несмотря на этотъ циркуляръ, все же пытался говорить объ уравниеніи евреевъ въ правахъ. Объ одной подобной статьѣ было доложено комитетомъ министровъ государю, и государь одобрилъ постановленіе комитета, запретившее печатаніе означенной статьи.

Въ этой статьѣ не говорилось о полномъ равноправіи евреевъ; рѣчь шла лишь о правѣ повсемѣстнаго жительства, которое, однако, должно было бы быть предоставлено не отдѣльнымъ категоріямъ, а всему еврейскому населенію.

Мы видимъ, что и по характеру своихъ требованій—имѣлись въ виду интересы всего еврейскаго народа, а не его отдѣльныхъ группъ,—и по мотивировкѣ требованій—гражданское равенство не должно разсматриваться, какъ награда за доброе поведеніе,—въ обоихъ этихъ отношеніяхъ прогрессивные круги, представленные „Разсвѣтомъ“, опередили тѣхъ купцовъ, которые ходатайствовали предъ государемъ объ отдѣленіи „плевель отъ пшеницы“. И это новое теченіе об-

щественной мысли, какъ надо думать, прочно укоренилось въ сознаниі руководящихъ еврейскихъ круговъ. Вскорѣ новая группа ходатаевъ-купцовъ осудить систему отдѣленія „плевель отъ пшеницы“.

Важнѣйшимъ вопросомъ жизни евреевъ являлось существованіе черты осѣдлости. Запретъ пользоваться естественнымъ правомъ жить и передвигаться по всей территоріи страны, лежащей въ основѣ многограннаго репрессивнаго законодательства, сковывая дѣятельную волю еврея въ области физическаго и умственнаго труда, наложилъ тяжелую мертвящую печать на духовный и экономическій бытъ еврейскаго народа.

А между тѣмъ, находясь въ первое время по вступленіи на престолъ подъ воздѣйствіемъ общаго духа предшествующаго царствованія, имп. Александръ II относился крайне отрицательно къ попыткамъ ослабить законы о чертѣ осѣдлости.

Такъ, когда (1855 г.) комитетъ министровъ постановилъ дозволить евреямъ, въ виду военныхъ дѣйствій, производить маркитантскій торгъ повсюду при войскахъ, не считаясь съ законами о жительствѣ, государь отклонилъ рѣшеніе комитета, положивъ резолюцію: „оставить на нынѣшнюю войну, гдѣ есть, но вновь не допускать“. Тогда же государь разрѣшилъ полкамъ и военноучебнымъ заведеніямъ имѣть внѣ черты осѣдлости не болѣе, чѣмъ по одному портному и закройщику изъ евреевъ.

Водвореніе евреевъ внѣ черты осѣдлости считалось недопустимымъ, пока „не совершится нравственное ихъ преобразование“; исключеніе можно сдѣлать лишь для тѣхъ, кто, обладая значительными капиталами, производитъ крупную торговлю. А между тѣмъ, когда государь повелѣлъ (1856 г.) обратить особое вниманіе на докладъ виленскаго ген.-губернатора Назимова, констатировавшаго, что, несмотря на принимаемыя правительствомъ мѣры къ матеріальному и нравственному улучшенію быта евреевъ, послѣдніе представляютъ въ краѣ самую печальную картину, министры внутреннихъ дѣлъ Ланской и народнаго просвѣщенія генералъ-адъютантъ гр. Путятинъ усмотрѣли важнѣйшую причину бѣдственнаго состоянія евреевъ въ ненормальномъ количественномъ соотношеніи между евреями, по преимуществу

торгово-промышленнымъ элементомъ, и остальной земледѣльческой массой, также находящейся въ жалкомъ положеніи; крестьяне неизбѣжно дѣлаются жертвою евреевъ, будучи какъ бы обязаны отдавать часть своихъ средствъ на ихъ содержаніе; съ другой стороны, конкуренція среди самихъ евреевъ настоль чрезмѣрна, что ставить ихъ „почти въ невозможность снискивать себѣ законными путями средства къ существованію“. И нравственный упадокъ, и невѣжество евреевъ, заявили министры, являясь результатомъ стѣсненій въ жительствѣ и занятіяхъ— „только съ постепенною отмѣной сихъ ограниченій, т.-е. съ предоставленіемъ евреямъ возможности снискивать себѣ законными путями средства къ существованію и вообще съ улучшеніемъ ихъ матеріальнаго благосостоянія можно будетъ рассчитывать и на распространеніе между ними образованія и на возвышеніе ихъ нравственнаго уровня“. Ставить же постепенное улучшеніе нравственности евреевъ условіемъ постепеннаго предоставленія имъ общихъ правъ по занятіямъ „значитъ на вѣки осудить евреевъ на настоящее ихъ положеніе не только къ собственному ихъ несчастью“, но и къ бѣдствію территоріи, входящей въ составъ черты осѣдлости.

О необходимости облегчить правовое положеніе евреевъ вообще и, въ частности, лицъ, получившихъ образованіе въ общихъ школахъ, высказался въ это время и авторитетный кievскій волынской и подольскій генералъ-губернаторъ кн. Васильчиковъ.

Но именно изъ опасенія, что дарованіе права повсемѣстнаго жительства побудитъ евреевъ устремиться въ учебныя заведенія, государственный совѣтъ настоялъ на томъ, чтобы право повсемѣстнаго жительства было дано лишь евреямъ, удостоеннымъ ученыхъ степеней, но отнюдь не вообще окончившимъ высшее учебное заведеніе.

Право повсемѣстнаго жительства, заявилъ государственный совѣтъ, можно предоставить евреямъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда „ими приобрѣтены обширныя основательныя познанія и когда вообще они получили образованіе, могущее служить ручательствомъ въ отступленіи ихъ отъ заблужденій фанатизма и въ удаленіи отъ вредныхъ, къ сожалѣнію, обычныхъ непросвѣщеннымъ евреямъ дѣйствій и самихъ правилъ“. Лишь такое „истинное просвѣщеніе, основанное

не на поверхностномъ обученіи“, можетъ искоренить въ еврейяхъ тѣ предрасудки, которые издавна побуждали правительство принимать мѣры противъ водворенія евреевъ во внутреннихъ губерніяхъ; при настоящемъ состояніи просвѣщенія въ Россіи, заявилъ государственный совѣтъ, едва ли можно безъ опасенія признать, чтобы еврей, обучавшійся въ высшемъ учебномъ заведеніи, но не получившій степени кандидата, магистра или доктора, чтобы такой еврей былъ совершенно свободенъ отъ предрасудковъ!

Еврейскій вопросъ загонялся въ тупикъ. Съ одной стороны для пропуска еврея за черту осѣдности требовались обширные торговые обороты или научная степень, а между тѣмъ, по заявленію многихъ администраторовъ, экономическое и культурное развитіе еврейскаго населенія задерживалось ограничительными законами о жительствѣ.

Министръ финансовъ Рейтернъ доказывалъ, что крайній нравственный упадокъ еврейскаго населенія зависитъ, главнымъ образомъ, отъ весьма неблагоприятныхъ условій, въ которыя еврей поставленъ въ отношеніи приобрѣтенія средствъ къ существованію. Поэтому первою заботою правительства должно быть „устраненіе тѣхъ матеріальныхъ препятствій, которыя еврей встрѣчаетъ на каждомъ шагу въ попыткахъ къ улучшенію своей участи; умственное же образованіе и нравственное развитіе евреевъ будутъ несомнѣннымъ послѣдствіемъ улучшенія ихъ матеріальнаго быта“. Еврей, по своему основному характеру и вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, говорилъ Рейтернъ, вообще не склоненъ къ прочной осѣдности; онъ по преимуществу торговецъ, промышленникъ. Промышленный элементъ, вносимый имъ на рынокъ, оказываетъ значительную пользу тамъ, гдѣ удовлетворяетъ требованіямъ рынка, гдѣ предложеніе услугъ соотвѣтствуетъ спросу. Но въ Западномъ краѣ—средоточіи постоянной осѣдности евреевъ — соразмѣрность эта давно уже нарушена. Тамъ они составляютъ отъ 10 до 12 процентовъ общей массы населенія. При такихъ обстоятельствахъ, когда въ мѣстностяхъ, не богатыхъ производительностью, изъ девяти чловѣкъ коренныхъ жителей одинъ вынужденъ снискивать себѣ средства къ пропитанію преимущественно посредничествомъ между производителями и потребителями, притомъ съ раз-

ными ограниченіями въ этомъ занятіи, — заработки эти, въ общей массѣ, до того скудны, что почти не представляютъ еврейямъ возможности существовать законными способами приобрѣтенія. Конкуренція между евреями Западнаго края, указывалъ Рейтернъ, развилась до крайнихъ предѣловъ, благодаря чему еврей обречены на крайнюю бѣдность, а прочее населеніе лишено возможности принять участіе въ промышленности, такъ какъ соперничество евреевъ сильно понизило размѣръ прибыли. Чтобы устранить это, необходимо, по словамъ министра финансовъ, расширить для евреевъ рынокъ, направить ихъ промышленную дѣятельность туда, гдѣ чувствуется потребность въ ней.

Поэтому Рейтернъ предложилъ предоставить евреямъ, занимающимся торговлей, промыслами и ремеслами, селиться во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи и пользоваться торговыми и промышленными правами наравнѣ съ прочимъ населеніемъ. Этотъ проектъ охватывалъ столь многочисленныя группы еврейскаго населенія, что близко подходилъ къ полной отмѣнѣ черты осѣдности.

Вслѣдъ за тѣмъ, когда по Высочайшему повелѣнію (1862 г.) была разослана различнымъ административнымъ лицамъ и учрежденіямъ записка Евзеля Гинзбурга (впослѣдствіи барона), въ которой онъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій, правительство стало получать со всѣхъ сторонъ представленія о необходимости улучшить правовое положеніе; одни администраторы высказывались за частичную отмѣну правовыхъ ограниченій, другіе же считали необходимымъ предоставить евреямъ полноправіе.

Въ это время выступили и представители еврейскаго купечества; въ запискахъ, представленныхъ петербургскимъ властямъ, они выразили сожалѣніе, что принятая правительствомъ система постепенности, вмѣсто того, чтобы примѣняться къ категоріямъ запретовъ, въ извѣстной послѣдовательности снимаемыхъ со всего народа, ограничилась освобожденіемъ лишь отдѣльныхъ личностей отъ правовыхъ стѣсненій, вслѣдствіе чего еврейское населеніе „не получило ощутительнаго облегченія“.

Но государь по прежнему отвергалъ представленія не только о гражданскомъ равенствѣ, но и объ отмѣнѣ черты

осѣдлости, порою даже въ отношеніи отдѣльныхъ группъ еврейскаго населенія. Такъ, когда Еврейскій комитетъ, намѣреваясь предоставить отставнымъ нижнимъ чинамъ право жить всюду въ Имперіи, поручилъ (1858 г.) министру внутреннихъ дѣлъ собрать свѣдѣнія объ ихъ числѣ, государь отмѣнилъ это рѣшеніе, написавъ на журналѣ комитета: „Я рѣшительно на это не согласенъ“. Однако, въ 1860 г. государь сдѣлалъ исключеніе для отставныхъ нижнихъ чиновъ, служившихъ въ гвардіи, и разрѣшилъ имъ жить въ Петербургѣ. Но когда великій князь генераль - адмиралъ обратился въ комитетъ министровъ съ предложеніемъ распространить эту льготу и на немногочисленную категорію евреевъ, служившихъ въ морскихъ командахъ въ Петербургѣ и Кронштадтѣ, государь положилъ резолюцію: „Его Высочеству генераль-адмиралу не слѣдовало съ подобнымъ представленіемъ и входить въ Комитетъ Министровъ, не испросивъ на это моего разрѣшенія, такъ какъ резолюція моя ясно относилась только до гвардіи“. На всеподданнѣйшемъ докладѣ новороссійскаго генераль-губернатора Строганова, указавшаго на то, что необходимо дозволить евреямъ селиться по всему пространству Имперіи, что если права евреевъ должны быть расширяемы только постепенно, а не даны сразу, какъ предлагалъ Строгановъ, то именно съ этого слѣдуетъ начать, государь написалъ: „Я съ этимъ никакъ не согласенъ“ (1863 г.).

Такимъ образомъ приходилось ограничиваться постепеннымъ предоставленіемъ права повсемѣстнаго жительства лишь отдѣльнымъ группамъ. Послѣ купцовъ (1859 г.) право выйти за предѣлы черты осѣдлости было дано евреямъ, получившимъ ученія степени — доктора по медицинскимъ наукамъ или доктора, магистра и кандидата по другимъ факультетамъ (1861 г.); за ними послѣдовали ремесленники и мастера (1865 г.) и, наконецъ, бывшіе нижніе чины (1867 г.).

Все это было достигнуто, какъ результатъ упорной борьбы.

Пока въ стѣнѣ черты осѣдлости прорубались ворота для выпуска указанныхъ категорій еврейскаго населенія, одновременно происходило уничтоженіе старинныхъ привилегій, въ силу которыхъ въ нѣкоторыхъ городахъ стѣснялось или вовсе запрещалось проживаніе евреевъ¹⁾; были отмѣнены

¹⁾ См. стр. 188—190.

ограниченія въ Ковнѣ, Житомирѣ, Каменцѣ-Подольскомъ и Вильнѣ. Караимамъ г. Троки пришлось отказаться отъ „привилегіи“, изъ-за которой евреи вынуждены были въ свое время покинуть городъ.

Въ это же время было упразднено подворье въ Москвѣ; доходы отъ котораго шли на содержаніе городской глазной лѣчебницы, поступая частью въ руки людей, близко стоявшихъ къ подворью. Въ теченіе ряда лѣтъ министры боролись съ московскими генераль - губернаторами изъ-за подворья, и только тогда, когда при новомъ политическомъ курсѣ московскій генераль-губернаторъ Закревскій утратилъ свое бывшее вліяніе, Киселеву удалось добиться фактическаго упраздненія московскаго гетто.

Послѣдовало (1857 г.) распоряженіе о закрытіи также подворьевъ въ Кіевѣ, но они продолжали нѣкоторое время существовать; здѣсь, какъ и въ Москвѣ, играли роль финансовыя соображенія: подворья давали городу доходъ въ суммѣ свыше пяти тысячъ рублей ежегодно; для компенсаціи этого „убытка“ надо было установить особый сборъ съ евреевъ. Вообще гетто въ Кіевѣ не было совершенно уничтожено; оно, въ сущности, было только расширено; законъ (1861 г.) установилъ, чтобы евреи проживали въ Кіевѣ лишь въ Лыбедской и Плоской частяхъ; въ остальныхъ мѣстностяхъ города можно было жить лишь съ особаго разрѣшенія главнаго мѣстнаго начальства.

Одновременно съ вопросомъ о подворьяхъ, кіевскимъ генераль - губернаторомъ было возбуждено ходатайство о расширеніи вообще правъ евреевъ въ отношеніи жительства въ Кіевѣ. По этому поводу губернаторъ, генераль Гессе, указывалъ, что цѣны на жизненные припасы стали подниматься въ городѣ со времени удаленія евреевъ, постепенно все болѣе и болѣе возрастаютъ; а затѣмъ, напомнивъ, что выселеніе евреевъ послѣдовало по просьбѣ мѣстнаго купечества, выставившаго ихъ дѣятельность вредной для населенія, губернаторъ писалъ, что кіевское купечество не оправдало этой мѣры, ибо, стремится „къ монополіи на всѣ потребности ко вреду прочаго, болѣе значительнаго населенія“; оно и для себя не извлекло изъ того никакихъ выгодъ, „по недостатку предприимчивости, потребныхъ для торговли капиталовъ и

затѣмъ несообразности частной всей жизни, поглощающей всѣ ихъ пріобрѣтенія на утоленіе развившейся между ними роскоши“; что касается выгодъ казны, то „кіевскіе граждане не только не принесли казнѣ никакой пользы со времени выселенія евреевъ, но, напротивъ того, начальство при производившихся торгахъ на всѣ значительные и экстренные подряды и поставки, видя явную наклонность ихъ ко вреду казны, вынуждено было постоянно всѣ эти операции отдавать евреямъ, дѣлавшимъ весьма выгодное пониженіе цѣнъ“.

Управляющій краемъ кн. Васильчиковъ подтвердилъ соображенія Гессе, но все же потребовались долгія хлопоты, пока еврей-купцы первой и второй гильдіи получили (1861 г.) право постоянного жительства въ городѣ, а нѣкоторыя категоріи еврейскаго населенія—временаго.

Въ эти годы были смягчены и ограниченія, установленныя въ отношеніи Николаева, Севастополя и Ялты. Съ удаленіемъ евреевъ Николаевъ и Севастополь лишились торговаго и ремесленнаго сословія; купцамъ и ремесленникамъ изъ христіанъ были даже дарованы разныя льготы, дабы привлечь ихъ въ эти города, но, очевидно, этимъ путемъ цѣль не была достигнута, и польза отъ пребыванія евреевъ стала всѣмъ очевидной.

Въ то же время было отмѣнено выселеніе евреевъ изъ пятидесятиверстной пограничной полосы.

Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ были въ значительной степени смягчены или вовсе отмѣнены стѣснительныя мѣры, осуществленія которыхъ столь энергично добивалась высшая власть въ предшествовавшее царствованіе.

Отмѣна всѣхъ этихъ ограниченій вызывалась официальнымъ признаніемъ, что они ничего не приносили, кромѣ вреда, мѣстной торгово-промышленной жизни.

„Постепенность“, съ которой право повсемѣстнаго жительства было дано отдѣльнымъ группамъ еврейскаго населенія, оказала вліяніе на характеръ еврейскихъ общинъ, возникшихъ въ ближайшую пору. Изъ болѣе образованныхъ круговъ выходитъ за черту осѣдлости могли сравнительно немногочисленныя крупное купечество и дипломированная интеллигенція. Главная масса выходцевъ изъ черты должна была составиться изъ ремесленниковъ и нижнихъ чиновъ.

Однако, ремесленники стали медленно трогаться съ мѣстъ, между тѣмъ нижніе чины, помимо своей воли, оказались разбросанными по самымъ отдаленнымъ мѣстностямъ Имперіи, и они-то явились, въ большинствѣ случаевъ, основателями общинъ. Сплоченные условіями службы, они организовывались вокругъ „солдатскихъ моделенъ“, нерѣдко устраивавшихся въ казармахъ, и накладывали на общинную жизнь особую, въ извѣстной степени, грубую печать. Сливаясь постепенно съ ремесленниками, эти такъ называемые николаевскіе солдаты сохранили за собою господство въ общинной жизни. Позже явившимся интеллигентнымъ силамъ пришлось долго вести борьбу за общественную гегемонію, за превращеніе солдатскихъ моделенъ въ общія молитвенныя учрежденія.

Среди законовъ, препятствовавшихъ такъ называемому „слиянію“ евреевъ съ окружающимъ населеніемъ и потому намѣченныхъ гр. Киселевымъ къ скорѣйшей отмѣнѣ, на ряду съ различными стѣсненіями въ жилиществѣ заняли мѣсто тѣ правоограниченія, которыя касались государственной и общественной службы.

Вопросъ о правѣ на государственную службу былъ возбужденъ 34 воспитанниками петербургской Медико-хирургической (впослѣдствіи военно-медицинской) академіи. Они указывали, что, имѣя въ виду законъ, позволявшій принимать евреевъ на государственную службу, они поступили въ академію, но потомъ оказалось, что въ послѣднее время пріемъ евреевъ на службу прекращенъ. Между тѣмъ, говорили воспитанники академіи, взоры всего молодого еврейскаго поколѣнія устремлены на нихъ, „презрѣвшихъ впервые предубѣжденія, всякаго рода препоны и лишенія“ и посвятившихъ себя наукѣ по призыву правительства; по ихъ судьбѣ единоврѣцы будутъ судить о дѣйствительности правительственныхъ мѣропріятій къ распространенію просвѣщенія среди еврейскаго подростостающаго поколѣнія, „отверженіе ихъ доставитъ торжество фанатикамъ, повергнетъ въ уныніе благомыслящихъ“. Слова эти произвели впечатлѣніе на министровъ; однако, надо было побороть различные страхи; такъ, напр., было предложено, чтобы воспитанники академіи, принятые на казенное содержаніе, не помѣщались вмѣстѣ съ христіанами въ общежитіи, а чтобы имъ выдавались деньги на руки.

Но все же, въ концѣ концовъ, было дозволено принимать на службу, по всѣмъ вѣдомствамъ, докторовъ медицины, а также докторовъ, магистровъ и кандидатовъ по другимъ факультетамъ, но отнюдь не лекарей. Нѣсколько лѣтъ спустя извѣстный либеральный военный министръ Милютинъ рѣшился пойти навстрѣчу лекарямъ, но онъ счелъ нужнымъ произвести какъ бы анкету, обратившись къ высшимъ начальникамъ отдѣльных частей. Раздались немногіе голоса противъ допущенія евреевъ, причѣмъ мотивировалось это тѣмъ, что лекарь, врачуя тѣло, врачуетъ и духъ больного, слѣдовательно, долженъ быть способнымъ внушить къ себѣ довѣріе, а этого чувства еврей-лекарь, въ отличіе отъ еврея, удостоеннаго степени доктора, никогда не сумѣетъ возбудить. Но большинство начальниковъ частей, а также Военный совѣтъ, высказались за принятіе лекарей на службу, и за лекарями были признаны права, предоставленныя докторамъ медицины. Тогда же и прочимъ министрамъ было разрѣшено возбудить ходатайство о принятіи по ихъ вѣдомству евреевъ-врачей на службу, каковымъ правомъ и воспользовались вскорѣ министерства народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ.

Что касается общественной службы, то вопросъ былъ поставленъ въ томъ смыслѣ, чтобы производить выборы „совокупно всѣми городскими обывателями, безъ различія исповѣданія“, сохранивъ правила объ избраніи головъ лишь изъ среды христіанъ и о количественномъ преобладаніи христіанъ надъ евреями въ органахъ общественнаго самоуправленія.

Большинство властей обширнаго новороссійскаго края высказалось за то, чтобы евреи были приобщены на выборахъ къ общей массѣ городского населенія; а генераль-губернаторъ гр. Строгановъ выступилъ (1858 г.) съ предложеніемъ о расширеніи правъ евреевъ въ отношеніи участія въ городскихъ учрежденіяхъ. Гр. Строгановъ руководствовался въ данномъ случаѣ не только чувствомъ справедливости, но и жизненными требованіями: съ устраненіемъ евреевъ отъ нѣкоторыхъ должностей въ городахъ, гдѣ евреи составляли главную часть торгово-промышленнаго класса, указанныя должности, какъ было отмѣчено выше ¹⁾, заняли лица, не призванныя зако-

¹⁾ См. стр. 197.

номъ къ общественной дѣятельности. Такъ, въ концѣ 50-хъ годовъ во всѣхъ городахъ Могилевской губерніи, за исключеніемъ Могилева и Мстиславля, на постъ городского головы избирались изъ „мѣщанъ-хлѣбопашцевъ, не имѣющихъ никакого понятія о возлагаемыхъ на нихъ обязанностяхъ“. Могилевская губернія не составляла какого-либо исключенія—такъ происходило и въ другихъ губерніяхъ. Особенно вредно на интересахъ города и его населенія отражалось указанное положеніе въ болѣе крупныхъ торговыхъ центрахъ, гдѣ еврей не только въ количественномъ, но и въ культурномъ отношеніи являлись ядромъ мѣстнаго торгово-промышленнаго класса. Херсонскій губернаторъ возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи, вопреки закону, допустить избраніе еврея въ городскіе головы, такъ какъ „въ купеческомъ сословіи христіанъ въ г. Херсонѣ лица, которыя могли быть избираемы на должность градскаго главы, не получили образованія и вообще не развиты въ такой степени, чтобы, принявъ на себя обязанности представителя городского общества, могли постигнуть назначеніе свое и, управляя обширнымъ городскимъ хозяйствомъ, принести дѣйствительную пользу обществу и городу. Въ еврейскомъ же купеческомъ обществѣ въ г. Херсонѣ многіе купцы, имѣя значительное состояніе, получивъ воспитаніе и неоднократными поѣздками за границу приобрѣвъ разнообразныя познанія, пользуются общественнымъ уваженіемъ; избраніе изъ среды ихъ вполне достойнаго лица въ должность градскаго главы принесло бы существенную пользу“.

Въ это время было рѣшено подвергнуть городское общественное самоуправленіе коренному преобразованію. Въ основу реформы былъ положенъ принципъ, въ силу котораго органы городского управленія должны были вѣдать лишь дѣла, относящіяся до благосостоянія города и его населенія. Вслѣдствіе этого городское общественное управленіе освобождалось отъ судебныхъ и полицейскихъ функцій, которыя несли до этого времени члены ратушъ и магистратовъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ изъ компетенціи городскихъ учреждений исключались дѣла сословнаго характера, для которыхъ имѣлись особыя, спеціальныя учрежденія, какъ, напр., купеческія, мѣщанскія управы и др.

Въ городахъ (въ числѣ нѣсколькихъ сотъ) были образо-

ваны комиссії изъ мѣстныхъ людей, которыя должны были высказать свои заключенія касательно реформы городского управления. Имъ пришлось коснуться и вопроса о евреяхъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ комиссіяхъ засѣдали депутаты отъ еврейскаго населенія; поэтому можно думать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ они могли оказать известное влияние на сужденіе комиссій, но въ общемъ отзывы комиссій явились; конечно, голосомъ русскаго общества.

Духовный подъемъ, охватившій Россію въ ту пору, парализовалъ въ известной степени непріязненное отношеніе къ евреямъ, которое въ теченіе десятилѣтій выливалось въ законодательныя мѣры, направленныя къ униженію еврейскаго населенія. Конечно, и въ эпоху великихъ реформъ не было проявлено особой любви и дружбы къ евреямъ. Но вѣдь общественная и государственная жизнь крѣпка не любовью и дружбой, столь измѣнчивыми, а равенствомъ гражданъ въ правахъ и обязанностяхъ. А именно сознаніе этого принципа, хотя и не вошедшаго въ жизнь общества, но все же являвшагося въ его представленіи чѣмъ-то возвышенно-прекраснымъ, руководило мѣстными комиссіями при обсужденіи вопроса о правахъ евреевъ въ области городского общественнаго управления. Кажется, что ни одна изъ комиссій, созванныхъ въ губерніяхъ съ еврейскимъ населеніемъ, не высказалась за совершенное устраненіе евреевъ отъ дѣятельности, связанной съ городскимъ управленіемъ, и, повидимому, только двѣ сочли возможнымъ лишить евреевъ „права участія въ общественныхъ дѣлахъ“, сохранивъ за ними, однако, право участія въ выборахъ. Вообще комиссії отнеслись къ предоставленію евреямъ общественной дѣятельности, какъ къ явленію вполне естественному, не вызывающему никакихъ сомнѣній. Были такія, которыя не предложили никакихъ ограниченій для евреевъ, а нѣкоторыя, болѣе того, подчеркнули необходимость уравнивать евреевъ съ христианами въ городскомъ самоуправленіи. Но при этомъ, все-же, не была совершенно исключена система известнаго отчужденія евреевъ отъ христіанскаго общества и ограниченія ихъ въ избирательномъ правѣ.

Многія комиссії предложили выдѣлить изъ массы городского населенія „національныя“ группы армянъ, грековъ и другихъ. Подобную группу должны были составить и евреи,

которыя, по мнѣнію комиссій, „изолированы отчасти религіозными, не мирящимися съ христіанствомъ взглядами, а главнымъ образомъ,—способомъ отбыванія повинностей и ограниченіемъ гражданскихъ правъ ихъ“; отдѣленіе евреевъ отъ христіанъ было чаще всего обусловлено именно особымъ порядкомъ уплаты евреями повинностей, поэтому обособленіе евреевъ въ городскомъ управленіи было предложено большинствомъ комиссій только въ отношеніи мѣщанъ, но не купцовъ.

Что касается должности городского головы, то большинство комиссій обошло молчаніемъ этотъ вопросъ; 21 комиссія заявили, что голова долженъ непременно быть избранъ изъ среды христіанъ; а 8 комиссій предложили избирать въ головы, безъ различія, евреевъ и христіанъ, лишь бы евреи знали русскій языкъ и „не заставляли бы объясняться съ собой по-еврейски“.

Когда было приступлено къ реформѣ городского управления, министерство внутреннихъ дѣлъ имѣло въ виду допустить къ городскимъ должностямъ „всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ городскихъ обществъ, безъ различія вѣроисповѣданія“. Придерживаясь этого принципа, министерство отнеслось отрицательно къ выдѣленію евреевъ въ особую избирательную, вѣрнѣе, обывательскую группу. Но министерство вмѣстѣ съ тѣмъ признало основательными въ нѣкоторой степени опасенія, выраженныя большинствомъ комиссій относительно послѣдствій совершеннаго уравниванія евреевъ съ христіанами въ правахъ по участію въ общественныхъ дѣлахъ, особливо въ тѣхъ городахъ, гдѣ преобладаетъ численно еврейское населеніе. Въ виду этого было установлено, что число евреевъ среди гласныхъ думы и членовъ городской управы не должно превышать половины всего личнаго состава; евреи не могутъ избираться на должность городского головы, но участвуютъ въ его избраніи.

Этотъ проектъ, ни въ одной изъ инстанцій не встрѣтивъ возраженія по поводу евреевъ, былъ уже внесенъ въ государственный совѣтъ, когда новый министръ внутреннихъ дѣлъ А. Тимашевъ вытребовалъ обратно проектъ.

Учрежденія, вновь пересмотрѣвшія проектъ, оставили въ силѣ прежнія постановленія касательно евреевъ, но министръ

лично внесъ измѣненіе въ томъ смыслѣ, чтобы евреи, согласно дѣйствующему закону, составляли въ органахъ городского управленія не болѣе одной трети, вмѣсто прежней половины, личнаго состава.

Противъ этого измѣненія выступила канцелярія Е. И. В. и министерство финансовъ. Хотя ограниченіе участія евреевъ одной третью голосовъ—заявило министерство финансовъ—и существовало доселѣ, но едва ли удобно было бы сохранить его на будущее время, особенно въ виду тѣхъ преобразованій, которыя нынѣ получаетъ общественное управленіе; многіе города западнаго края имѣютъ значительное еврейское населеніе и, слѣдовательно, предполагаемое ограниченіе можетъ быть во многихъ случаяхъ стѣснительнымъ; съ другой стороны, оно едва ли можетъ быть оправдано какою-либо дѣйствительною необходимостью,—рѣшенія будутъ относиться одинаковымъ образомъ и къ евреямъ, и къ христіанамъ, не взирая на то, будетъ ли въ собраніи гласныхъ болѣе христіанъ или евреевъ, такъ какъ всякое одностороннее направленіе дѣлъ тотчасъ можетъ возбудить протестъ обиженной стороны. Во всякомъ случаѣ, если даже будетъ признано необходимымъ сохранить еще какую-либо норму для числа гласныхъ изъ евреевъ, то, по крайней мѣрѣ, слѣдовало бы назначить эту норму не въ размѣрѣ третьей, а половинной части, такъ какъ и при этомъ условіи интересы лицъ прочихъ исповѣданій будутъ достаточно обезпечены, тѣмъ болѣе, что предполагается не допускать евреевъ къ выбору въ городскіе головы, а въ городскую управу не избирать евреевъ въ числѣ болѣе трети личнаго состава.

Однако, предложенное министерствомъ финансовъ расширеніе правъ евреевъ не встрѣтило сочувствія. Характерно, что либеральный дѣятель городской реформы Шумахеръ привелъ въ пользу ограниченія евреевъ одной третью голосовъ тотъ доводъ, что въ то время, какъ прочіе гласные „при свойственномъ имъ равнодушіи къ общественнымъ дѣламъ явятся едва въ половинномъ числѣ“, евреи при обсужденіи дѣлъ, близко касающихся ихъ интересовъ, явятся всѣ, и благодаря этому, особенно при ихъ вліяніи на часть гласныхъ изъ христіанъ въ силу торговыхъ сношеній, легко могутъ имѣть численный перевѣсъ голосовъ...

Такимъ образомъ, Городовое Положеніе (1870 г.) сохранило старыя правила, въ силу которыхъ евреи не избирались на должность городского головы и не должны были обладать въ городскихъ учрежденіяхъ (думѣ и городской управѣ) болѣе одной трети голосовъ,—последнее ограниченіе, слѣдуетъ отмѣтить, было установлено не для однихъ евреевъ, но вообще для всѣхъ нехристіанъ.

Какъ и до того времени, благодаря ограниченію одной третью голосовъ, евреи и при Городовомъ Положеніи оставались въ смыслѣ защиты своихъ интересовъ въ менѣе благоприятныхъ условіяхъ въ сравненіи съ христіанами. Но важно было то, что отнынѣ евреи переставали быть той обособленной безправной группой, члены которой должны были встрѣчать со стороны окружающаго населенія, если не всегда презрѣніе, то почти всегда пренебреженіе и отчужденіе. Согласно же новому порядку, евреи были включены въ общую массу городского населенія; они получили голосъ при избраніи гласныхъ христіанъ и городского головы; этого было достаточно, чтобы евреи получили общественную силу, а она, какъ всякая сила, заставляла считаться съ собою,—христіане стали относиться къ евреямъ, какъ къ согражданамъ.

Помимо указанныхъ специальныхъ постановленій, давшихъ евреямъ возможность играть извѣстную роль на поприщѣ общественно-государственной службы, евреи воспользовались въ этомъ отношеніи и общими реформами, а именно земской и судебной.

Земская реформа (1864 г.), основанная на принципѣ всеобщности, не установила для евреевъ никакихъ ограниченій—ни въ отношеніи участія въ земскихъ собраніяхъ, ни въ отношеніи занятія выборныхъ земскихъ должностей. Вслѣдствіе этого уже вскорѣ отдѣльные евреи стали выдвигаться въ качествѣ земскихъ дѣтелей.

Никакихъ ограниченій для евреевъ не ввели и судебные уставы (1864 г.), положившіе конецъ судебному неустройству Россіи. Благодаря этому, не говоря уже объ адвокатурѣ, ряды которой стали вскорѣ пополняться евреями, евреи появляются также въ судебныхъ канцеляріяхъ, выступаютъ облеченными слѣдственной властью, а также въ рядахъ прокурорскаго надзора; кое-гдѣ евреи заняли и судейскія кресла,

какъ въ судебно-мировыхъ учрежденіяхъ, такъ и въ окружныхъ судахъ. Надо вспомнить, что на евреевъ была возложена также высокая гражданская обязанность участвовать въ судѣ въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей.

Переѣмна въ правительственной политикѣ по еврейскому вопросу, сказавшаяся въ смягченіи правовыхъ ограниченій, а вмѣстѣ съ тѣмъ житейское сближеніе, установившееся— въ извѣстной связи съ этимъ— между интеллигентными группами русскаго и еврейскаго общества, не остались безъ культурнаго вліянія на еврейскій бытъ.

Съ одной стороны, правительство обратилось къ новымъ мѣрамъ, долженствовавшимъ содѣйствовать такъ называемому „слиянію“ евреевъ съ окружающимъ населеніемъ, съ другой стороны— новыя условія жизни стали побуждать болѣе широкие еврейскіе круги не ограничиваться одними интересами религиозно-обрядоваго характера.

Если въ предшествующее царствованіе правительство въ дѣлѣ просвѣщенія евреевъ стремилось главнымъ образомъ къ тому, чтобы взять подъ свой контроль религиозное воспитаніе юношества, съ каковою цѣлью и были преимущественно учреждены казенныя школы, то съ конца пятидесятыхъ годовъ устанавливается тотъ взглядъ, что правительство должно снять съ себя заботу о религиозномъ воспитаніи евреевъ, ограничившись распространеніемъ среди нихъ общаго образованія.

Возникъ вопросъ— нужны ли казенныя еврейскія училища, разъ школа должна дать подрастающему поколѣнію общія знанія, а не обучать его еврейскимъ предметамъ. Было даже предположено вмѣсто казенныхъ еврейскихъ училищъ устраивать при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, въ случаѣ переполненія ихъ учащимися, параллельные классы на средства самихъ евреевъ. Министерство народнаго просвѣщенія, признавая необходимымъ привлекать евреевъ въ общія учебныя заведенія, а „не уединять обученіе ихъ въ особые училищахъ“, старалось облегчить евреямъ поступленіе въ общія учебныя заведенія.

Число евреевъ въ общихъ школахъ стало быстро возрастать. Этому содѣйствовало не только благожелательное отношеніе министерства народнаго просвѣщенія къ учащейся

молодежи, но и улучшившееся правовое и общественное положеніе, постепенно вовлекавшее все болѣе широкіе еврейскіе круги въ общую гражданскую жизнь. При всемъ томъ, врядъ ли наплывъ евреевъ въ общую школу достигъ бы такого напряженія, если бы аттестаты высшихъ учебныхъ заведеній, давая званіе кандидатовъ и другія ученыя степени, не представляли бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, также права повсемѣстнаго жительства. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ прежніе годы евреи получали высшее образованіе преимущественно на медицинскихъ факультетахъ; по введеніи же судебныхъ уставовъ они стали поступать и на юридическіе факультеты.

Мнѣніе, что дѣло религиознаго воспитанія должно быть предоставлено родителямъ, а правительству остается заботиться лишь о распространеніи свѣтскихъ знаній, проникло и въ казенныя еврейскія училища, когда ихъ педагогическій персоналъ пополнился болѣе образованными учителями-евреями; дѣйствуя въ духъ времени, послѣдніе направили свои старанія къ тому, чтобы усилить изученіе русскаго языка и сократить преподаваніе еврейскихъ предметовъ, которое велось на нѣмецкомъ языкѣ. Этому новшеству препятствовали смотрители-христіане, вообще совершенно чуждые возложенной на нихъ задачѣ. Въ свое время казенныя школы были отданы въ вѣдѣніе христіанъ только потому, что правительство не довѣряло евреямъ; этотъ страхъ предъ „фанатизмомъ“, отъ котораго будто не были свободны и болѣе образованные круги, постепенно сталъ уменьшаться, и подъ вліяніемъ знаменитаго хирурга и общественнаго дѣятеля Н. Пирогова, въ качествѣ попечителя одесскаго, а затѣмъ кievскаго учебнаго округа, много сдѣлавшаго для образованія евреевъ, было рѣшено предоставить должности смотрителей также евреямъ (1862 г.). Смотрители-евреи освѣжили училищную атмосферу, внесли въ нее культурные элементы и внушили еврейскому населенію довѣріе къ школѣ, которой боялись консервативные элементы, когда во главѣ ея стоялъ смотритель-христіанинъ.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Разногласіе между петербургскимъ и варшавскимъ правительствами по вопросу о еврейской реформѣ. — Революционное движеніе и участіе въ немъ евреевъ. — Раввинъ Майзельсъ, дѣятель возстанія. — Маркизь Вѣлепольскій настаиваетъ на необходимости уравнивать евреевъ въ правахъ съ прочимъ населеніемъ. — Требованіе, предъявленное имъ къ еврейскому населенію. — Дарованіе политическихъ и гражданскихъ правъ. — Завершеніе дѣла эмансипаціи. — Борьба въ варшавской общинѣ изъ-за кошернаго сбора.

Направивъ реформу еврейской жизни въ Имперіи по пути эмансипаціи ¹⁾, гр. Киселевъ тѣмъ самымъ вновь выдвинулъ на очередь вопросъ о евреяхъ Царства Польскаго, потому что уже неоднократно указывалось на необходимость поставить евреевъ Царства Польскаго въ такое же гражданское положеніе, въ какомъ находились ихъ собратья въ Имперіи.

Было повелѣно намѣтить, какія реформы могли бы быть немедленно осуществлены въ согласіи съ началами, принятыми въ Имперіи. Въ Петербургѣ исходили изъ политическаго соображенія, что въ виду многочисленности евреевъ было бы неудобно стѣснять ихъ старыми ограниченіями и тягостными налогами; оставлять же во главѣ этого многочисленнаго населенія, недовольнаго своимъ положеніемъ, „при тѣхъ же ограниченіяхъ евреевъ, вліятельныхъ по богатству и образованію, было бы неосторожно“. Однако, намѣстникъ противился сколько-нибудь коренной реформѣ, считая, что смягченіе ограниченій должно идти съ той же постепенностью, какъ и въ Россіи, „по мѣрѣ успѣховъ въ образованіи, или цивилизаціи, улучшенія нравственности и обращенія къ полезнымъ трудамъ“.

Министръ статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго настаивалъ на томъ, что правительство должно лишь намѣтить главнѣйшія преобразованія, а осуществленіе ихъ предоставить намѣстнику въ зависимости отъ положенія края и благосостоянія прочаго населенія. Предсѣдатель же Еврейскаго комитета возражалъ, что всѣ облегченія, дарованныя евреямъ въ Имперіи, должны быть распространены и на евреевъ Царства Польскаго и что намѣстнику не можетъ быть предо-

¹⁾ См. стр. 273.

ставлено разрѣшеніе вопроса о введеніи тѣхъ или иныхъ мѣръ, такъ какъ это право принадлежитъ государю. Изъ-за такого разногласія между петербургскимъ и варшавскимъ правительствами тормозилось дѣло реформы.

Между тѣмъ начали возбуждаться вопросы объ отмѣнѣ отдѣльныхъ ограниченій. Прежде всего заговорили о правѣ жительства.

Помимо стѣсненій внѣ городовъ, евреи подвергались и въ городахъ такимъ ограниченіямъ, которыя были извѣстны въ Имперіи лишь какъ единичныя исключенія. Изъ числа 453 городовъ края только въ 246 городахъ евреи пользовались свободой водворенія и жительства; въ 31 городѣ существовали опредѣленные кварталы, внѣ которыхъ, на подобіе Варшавы, могли жить лишь привилегированные евреи, отвѣчавшіе особымъ матеріальнымъ или культурнымъ условіямъ; въ 90 городахъ евреи или вовсе не могли жить, или только въ отдѣльныхъ частяхъ; въ пограничныхъ городахъ, число коихъ превышало сто, новое водвореніе было воспрещено. Впрочемъ, здѣсь, какъ и всюду, жизнь не всегда считалась съ бумажными требованіями, и были города, въ которыхъ евреи жили вопреки запретительнымъ привилегіямъ, и христіане не роптали.

Облегченія начались медленными шагами, причемъ приходилось считаться съ настроеніемъ государя, которое въ этихъ вопросахъ неоднократно мѣнялось. Прежде всего почувствовали свободу двѣ крайнія, по имущественному положенію, группы: отставные нижніе чины получили право водворяться въ запретныхъ городахъ въ краѣ, а купцамъ первой гильдіи было предоставлено проживать по всему пространству Россіи.

Но неожиданныя внѣшнія событія подвинули дѣло реформы. Обнаружилось революционное движеніе.

Въ краѣ шло глухое недовольство тѣмъ, что Александръ II рѣшилъ слѣдовать въ польскомъ вопросѣ по стопамъ Николая I.

Началось съ манифестацій, устраивавшихся учащейся молодежью, въ которыхъ принимала участіе многотысячная толпа. 27 февраля 1861 г. толпы демонстрантовъ были разсѣяны войсками, причемъ были убиты нѣсколько человѣкъ.

Этимъ случаемъ былъ ускоренъ ходъ событій, — отдѣльныя общественныя группы сплотились.

Представители высшаго польскаго круга были сосредоточены въ Земледѣльческомъ обществѣ, состоявшемъ подъ предсѣдательствомъ вліятельнаго гр. Замойскаго. Дѣлались попытки вовлечь Земледѣльческое общество въ политическое движеніе, но предсѣдатель общества настаивалъ на томъ, чтобы не выходить изъ границъ законности.

Шелъ споръ о посылкѣ государю адреса, въ которомъ было бы нарисовано бѣдственное положеніе страны, причемъ, по желанію нѣкоторыхъ, должно было быть указано, чего ожидаетъ польскій народъ. Мысль эта горячо поддерживалась въ купеческомъ клубѣ. Здѣсь преобладало бюргерство, мѣщанскій элементъ, представители ума и капитала, низшіе чиновники, писатели, купцы, артисты, „безъ различія происхожденія, дотомки нѣмцевъ или евреевъ, или ополячивающіеся евреи“. Уравненіе евреевъ въ правахъ съ христіанами защищаль въ то время въ своей газетѣ. извѣстный польскій писатель І. Крашевскій.

Въ пользу адреса стоялъ энергичный маркизь Вѣлепольскій; по его идеѣ адресъ должны были подписать члены Земледѣльческаго общества не какъ земледѣльцы, а какъ шляхта, и снести къ намѣстнику лично массою, а не чрезъ делегатовъ. Замойскій, однако, медлилъ съ адресомъ; тогда (26 февраля) между выдающимися лицами изъ умѣренныхъ варшавскихъ гражданъ состоялось рѣшеніе выбрать немедленно нѣсколько человѣкъ, которымъ и поручить составленіе адреса отъ Варшавы. Собраніе въ нѣсколько десятковъ человѣкъ стало выкликать самыхъ популярныхъ людей въ Варшавѣ, и на равнѣ съ Кенигомъ, отличавшимся своей полемикой противъ евреевъ, было произнесено и имя раввина Майзельса, прежде краковскаго раввина, а въ 1856 г. приглашеннаго въ Варшаву.

Кровавое событіе 27 февраля и благосклонность, которую проявилъ намѣстникъ кн. Горчаковъ по отношенію къ делегации, явившейся къ нему по поводу разстрѣла, заставили Земледѣльческое общество заняться составленіемъ адреса. А между тѣмъ былъ уже готовъ адресъ, заблаговременно написанный Вѣлепольскимъ. Среди различныхъ предложеній въ его адресѣ было указано также уравненіе евреевъ въ пра-

вахъ съ прочимъ населеніемъ. Но этотъ адресъ не былъ принятъ. Государю былъ посланъ другой, составленный въ Земледѣльческомъ обществѣ, вовсе не говорившій о желаніяхъ польскаго народа, ибо это считалось просьбой, а просьба признавалась недопустимой. На адресѣ подписалось множество людей. „На первомъ листѣ сливались состоянія: шляхетское землевладѣніе съ купечествомъ и мѣщанствомъ, христіане съ евреями“. Вслѣдъ за Замойскимъ росписался римско-католическій епископъ, а тутъ же и раввинъ Майзельсъ.

Въ часы общественнаго подъема рушились сословныя и національныя перегородки.

Это единеніе было продемонстрировано и на погребеніи жертвъ 27 февраля. За гробомъ шли члены божничнаго дозора съ раввиномъ Майзельсомъ и проповѣдникомъ Ястровымъ во главѣ; религиозныя обряды у гроба совершали сперва католическіе епископы, затѣмъ пасторы и, наконецъ, раввины.

Въ братаніи съ поляками приняла участіе лишь небольшая группа болѣе образованныхъ евреевъ; широкія массы еврейскаго населенія остались въ сторонѣ отъ движенія, и Майзельсъ всячески внушалъ своей паствѣ, что поляки друзья евреевъ. Майзельсъ дѣйствовалъ и въ пользу общаго дѣла; когда была сдѣлана попытка поднять крестьянъ противъ дворянъ, Майзельсъ старался, чрезъ посредство евреевъ, убѣдить крестьянъ, чтобы они не сомнѣвались въ намѣреніяхъ шляхты.

Въ это время ненавистный польскому обществу министръ духовныхъ дѣлъ Царства Польскаго русскій чиновникъ Му-

Раввинъ Добъ-Берушъ Майзельсъ.
(1798—1870 г.).

хановъ долженъ былъ, по требованію намѣстника, покинуть службу и тогда возникъ вопросъ, кого изъ польскаго общества назначить замѣстителемъ Муханова. Намѣстнику сообщили о книжкѣ Вѣлепольскаго, въ которой проводилась та мысль, что поляки должны отказаться отъ стремленія къ политической свободѣ и искать союза съ Россіей, который дастъ имъ возможность сохранить свою національную обособленность и развиваться соотвѣтственно историческимъ традиціямъ. Вѣлепольскій былъ вызванъ къ намѣстнику и въ первой же бесѣдѣ Вѣлепольскій, среди важнѣйшихъ преобразованій, заявилъ о необходимости уравнивать евреевъ въ правахъ съ прочимъ населеніемъ.

27 марта 1861 г. Вѣлепольскій вступилъ въ управленіе вновь учрежденной комиссіей (министерство) народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданія. Когда нѣсколько дней спустя ему представилась депутація отъ еврейской общины въ его маіоратномъ имѣніи Пинчовѣ, онъ отнесся къ ней съ особымъ вниманіемъ. „Я искренно желаю—сказалъ Вѣлепольскій—устраненія всѣхъ тяготѣющихъ на васъ стѣсненій и какъ завѣдующій вѣроисповѣданіями, и какъ юристъ. Духу гражданскаго кодекса, составляющаго звено, которое связуетъ насъ съ Европою, противны всякія изъятія отъ дѣйствія общихъ гражданскихъ законовъ. Я вовсе не раздѣляю мнѣнія самоновѣйшаго чекана, будто бы вы, предварительно достиженія равноправности, должны сойти съ пути торговой промышленности и запречь себя въ плугъ. Очень почетно званіе земледѣльца, я самъ по ремеслу земледѣлецъ, но земледѣльцевъ у насъ всегда было вдоволь, а недоставало намъ такъ называемаго средняго состоянія, котораго отъ Провидѣнія привитый намъ зародышъ, заключающійся въ васъ, пропадаетъ втунѣ. Постарайтесь этотъ зародышъ развить; въ томъ-то и заключается ваше общественное достоинство“.

Закрытіе Вѣлепольскимъ Земледѣльческаго общества вызвало въ Варшавѣ новыя массовыя демонстраціи. Послѣ погребенія одного революціоннаго дѣятеля толпа направилась на еврейское кладбище, гдѣ евреи пропѣли польскій гимнъ на могилѣ А. Эйзенбаума¹⁾, одного изъ первыхъ носителей

¹⁾ См. стр. 171.

идеи о сплоченіи евреевъ съ поляками. Далѣе процессія двинулась черезъ городъ. Въ этотъ день—8-го апрѣля—по инициативѣ Вѣлепольскаго состоялось объявленіе о томъ, что сборища будутъ, въ случаѣ необходимости, разгоняться вооруженной силой. Это распоряженіе не успѣло стать всѣмъ извѣстнымъ, и когда толпа на предложеніе разойтись отказалась, войска дали залпы вдоль главныхъ улицъ—многіе были убиты, а еще болѣе было раненыхъ; среди жертвъ оказались и евреи.

Вѣлепольскій желалъ привлечь къ себѣ Майзельса и предложилъ ему мѣсто въ педагогическомъ совѣтѣ; но Майзельсъ не согласился, — онъ остался на сторонѣ своихъ друзей, не сочувствовавшихъ политикѣ Вѣлепольскаго. Оппозиціонная печать убѣждала польское общество по прежнему смотрѣть на евреевъ, какъ на братьевъ, а Майзельсъ призывалъ евреевъ участвовать въ польскихъ религіозно-національныхъ демонстраціяхъ. И когда по распоряженію католическаго духовенства костелы были закрыты въ видѣ протеста противъ того, что власти производили тамъ аресты, представители еврейской общины, подъ вліяніемъ Майзельса, постановили прекратить богослуженіе въ синагогахъ.

Солидарность группы передовыхъ евреевъ съ польскимъ оппозиціоннымъ обществомъ не встрѣчала сочувствія въ широкихъ еврейскихъ кругахъ. Этому содѣйствовали и крайности, которыя позволяли себѣ ополяченные евреи. Одинъ изъ нихъ открылъ свою контору въ праздникъ Рошъ-га-Шана (новый годъ), и толпа евреевъ разрушила ее.

Когда послѣ кровопролитія 8 апрѣля министръ юстиціи подалъ, въ видѣ протеста, въ отставку, Вѣлепольскій занялъ его мѣсто, сохранивъ за собою министерство народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, и въ качествѣ руководителя

Маркизь А. Вѣлепольскій.

этихъ двухъ вѣдомствъ онъ сталъ проводить общанныя реформы.

На ряду съ важнѣйшимъ вопросомъ польской жизни, крестьянскимъ, Вѣлепольскій поставилъ въ первую очередь и еврейскій вопросъ. „Иудофильство маркиза было сознательное, основанное на цѣлой теоріи, выводимое изъ принциповъ 1789 года и изъ духа кодекса Наполеона, котораго онъ, какъ европеецъ, былъ горячимъ приверженцемъ и которому было противно всякое изъятіе изъ общаго правила—каждый туземецъ пользуется гражданскими правами“.

Исторія евреевъ въ Царствѣ Польскомъ неоднократно свидѣтельствуешь, что польскій господствующій классъ не хотѣлъ предоставить евреямъ не только политическія, но даже гражданскія права; отказывался не только дать евреямъ права, но даже и возбудить въ нихъ надежду на будущее.

Участіе горсти евреевъ въ демонстраціяхъ врядъ ли могло значительно содѣйствовать искорененію этого отношенія, въ основѣ котораго лежали не только узко-понимаемые экономическіе интересы страны, но и горделивое національное чувство. Желѣзный маркизь пренебрегъ этимъ общественнымъ предрасудкомъ, и дѣло еврейской эмансипаціи онъ повелъ съ той стороны, куда едва ли осмѣлился бы проникнуть менѣе сознательно-настойчивый дѣятель, чѣмъ Вѣлепольскій.

Прежде всего Вѣлепольскій постарался дать евреямъ политическія права. Выработанный имъ уставъ о выборахъ въ уѣздные и городскіе совѣты, изъ среды которыхъ должны были комплектоваться губернскіе совѣты, допустилъ къ участию въ самоуправленіи лицъ извѣстнаго ценза безъ различія состоянія и вѣроисповѣданія. Евреи, наравнѣ съ прочими, могли не только участвовать въ выборахъ, но и быть избираемыми въ губернскій совѣтъ.

Когда же этотъ проектъ былъ Высочайше утвержденъ (24 мая 1861 г.)¹⁾, Вѣлепольскій, ссылаясь на то, что евреи уже получили политическія права, разработалъ законопроектъ, долженствовавшій дать евреямъ и гражданскія права. Будучи министромъ народнаго просвѣщенія и юстиціи, Вѣлепольскій

¹⁾ Въ 1862 г. въ составъ вновь образованнаго государственнаго совѣта вошелъ извѣстный еврейскій общественный дѣятель Матіась Розень.

могъ высказаться въ рѣшительной формѣ лишь по соответствующимъ вопросамъ еврейской жизни. Однако, онъ не ограничился рамками своихъ вѣдомствъ и коснулся также тѣхъ сторонъ еврейскаго быта, которыя подлежали вѣднію другихъ учреждений.

Нарисовавъ историческую картину, какъ, вопреки законамъ, евреи были лишены политическихъ и гражданскихъ правъ въ эпоху Герцогства Варшавскаго, и какъ эта традиція была сохранена и по образованіи Царства Польскаго, Вѣлепольскій подробно остановился на обвиненіяхъ, которыя послужили основаніемъ къ отказу признать евреевъ гражданами страны¹⁾.

Евреямъ ставили въ упрекъ то, что они желаютъ возвратиться на родину своихъ предковъ, а страну, въ которой они живутъ, почитаютъ мѣстомъ изгнанія, и что, чувствуя себя отдѣльнымъ народомъ, сохраняютъ свои особенности и обычаи. Но вѣдь вѣрованіе въ возвращеніе въ обѣтованную землю, говорилъ Вѣлепольскій, въ той же мѣрѣ, какъ вѣрованіе (въ различныхъ религіяхъ) въ будущую жизнь, не можетъ ослабить сознание общественныхъ обязанностей; между тѣмъ, законодатель, лишая евреевъ благъ общности, утверждаетъ ихъ въ убѣжденіи, что они находятся въ странѣ изгнанія; обвиненіе евреевъ въ обособленности и въ томъ, что они придерживаются особыхъ обычаевъ, какъ и прежде, остается основательнымъ; но самъ законодатель, не давая евреямъ даже тѣхъ правъ, которыми пользуются иностранцы, обращаясь съ еврейскимъ населеніемъ, какъ съ чуждымъ народомъ, приводилъ именно къ тому, съ чѣмъ хотѣлъ бороться.

Второе обвиненіе заключалось въ томъ, что евреи направляютъ свои умственные силы лишь къ обману, который „составляетъ для нихъ главное ремесло“. Вѣлепольскій утверждалъ, что значительная часть евреевъ, именно бѣднѣйшаго класса, издавна занималась и продолжала заниматься обманомъ или промыслами, противными общественному порядку (контрабанда и др.); но нельзя сказать, чтобы обманъ былъ врожденной чертой племени. Ограниченіе еврейскаго насе-

¹⁾ См. стр. 156.

ления — указывалъ Вѣлепольскій — въ средствахъ къ заработку, при обременительныхъ податяхъ и сборахъ, при увеличивающихся потребностяхъ въ виду повышенія цѣнъ на жизненные припасы и жилище, влечетъ за собою нищету и вызываетъ стремленіе къ обходу законовъ, къ обману; при расширеніи свободы въ заработкахъ дѣятельность евреевъ можетъ обратиться въ полезные промыслы, а это приведетъ къ улучшенію быта еврейскаго населенія. Многочисленность ограничительныхъ постановленій, ставя евреевъ въ зависимость отъ чиновниковъ, распространяетъ среди послѣднихъ взяточничество, возбуждаетъ взаимныя жалобы. Уже давно указывалось на опасность, которою угрожаетъ странѣ ростъ еврейскаго населенія. Эта опасность, — объяснялъ Вѣлепольскій, — будетъ дѣйствительною, если евреи останутся въ своей обособленности, — „общественное благо требуетъ безотлагательнаго слиянія и уподобленія этого посторонняго во многихъ отношеніяхъ элемента общему народному единству“, что можетъ быть тѣмъ легче достигнуто, чѣмъ раньше это будетъ сдѣлано. Кажется, уже пора — заявилъ Вѣлепольскій — отказаться отъ такихъ стѣсненій, какъ ограниченія въ правѣ жительства, какъ запрещеніе приобрѣтать земельную собственность, давать свидѣтельскія показанія въ судахъ противъ христіанъ; должны быть также отменены постановленія, препятствующія еврейямъ поступать на государственную службу; слѣдовало бы также упразднить спеціальныя сборы, но финансовыя обстоятельства заставляютъ придерживаться въ этомъ отношеніи извѣстной постепенности.

Однако, если правительство распространяетъ на евреевъ общіе законы, заявилъ Вѣлепольскій, оно можетъ и должно требовать отъ евреевъ, чтобы они отвѣтили на это искреннимъ содѣйствіемъ; чтобы при полной религіозной свободѣ они „покинули все то, что въ ихъ книгахъ отличалось бы ненавистью и превратностью нравственныхъ началъ въ отношеніи другихъ исповѣданій, чтобы они покинули все то, что съ ихъ стороны носило бы печать правительства въ правительствѣ¹⁾, народа въ народѣ, а именно отдѣльное законодательство о гражданскихъ отношеніяхъ, а также раввинскіе суды“.

¹⁾ Вѣлепольскій высказался въ этомъ же смыслѣ и по поводу католическаго духовенства.

Все это относилось къ еврейямъ. Однако, реформа еврейскаго быта должна была имѣть, по мнѣнію Вѣлепольскаго, и большое значеніе для всего польскаго общества, служа источникомъ его „нравственнаго исправленія“; по отменѣ правовыхъ ограниченій, установленныхъ для евреевъ, возвысится достоинство законодательства, свободнаго отъ всѣхъ тѣхъ разногласій, которыя подкапываютъ уваженіе къ закону; вмѣстѣ съ тѣмъ возвысится въ своемъ достоинствѣ, съ одной стороны, значительная часть населенія, которая при строгости законовъ вынуждалась ихъ обходить; съ другой стороны, возвысится классъ (чиновный), значительная часть котораго торгуетъ раздачею свободъ и выгодъ, не предоставляемыхъ еврейямъ закономъ; возвысится общественная совѣсть, когда фактически осуществится провозглашаемая вѣротерпимость.

Благодаря обстоятельствамъ политическаго характера, а также и личнаго, Вѣлепольскій не нашелъ сочувствія въ польскомъ обществѣ; все, что ни дѣлалъ Вѣлепольскій въ области законодательства (аграрная, школьная и др. реформы) и въ административномъ управленіи, осуждалось. Съ другой стороны, послѣ смѣрти Горчакова, отношеніе быстро мѣнявшихся намѣстниковъ, какъ къ польскому вопросу, такъ и къ самому Вѣлепольскому, стало недоброжелательнымъ, и со стороны варшавскаго правительства Вѣлепольскій не находилъ необходимой опоры.

Намѣстникъ Сухозанетъ послалъ жалобу въ Петербургъ и сталъ ждать приказа объ отставкѣ Вѣлепольскаго; но вмѣсто того Вѣлепольскій былъ вызванъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій. Въ это время государственный совѣтъ въ Варшавѣ, въ отсутствіе своего вице-предсѣдателя Вѣлепольскаго, приступилъ къ обсужденію проекта еврейской реформы, выработаннаго Вѣлепольскимъ.

Въ государственномъ совѣтѣ была сдѣлана попытка задержать все дѣло реформы подъ тѣмъ предлогомъ, что „въ нравственномъ и умственномъ состояніи евреевъ нѣтъ той зрѣлости, которая необходима“ для уравненія ихъ въ правахъ съ христіанами. Но государственный совѣтъ единогласно отвергъ это предложеніе, заявивъ, что отменна ограниченій до такой степени своевременна, что главное основаніе проекта, допускающее евреевъ къ пользованію гра-

жданскими правами наравнѣ съ прочимъ населеніемъ, не требуетъ дальнѣйшаго оправданія, и только въ виду особыхъ взаимоотношеній между землевладѣльцами и крестьянами, подлежащихъ преобразованію, можетъ быть нѣсколько стѣснено право владѣть земельной собственностью; а вслѣдствіе неблагопріятнаго финансоваго положенія края приходится подождать съ отмѣной специальныхъ налоговъ, пока не будутъ изысканы новые источники государственныхъ доходовъ. Исходя изъ широкаго взгляда на реформу, государственный совѣтъ рѣшилъ уничтожить также тѣ ограниченія, отмѣна которыхъ не входила въ кругъ вѣдѣнія Вѣлепольскаго, какъ министра юстиціи и народнаго просвѣщенія. Кромѣ того, государственный совѣтъ исключилъ изъ законопроекта требованіе Вѣлепольскаго, чтобы право владѣнія земельной собственностью принадлежало лишь тѣмъ евреямъ, которые знаютъ польскую грамоту, такъ какъ подобнаго ограниченія не существуетъ для другихъ народностей, также не знающихъ польской грамоты.

Особые споры вызвалъ вопросъ о правѣ пользоваться еврейскимъ и разговорно-еврейскимъ языкомъ въ актахъ. Считаая, что препятствіемъ къ уничтоженію обособленности евреевъ является употребленіе „въ дѣйствіяхъ гражданской жизни“ особаго языка, Вѣлепольскій предложилъ запретить составленіе актовъ на еврейскомъ или разговорно-еврейскомъ языкѣ. Въ государственномъ совѣтѣ было сдѣлано указаніе, что евреи „имѣютъ право на уваженіе къ ихъ языку и отдѣльной народности“, что это нововведеніе чрезвычайно стѣснительно; все же запрещеніе употреблять еврейскій языкъ въ актахъ было оставлено въ силѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ было подчеркнута, что пользованіе еврейскимъ языкомъ дѣлаетъ недѣйствительнымъ предъ лицомъ суда лишь самый актъ, но отнюдь не заключающійся въ немъ договоръ.

Вѣлепольскій былъ принятъ въ Петербургѣ очень милостиво; его освободили отъ министерскихъ обязанностей, но оставили въ званіи постоянного члена государственнаго совѣта Царства Польскаго и поручили принять участіе въ законодательныхъ работахъ, которыя должны были предшествовать Высочайшему утвержденію законопроектовъ, поступавшихъ изъ Варшавы.

Благодаря этому, пользуясь большимъ вліяніемъ въ Петербургѣ, Вѣлепольскій сумѣлъ парализовать усилія оппозиціи, представленной въ государственномъ совѣтѣ и измѣнявшей различные законопроекты Вѣлепольскаго.

Впрочемъ, по еврейскому дѣлу Вѣлепольскому не пришлось бороться съ оппозиціей, потому что въ этомъ вопросѣ всѣ сошлись въ убѣжденіи, что евреямъ должны быть предоставлены права.

Образованное въ Петербургѣ для окончательнаго разрѣшенія вопросовъ еврейской реформы особое присутствіе въ составѣ высшихъ администраторовъ, при участіи Вѣлепольскаго, приняло проектъ еврейской реформы Вѣлепольскаго, дополненный государственнымъ совѣтомъ, и 24 мая 1862 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ, даровавшій еврейскому населенію свободу жительства и владѣнія земельной собственностью, а также право выступать свидѣтелями въ судѣ, причемъ были отмѣнены всякія привилегіи христіанскихъ обществъ.

Однако, и послѣ этого остались еще въ силѣ нѣкоторыя ограниченія, стѣснявшія еврейское населеніе въ занятіяхъ (фармацевтическая дѣятельность, маклерство), а также специальные подати. Совѣту управленія Царства Польскаго было повелѣно заняться пересмотромъ соотвѣтствующихъ законовъ, и нѣсколько мѣсяцевъ спустя исчезли и эти обрывки ограничительнаго законодательства. Кромѣ того, особымъ Высочайшимъ указомъ (1862 г.) былъ упраздненъ специальный налогъ, т.-е. кошерный сборъ.

Это быстрое теченіе дѣла было, вѣроятно, обязано опять-таки Вѣлепольскому, достигшему въ то время высоты власти. Постъ намѣстника занялъ великій князь Константинъ Николаевичъ, а Вѣлепольскій былъ назначенъ начальникомъ гражданскаго управленія.

Съ прибытіемъ Вѣлепольскаго въ Варшаву революціонное теченіе стало открыто принимать болѣе широкіе размѣры. Въ движеніи принялъ участіе и Майзельсъ, въ концѣ 1861 г. арестованный вмѣстѣ съ другими евреями, участвовавшими въ демонстраціяхъ, и послѣ тюремнаго заключенія высланный за границу, а позже (въ ноябрѣ 1862 г.) получив-

ший дозволеніе вернуться въ Варшаву. Однако, лишь небольшая горсть евреевъ примкнула къ революціи ¹⁾.

Вскорѣ дѣло еврейской реформы было окончательно завершено. Евреямъ Царства Польскаго, по примѣру ихъ братьевъ въ Имперіи, было дано (1866 г.) право на государственную службу. Наконецъ (1868 г.), евреямъ Царства Польскаго былъ разрѣшенъ свободный переходъ въ губерніи черты осѣдлости, а евреямъ Имперіи—въ предѣлы Царства Польскаго; тогда же на евреевъ Царства Польскаго были распространены общіе законы о правѣ извѣстныхъ категорій еврейскаго населенія на повсемѣстное жительство въ Имперіи.

Отмѣна кошернаго сбора вызвала тревоженія въ варшавской общинѣ, потому что съ упраздненіемъ сбора, поступавшаго въ казну, одновременно прекратился сборъ въ пользу общины. Возникъ вопросъ о средствахъ, необходимыхъ для нуждъ общины, и онъ сталъ тѣмъ болѣе острымъ, что народная масса считала себя въ правѣ не нести никакого налогового бремени. Недоразумѣнія изъ-за кошернаго сбора не ограничились, повидимому, одной лишь народной массой; какъ кажется, уплачивать его не хотѣли и прогрессивные круги, отказавшіеся отъ ритуальныхъ законовъ о пищѣ, но общинные заправилы требовали, чтобы налогъ взимался со всего населенія. Это можно заключить изъ того, что варшавскій городской совѣтъ объявилъ, что „употребленіе скота, убитаго ножемъ кошернымъ, не можетъ быть обязательнымъ“, что кошерный сборъ ни въ коемъ случаѣ не долженъ падать на бѣдный классъ и что община не въ правѣ взимать сборъ ни съ потребителей мяса, ни съ мясниковъ. Въ видѣ временной мѣры гминѣ было разрѣшено взимать сборъ съ птицы, но населеніе не признало и этого сбора,—воспользовавшись общимъ замѣшательствомъ, толпа (1863 г.) разогнала сборщиковъ налога и истребила официальные реестры. Тогда, по предложенію общинныхъ заправилъ, былъ введенъ сборъ съ актовъ о рожденіи, вѣнчаніи и пр., а также съ молитвенныхъ домовъ. Однако, населеніе протестовало и противъ этого налога, считая, что имъ нарушается законъ о вѣротерпимо-

¹⁾ Вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами государственнаго совѣта подалъ въ отставку и Матиасъ Розенъ въ видѣ протеста противъ дѣйствій Вѣлепольскаго, направленныхъ къ подавленію возстанія.

сти, и вскорѣ послѣдовало (1864 г.) Высочайшее повелѣніе ни подъ какимъ видомъ не допускать сбора съ мяса и птицы, такъ какъ кошерный налогъ отмѣненъ; необходимыя суммы для нуждъ общины должны собираться по раскладкѣ.

Нѣсколько лѣтъ спустя божничный дозоръ вновь возбудилъ ходатайство о введеніи кошернаго сбора. Но разрѣшеніе показало преимущество раскладки, такъ какъ при существованіи коробочнаго сбора богатый ортодоксъ удовлетворяетъ свои религиозныя чувства, платя меньше, чѣмъ по раскладкѣ, а прогрессистъ, не употребляющій кошернаго мяса, совершенно свободенъ отъ сбора; масса, чуждая всякой инициативы въ общественныхъ дѣлахъ, подчиняется волѣ руководителей, а этимъ и пользуется богатый классъ: подъ видомъ одной лишь защиты законовъ о пищѣ, онъ дѣйствуетъ въ личныхъ выгодахъ противъ бѣдныхъ; учинивъ безпорядки по поводу сбора съ птицъ, введеннаго въ заботѣ о бѣдномъ населеніи, толпа не сознавала, что подобный сборъ въ ея интересахъ, потому что птица употребляется преимущественно богатыми людьми. Въ виду этого было вновь подтверждено запрещеніе вводить кошерный сборъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Проповѣдь національной идеи, какъ противовѣсъ ассимиляціонному теченію.— Возобновленіе борьбы правительства съ обособленностью евреевъ путемъ просвѣщенія.— Послѣдніе шаги по пути эмансипаціи.— Записка Неклюдова о равноправіи евреевъ.— Начало реакціи.— Обвиненіе евреевъ въ эксплуатаціи крестьянъ.— Кончина имп. Александра II.— Погромы 1881 г.— По официальному объясненію погромы были вызваны эксплуататорской дѣятельностью евреевъ.— Графъ Игнатьевъ и проектъ новаго ограничительнаго законодательства, основаннаго на признаніи евреевъ инородцами.— Постановленія, направленныя противъ евреевъ, какъ мѣра успокоенія крестьянъ.— Обширные проекты гр. Игнатьева осуждаются комитетомъ министровъ.— „Временныя правила“ 1882 г.— Высшая комиссія по пересмотру законовъ о евреяхъ и ея выводъ, что цѣлью законодательства должно быть уравненіе евреевъ въ правахъ.— Усиленіе репрессивныхъ мѣръ.— Идея о національномъ возрожденіи.

Тѣ нѣсколько шаговъ, которые правительство сдѣлало съ трудомъ по пути эмансипаціи евреевъ, представлялись реакціоннымъ русскимъ кругамъ слишкомъ смѣлыми и скорыми,

и соотвѣтствующіе органы печати нерѣдко выступали съ рѣзкими выпадами противъ евреевъ. Съ другой стороны, успѣхи просвѣщенія въ еврейскомъ обществѣ казались правительству слабыми, недостаточными.

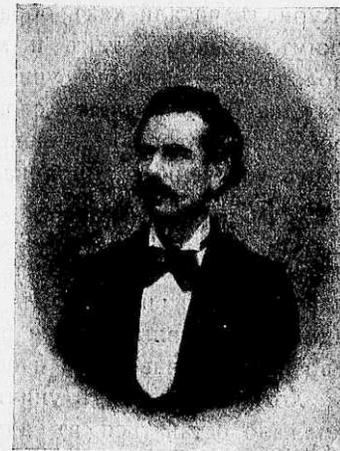
Конечно, просвѣщеніе медленно, какъ у всѣхъ народовъ, проникало въ народныя массы. А между тѣмъ въ интеллигентныхъ кругахъ просвѣтительное теченіе, въ связи съ улучшеніемъ правового и общественнаго положенія, пошло постепенно по тому направленію, которое при такихъ же условіяхъ привело евреевъ Западной Европы къ ассимиляціи съ окружающимъ господствующимъ народомъ.

Порывая съ религиозной обрядностью, еврейская интеллигенція, не находя другой связи со своимъ народомъ, всецѣло уходила отъ него и объявляла себя русскими гражданами еврейскаго вѣроисповѣданія. Уходъ отъ народа оправдывался, обычно, идеей космополитизма и сознаниемъ патріотическаго долга.

Ассимиляціонное теченіе не приняло въ Россіи такой интенсивности, какъ въ Западной Европѣ, но именно примѣръ Западной Европы заставилъ Перетца Смоленскаго посвятить себя борьбѣ съ тѣмъ явленіемъ, что просвѣщеніе, захватывая лишь небольшую часть народа, уносило интеллигенцію далеко прочь отъ широкихъ массъ, а народъ оставался въ старыхъ условіяхъ религиозно-обрядовой жизни.

Беллетристъ и публицистъ, Смоленскинъ съ одинаковой силой и безпристрастіемъ обрушивался какъ на прогрессивистовъ, забывшихъ о прошломъ и не думавшихъ о будущемъ своего народа, такъ и на консервативные круги, боявшіеся свѣта и трепета вѣчно обновляемой жизни: „Въ то время, какъ слѣпцы медленно раскрываютъ глаза и просыпаются отъ летаргическаго сна, тяготѣвшаго надъ ними долгіе годы,— тѣ, кто уже вкусилъ плодъ отъ древа знанія, закрываютъ глаза и не хотятъ знать даже родного языка... Пусть поэтому знаютъ, что какъ мое перо будетъ карать святошъ и ханжей, которые, прикрывшись плащомъ праведности, стремятся искоренить всякое знаніе изъ дома Якова, такъ оно не пощадитъ и просвѣщенныхъ ханжей, которые сладкими рѣчами стараются отдалить сыновъ Израиля отъ наслѣдія отцовъ“...

Возставая лишь противъ того, чтобы просвѣщеніе, какъ это было въ Западной Европѣ, приводило къ полной отчужденности интеллигенціи отъ народа и его духовно-національныхъ идеаловъ, Смоленскинъ, сознавая, что просвѣщеніе, основанное на здоровыхъ началахъ, лучшее орудіе, чтобы разбить цѣпь, держащую народную массу въ духовномъ оцѣпенѣніи, призывалъ русское еврейство пріобщиться къ общей культурѣ. Возражая противъ утвержденія западно-европейскихъ реформистовъ, что евреи представляютъ собою лишь религиозную конгрегацию, Смоленскинъ возставалъ и противъ того, чтобы обрядовая сторона іудаизма почиталась основой существованія еврейскаго народа. Нужна религиозная реформа — говорилъ Смоленскинъ,—но она должна не быть навязана извнѣ, а вырасти изъ народныхъ духовныхъ потребностей, которыя, въ свою очередь, могутъ быть вызваны лишь обличительнымъ словомъ и просвѣщеніемъ.

Перецъ Смоленскинъ.
(1842—1885 г.).

Все это—вопросы текущаго дня, которые должны привести въ конечной цѣли къ духовно-политическому возрожденію народа на старой родинѣ, въ Палестинѣ. Ни одинъ народъ не смѣетъ отказаться ни отъ своего прошлаго, ни отъ своего будущаго. „Они все твердятъ: надо походить на другіе народы!—говоритъ Смоленскинъ о прогрессивистахъ,— и я повторяю за ними: да, надо походить на другіе народы, подобно имъ стремиться къ знанію, и оставаясь вѣрными сынами той страны, въ которой живемъ, не стыдиться нашего происхожденія и упованія, что наступитъ конецъ нашему изгнанію. Какъ другіе народы, будемъ дорожить нашимъ языкомъ, честью нашего народа. Мы не должны краснѣть за нашъ языкъ, на которомъ пѣли наши пѣвцы и

пророки, на которомъ плакали и молились наши предки, когда, словно воду, проливали ихъ кровь... Тотъ, кто старается отдалить насъ отъ еврейскаго языка — врагъ нашего народа... Кто отказывается отъ еврейскаго языка, тотъ отрекается отъ еврейскаго народа, тотъ болѣе не принадлежитъ къ Дому Израиля!“.

✓ Смоленскій проповѣдывалъ на страницахъ своего журнала „Гашахаръ“, издававшегося (съ 1868 г.) за границей, но имѣвшаго въ виду, главнымъ образомъ, читателей въ Россіи. Журналъ читали какъ образованные круги, владѣвшіе еврейскимъ языкомъ, такъ и менѣе просвѣщенная, но чуткая молодежь — канторы, учителя, меламды и вообще юноши, жаждавшіе бодрящаго слова, и идея о національномъ возрожденіи, которую Смоленскій проповѣдывалъ со страстнымъ увлеченіемъ, проникала въ разнообразные общественные круги.

То, что народная масса не вышла изъ прежней отчужденности, считалось тѣмъ болѣе не соответствующимъ государственнымъ интересамъ, что въ представленіи не только административныхъ, но и русскихъ общественныхъ круговъ, еврейская жизнь стала наполняться страшными призраками.

Хотя кагалъ былъ уничтоженъ, еврейское населеніе продолжало оставаться въ административномъ отношеніи обособленной группой, вынужденной подчиняться внутренней административной власти. Независимо отъ этого, еврейской массой попрежнему руководилъ раввинатъ, черпавшій свою силу въ преданности народа религиозно-національной традиціи. Представители внутренней административной власти и раввинатъ шли рука объ руку, и этотъ союзъ по прежнему игралъ важную роль въ еврейской жизни.

Это явленіе признавалось правительствомъ нежелательнымъ. Однако, противъ отдѣленія евреевъ отъ прочаго населенія въ административномъ отношеніи правительство не только не принимало никакихъ мѣръ, но само, какъ извѣстно, установило такой порядокъ¹⁾. Что касается религиозно-національной обособленности, то усматривая корни ея въ господствѣ Талмуда, правительство боролось съ нею путемъ распро-

¹⁾ См. стр. 223—224.

страненія просвѣщенія, отказавшись отъ тѣхъ мѣръ, къ которымъ прибѣгали въ предшествующее царствованіе, когда удары направлялись непосредственно на Талмудъ.

Между тѣмъ въ концѣ 60-хъ годовъ на Талмудъ стали смотрѣть въ русскомъ обществѣ не какъ на основу религиозно-національнаго быта евреевъ, а какъ на „гражданско-политическій кодексъ“, идущій „противъ теченія политическаго и нравственнаго развитія христіанскихъ странъ“. Распространенію этого воззрѣнія способствовалъ крещеный еврей Я. Брафманъ, встрѣтившій въ административныхъ сферахъ исключительное довѣріе. Опириуя нѣсколькими кагалными актами, относящимися къ концу восемнадцатаго вѣка, Брафманъ, не учитывая условій еврейской жизни того времени, сталъ доказывать, будто евреи составляютъ государство въ государствѣ и что современные общіе законы не могутъ уничтожить той вредной силы, которая таится въ еврейскомъ самоуправленіи; будто организованность евреевъ не ограничивается мѣстнымъ кагаломъ, а охватываетъ еврейское населеніе всего міра, будучи сосредоточена въ извѣстномъ парижскомъ просвѣтительномъ учрежденіи Alliance Israélite Universelle, а также въ Обществѣ распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи (учрежденномъ въ 1863 г. въ Петербургѣ). Произведеніе Брафмана („Книга кагала“), напечатанное (1869 г.) на средства виленскаго учебнаго округа, а отчасти на сборы, поступавшіе съ евреевъ на нужды казенныхъ еврейскихъ школъ, было разослано по присутственнымъ мѣстамъ и получило такимъ путемъ полный авторитетъ въ глазахъ администраціи. Второе изданіе (1871 г.) было напечатано на государственныя средства, отпущенныя съ Высочайшаго разрѣшенія. Книга Брафмана пріобрѣла авторитетъ также въ прессѣ, чѣмъ значительно способствовала росту общественнаго антисемитизма.

Когда государь (1869 г.) обратилъ вниманіе на то, что евреи въ Царствѣ Польскомъ носятъ традиціонную одежду, и повелѣлъ распространить на евреевъ Царства Польскаго тѣ постановленія, которыя дѣйствовали въ этомъ отношеніи въ Имперіи, вслѣдствіе чего (въ концѣ 1870 г.) на разсмотрѣніе государственнаго совѣта поступило дѣло о воспрещеніи евреямъ носить еврейскую одежду, а еврейкамъ брить голову,

государственный совѣтъ заявилъ, что однимъ воспрещеніемъ особой еврейской одежды и бритья головы далеко еще не достигнется уничтоженіе обособленности евреевъ. Если, при постоянномъ и неослабномъ наблюдении администраціи, и исчезнетъ мало-по-малу внѣшнее отличіе ихъ отъ остального населенія, то „этимъ нисколько еще не будетъ обезпечено уничтоженіе замкнутого и даже почти враждебнаго къ христіанамъ настроенія еврейскихъ обществъ“. Общества эти составляютъ „замкнутую религіозно-гражданскую касту, или почти особое государство въ государствѣ“; независимо отъ весьма естественной, болѣе близкой между собою связи людей, принадлежащихъ къ отдѣльной народности и исповѣдующихъ особую религію, — означенному порядку вещей не мало способствуютъ и самыя постановленія законодательства о евреяхъ, почти во всемъ отдѣляющаго ихъ отъ прочихъ подданныхъ: такъ, напр., имъ „предоставлено отбывать рекрутскую повинность на основаніи особыхъ правилъ и отдѣльными отъ христіанъ участками“; еврейскимъ обществамъ разрѣшено взимать со своихъ членовъ различные сборы, какъ то: коробочный, общій и вспомогательный, свѣчной и т. п., которые имѣютъ главнымъ назначеніемъ удовлетвореніе нуждъ самихъ обществъ; для взиманія съ евреевъ податей государственныхъ существуютъ особые еврейскіе сборщики; въ отношеніи просвѣщенія, не только предоставлено обществамъ учреждать спеціальныя еврейскія училища, но даже учреждены такія же въ вѣдѣніи самого правительства, въ томъ числѣ для приготовленія учителей еврейскаго закона и раввиновъ, съ предоставленіемъ всѣмъ подобнымъ училищамъ весьма важныхъ правъ и преимуществъ.

Въ виду всего этого, — указывалъ государственный совѣтъ, — вполне понятно, что евреи не сливаются съ остальнымъ населеніемъ государства, образуя, напротивъ того, въ мѣстахъ постоянного ихъ жительства совершенно самостоятельныя, отдѣльныя отъ христіанъ общества. „Общества эти управляются обыкновенно выборными старшинами, которые, хотя и не признаются правительствомъ, тѣмъ не менѣе, пользуются посреди своихъ единомышленниковъ огромною властью, тѣмъ болѣе дѣйствительною, что къ ней присоединяется и вліяніе религіозное. Имѣя такимъ образомъ возможность направлять

не только общественную, но и частную жизнь евреевъ, старшины ихъ всемѣрно стремятся къ поддержанію въ нихъ замкнутости и фанатизма“.

Противодѣйствовать этому крайне необходимо, причемъ наиболѣе дѣйствительными средствами представляются, „съ одной стороны, ослабленіе по возможности общественной между собою связи евреевъ и злоупотребительной власти еврейскихъ старшинъ, а съ другой, — и это еще важнѣе, — распространеніе между евреями просвѣщенія, не только посредствомъ спеціальныхъ еврейскихъ училищъ, учрежденіе коихъ можетъ считаться полезнымъ лишь въ видѣ мѣры временной и переходной, — но въ особенности посредствомъ привлеченія молодыхъ евреевъ въ общія учебныя заведенія, въ которыхъ они, съ дѣтства сближаясь съ христіанами и приобрѣтая научныя свѣдѣнія, излагаемыя преподавателями безъ всякаго исключительнаго, предвзятаго направленія, легче всего теряютъ закоренѣлые еврейскіе предрасудки. Извѣстно, что въ государствахъ Западной Европы этимъ именно путемъ, и безъ особыхъ принудительныхъ мѣръ, достигли того, что евреи, если и не всездѣ слились уже съ кореннымъ населеніемъ, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлались весьма полезными гражданами и совершенно утратили всѣ особенности, рѣзко отличающія ихъ у насъ отъ другихъ подданныхъ“.

Вскорѣ была образована (1872 г.) особая междуведомственная „комиссія по устройству быта евреевъ“, задачей которой было выработать мѣры къ уничтоженію обособленности евреевъ.

Первымъ шагомъ, направленнымъ къ культурному общенію евреевъ съ христіанами, явилось преобразование еврейскихъ казенныхъ училищъ. Было признано (1873 г.), что эти школы отжили свой вѣкъ, пережили свою задачу, такъ какъ подрастающее поколѣніе, и минуя спеціальныя еврейскія школы, поступаетъ въ общія учебныя заведенія, что вообщемъ евреи уже добровольно стремятся въ общую школу; существованіе особыхъ еврейскихъ училищъ необходимо лишь въ той мѣрѣ, въ какой въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ ощущается недостатокъ въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ виду этого послѣдовало закрытіе многихъ казенныхъ еврейскихъ училищъ, а оставшіяся были преобразованы въ „еврейскія на-

чальные училища“ (во главѣ которыхъ должны были стоять исключительно евреи), по программѣ сходныя съ городскими училищами.

Одновременно раввинскія училища были преобразованы въ „еврейскіе учительскіе институты“, которые уже не должны были готовить кадры образованныхъ раввиновъ.

Такимъ образомъ, правительство отказалось отъ религіознаго воспитанія евреевъ, имѣя въ виду, что роль воспитателя сыграетъ общее образованіе; а такъ какъ было констатировано, что евреи охотно поступаютъ въ общія школы, то вопросъ объ образованіи евреевъ былъ какъ бы снятъ съ очереди, признанъ разрѣшеннымъ.

Каковы бы ни были соображенія, побудившія государственный совѣтъ рѣшительно высказаться въ пользу привлеченія евреевъ въ общую школу,—быть-можетъ, въ данномъ случаѣ сыграли роль страхи, навѣянные книгой Брафмана,—фактъ тотъ, что государственный совѣтъ считалъ необходимымъ не только дать евреямъ общее образованіе, но и предоставить имъ возможность использовать эти знанія, открыть просторъ для соотвѣтствующей дѣятельности. Предположенія о дарованіи евреямъ правъ почти всегда урѣзывались по мѣрѣ перехода законопроекта изъ одной инстанціи въ другую. Когда же возникъ вопросъ о предоставленіи права повсемѣстнаго жительства лицамъ, получившимъ извѣстное образованіе, предложеніе, въ началѣ болѣе ограниченное, стало постепенно расширяться.

Когда московскій генералъ-губернаторъ кн. Долгоруковъ возбудилъ (1867 г.) ходатайство о предоставленіи права повсемѣстнаго жительства лицамъ, имѣющимъ званіе дантистовъ и желающимъ изучить фармацію, государственный совѣтъ, высказавшись въ пользу удовлетворенія этого ходатайства, указалъ на то, что такое право слѣдовало бы дать также и болѣе широкому кругу лицъ: имѣющимъ медицинскія, фармацевтическія и ветеринарныя степени и званія, а также готовящимся къ соотвѣтствующему роду дѣятельности.

Въ это время министръ финансовъ вошелъ въ государственный совѣтъ съ представленіемъ о распространеніи на евреевъ, окончившихъ технологическій институтъ, тѣхъ правъ въ отношеніи жительства и государственной службы, которыми

пользуются лица, удостоенныя ученой степени. Тогда статсъ-секретарь Урусовъ заявилъ, что такое право должно быть по „строгой справедливости“ даровано также окончившимъ университетъ безъ ученой степени, такъ называемымъ „дѣйствительнымъ студентамъ“.

Всѣ эти предположенія и получили силу закона (1879 г.)¹⁾.

Дарованіе права повсемѣстнаго жительства указаннымъ лицамъ было послѣднимъ шагомъ правительства по пути эмансипаціи евреевъ. „Постепенность“ въ расширеніи правъ уступила мѣсто „постепенности“ въ дѣлѣ ограниченія правъ.

Общій уставъ о воинской повинности (1874 г.), распространившій обязательную службу на всѣхъ гражданъ безъ различія, не содержалъ никакихъ ограниченій для евреевъ. Но уже вскорѣ начали вводить особыя мѣры, направленные противъ уклоненія евреевъ отъ воинской повинности; евреи выдѣляются въ особую группу, члены которой несутъ другъ за друга отвѣтственность въ случаѣ уклоненія отъ службы; при недоборѣ въ средѣ еврейскаго населенія къ отбыванію повинности привлекаются лица, пользующіяся по семейному положенію льготою перваго разряда, что не примѣнялось къ христіанамъ. Въ серединѣ же семидесятыхъ годовъ, когда великія реформы, а въ частности судебная, стали подвергаться рѣзкимъ нападкамъ въ реакціонномъ лагерѣ, былъ возбужденъ вопросъ объ ограниченіи числа присяжныхъ засѣдателей изъ среды евреевъ. Такъ какъ практика не дала для этого рѣшительно никакихъ поводовъ, министръ юстиціи отказался отъ введенія какой-либо мѣры, но по настоянію министра внутреннихъ дѣлъ Тимашева число присяжныхъ засѣдателей изъ евреевъ было ограничено въ девяти западныхъ губерніяхъ: было постановлено (1877 г.), чтобы число евреевъ, вносимыхъ въ списки присяжныхъ засѣдателей, соотвѣтствовало процентному отношенію общаго числа евреевъ въ данномъ уѣздѣ ко всему мѣстному населенію.

Въ ту пору евреевъ вновь стали обвинять въ подрывѣ экономическаго положенія крестьянъ. Еврейскому народу ставилось въ вину и то, что отдѣльные евреи принимали участіе въ политическомъ движеніи.

¹⁾ Законъ о технологахъ былъ изданъ въ 1872 г.

При всемъ томъ, завѣты недавнихъ дней, столь быстро отошедшихъ въ далекое прошлое, еще были живы.

Когда одинъ изъ членовъ „комисіи по устройству быта евреевъ“, занявшись вопросомъ о жительствоѣ, составилъ проектъ, „неблагопріятный для стремленій евреевъ“, такъ какъ были приняты во вниманіе „интересы коренного русскаго и инородческаго населенія Имперіи, находящагося въ противорѣчій съ интересами евреевъ“, большинство членовъ высказалось за необходимость уравнивать евреевъ въ правѣ жительства съ прочимъ населеніемъ.

Членъ комисіи, извѣстный криминалистъ, будущій товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, занимавшій въ то время постъ старшаго юрисконсульта министерства юстиціи Н. А. Неклюдовъ (въ сотрудничествѣ съ состоявшимъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ В. Карповымъ) представилъ новый (1880 г.) проектъ, въ которомъ выступилъ не только за отмѣну черты осѣдлости, но и за полную эмансипацію евреевъ.

Согласно Высочайшей волѣ, указывалъ Неклюдовъ, отмѣна ограниченій должна послѣдовать съ извѣстной постепенностью, но это ограничительное условіе „не можетъ быть, конечно, понимаемо въ томъ смыслѣ, что предстоящая реформа еврейскаго быта должна ограничиться лишь улучшеніемъ положенія нѣкотораго и, притомъ, по возможности, незначительнаго числа евреевъ; реформа гражданскаго быта евреевъ должна заключаться въ постепенномъ уничтоженіи отдѣльныхъ группъ и категорій ограничительныхъ законовъ относительно всего еврейскаго народа вообще, а отнюдь не о созданіи льготъ и привилегій для отдѣльныхъ личностей этого населенія“.

Что касается вопроса о жительствоѣ евреевъ, то опираясь на представленія многихъ администраторовъ, Неклюдовъ доказывалъ, что торговая, промышленная и ремесленная занятія, а также посредническая дѣятельность евреевъ не должны быть признаваемы трудомъ непроизводительнымъ: торгово-промышленная дѣятельность евреевъ страдаетъ отъ существованія черты осѣдлости, и потому надо дать еврейской массѣ возможность расселиться,— „этого одинаково требуютъ не только польза самихъ евреевъ, но и въ гораздо большей мѣрѣ выгоды нееврейскаго населенія Западнаго края и тѣхъ мѣстностей внутренней Россіи, которыя нуждаются въ оживленіи

торговой и промышленной дѣятельности“. Выступая противъ обвиненія евреевъ въ эксплуатаціи окружающаго населенія, Неклюдовъ указывалъ, что, если отъ нихъ кто-либо страдаетъ, то только конкуренты, ищущіе непомянутыхъ барышей. Само же еврейское населеніе бѣдствуетъ. Право на повсемѣстное жительство, говорилъ Неклюдовъ, почитается прирожденнымъ, естественнымъ правомъ каждаго гражданина и признается таковымъ всѣми цивилизованными государствами Европы; лишеніе этого права опредѣляется лишь въ видѣ наказанія за нѣкоторыя уголовныя преступленія, но и въ этомъ случаѣ оно заключается лишь въ воспрещеніи жительства только въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ мѣстностяхъ и притомъ не вѣчно, а лишь въ теченіи срока, указанного въ судебномъ приговорѣ; „разсудокъ не допускаетъ такихъ соображеній, которыя оправдывали бы постановленіе многомилліоннаго населенія еврейскаго въ тѣ же самыя рамки, въ которыя законъ ставитъ уголовнаго преступника, и тѣмъ болѣе въ рамки болѣе худшія, въ которыхъ находится оно нынѣ, будучи вѣчно прикрѣплено къ извѣстному мѣсту“.

Этотъ докладъ, поддержанный большинствомъ членовъ комисіи, не пришелся ко двору. Могъ ли быть услышанъ голосъ въ защиту эмансипаціи, когда въ тѣ дни уже стала твердо прокладывать себѣ путь мысль, будто наплывъ евреевъ пагубно отражается на государственной школѣ? Можно ли было говорить объ отмѣнѣ черты осѣдлости, когда въ это время былъ уже сдѣланъ первый шагъ назадъ, въ сторону ограниченія евреевъ въ правѣ жительства?

Областное правленіе Области Войска Донскаго заявило, что со времени передачи Грушевской желѣзной дороги въ распоряженіе еврея-концессионера, въ краѣ стали поселяться евреи въ качествѣ поставщиковъ, ремесленниковъ, агентовъ и др.; они развили крупныя торговые обороты, особенно по каменноугольной промышленности, и вмѣстѣ съ тѣмъ вступили въ разнообразныя сдѣлки съ крестьянами; благодаря этому пріостановилось развитіе промышленности и торговли среди казаковъ, въ виду чего необходимо запретить всѣмъ евреямъ, безъ изыятія, селиться въ области. Военный совѣтъ добавилъ къ этому, что слишкомъ поспѣшная эксплуатація мѣстныхъ богатствъ и быстрое развитіе промышленности вовсе

не желательны, такъ какъ это сопровождается обогащеніемъ однихъ и обѣдненіемъ другихъ; между тѣмъ казаки должны обладать достаткомъ, такъ какъ отбываютъ воинскую повинность на собственныхъ лошадяхъ и съ собственнымъ снаряженіемъ; развитіе промышленности и торговли въ средѣ казачьяго населенія должно идти поэтому медленно, и казаки не могутъ бороться въ этомъ отношеніи съ евреями; съ другой же стороны, донскіе землевладѣльцы находятся въ весьма стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, что дастъ, молъ, евреямъ возможность сосредоточить въ своихъ рукахъ земельную собственность. Поэтому — необходимы ограничительныя мѣры.

Второе отдѣленіе Собствен. Е. И. В. канцеляріи, неоднократно выступавшее въ пользу расширенія правъ евреевъ, допуская даже, что въ отношеніи евреевъ, быть-можетъ, необходимо принять исключительныя мѣры, высказалось противъ изданія новаго спеціальнаго закона и предложило лишь временно приостановить въ отношеніи Донской Области дѣйствіе общаго закона, но военный министръ Милютинъ высказался за то, чтобы былъ изданъ постоянный законъ на все время, пока будетъ существовать военное казачье сословіе. Вслѣдствіе этого евреямъ было воспрещено водворяться и имѣть въ области постоянное жительство ¹⁾.

Предпримчивость и энергія въ экономической дѣятельности, послужившія поводомъ для указаннаго ограниченія, навлекали на евреевъ недовольство и въ другихъ случаяхъ. Особую роль сыгралъ въ еврейской жизни вопросъ о землевладѣніи, объ арендѣ различныхъ отраслей помѣщичьяго хозяйства.

Въ свое время правительство поощряло пріобрѣтеніе евреями земель, но лишь ненаселенныхъ, т. е. такихъ, на которыхъ не было крѣпостного населенія, дабы евреи не „господствовали“ надъ христіанами; а при соблюденіи условій, которыми устранялись бы дѣловыя сношенія евреевъ съ крестьянствомъ, разрѣшалась также аренда оброчныхъ статей во владѣльческихъ имѣніяхъ. Позже (1859 г.) евреямъ было

¹⁾ За исключеніемъ лицъ, имѣющихъ ученые степени доктора медицины, доктора, магистра или кандидата по прочимъ факультетамъ, и нѣкоторыхъ другихъ категорій.

дозволено арендовать земли съ крѣпостнымъ населеніемъ. Послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости подлѣ понятіе „населенныхъ земель“ были подведены помѣщичьи имѣнія, въ которыхъ существовали еще обязательныя отношенія крестьянъ, и тогда (1862 г.) евреи получили возможность пріобрѣтать земли и угодья, принадлежащія къ помѣщичьимъ имѣніямъ, въ которыхъ обязательныя отношенія крестьянъ къ владѣльцамъ прекращены. Но уже вскорѣ евреямъ было запрещено пріобрѣтать земельную собственность въ девяти западныхъ губерніяхъ ¹⁾. Одновременно евреи были лишены права арендовать указанные имѣнія и управлять ими. Евреямъ было предоставлено только арендовать корчмы и быть винокурами.

Это ограниченіе явилось однимъ изъ проявленій общей политики русскаго правительства, которое вслѣдъ за польскимъ мятежомъ направило свои усилія къ тому, чтобы рядомъ исключительныхъ законовъ для инородцевъ и введеніемъ различныхъ льготъ для лицъ русскаго происхожденія „обрусить“ польскій край путемъ расширенія въ немъ русскаго землевладѣнія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ эти мѣры объяснялись желаніемъ охранить крестьянъ отъ эксплуатаціи со стороны евреевъ.

Устраненіе евреевъ отъ земли и связанныхъ съ ней отраслей промышленности тяжело отразилось на мѣстномъ хозяйствѣ, такъ какъ въ Западномъ краѣ промышленныя и торговыя занятія находились почти исключительно въ рукахъ евреевъ. Поэтому позже евреямъ разрѣшили быть арендными содержателями или управителями мельницъ, свеклосахарныхъ, стеклянныхъ, винокуренныхъ и другихъ заводовъ, „завѣдываніе коими требуетъ техническихъ знаній и нѣкотораго оборотнаго капитала“. Но все же было подтверждено, что евреи не могутъ брать въ аренду (или въ управленіе) не только цѣлыя имѣнія, но и отдѣльныя, входящія въ ихъ составъ земли и угодья.

Были сдѣланы попытки ввести подобныя ограниченія во всемъ Юго-западномъ краѣ, но въ комиссіи по устройству быта евреевъ этотъ проектъ встрѣтилъ отрицательное отно-

¹⁾ Т. е. въ Виленской, Ковенской, Гродненской, Витебской, Минской, Могилевской, Кіевской, Волынской и Подольской.

шеніе по соображеніямъ юридическимъ, экономическимъ и политическимъ. Если правительство, уступая въ западныхъ губерніяхъ русскимъ людямъ землю на льготныхъ условіяхъ, могло диктовать имъ требованіе, чтобы они не сдавали имѣнія въ аренду евреямъ, то такое запрещеніе по отношенію къ прочимъ помѣщикамъ было бы полнымъ правонарушеніемъ. Экономическая опасность еврейской аренды вовсе не такъ велика, какъ предполагаютъ: „Евреи, арендаторы земель, въ особенности крупной поземельной собственности по долгосрочнымъ контрактамъ, несравненно менѣ вредны для населенія, чѣмъ евреи-пролетаріи. Арендаторъ по своимъ интересамъ становится вполне солидарнымъ съ интересами остальныхъ землевладѣльцевъ. Онъ преслѣдуетъ тѣ же цѣли, употребляетъ тѣ же приемы для найма рабочихъ и тѣ же сельскохозяйственные приемы для эксплуатированія земли. Правда, евреи-пролетаріи группируются около крупныхъ арендаторовъ и живутъ на счетъ труда и средствъ сельскаго населенія. Но то же самое видно и въ имѣніяхъ, управляемыхъ мѣстными помѣщиками, которые до сего времени не могутъ обходиться безъ помощи евреевъ и постоянно прибѣгаютъ къ ихъ содѣйствию при всякой сельскохозяйственной операциіи. Противодѣйствовать экономическому преобладанію еврейскаго племени можно лишь развитіемъ мѣръ экономическихъ и финансовыхъ, т.-е. устройствомъ дешеваго поземельнаго кредита, а не мѣрами, имѣющими характеръ насильственный. Затѣмъ нѣтъ никакого основанія обвинять всѣхъ безъ исключенія евреевъ-арендаторовъ въ безпощадномъ истощеніи почвы; напротивъ, есть много примѣровъ тому, что евреи ведутъ совершенно правильное и рациональное хозяйство и достигаютъ въ хозяйственномъ отношеніи блистательныхъ результатовъ. Политическія же соображенія сводились къ тому, что въ краѣ, гдѣ много поляковъ, на преданность которыхъ полагаться нельзя, не слѣдуетъ раздражать евреевъ ограниченіемъ ихъ правъ. Эти заключенія комиссіи вполне раздѣлилъ комитетъ министровъ, и его положеніе было Высочайше утверждено (1873 г.). — Два года спустя, когда зашла рѣчь о причинахъ неуспѣшности насажденія русскаго землевладѣнія въ западныхъ губерніяхъ, было предложено, между прочимъ, отмѣнить запрещеніе сдавать имѣнія въ аренду

евреямъ; однако по этому поводу возникли разногласія, и государь присоединился къ противникамъ отмѣны запрещенія.

Но вскорѣ произошли событія, давшія поводъ выдвинуть вопросъ объ арендѣ въ угрожающей формѣ, положить его въ основу новой политической программы.

Трагическая кончина Александра II (1 марта 1881 г.), усиливъ реакціонные элементы въ правящихъ кругахъ и въ обществѣ, побудила правительство импер. Александра III направить свою дѣятельность къ укрѣпленію самодержавной власти, вслѣдствіе чего многое изъ того, что было сдѣлано въ эпоху великихъ реформъ, подверглось ломкѣ. Еврейскому вопросу также предстояло въ болѣе или менѣ близкомъ будущемъ получить новое направленіе; но разразившіеся на югѣ Россіи въ апрѣлѣ 1881 г. погромы въ значительной степени ускорили перемѣну правительственной политики по отношенію къ евреямъ и вообще обострили еврейскій вопросъ.

Открытое погромное движеніе началось въ Елисаветградѣ.

Уже ранѣе по городу носились слухи о томъ, что христіанское населеніе намѣревается въ дни Пасхи разгромить евреевъ, и юдофобская печать распространяла эти толки. Въ массѣ сложилось убѣжденіе, что имущество и даже личность еврея не пользуются охраной закона; что евреевъ можно громить, что это дозволено; въ тревожной атмосферѣ, вызванной мученической кончиной имп. Александра II, легко былъ принятъ на вѣру ложный слухъ, будто есть особый царскій указъ, разрѣшающій насиліе надъ евреями. „Приказчики, служители трактировъ и гостиницъ, мастеровые, кучера, лакеи, казенные денщики, солдаты нестроевой команды—все это примкнуло къ движенію“. Толпа съ крикомъ и свистомъ беспрепятственно совершала свое разрушительное дѣло при полномъ равнодушіи обывателей-христіанъ. Войска бездѣйствовали въ ожиданіи распоряженія начальства или полиціи для каждаго отдѣльнаго случая разгрома, и это внушало громаламъ увѣренность, будто погромъ разрѣшенъ правительствомъ. Беспорядки усилились, когда изъ окрестныхъ селеній прибыли крестьяне, чтобы поживиться добромъ евреевъ. Изъ Елисаветграда движеніе перекинулось въ сосѣднія селенія; въ большинствѣ случаевъ беспорядки ограничились разгромомъ шинковъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ разгромѣ

участвовали сельскія власти; въ одномъ мѣстечкѣ буйствовавшая толпа состояла преимущественно изъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ; въ Киевѣ толпа состояла преимущественно изъ рабочаго люда, но ею руководили лица болѣе чисто одѣтыя. Погромная волна распространилась по нѣсколькимъ губерніямъ.

Освѣдомленный авторъ записки, представленной правительству извѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ бар. Г. О. Гинцбургомъ, утверждалъ, что погромы явились результатомъ искусственно вызваннаго антиеврейскаго движенія, до мельчайшихъ деталей организованнаго и обставленнаго всѣми нужными средствами для достижения задуманной цѣли. Указавъ на то, что антисемитская печать, несмотря на столь строгія цензурныя условія, открыто травила евреевъ и предвѣщала кровавую расправу, авторъ подчеркивалъ, что большинство погромовъ произошло въ пунктахъ вдоль желѣзной дороги; они совершались по шаблону: заранѣе пускали слухъ, что въ такой-то именно день будетъ погромъ; когда евреи обращались за помощью къ властямъ, имъ совѣтовали держаться осторожно, и никакія предупредительныя мѣры не принимались; въ назначенный день по желѣзной дорогѣ пріѣзжала шайка оборванцевъ, напаивалась и подъ предводительствомъ полуинтеллигентныхъ коноводовъ, имѣвшихъ заранѣе списки еврейскихъ квартиръ и торговыхъ помѣщеній, начинала разгромъ; агитаторы читали статьи изъ антисемитской газеты, увѣряя, что это указы, разрѣшающіе бить евреевъ, не обнародованные, благодаря подкупу со стороны евреевъ; евреи, рѣшавшіеся на самооборону, подвергались аресту и наказанію. Объ агентахъ, подготовлявшихъ погромы, сообщаетъ и другой современникъ. Въ Елисаветградѣ, гдѣ именно началось погромное движеніе, въ роли агитатора прибылъ нѣкій отставной статскій совѣтникъ, давшій понятя полицеймейстеру, благопріятно относившемуся ко всѣмъ иновѣрцамъ, что погромъ долженъ коснуться только евреевъ, но отнюдь не другихъ классовъ населенія (помѣщиковъ, купцовъ, нѣмецкихъ подданныхъ). Въ печати имѣются свѣдѣнія объ участіи въ погромахъ отдѣльныхъ членовъ партіи Народной Воли, но размѣры этого участія еще не выяснены. Что касается отношенія партіи Народной Воли къ погромамъ, то судя по пар-

тійному органу, члены партіи считали погромы соответствующими видамъ революціоннаго движенія; предполагалось, что погромы приучатъ народъ къ революціоннымъ выступленіямъ; нѣкоторые члены Исполнительнаго Комитета изготовили прокламацію, призывавшую къ разгрому евреевъ, но она не получила распространенія.

Изъ современныхъ органовъ прессы немногіе говорили о племенной и религіозной ненависти; остальные считали, что погромное движеніе возникло на экономической почвѣ; при этомъ одни усматривали въ буйствахъ протестъ, направленный специально противъ евреевъ въ виду ихъ экономического господства надъ русскимъ населеніемъ; другіе же органы объясняли, что народная масса, чувствуя себя вообще экономически стѣсненной, искала, на комъ излить свой гнѣвъ, и евреи, вслѣдствіе своего безправія и неблагопріятнаго общественнаго положенія, явились наиболѣе подходящимъ объектомъ для расправы. Что касается официальныхъ лицъ, то одесскій генераль-губернаторъ представилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что движенію содѣйствовали: общее колебаніе умовъ, порожденное мученической кончиною императора Александра II, нерасположеніе къ евреямъ въ виду ихъ экономической дѣятельности, а на ряду съ этимъ хозяйственное разстройство и нужда христіанской массы, вызванныя неблагопріятными условіями земледѣлія и торговли въ послѣдніе годы; наконецъ, и революціонная агитація въ послѣдующихъ фазисахъ беспорядковъ; нельзя приписать движеніе религіозной нетерпимости или корысти—хищеніемъ занимались не громилы, а зрители и окрестные крестьяне. Киевскій, подольскій и волынскій генераль-губернаторъ отрицалъ непосредственное участіе пропагандистовъ въ подготовленіи и движеніи беспорядковъ, признавая, однако, что общее возбужденное состояніе населенія обязано пропагандистамъ; въ основѣ движенія, по мнѣнію генераль-губернатора, лежала ненависть къ экономической дѣятельности евреевъ, а затѣмъ уже, можетъ-быть, отчасти и религіозная неприязнь. Командированный для разслѣдованія погромнаго движенія гр. Кутайсовъ видѣлъ основную причину въ экономической дѣятельности евреевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣчалъ слабыя стороны дѣйствій полиціи и войска, благодаря чему у массы

создавалось представлѣніе, что если само начальство не останавливаетъ нападенія на евреевъ, то это дозволено, разрѣшено самимъ царемъ, что и ставилось въ связь съ событіемъ 1-го марта.

Великій князь Владиміръ Александровичъ заявилъ 4 мая барону Г. О. Гинцбургу, что „безпорядки, какъ теперь обнаружено правительствомъ, имѣютъ своимъ источникомъ не возбужденіе исключительно противъ евреевъ, а стремленіе къ произведенію смутъ вообще“. Два дня спустя послѣдовалъ циркуляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Игнатъева, призывавшій не только представителей власти, но и общество къ искорененію крамолы; циркуляръ, между прочимъ, гласилъ: „Движеніе противъ евреевъ, проявившееся въ послѣдніе дни на югѣ, представило печальный примѣръ того, какъ люди, преданные Престолу и Отечеству, поддаваясь внушеніямъ злонамѣренныхъ, разжигающихъ дурныя страсти въ народной массѣ, впадаютъ въ своеволие и самоуправство и дѣйствуютъ, сами того не понимая, согласно замысламъ крамольниковъ. Подобныя нарушенія порядка не только должны быть строго преслѣдуемы, но и заботливо предупреждаемы: ибо первый долгъ правительства охранять безопасность населенія отъ всякаго насилія и дикаго самоуправства“. Послѣ этого, 11 мая, императоръ Александръ III заявилъ еврейской депутаціи, что погромы—дѣло рукъ анархистовъ.

Но уже вскорѣ гр. Игнатъевъ перенесъ центръ тяжести на экономическую дѣятельность евреевъ, придалъ факту погромовъ такое объясненіе, которое должно было превратить еврея изъ жертвы погромовъ въ ихъ виновника.

„Признавая вредныя для христіанскаго населенія страны послѣдствія экономической дѣятельности евреевъ, ихъ племенной замкнутости и религіознаго фанатизма,—гласилъ его всеподданнѣйшій докладъ 21 августа 1881 г.—правительство въ послѣднія 20 лѣтъ цѣлымъ рядомъ предпринятыхъ мѣръ старалось способствовать сліянію евреевъ съ остальнымъ населеніемъ и почти уравнило евреевъ въ правахъ съ коренными жителями“. Между тѣмъ анти-еврейское движеніе „нео-провержимо доказываетъ, что, несмотря на всѣ старанія правительства, ненормальность отношеній между еврейскимъ и

кореннымъ населеніемъ этихъ мѣстностей продолжаетъ существовать попрежнему“. Главная причина погромовъ коренится, по словамъ Игнатъева, въ обстоятельствахъ экономического характера: евреи за послѣднія двадцать лѣтъ—т.-е. со времени смягченія правовыхъ ограниченій—захватили въ свои руки не только торговлю и промыслы, но приобрѣли значительную поземельную собственность, „причемъ, благодаря сплоченности и солидарности, они, за немногими исключеніями, направили всѣ свои усилія не къ увеличенію производительныхъ силъ государства, а къ эксплуатаціи преимущественно бѣднѣйшихъ классовъ окружающаго населенія... Подавивъ энергично бывшіе безпорядки и самоуправство для огражденія евреевъ отъ насилія, правительство признаетъ справедливымъ и неотложнымъ принять не менѣе энергичныя мѣры къ устраненію нынѣшнихъ ненормальныхъ условий, существующихъ между коренными жителями и евреями, и для огражденія населенія отъ той вредной дѣятельности евреевъ, которая, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, вызвала волненіе“.

Гр. Игнатъевъ учредилъ въ губерніяхъ черты осѣдлости особыя комиссіи, которыя должны были отвѣтить, главнымъ образомъ, на вопросы, поставленные министромъ въ такой формѣ, которая заранѣе опредѣлила характеръ отвѣтовъ. Но и при этихъ благопріятныхъ условіяхъ гр. Игнатъевъ не намѣревался считаться съ сужденіями комиссіи. Еще до полученія отъ нихъ матеріаловъ Игнатъевымъ былъ учрежденъ для обсужденія еврейскаго вопроса во всей его совокупности особый „комитетъ о евреяхъ“, который спѣшно приступилъ къ работѣ.

Вновь образованный комитетъ, руководимый товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ Готовцевымъ и состоявшій изъ четырехъ-пяти лицъ, формулировалъ новую точку зрѣнія на еврейское населеніе, которой правительство должно было бы впредь придерживаться, согласно давнему укладу русской государственной жизни.

„Недавнія прискорбныя столкновенія кореннаго населенія съ евреями и трудность разрѣшенія запутаннаго еврейскаго вопроса вынуждаютъ обратиться за указаніями къ старинѣ, къ тому времени, когда разныя новшества еще не проникли ни въ чужеземное, ни въ наше законодательство и не успѣли

еще принести съ собой тѣхъ печальныхъ послѣдствій, которыя обыкновенно наступаютъ, когда къ данной странѣ, къ данному обществу примѣняются начала, противныя духу народному“. Евреи издавна почитаются въ Россіи инородцами, а между тѣмъ имъ предоставлены права, которыя не должны принадлежать имъ, какъ таковымъ: „отказаться поэтому отъ не принесшихъ пользы новшествъ въ воззрѣніяхъ и строго придерживаться выработанныхъ всей предшешей исторіей государства началъ, выраженныхъ въ стародавнемъ законѣ, по которому евреи считаются инородцами, казалось бы, и есть тотъ путь, котораго слѣдовало бы держаться въ осложнившемся еврейскомъ вопросѣ“.

Въ связи съ этимъ была выработана обширная программа репрессій. Эти мѣры, проходя обычнымъ законодательнымъ порядкомъ, потребовали бы много времени, а между тѣмъ хотѣлось „наглядно показать сельскому населенію, что правительство заботится объ огражденіи его отъ эксплуатаціи евреевъ“. Поэтому комитетъ разбилъ намѣченныя мѣры на двѣ категоріи: „временныя-предупредительныя“, подлежащія немедленному осуществленію, внѣ обычнаго законодательнаго порядка, и „основныя-законодательныя“, которыя слѣдовало провести установленнымъ путемъ. Первой группѣ было дано наименованіе „временныя“ въ ожиданіи не того, что эти мѣры будутъ вскорѣ упразднены, а что въ близкомъ будущемъ онѣ составятъ часть новаго ограничительнаго законодательства.

Важнѣйшимъ изъ проектированныхъ правилъ являлось воспрещеніе евреямъ жительства внѣ городовъ и мѣстечекъ и производства тамъ питейной торговли. Мѣру освобожденія уѣздовъ отъ евреевъ комитетъ возложилъ на крестьянъ, предоставивъ сельскимъ обществамъ право выселять евреевъ по приговорамъ, принятымъ сходами простымъ большинствомъ голосовъ, а не $\frac{2}{3}$, какъ то требовалось для выселенія крестьянъ; сельскимъ обществамъ было также разрѣшено ходатайствовать о выселеніи евреевъ изъ помѣщичьихъ имѣній.

Другой важной мѣрой являлось запрещеніе владѣть или пользоваться землей (кроме городской) — подъ какимъ бы то ни было видомъ, а также заниматься винными промыслами.

Опасаясь, повидимому, встрѣтить въ комитетѣ министровъ оппозицію, графъ Игнатъевъ пытался убѣдить его председателя Рейтерна, что предлагаемыя спѣшныя мѣры — главнымъ образомъ выселеніе евреевъ изъ сельскихъ мѣстностей — не являются по существу новыми, а потому нѣтъ необходимости предварительно ознакомить съ ними подлежащихъ министровъ. Но Рейтернъ не согласился, и опасенія Игнатъева сбылись.

Противъ его проекта съ сильной критикой выступилъ министръ финансовъ Бунге.

„Надлежитъ сознаться, заявилъ Бунге, — что предлагаемыя мѣры не могутъ не возбуждать, при самомъ правильномъ исполненіи ихъ, весьма существенныхъ возраженій, особенно при томъ условіи, что онѣ предполагаются къ осуществленію немедленно и не какъ органической законъ, а въ видѣ временныхъ правилъ, хотя правила эти должны примѣняться къ цѣлымъ сотнямъ тысячъ людей, имѣющихъ весьма обширныя торговыя сношенія и сдѣлки и съ участіемъ которыхъ связаны, въ большинствѣ случаевъ, интересы и христіанскаго населенія“.

Торгово-промышленное значеніе евреевъ „было причиною замѣчаемаго неоднократно колебанія въ правительственныхъ распоряженіяхъ относительно евреевъ“; неоднократно противъ евреевъ предписывались самыя крутыя мѣры и тѣмъ не менѣе мѣры эти въ послѣдствіи отмѣнялись, что происходило, „безъ сомнѣнія, не отъ слабости Правительства, а по причинамъ, оправдывавшимся высшими государственными соображеніями... Многія изъ установленныхъ ограниченій были отмѣняемы, такъ какъ практика указывала, что эти ограниченія даютъ только поводъ къ злоупотребленіямъ низшихъ властей, не принося существенной пользы государству“...

Допуская даже, что нежелательно оставленіе евреевъ въ селеніяхъ „нельзя не согласиться, что едва ли было бы удобно сразу установить такія мѣры, послѣдствіемъ которыхъ было бы неизбежное разореніе многихъ лицъ“. Воспрещеніе евреямъ торговли въ селеніяхъ и изгнаніе ихъ оттуда по приговорамъ крестьянскихъ обществъ можетъ причинить вредъ торговлѣ и вызвать громадныя убытки, а вмѣстѣ съ тѣмъ — „дастъ поводъ къ разнаго рода злоупотребленіямъ“

со стороны крестьянских обществъ, отдавая въ полный произволь еврейское население“. Къ тому же выселеніе евреевъ въ города можетъ поставить въ затрудненіе не только переселенцевъ, но и жителей городовъ; наконецъ, „настоящая крутая мѣра несомнѣнно причинитъ еще большія затрудненія для правительства и усложнитъ въ политическомъ отношеніи положеніе государства, создавая массу недовольныхъ лицъ не только между евреями, но и между прочимъ населеніемъ, имѣвшимъ торговля сношенія съ ними... и нисколько не содѣйствуя улучшенію взаимныхъ отношеній евреевъ съ кореннымъ населеніемъ, а, напротивъ, еще болѣе усиливая вражду первыхъ, что, безъ сомнѣнія, никакъ нельзя признать цѣлью, къ которой должно стремиться правительство“.

Вообще же мѣры,—подчеркнулъ Бунге,—которыми измѣняются существующія постановленія, не могутъ быть приняты безъ разсмотрѣнія ихъ въ законодательномъ порядкѣ; было бы осторожнѣе, не приступая къ разсмотрѣнію мѣръ, предлагаемыхъ гр. Игнатъевымъ, подвергнуть ихъ обсужденію въ государственномъ совѣтѣ.

Понявъ, что Бунге разрушилъ широкіе его замыслы, гр. Игнатъевъ пошелъ на уступки: онъ отказался отъ выселенія евреевъ изъ сель и деревень, заявивъ, что считаетъ достаточнымъ воспрещеніе имъ впредь тамъ водворяться. Этой поправкой были въ значительной степени смягчены „временныя правила“, такъ какъ тяжесть ихъ заключалась, главнымъ образомъ, въ насильственномъ удаленіи еврейской массы изъ уѣздовъ, противъ чего на протяженіи восьмидесяти лѣтъ многократно высказывались виднѣйшіе администраторы. Но опасаясь, что и это предложеніе не будетъ принято, гр. Игнатъевъ, въ цѣляхъ воздѣйствія на комитетъ министровъ, заявилъ, что, по сообщеніямъ генераль-губернаторовъ, отсрочка въ принятіи мѣръ противъ евреевъ угрожаетъ новыми погромами. Тогда комитетъ согласился на запрещеніе евреямъ впредь поселяться въ деревняхъ, такъ какъ эта мѣра не нарушала правъ тѣхъ, кто тамъ уже жилъ, а затѣмъ ею предотвращался дальнѣйшій наплывъ евреевъ въ уѣзды, что, при тогдашнихъ условіяхъ, могло бы вызвать возобновленіе беспорядковъ.

Комитетъ также принялъ предложеніе о томъ, чтобы ев-

реямъ сейчасъ же было запрещено вновь вступать во владѣніе или пользованіе недвижимымъ имуществомъ внѣ городовъ и мѣстечекъ, такъ какъ пока состоится пересмотръ законовъ о евреяхъ, многіе евреи, опасаясь возможнаго запрета, поспѣшатъ пріобрѣсти новыя имѣнія.

Что касается воспрещенія евреямъ производить питейную торговлю, то эта мѣра, несмотря на то, что гр. Игнатъевъ настаивалъ на ней, была отвергнута.

Изъ первоначальнаго обширнаго проекта гр. Игнатъева осталось сравнительно немного.

Но предстоялъ еще общій пересмотръ законовъ о евреяхъ, порученный комитету Готовцева. Комитетъ министровъ рѣшилъ парализовать его дѣятельность и съ этой цѣлью предложилъ учредить новый комитетъ, особую высшую комиссію, подъ предсѣдательствомъ лица, назначеннаго государемъ. „Временныя правила“ были 3 мая 1882 г. Высочайше утверждены.

Согласившись на изданіе „Временныхъ правилъ“, чтобы удовлетворить, въ виду чрезвычайно тревожнаго настроенія въ странѣ, извѣстныя правительственныя и общественныя круги, комитетъ министровъ вмѣстѣ съ тѣмъ доложилъ государю, что представляется „существенно необходимымъ, путемъ правительственнаго сообщенія, дать знать подлежащимъ губернскимъ начальствамъ, что на ихъ отвѣтственность возлагается своевременное принятіе предупредительныхъ мѣръ“ противъ возобновленія погромовъ. Это и было Высочайше утверждено. Однако, если „Временныя правила“ были опубликованы уже 12 мая, то циркуляръ объ отвѣтственности мѣстныхъ властей за беспорядки былъ изданъ лишь мѣсяць спустя, когда гр. Игнатъевъ уже покинулъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Разработка законодательства о евреяхъ была передана образованной въ 1883 г. междувѣдомственной „Высшей комиссіи“, предсѣдателемъ которой былъ по Высочайшему повелѣнію назначенъ графъ К. И. Палень.

Послѣ пятилѣтняго изученія вопроса она высказала слово, которое явилось въ условіяхъ того времени протестомъ противъ надвинувшейся реакціи. Отвергнувъ анти-государственную точку зрѣнія на евреевъ, предложенную комитетомъ Готов-

цева, Высшая комиссія твердо заявила, что и законъ страны, и чувство справедливости, и наука государственнаго права поучаютъ, что всѣ подданные находятся подъ общимъ покровительствомъ законовъ, всѣ они имѣютъ одинаковыя гражданскія права, всѣ они пользуются свободою передвиженія и жительства. Когда населеніе нарушаетъ долгъ присяги, правительство, подавивъ даже вооруженное возстаніе, налагаетъ на него только временно нѣкоторыя ограниченія. Но сила этой кары не можетъ идти въ сравненіе съ ограниченіями, установленными для еврейскаго населенія: они имѣютъ характеръ безсрочной мѣры, хотя евреи по преимуществу мирный народъ. Если въ силу своего исключительнаго положенія, вызваннаго ограничительнымъ законодательствомъ, евреи и не выполняютъ государственныхъ обязанностей въ равной мѣрѣ съ другими подданными, то все же нельзя „лишать еврея тѣхъ основъ, на которыхъ зиждется его бытіе, его равноправіе, какъ подданнаго, его свобода, какъ гражданина“. И вотъ почему, даже соглашаясь съ тѣмъ, что нѣкоторыя стороны внутренней еврейской жизни требуютъ реформы, что отдѣльные виды дѣятельности евреевъ представляютъ эксплуатацію окружающаго населенія, Высшая комиссія пришла къ заключенію, что хотя при разрѣшеніи еврейскаго вопроса нужно соблюдать „постепенность и осторожность“, все же цѣлью законодательства можетъ служить лишь одно— „постепенное у р а в н е н і е правъ евреевъ со всѣми другими подданными Имперіи“.

Не слѣдуетъ забывать,—гласила записка комиссії, — что, несмотря на самые сильные ограничительные законы, несмотря на цѣлыя десятилѣтія самаго суроваго взгляда на евреевъ, русское законодательство все-таки представляетъ постепенный рядъ смягченій. „Въ этомъ прогрессѣ проявилась сама жизнь, ростъ просвѣщенія и культуры, и едва ли есть сила, могущая остановить это движеніе, могущая поставить ему преграду. Сама исторія законодательства, несмотря на то, что она слагалась, большей частью, подъ влияніемъ самаго суроваго взгляда на евреевъ, учитъ насъ, что существуетъ лишь одинъ исходъ и одинъ путь — правда, медленный и постепенный, это — путь освободительный и объединяющій евреевъ со всѣмъ населеніемъ подъ сѣнью

однихъ и тѣхъ же законовъ. Обо всемъ этомъ свидѣтельствуетъ не теорія или доктрина, но живая, столѣтняя практика... Конечная цѣль законодательства о евреяхъ, такимъ образомъ, не что иное, какъ его упраздненіе, вызванное требованіемъ жизни, ходомъ просвѣщенія и образованіемъ народныхъ массъ“.

Этотъ призывъ не нашель отклика. Законодательство о евреяхъ пошло вспять. Евреи стали подвергаться всяческимъ стѣсненіямъ и правоограниченіямъ. Ихъ устранили отъ участія въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи; процентная норма уничтожила прежнюю свободу поступленія въ высшія учебныя заведенія; зачисленіе въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ было поставлено въ полную зависимость отъ усмотрѣнія министра юстиціи; въ отдѣльных мѣстностяхъ, за предѣлами черты осѣдлости, право жительства стало подвергаться ограниченіямъ, въ связи съ чѣмъ послѣдовали массовыя принудительныя выселенія.

Однако, наиболѣе чувствительнымъ для широкихъ слоевъ еврейскаго народа оказались не столько эти и другія подобныя мѣропріятія, сколько административныя распоряженія, клонившіяся къ болѣе строгому исполненію ограничительныхъ законовъ. Особенно сурово были использованы администраціей „Временныя правила“ 1882 г.; хотя этотъ законъ запретилъ лишь новое поселеніе въ деревняхъ, фактически стали выселять евреевъ, давно осѣвшихъ тамъ.

Погромы и преслѣдованія вызвали въ еврейскомъ населеніи стихійную эмиграцію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ печальныя событія произвели глубокой переломъ въ общественныхъ взглядахъ и во внутреннемъ настроеніи извѣстныхъ круговъ еврейской интеллигенціи. Въ эти тяжелые годы поколебалась надежда на то, что возможно братское единеніе съ окружающими народами. Въ мукахъ тяжкаго испытанія возродилась вѣра, что возможно зажить новой національной жизнью на своей землѣ.

Возникъ вопросъ: куда идти? и раздались два голоса, оба проникнутые скорбнымъ сознаніемъ, что евреи навсегда останутся чужими среди другихъ народовъ, что еврейскій народъ долженъ создать для себя національное убѣжище.

Писатель М. Лиліенблюмъ, уже извѣстный какъ борецъ

за религиозную реформу, за сочетание религиозныхъ предписаній съ потребностями современной жизни, сталъ звать на древнюю родину, въ Палестину. А почти невѣдомый въ то время обществу, но вскорѣ пріобрѣтшій очень популярное имя, одесскій врачъ Л. Пинскеръ, одинъ изъ дѣятелей „Разсвѣта“ шестидесятыхъ годовъ, выступилъ съ призывомъ идти

М. Лиліенблюмъ (1843—1910).

въ любую страну, которая встрѣтитъ евреевъ гостепрѣимно и окажется пригодной для колонизаціи.

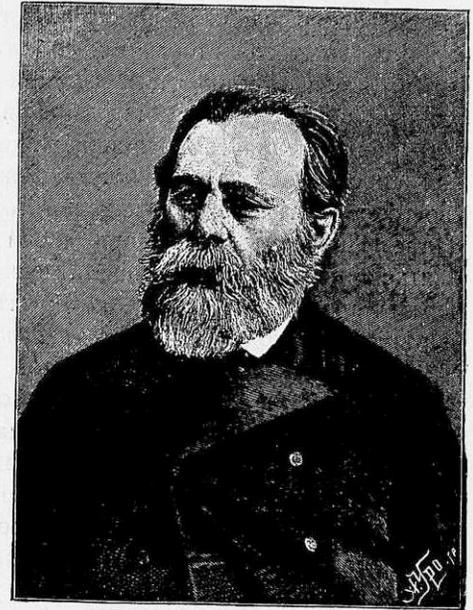
Лозунгъ Лиліенблюма „въ Палестину!“, объединивъ, какъ идейное теченіе, рядъ писателей и общественныхъ дѣятелей, казался и въ практическомъ отношеніи легче осуществимымъ, и онъ получилъ господство. Перецъ Смоленскинъ, еще недавно говорившій о возрожденіи еврейскаго народа на почвѣ Палестины, какъ о чемъ-то крайне отдаленномъ, примкнулъ къ движению, направленному къ

практическому осуществленію вѣковой мечты, къ заселенію Палестины евреями. И самъ Пинскеръ вскорѣ вступилъ въ ряды палестинофиловъ и сталъ официальнымъ руководителемъ палестинофильскаго движенія.

Практическіе результаты этой дѣятельности были скромны, но ихъ значеніе, какъ психологическаго фактора въ національномъ движеніи, несомнѣнно велико. При всемъ томъ, сила призыва Смоленскина, Лиліенблюма, Пинскера и ихъ единомышленниковъ оцѣнивается не итогомъ колонизаціонной работы, а тѣмъ національнымъ чувствомъ, которое они пробудили въ разнообразныхъ слояхъ еврейскаго народа.

И въ этомъ отношеніи важнымъ памятникомъ того историческаго момента является брошюра Пинскера: „Автоэмансипація“¹⁾,—въ ней ярче, чѣмъ у другихъ проповѣдниковъ той же идеи, опредѣлились характерныя черты перелома въ общественной мысли.

Вѣра въ эмансипацію—если не правовую, то общественную—рухнула, и мучительное разочарованіе заставило покориться мечтѣ, при полномъ сознаніи всѣхъ трудностей, лежащихъ на пути къ ея осуществленію; и именно необходимость преодолѣть такія затрудненія, которыя представлялись непреодолимыми, побуждала сжигать за собою корабли, гасить въ себѣ малѣйшіе отблески старой вѣры въ братство народовъ.

Л. Пинскеръ (1821—1891 г.).

Евреи, говорилъ Пинскеръ, среди народовъ, съ которыми они живутъ, фактически составляютъ чуждый элементъ, который не можетъ ассимилироваться ни съ одной націей, вслѣдствіе чего ни одной націей не можетъ быть терпимъ. На ряду съ другими бессознательными суевѣрными представленіями, инстинктами, предубѣжденіями и юдофобія получила право гражданства у всѣхъ народовъ, съ которыми евреи вступали въ сношеніе. Надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что евреи—„избранный народъ“ для всеобщей ненависти. Пусть народы расходятся въ своихъ стремленіяхъ и

¹⁾ Издана въ 1882 году анонимно за границей на нѣмецкомъ языкѣ.

инстинктахъ—въ своей ненависти къ евреямъ они протягиваютъ другъ другу руки. Въ какой степени и формѣ проявляется нерасположеніе къ евреямъ—это зависитъ отъ культурности того или другого народа, но сущность этого нерасположенія повсюду остается одной и той же, ничуть не измѣняясь, проявляется ли оно въ формѣ насилія, завистливой ненависти, или же скрывается подъ личиной терпимости и покровительства. Просвѣщенные люди готовы даровать еврею всѣ гражданскія права, но они все же никогда не дойдутъ до того, чтобы въ своемъ согражданинѣ забыть еврея. Законодательная эмансипація евреевъ—это кульминаціонный пунктъ успѣха. Но законодательная эмансипація не есть общественная эмансипація, и съ провозглашеніемъ первой евреи еще не освобождаются отъ исключительности своего общественнаго положенія. А между тѣмъ, говорилъ далѣе Пинскеръ, благодаря своей способности приспособляться, евреи легко усвоили чуждыя имъ оригинальныя черты народовъ, въ среду которыхъ судьба ихъ забросила. Нерѣдко въ угоду тѣмъ, кто давалъ имъ кровъ, они отказывались отъ своей традиціонной индивидуальности. Они усвоили (скорѣе затвердили) извѣстныя космополитическія тенденціи, которыя такъ же мало ихъ удовлетворяли, какъ и мало убѣждали въ чемъ-либо другихъ. Стараясь слиться съ другими народами, они до извѣстной степени легкомысленно пожертвовали своей національностью и, однако, нигдѣ не добились того, чтобы сограждане признали ихъ равными себѣ коренными жителями. Что болѣе всего удерживаетъ евреевъ отъ стремленія къ самостоятельному существованію — это отсутствіе въ нихъ такой потребности. И причина всѣхъ бѣдствій евреевъ заключается прежде всего въ отсутствіи въ нихъ стремленія къ національной самостоятельности. Вотъ почему это стремленіе нужно во что бы ни стало пробудить и поддерживать въ нихъ, иначе они вѣчно будутъ влачить позорное существованіе. Евреи должны стать націей, а для этого имъ необходимо имѣть правоохраненное національное убѣжище.

Въ жизни народовъ, говорилъ Пинскеръ, какъ и въ жизни отдѣльныхъ людей, бываютъ моменты особенной важности, которые не часто повторяются, и которые—все равно, восполь-

зуются ими или нѣтъ,—имѣютъ рѣшительное вліяніе на ихъ будущность: „Мы переживаемъ теперь такой моментъ. Сознаніе народа пробудилось. Великія идеи 18-го и 19-го вѣковъ не прошли безслѣдно и для нашего народа. Мы себя чувствуемъ не только евреями, мы себя чувствуемъ людьми и мы хотимъ жить, какъ люди, быть націей подобно другимъ. И если мы этого серьезно желаемъ, то прежде всего, мы должны освободиться изъ-подъ ига и мужественно воспрянуть, а для этого необходимо, чтобы мы захотѣли сами себѣ помочь“.

Идея о политическомъ возрожденіи народа увлекла въ ту пору за собою лишь незначительную группу интеллигенціи. Призывъ же къ самопомощи пробудилъ много дремавшихъ силъ, и сознаніе національнаго достоинства и національныхъ задачъ облегчило встрѣчу съ тяжелыми временами.

Важнѣйшіе источники.

- С. А. Бершадскій.** Литовскіе евреи. Спб., 1883 г.
— Положеніе о евреяхъ (Восходъ, 1895 г., кн. 1, 3, 4, 6).
- М. Л. Вишницеръ.** Проекты реформы еврейскаго быта въ Герцогствѣ Варшавскомъ и Царствѣ Польскомъ (сборн. „Пережитое“, т. I).
- К. Г. Воблій.** Очерки по исторіи польской фабричной промышленности, т. I. Кіевъ, 1909 г.
- Юлій Гессенъ.** Евреи въ Россіи. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русскихъ евреевъ. Спб., 1906 г.
— Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ. Велижская драма. Спб., 1905 г.
— Въ эфемерномъ государствѣ. Евреи въ Герцогствѣ Варшавскомъ. Спб., 1910 г.
— Законъ и жизнь. Какъ созидались ограничительные законы о жительствѣ евреевъ въ Россіи. Спб., 1911 г.
— Кровавый навѣтъ въ Россіи. Москва, 1912 г.
— Къ исторіи коробочнаго сбора въ Россіи. Спб., 1912 г.
— „Депутаты еврейскаго народа“ при Александрѣ I. (Еврейская Старина, 1909 г., вып. III и IV).
— Попытка эмансипаціи евреевъ въ Россіи (сборн. „Пережитое“, т. I).
— Смѣна общественныхъ теченій (сборн. „Пережитое“, т. III).
— Изъ сороковыхъ годовъ. Графъ П. Киселевъ и Моисей Монтефіоре (сборн. „Пережитое“, т. IV).
- С. М. Гинзбургъ.** Къ семидесятилѣтію „Теудо-Беисроэль“ („Восходъ“, 1898 г., кн. IV и V).
— Забытая эпоха („Восходъ“, 1896 г.).

- Отечественная война 1812 года и русские евреи. Спб., 1912 г.
- Князь Н. Голицынъ.** Исторія русскаго законодательства о евреяхъ. Спб., 1886 г.
- М. Готтлибъ.** П. М. Смоленскинъ, его жизнь и литературная дѣятельность. Спб., 1899 г.
- С. М. Дубновъ.** Исторія хасидскаго раскола („Восходъ“, 1890 и 1891 гг.).
- Историческія сообщенія („Восходъ“, 1894 г. кн. II).
- Еврейская Польша въ эпоху раздѣловъ (Еврейская Старина, 1909 г., вып. III).
- Евреи въ Россіи въ эпоху европейской реакціи (Еврейская Старина, 1912 г., вып. IV).
- Еврейская энциклопедія** (I—XVI т.).
- Kandel, Dawid.** Komitet starozakonnych (Kwartalnik Zydów w Polsce, 1912 г., кн. 2).
- Х. Коробковъ.** Экономическая роль евреевъ въ Польшѣ въ концѣ XVIII в. (Еврейская Старина, 1910 г., вып. III).
- Экономическая роль евреевъ въ „конгрессномъ“ Царствѣ Польскомъ (Еврейская Старина, 1910 г., вып. I).
- Еврейская рекрутчина въ царствованіе Николая I (Еврейская Старина, 1913 г., вып. I и II).
- С. Кутшеба.** Очеркъ исторіи государственнаго и общественнаго строя Польши. Спб., 1907 г.
- Г. Литовскій.** Участіе русскихъ евреевъ въ отправленіи правосудія (сборн. „Пережитое“, т. III).
- Д. Г. Маггидъ.** Къ исторіи еврейскихъ депутатовъ въ царствованіе Александра I (сборн. „Пережитое“, т. IV).
- П. Марекъ.** Очерки по исторіи просвѣщенія евреевъ въ Россіи. Москва, 1909 г.
- С. Мстиславская.** Евреи въ польскомъ возстаніи 1831 г. (Еврейская Старина, 1910 г., вып. I и II).
- Н. А. Неклюдовъ и В. Д. Карповъ.** О равноправіи евреевъ (1880 г.). Спб., 1907 г.
- И. Г. Оршанскій.** Русское законодательство о евреяхъ. Спб., 1877 г.
- С. А. Панчулидзевъ.** Докладъ по еврейскому вопросу. Справки къ докладу (составлены Канцеляріей Совѣта Объединенныхъ Дворянскихъ Обществъ).

- С. Я. Розенфельдъ.** Р. Менаше Иліеръ (сборн. „Пережитое“, т. IV).
- В. Д. Спасовичъ.** Жизнь и политика маркиза Вѣлепольскаго. Спб., 1882 г.
- С. Л. Цинбергъ.** Исаакъ Беръ-Левинзонъ. Спб., 1900 г.
- Исаакъ Беръ-Левинзонъ и его время (Еврейская Старина, 1910 г., вып. IV).
- Предтечи еврейской журналистики въ Россіи (сборн. „Пережитое“, т. IV).
- (Использованы также рукописные матеріалы).

СОДЕРЖАНІЕ.

Отъ автора	Стр. III—IV
Глава первая. Отношеніе московскаго государства къ иноземцамъ.—Раннія свѣдѣнія о евреяхъ.—Ересь жидовствующихъ.—Письменныя сношенія вел. князя Іоанна III съ двумя крымскими евреями.—Евреи пользуются гостеприимствомъ въ Москвѣ.—Жестокое обращеніе царя Іоанна Грознаго съ плѣнными евреями.—Смутное время.—Михаиль Ѳедоровичъ Романовъ.—Появленіе въ Москвѣ осѣдлаго еврейскаго населенія.— Въ концѣ 17-го вѣка отношеніе правительства къ евреямъ ухудшается.—Жертвы стрѣлецкаго бунта.—Евреи въ Малороссіи и Смоленской губерніи.—Сожженіе Возницына, отпавшаго отъ христіанства, и Бороха, совратившаго его.—Попытки удалить евреевъ изъ Россіи.—Несоотвѣтствіе этой мѣры интересамъ мѣстнаго населенія.—Осуществленіе указа имп. Елизаветы объ изгнаніи евреевъ (1743 г.).—Стремленіе имп. Екатерины II водворить ихъ въ Россіи.—Сочувственное отношеніе населенія къ возвращенію евреевъ .	1—22
Глава вторая. Манифестъ о присоединеніи Бѣлоруссіи къ Россіи (1772 г.).—Бѣлорусскіе евреи становятся русскими подданными.—Правительство санкціонируетъ ихъ кагальную организацію и пользуется таковою въ качествѣ административнаго учрежденія.—Кагальная организація въ Бѣлоруссіи.—Евреи включаются въ составъ русскаго торгово-промышленнаго класса и становятся равноправными гражданами (1783 г.).—Часть христіанскаго населенія противодѣйствуетъ избранію евреевъ на общественныя должности.—Гражданское равенство влечетъ за собою для евреевъ стѣсненія въ жительство и занятіяхъ и умаляетъ значеніе кагала.—Недовольство еврейскаго общества кагаломъ.—Господствующій классъ склоняетъ правительство къ отмѣнѣ указанныхъ стѣсненій и къ сохраненію за кагаломъ прежней власти.—	

Высочайшее повелѣніе о фактическомъ признаніи евреевъ равноправными гражданами.—Евреи вынуждены продолжать борьбу за свои избирательныя права.—Возникновение черты еврейской осѣдлости (1791 г.).—Водвореніе еврейскаго населенія въ сосѣднихъ губерніяхъ.—Присоединеніе ихъ къ территории черты еврейской осѣдлости .

22—44

Глава третья. Переходъ новыхъ массъ польскихъ евреевъ подъ русское господство (1793 и 1795 г.г.).—Установленіе для евреевъ особой подати.—Значеніе этой мѣры для ихъ общественнаго положенія.—Христіане добиваются умаленія гражданскихъ правъ евреевъ.—Устраненіе еврейскаго населенія на Литвѣ отъ участія въ общественномъ самоуправленіи.—Попытки городовъ удалить отъ себя евреевъ.—Евреи въ Курляндіи: въ угоду христіанскому торговому классу мѣстная администрація настаиваетъ, чтобы они были признаны незаконно водворившимися; правительство выступаетъ на ихъ защиту; дарованіе имъ гражданскихъ правъ (1799 г.).—Евреи на помѣщичьихъ земляхъ

44—58

Глава четвертая. Духовное состояніе евреевъ въ Польшѣ. — Гнетъ раввинизма. — Возникновеніе хасидской секты. — Просвѣтительное движеніе. — Проектъ Якова Гирша о преобразованіи еврейской школы съ цѣлью умственного развитія подрастающаго поколѣнія.—Глава бѣлорусскихъ хасидовъ Шнеуръ - Залманъ и вождь литовскаго раввинизма гаонъ Илія.—Преслѣдованіе хасидовъ со стороны раввина и кагала.—Обостреніе религиозной борьбы и вмѣшательство правительства.—Хасиды овладѣваютъ общественной властью.—Донось на хасидовъ и арестъ ихъ главара.—Высочайшее повелѣніе о «терпимости» секты хасидовъ (1798 г.).—Вторичный арестъ Шнеура-Залмана.—Внѣшнее умиротвореніе.

59—77

Глава пятая. Экономическая дѣятельность евреевъ.—Попытки конкурентовъ стѣснить ихъ торговыя права.—Подати.—Коробочный сборъ.—Злоупотребленія кагаловъ въ расходованіи общественныхъ суммъ.—Безотрадное положеніе еврейской массы.—Евреи-шинкари объявляются главными виновниками бѣдствія крестьянъ.—Историческія причины развитія шинкарства.—Необходимость преобразованія еврейской жизни.—Проектъ Фризея подъ лозунгомъ: равноправіе и просвѣщеніе.—Призывъ Ноты Хаимовича Ноткина о привлеченіи евреевъ къ производительному труду.—Выступленіе Державина въ роли реформатора; воздѣйствіе на него Ноткина и врача Франка, приверженца мендельсоновскаго движенія; религиозная вражда Державина къ евреямъ.—Кровавый навѣтъ.

77—93

Глава шестая. Реформа еврейскаго быта поручается комитету изъ высшихъ государственныхъ дѣятелей (1802 г.).—Прекрасныя намѣренія.—Приглашеніе евреевъ къ участію въ совѣщаніяхъ комитета.—Совмѣстная дѣятельность Ноты Ноткина, Перетца и Неваховича.—Произведеніе Неваховича «Вопль дщери іудейской».—Обманутыя ожиданія.—Нужды евреевъ приносятся въ жертву интересамъ другихъ общественныхъ группъ: требованіе о принудительномъ выселеніи евреевъ изъ деревень; нарушенныя гражданскія права не возстанавливаются; помѣщикамъ предоставляется власть надъ евреями.—Преобразование внутренняго быта и просвѣтительная реформа.—Кагаль сохраняетъ за собою господство надъ народомъ и этимъ парализуется стремленіе правительства поднять культурный уровень евреевъ

94—112

Глава седьмая. Попытка реформы не приводитъ къ цѣли.—Насильственная мѣра.—Созывъ Наполеономъ въ Парижѣ собранія нотаблей еврейскихъ (1806 г.).—Война съ Франціей и посланіе Синода о союзѣ Наполеона съ евреями.—Пожертвованія евреевъ на милицію.—Французскія событія даютъ поводъ пересмотрѣть законъ о выселеніи.—Обстоятельства, дѣлающія эту мѣру невыполнимой.—Еврейскимъ депутатамъ предоставляется высказаться по вопросу о реформѣ (1807 г.).—Чего добивались кагалы?—Выселеніе приостанавливается.—Образованіе комитета для пересмотра реформы.—Комитетъ признаетъ необходимымъ отказаться совершенно отъ принудительнаго выселенія.—Борьба кагала съ просвѣщеніемъ: домогательство о возстановленіи власти раввиновъ; отрицательное отношеніе къ общей школѣ.—Голоса протеста противъ косности заглушаются.—Рабби Менаше Иліеръ.—Анонимныя жалобы и доносы правительству.—Передовые евреи добиваются ослабленія господства раввиновъ и измѣненія внутренняго быта.—Правительство опасается подорвать авторитетъ духовной власти

112—127

Глава восьмая. Отечественная война 1812 г.—«Депутаты еврейскаго народа» при Главной Квартирѣ государя.—Высочайшая благодарность кагаламъ и вызовъ депутатовъ въ Петербургъ.—Ходатайство кагаловъ.—Тревожное время.—Дѣятельность депутата Диллона.—Аудиенція, данная государемъ депутатамъ Зонненбергу и Диллону.—Милостивыя обѣщанія.—Мистическое настроеніе государя.—Кн. Голицынъ.—Миссіонеръ Вей, защитникъ гражданскихъ правъ евреевъ.—Александръ I и Вей на Аахенскомъ конгрессѣ.—Высочайшій указъ, запретившій обвинять евреевъ въ преступленіяхъ съ ритуальной цѣлью (1817 г.).—Общество израильскихъ христіанъ.—Прощеніе

- евреямъ за «утайку душъ».—Избраніе новой депутаціи (1818 г.).—Упраздненіе института депутатовъ (1825 г.).—Противоборство правительства и кагаловъ.—Непріязнь къ евреямъ.—Попытка лишить ихъ права быть свидѣтелями въ судахъ.—Обвиненіе въ склоненіи христіанъ въ іудейство.—Огражденіе низшихъ слоевъ христіанскаго населенія отъ общенія съ евреями.—Возрожденіе кроваваго міаа (Велижское дѣло).—Торжество религіознаго предубѣжденія.—Гетто въ Вильнѣ.—Стремленіе нарушить гражданскія права евреевъ.—Игнорированіе ихъ естественныхъ правъ.—Учрежденіе комитета о евреяхъ.—Возвратъ къ прошлому 127—151
- Глава девятая. Евреи въ Царствѣ Польскомъ.—Годы существованія Герцогства Варшавскаго (1807—1812).—Герой Берекъ Йоселовичъ.—Нареканія на евреевъ.—Лишеніе еврейскаго населенія политическихъ правъ.—Санкція Наполеона.—Спеціальныя сборы.—Стѣсненія въ жилищнѣ.—Евреевъ ограничиваютъ въ правахъ въ ожиданіи присоединенія новой территоріи съ еврейскимъ населеніемъ.—Гибель Герцогства.—Возникновеніе Царства Польскаго (1815 г.).—Варшавское правительство отказывается подать евреямъ даже надежду на полученіе въ будущемъ гражданскихъ правъ.—Старыя ограничительныя постановленія усугубляются.—Борьба съ евреями на экономической почвѣ.—Попытки культурной реформы.—Консервативные элементы и піонеры просвѣщенія.—Уничтоженіе кагаловъ (1821 г.) и возникновеніе божничныхъ дозоровъ 151—172
- Глава десятая. Эпоха Николая I.—Характеристика дѣятельности государя и правительства.—Законодательная работа идетъ по пути, проложенному въ предшествующее царствованіе.—Отношеніе декабристовъ къ евреямъ.—Религіозное предубѣжденіе.—Велижское дѣло (1835 г.); графъ Моравиновъ; резолюція Николая I.—Христіанскія общества содѣйствуютъ росту ограничительнаго законодательства.—Попытки выселить евреевъ изъ деревень.—Признаніе правительствомъ этой мѣры неосновательной и безцѣльной.—Стѣсненіе жительства въ городахъ и др. мѣстностяхъ.—Либеральная группа членовъ государственнаго совѣта.—Домогательства объ умаленіи роли евреевъ въ сословно-городскихъ учрежденіяхъ.—Охрана христіанскаго населенія отъ еврейскаго вліянія.—Запрещеніе христіанкамъ кормить еврейскихъ дѣтей.—Установленіе для евреевъ рекрутской повинности на исключительно тяжелыхъ условіяхъ.—Страданія малолѣтнихъ рекрутъ (кантонистовъ).—Виленскій кагалъ и Литманъ Фейгинъ рисуютъ предъ правительствомъ печальную картину

- еврейской жизни и ходатайствуютъ объ улучшеніи участи еврейскаго народа 173—208
- Глава одиннадцатая. Отношеніе представителей прогрессивныхъ круговъ въ культурной реформѣ.—Проповѣдь р. Менаше Иліера.—Исаакъ Беръ Левинзонъ именемъ Талмуда призываетъ евреевъ къ обновленной жизни и знакомитъ правительство съ ихъ духовнымъ состояніемъ.—Государь оказываетъ милость Левинзону.—Германъ Іезеановскій рисуетъ предъ правительствомъ картину нравственнаго вырожденія евреевъ.—Односторонняя критика духовнаго паденія еврейскаго народа и призывъ къ принудительнымъ мѣрамъ.—Правительство приступаетъ къ коренной ломкѣ еврейскаго быта, сопровождаемой суровыми постановленіями.—Намѣреніе произвести «разборъ» евреевъ на полезныхъ и бесполезныхъ съ тѣмъ, чтобы послѣднихъ подвергнуть правовымъ ограниченіямъ и усиленной рекрутчинѣ.—Графъ Киселевъ, предсѣдатель Еврейскаго комитета, не сочувствуетъ принудительной реформѣ.—Графъ Воронцовъ рѣшительно выступаетъ противъ «разбора» и вообще репрессивной политики.—Уничтоженіе кагала (1844 г.).—Школьная реформа.—Осуществленіе ея поручается Максу Лиліенталю.—Характеръ его дѣятельности.—Отношеніе еврейскаго общества къ школьной реформѣ.—Налогъ для нуждъ школы.—Коробочный сборъ.—Свѣчной и «туалетный» сборы.—Борьба вокругъ еврейской одежды 209—236
- Глава двѣнадцатая. Приѣздъ Моисея Монтефиоре въ Россію.—Аудиенція у государя.—Записка Монтефиоре о плачевномъ положеніи евреевъ, представленная государю.—Всеподданнѣйшій докладъ гр. Киселева о необходимости облегчить правовыя стѣсненія.—Государь высказывается противъ всякаго уравниенія евреевъ въ правахъ съ христіанами и настаиваетъ на репрессивной системѣ.—Новыя принудительныя мѣры.—Секретное Высочайшее повелѣніе о непріятіи евреевъ-врачей на государственную службу.—Казенныя еврейскія школы ввѣряются не евреямъ, а христіанамъ.—Безуспѣшность школьной реформы.—Усугубленіе тяжести рекрутской повинности доводитъ еврейскую массу до бѣдственнаго состоянія 236—254
- Глава тринадцатая. Евреи въ Царствѣ Польскомъ.—Попытки улучшить ихъ положеніе.—Отношеніе евреевъ къ реформѣ.—Противодѣйствіе варшавскаго правительства.—Возстаніе 1831 г. и участіе въ немъ евреевъ.—Враждебное отношеніе польскаго общества.—Ходатайство евреевъ (1832 г.) объ улучшеніи ихъ положенія.—

- Благоприятное отношение со стороны государя и намѣстника. — Введеніе рекрутчины (1843 г.). — Сохраненіе спеціального налога. — Представленіе Монтефиоре о плачевной участи евреевъ въ Царствѣ Польскомъ. — Безуспѣшныя попытки петербургскаго правительства распространить на евреевъ Царства Польскаго права, предоставленныя евреямъ въ Имперіи. — Обособленность еврейскаго населенія 254—267
- Глава четырнадцатая. Воцареніе Александра II. — Кровавый навѣтъ (Саратовское дѣло). — Первая милость: уменьшеніе тяготы рекрутской повинности. — Высочайше утвержденный всеподданнѣйшій докладъ гр. Киселева даетъ новое направленіе правительственной политикѣ и возвѣщаетъ наступленіе лучшихъ дней. — Отмѣна «разбора». — Гр. Строгановъ и министръ внутреннихъ дѣлъ С. Ланской предлагаютъ немедленную эмансипацію. — Правительство соглашается лишь на постепенное уравниеніе въ правахъ. — Отголоски прошлаго — еврейскіе купцы ходатайствуютъ объ улучшеніи положенія только части, а не всего народа. — Новый лозунгъ передовыхъ еврейскихъ круговъ: внутренняя свобода и равноправіе для всѣхъ классовъ народа. — «Разсвѣтъ» и его вдохновитель О. Рабиновичъ — выразители смѣны общественныхъ теченій. — Борьба вокругъ раввиновъ. — Облегченіе въ правѣ жительства. — Высшіе администраторы свидѣтельствуютъ, что нравственный и экономическій упадокъ евреевъ вызывается существованіемъ черты осѣдлости. — Противники отмѣны черты. — Право на государственную службу. — Евреи въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи. — Судебное поприще. — Просвѣтительное теченіе 267—299
- Глава пятнадцатая. Разногласіе между петербургскимъ и варшавскимъ правительствами по вопросу о еврейской реформѣ. — Революціонное движеніе и участіе въ немъ евреевъ. — Раввинъ Майзельсъ, дѣятель возстанія. — Маркизь Вѣлепольскій настаиваетъ на необходимости уравниять евреевъ въ правахъ съ прочимъ населеніемъ. — Требованіе, предъявленное имъ къ еврейскому населенію. — Дарованіе политическихъ и гражданскихъ правъ. — Завершеніе дѣла эмансипаціи. — Борьба въ варшавской общинѣ изъ-за кошернаго сбора. 300—313
- Глава шестнадцатая. Проповѣдь національной идеи, какъ противовѣсъ ассимиляціонному теченію. — Возобновленіе борьбы правительства съ обособленностью евреевъ путемъ просвѣщенія. — Послѣдніе шаги по пути эмансипаціи. — Записка Неклюдова о равноправіи евреевъ. — Начало реакціи. — Обвиненіе евреевъ въ эксплоатаціи кре-

- стьянъ. — Кончина имп. Александра II. — Погромы 1881 г. — По официальному объясненію погромы были вызваны эксплоаторской дѣятельностью евреевъ. — Графъ Игнатъевъ и проектъ новаго ограничительнаго законодательства, основаннаго на признаніи евреевъ инородцами. — Постановленія, направленныя противъ евреевъ, какъ мѣра успокоенія крестьянъ. — Обширные проекты гр. Игнатъева осуждаются комитетомъ министровъ. — «Временныя правила» 1882 г. — Высшая комиссія по пересмотру законовъ о евреяхъ и ея выводъ, что цѣлью законодательства должно быть уравниеніе евреевъ въ правахъ. — Усиленіе репрессивныхъ мѣръ. — Идея о національномъ возрожденіи. 313—341
- Важнѣйшіе источники 343—345

ЮЛІЙ ГЕССЕНЪ.

- Исторія евреевъ въ Россіи** (съ иллюстраціями и картами).
Спб. 1914 г., ц. 2. р. (въ переплетѣ—2 р. 25 к.).
- Евреи въ Россіи.** Очерки общественной, правовой и экономической жизни русскихъ евреевъ. Спб. 1906 г.,
ц. 1 р. 50 к.
- Евреи въ масонствѣ.** Спб. 1903 г., ц. 40 к.
- Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ.** Велижская драма.
Спб. 1905 г., ц. 1 р.
- Въ эфемерномъ государствѣ.** Евреи въ Герцогствѣ
Варшавскомъ. Спб. 1910 г., ц. 40 к.
- Законъ и жизнь.** Какъ созидались ограничительные
законы о жительствоу евреевъ въ Россіи. Спб.
1911 г., ц. 1 р.
- Кровавый навѣтъ въ Россіи.** Москва. 1912 г., ц. 10 к.
- Къ исторіи коробочнаго сбора въ Россіи.** Спб. 1912 г.,
ц. 50 к.
- Die russische Regierung und die Westeuropäischen Juden.**
Zur Schulreform in Russland 1840-1844. Спб. 1913 г.,
ц. 40 к.

Графъ Ив. Ив. Толстой и Юлій Гессенъ.
Факты и мысли. Еврейскій вопросъ въ Россіи. Спб.
1907 г., ц. 1 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ

ПРИ ЮРИДИЧЕСКОМЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ

„П Р А В О“.

С.-Петербургъ, Литейный просп., 28. Телеф. 41-61.